

ФРОНТ ЗА ЛИНИЕЙ ФРОНТА

Партизанская война 1939–1945 гг.

ЖЖ военные
тайны
века

Б.В. СОКОЛОВ

Annotation

Новая книга известного историка Б. Соколова рассказывает о партизанском движении как о сложном, во многом противоречивом явлении, ставшем неотъемлемой частью Второй мировой войны. Автор рассматривает особенности партизанской войны, прежде всего на территории Советского Союза, а также в странах Европы. В книге рассказывается как о стратегии и тактике партизан и их противников, так и о политических особенностях, социальной и национальной основе партизанского движения. Автор постарался ответить на вопрос, – в какой степени, и каким образом партизаны влияли на ход боевых действий на различных театрах войны.

- [Борис Вадимович Соколов](#)
 -
 - [Предисловие](#)
 - [Когда молчали пушки. Как в Москве готовились к партизанской войне](#)
 - [Упущенные возможности Германии](#)
 - [Организация партизанской борьбы в СССР](#)
 - [Тайны «Рельсовой войны»](#)
 - [Советское партизанское движение в цифрах](#)
 - [Другая сторона медали](#)
 - [Как немцы боролись с партизанами](#)
 - [Коллаборационисты меняют фронт](#)
 - [Антисоветское партизанское движение](#)
 - [Партизаны в Европе](#)
 - [Партизаны в Азии](#)
 - [Приложения](#)
 - [Германские документы о борьбе с крымскими партизанами в 1941–1942 гг](#)
 - [«Окончательное решение еврейского вопроса» в советских партизанских отрядах](#)
 - [Отчет человека, который мог бы стать Николаем Кузнецовым](#)
 - [Некоторые замечания и выводы общего характера](#)
 - [Некоторые данные о существовании в г. Могилеве антисоветских организаций](#)

- [Советское партизанское движение и «окончательное решение» польского вопроса в Белоруссии](#)
 - [Отчет о переговорах, проведенных 25 ноября 1943 г. между представителями партизанской бригады им. Гастелло, с одной стороны, и представителями командования польскими партизанами бригады полковника Лупешко – с другой](#)
 - [Отчет о переговорах с представителями Виленского центра, руководящими на территории БССР т. н. польскими партизанами](#)
 - [Доклад П.К. Пономаренко «Польские реакционные подпольные организации на оккупированной территории Белоруссии». Июль 1944 г](#)
 - [Листовка бригады РОНА к партизанам](#)
 - [Партизанское движение Белоруссии глазами кадрового чекиста](#)
 - [Преступления партизан](#)
 - [Библиография](#)
 - [Иллюстрации](#)
-

Борис Вадимович Соколов
Фронт за линией фронта. Партизанская
война 1939–1945 гг.

© Соколов Б.В., 2008

© ООО «Издательский дом «Вече», 2008

Предисловие

Слово «партизан» происходит от латинского слова *partia* – часть. Под партизанами первоначально понимали отряды регулярной армии, засылаемые за линию фронта и действовавшие в неприятельском тылу в отрыве от главных сил. Но начиная как минимум с эпохи наполеоновских войн к этим отрядам стало активно присоединяться и гражданское население, так что партизанская война нередко приобретала характер народной войны. В годы Второй мировой войны мы впервые в истории сталкиваемся с массовым партизанским движением, происходящим одновременно во многих странах мира. До этого партизанское движение большого масштаба проявило себя как важный фактор борьбы только в период борьбы европейских народов против Наполеона, но тогда действительно массовый характер оно приобрело лишь в Испании и в России. А вот во Второй мировой войне, за редким исключением, борьба партизан была направлена против Германии и ее союзников. Это было вызвано как особой жестокостью оккупационной политики национал-социалистов, истреблением ими целых народов, так и тем обстоятельством, что вплоть до 1944 года только Германия удерживала под своим контролем значительные территории других стран, где, соответственно, создавалась почва для партизанского движения. В этой книге я рассмотрю особенности партизанской войны как, прежде всего, на территории СССР, так и в других странах Европы, а также коснусь для сравнения и партизанского движения в Азии, направленного против Японии. Речь пойдет как об особенностях стратегии и тактики партизан и их противников, так и о социальной и национальной основе партизанского движения в разных странах и его политических особенностях.

Партизанская борьба – это борьба иррегулярных сил или специально засланных в неприятельский тыл специально подготовленных отрядов и групп регулярных войск или спецслужб для развертывания борьбы партизанскими методами. Партизанское движение всегда питается какой-

либо большой идеей – национальной, религиозной или социальной. Партизаны часто воспринимаются как романтические герои. Действительно, молодых людей всегда привлекала романтика партизанской борьбы. Да и места, где партизанам приходится обычно действовать, – глухие леса, горы, как правило, настраивали на романтический лад. Только рядом с этим были тяжести повседневного партизанского быта, риск каждую минуту очутиться под ударом карателей, кровь и грязь. В партизаны шли разные люди – идейные борцы-фанатики, юные романтики-патриоты, люди, пытавшиеся таким образом спастись от террора оккупантов и выжить (порой в партизанских лагерях было безопаснее, чем в деревнях). Были среди них и откровенные садисты и уголовники, которые рассматривали условия партизанской войны как дозволение убивать и грабить без разбора, особенно тех, кто, справедливо или нет, обвинялся в коллаборационизме.

Германский генерал Эйхе Миддельдорф считал, что партизанское движение в качестве политической цели преследует всеобщее народное восстание, в качестве экономической цели – максимальное затруднение для противника использования ресурсов оккупированных территорий, а в качестве военной цели – сковывание максимального количества неприятельских войск и прямая и косвенная помощь своим войскам на фронте. При этом используются внезапные нападения на войска, средства транспорта и коммуникации, которые осуществляются как небольшими военными отрядами, так и путем осуществления диверсий. Партизаны также ведут разведку и уничтожают представителей оккупационной администрации и лиц, сотрудничающих с оккупантами, т. е. коллаборационистов. В партизанском движении обычно участвует как местное население, так и отрезанные от своих или специально засланные подразделения и части регулярных войск. Однако даже отдельные группы коммандос, не говоря уже о более крупных партизанских соединениях, зависят от поддержки местного населения, которое снабжает партизан продовольствием и разведывательной информацией, укрывает отдельных партизан от карателей и время от времени пополняет ряды партизан. В то же время снабжение вооружением и боеприпасами происходит, как правило, из-за линии фронта, поскольку трофейных боеприпасов оказывается слишком мало, чтобы продолжать активные боевые операции в тылу врага.

Что же касается всеобщего восстания или резкого подъема партизанской борьбы, то они происходили только тогда, когда неприятельская армия уже находилась на грани полного поражения и

капитуляции. Так было, например, в Италии в последние недели Второй мировой войны, или в Югославии осенью 1943 года, после капитуляции Италии, когда партизанская армия Иосипа Броз Тито смогла получить массовое пополнение, разоружить значительную часть итальянских оккупационных войск и занять значительные по площади территории. То же наблюдалось на Филиппинах, в Индонезии и в Индокитае в последние месяцы войны, после завершения которой с партизанами пришлось бороться уже колониальным державам из числа победителей.

Партизаны не ставят цели нанести противнику решающего поражения, но наносят ему ряд мелких чувствительных ударов. Методы партизанской борьбы сводятся к отказу от концентрации сил на одном направлении, а в нанесении ударов в разных местах небольшими силами, чтобы максимально распылить силы противника. Тогда противник не имеет возможности реализовать свое превосходство в живой силе и боевой технике. Однако на практике эти идеальные для партизан методы борьбы используются далеко не всегда. Дело в том, что, начиная с 1943 года, когда грядущее поражение Германии стало очевидным, в том числе и для тех, кто прежде сотрудничал с оккупантами, во всех районах партизанского движения наблюдался значительный рост численности партизан. На Азиатском театре военных действий подобный рост партизанских отрядов наблюдался в 1945 году, когда очевидным стало близкое поражение Японии. Партизаны вынуждены были объединяться в более крупные соединения – бригады и дивизии, которые представляли собой гораздо более удобную мишень для крупных карательных операций. К тому же по мере отступления вермахта и приближения линии фронта к зонам активных партизанских действий партизанам все чаще приходилось иметь дело со значительными силами регулярных войск. Для очистки прифронтовой полосы и тыловых коммуникаций немцы, как правило, выделяли одну-две армейские дивизии, которые при поддержке полицейских и коллаборационистских формирований проводили крупномасштабные карательные операции, нанося партизанским соединениям большие потери. Партизан загоняли в труднодоступные районы, откуда те не могли угрожать коммуникациям и оказывать сколько-нибудь существенное влияние на ход событий на фронте. Кроме того, руководители партизанского движения – а в подавляющем большинстве случаев это были коммунисты, находясь под воздействием марксистских догм о решающей роли народных масс и необходимости массового движения против оккупации, стремились к максимальному наращиванию численности партизан, что нередко ставило их в невыгодное положение в тактическом отношении. Миддельдорф

подчеркивал: «Партизанские отряды имеются повсюду, но их никогда не бывает там, где ожидает противник. Они не ставят перед собой задачу удержания определенной местности или восстановления утраченных позиций... Партизанам выгодно действовать скрытно, на труднодоступной для неприятельских войск и техники местности. Они постоянно меняют места дислокации». Немецкий генерал также подчеркивал: «Партизаны появляются только там, где они могут ошеломить, внезапно напасть, рассеять, разгромить противника и после этого скрыться. Противник, подвергшийся нападению партизан, не в состоянии обнаружить их. Никто не может знать, откуда пришли партизаны и куда они скрылись. Они появляются внезапно, подобно призраку, и поэтому непрерывно держат противника в напряжении. В районе действий партизан военные и гражданские представители оккупирующей страны постоянно находятся под угрозой нападения, в обстановке непрерывно возрастающей нервозности».

В то же время Миддельдорф справедливо заметил, что «плохо управляемые и незнакомые с особенностями партизанского боя отряды могут принести больше вреда, чем пользы.

В партизанском бою успех достигается не превосходством в живой силе и технике, а моральными качествами бойца, умеющего действовать в данных условиях местности. Небольшие, но опытные, руководимые инициативными командирами боевые подразделения в борьбе с партизанами часто добивались больших успехов». В качестве необходимых предпосылок для успешного развития партизанского движения он назвал «непреклонную решимость населения к сопротивлению, высокий боевой дух народа, обширную, непроходимую, редко населенную территорию». В наибольшей степени эти предпосылки в годы Второй мировой войны присутствовали в СССР (в Белоруссии, в Карпатах и на Брянщине), на Балканах (в Югославии, Греции и Албании) и в Италии, а на Тихоокеанском театре военных действий – в Индокитае, Филиппинах, Индонезии и в ряде провинций Китая.

Как отмечал генерал-полковник Лотар Рендулич, большой специалист по антипартизанской борьбе, длительное время возглавлявший 2-ю немецкую танковую армию на Балканах, «война из-за угла, в которой бойцы маскируются большей частью под обыкновенных мирных жителей, когда удар всегда наносится из засады, а наносящий его постоянно уклоняется от открытого боя и бесследно исчезает, такая война уже по своему существу не поддается ни письменной фиксации, ни, тем более, документированию». О многом мы можем судить только по позднейшим

весьма пристрастным донесениям немцев и их союзников, нередко составлявшимся уже значительное время спустя после боевых действий.

Наибольшее влияние на ход войны партизаны оказывали тогда, когда они имели возможность непосредственно взаимодействовать с союзными им войсками, сражавшимися на фронте, и выводить из строя неприятельские коммуникации по приказам и согласно планам армейского командования. Как справедливо отмечает британский генерал Реджинальд Деннинг, «партизаны... должны находиться под руководством командующего действующей армией в данном районе. В противном случае может получиться, что их действия не будут способствовать достижению главной цели, состоящей в разгроме вооруженных сил противника; более того, фактически они могут даже препятствовать достижению этой цели (например, когда они выводят из строя коммуникации, которыми рассчитывают воспользоваться при наступлении союзные им войска. – Б.С.). Передача руководства действиями партизан какому-то правительственному ведомству означала бы возврат ко временам “частных армий”, которые, несмотря на всю их доблесть и упорство, не вносили в общее дело того вклада, который они могли бы сделать под руководством командующего действующей армией. Один лишь командующий действующей армией способен видеть, какие действия партизан могут помочь ему решить стоящие перед ним задачи».

Стоит подчеркнуть, что в СССР в самый разгар партизанского движения в 1942–1943 годах, когда оно могло оказать наибольшее влияние на ход боевых действий, этим принципом пренебрегали. Основная масса партизан подчинялась специальным штабам партизанского движения, а не армиям и фронтам. Объяснялось это тем, что большинство партизан действовало в глубоком немецком тылу, достаточно далеко от линии фронта, и, особенно учитывая дефицит радиосредств, не могло непосредственно взаимодействовать с регулярными советскими войсками, так и приверженностью руководивших партизанским движением партийных работников идее массового партизанского движения, способного самостоятельно уничтожать неприятельские гарнизоны на оккупированной территории. Взаимодействие с наступающими советскими войсками руководители партизанского движения постарались наладить лишь в 1944 году, когда Красная армия освободила основные территории, где действовали партизаны. Также и на Балканах, полностью оккупированных странами Оси, партизанам попросту не с кем было взаимодействовать. Такое взаимодействие было налажено лишь с осени 44-го, на заключительном этапе войны, когда в северные районы Югославии

вошли части Красной армии, немцы оставили половину Югославии, а партизанская армия Тито превратилась в регулярную армию.

Как справедливо пишут английские исследователи Ч.О. Диксон и О. Гейльбрунн, «партизанские действия характеризовала необузданная жестокость. Партизаны не могут быть снисходительны к противнику – они убивают раненых и пленных, ибо не могут брать их с собой. Партизаны не рассчитывают также и на милосердие врага по отношению к себе. В партизанской войне всегда будут страдать ни в чем не повинные люди: противник, который не в состоянии устранить угрозу нападения партизан, берет заложников и расстреливает их вместо партизан. Когда советские партизаны могли нанести немцам ущерб, они не считались с тем, в какой степени это могло отразиться на их соотечественниках». Фактически точно так же действовали и югославские, греческие, итальянские партизаны, а также чеченские, ингушские, карачаевские партизаны, действовавшие против Красной армии и войск НКВД. И еще более жестоко действовали немцы против партизан, которых до 1944 года редко когда брали в плен. При этом немецкие власти широко практиковали казни заложников и репрессии против деревень, жители которых помогали партизанам. Точно так же действовали против антикоммунистических партизан советские войска на Северном Кавказе. Практически и партизаны, и их противники вели борьбу вне правового поля традиционных норм, законов и обычаев войны. В то же время подавляющее большинство партизан было воодушевлено высоким патриотическим порывом, идеей борьбы с иностранными захватчиками, высокой романтикой герильи. Повседневная действительность партизанской борьбы порой оказывалась очень далека от этих идеалов. Далеко не всегда в партизаны вступали добровольно. Кроме того, симпатии к партизанам зависели от преобладания на данной территории тех или иных этносов или социальных групп.

Что же касается тех, кто боролся с партизанами, то они, за редким исключением, не были воодушевлены высокими идеями. В состав оккупационных частей попадали обычно далеко не лучшие представители народа. Они чувствовали, что являются оккупантами, что местное население относится к ним враждебно, и жестокостью старались преодолеть свой страх перед враждебным окружением. Коллаборационисты же прежде всего заботились о собственном выживании. Только немногие идеологически или национально ориентированные коллаборационистские отряды оказывались достаточно эффективными в борьбе с партизанами. Рассказать о партизанском движении как о сложном, во многом противоречивом явлении, ставшем

неотъемлемой частью Второй мировой войны, – задача этой книги. Основной упор в ней сделан на партизанском движении на территории Советского Союза, которое, несомненно, более других интересно российским читателям. Я постараюсь ответить на вопрос, в какой степени и каким образом партизаны влияли на ход боевых действий на различных театрах войны. В книге также приведен ряд ранее не публиковавшихся документов, извлеченных из прежде секретных архивов.

Когда молчали пушки. Как в Москве готовились к партизанской войне

Из всех участников Второй мировой войны к широкомасштабному развертыванию партизанской борьбы загодя готовился только Советский Союз. Партизанская война считалась важным средством противодействия возможному вторжению на советскую территорию основных «империалистических держав» в союзе с государствами-лимитрофами. Еще в первой половине 20-х годов ГПУ и военная разведка засылали специальные группы в белорусские районы Польши для развертывания там партизанского движения. Однако поддержки со стороны местного населения эти группы не получили, и в 1925 году эксперименты по инспирированию партизанского движения в Восточной Польше, равно как и в румынской Бессарабии, были прекращены. А в первой половине 30-х годов в Белорусском военном округе было создано шесть партизанских отрядов, в каждом из которых насчитывалось от 300 до 500 бойцов. В городах и на крупных железнодорожных станциях советской Белоруссии были созданы разведывательно-диверсионные группы. В тайных складах на белорусской территории было заложено 50 тыс. винтовок, 150 ручных пулеметов и взрывчатка. Все это предназначалось для массового партизанского движения в случае вторжения иностранных интервентов. На Украине также было подготовлено около 3 тыс. профессиональных партизан, в том числе не менее 1400 – подрывников. Были заложены тайники с взрывчаткой и оружием и сформированы разведывательно-диверсионные группы из бывших партизан Гражданской войны и из польских и румынских эмигрантов, предназначенные для действий на территории потенциальных противников. Подобные отряды были созданы и в Ленинградском военном округе из «красных финнов» и «красных эстов».

К концу 1935 года вдоль западных границ СССР были развернуты «саперно-маскировочные взводы» – разведывательно-диверсионные подразделения, численностью по 40 человек. Увольнявшихся в запас бойцов этих подразделений компактно расселяли вдоль границы. В случае войны близлежащие воинские части должны были обеспечить их оружием и снаряжением. Кроме того, на приграничной территории закладывались тайники с запасами оружия, взрывчатки и продовольствия для будущих

партизан. Предполагалось, что партизанские группы будут действовать в советской пограничной полосе, если туда вторгнется враг, а потом перенесут свои действия на территории государств-лимитрофов.

Однако в 1937–1938 годах все партизанские базы, отряды будущих партизан и «саперно-маскировочные взводы» на Украине и в Белоруссии были ликвидированы. Остались только разведывательно-диверсионные группы, предназначенные для борьбы на территории сопредельных государств и состоявшие в значительной степени из иностранцев. Как вспоминает опытный диверсант-подрывник Илья Григорьевич Старинов, руководивший Особой группой минеров, «в СССР в конце 20-х и начале 30-х годов велась огромная работа по подготовке партизанской войны в случае возможного нападения врага. Были обучены или переучены сотни бывших партизан Гражданской войны, разработаны новые специальные диверсионные средства – с упором на то, что партизаны смогли бы сами сделать в тылу врага из подручных материалов... Большинство подготовленных нами партизан исчезли. Они были репрессированы. Никто разработкой специальной диверсионной техники не занимался. И постановки вопроса о создании такой техники не стояло.

Если бы теперь уделяли такое внимание партизанам, какое уделялось в конце 20–30-х годов, и сохранились подготовленные кадры, то наши партизанские отряды были бы в состоянии отсечь вражеские войска на фронте от источников их снабжения в самом начале войны».

Отказ от прежних партизанских баз был во многом обусловлен тем, что те высокопоставленные люди из Красной армии и НКВД, которые их создавали, подверглись репрессиям. Соответственно, под подозрение попали и выбранные ими командиры партизанских отрядов, которых в лучшем случае отправили в запас, а в худшем – репрессировали.

Не меньшую роль сыграло и то, что во второй половине 30-х годов и Сталин, и нарком обороны «первый маршал» К.Е. Ворошилов после создания военно-промышленного комплекса в ходе реализации двух первых пятилеток были убеждены, что Красная армия будет воевать малой кровью и на чужой территории, и в этом духе воспитывали Красную армию и советский народ. А для такой войны бессмысленно создавать партизанские базы и готовить профессиональных организаторов партизанских отрядов на своей территории – неприятель туда все равно никогда не дойдет. Партизанское движение придется организовывать только на территории сопредельных государств – в Польше, Германии, Финляндии, в странах Прибалтики, Чехословакии и Румынии. А базы там заранее, естественно, не создашь. И посылать туда можно лишь небольшие

группы, состоявшие преимущественно из уроженцев соответствующих стран, знакомых с местными условиями. Такие группы формировала уже не РККА, а НКВД и созданное перед самым началом Великой Отечественной войны, в феврале 41-го, НКГБ. Как свидетельствовал тогдашний командир находившегося в СССР чехословацкого легиона полковник Людвик Свобода, с ним и представителями чешского правительства в изгнании в Лондоне советский Генштаб в конце апреля – начале мая 1941 года «достиг договоренности о подготовке десанта парашютистов, проведении саботажа и обмене информацией», однако внезапное германское нападение помешало реализации этого замысла.

Да и не факт, что дело дойдет до массового партизанского движения в тылу потенциальных противников. Во-первых, Красная армия, как надеялись в Кремле, сможет одержать быструю победу, и помощь партизан не понадобится. В лучшем случае предполагалось всеобщее восстание трудящихся на завершающем этапе кампании, подробно описанное в печально знаменитом предвоенном военно-фантастическом романе Николая Шпанова «Первый удар». Во-вторых, попытки создания партизанских отрядов в Польше и других государствах-лимитрофах, предпринимавшиеся в первой половине 20-х годов, к сколько-нибудь значительным успехам не привели. Гораздо больше надежды возлагалось на действия небольших разведывательно-диверсионных и террористических групп, действующих непосредственно во взаимодействии с наступающими войсками.

Уже после войны в письме, опубликованном в 1-м номере «Военно-исторического журнала» за 1962 год, бывший глава Центрального штаба партизанского движения П.К. Пономаренко сокрушался по поводу того, что «ошибочные и неправильные установки Сталина, что при нападении на нас мы будем воевать только на чужой территории (на самом деле эта формула была лишь пропагандистским прикрытием планировавшегося советского вторжения в Западную Европу; иначе возникает загадка – почему вдруг Иосиф Виссарионович был так уверен, что Красная Армия будет воевать лишь на вражеской земле. – Б.С.), привели к тому, что вся работа по обобщению опыта партизанской войны в прошлом, по разработке соответствующих мобилизационных документов была свернута. Это усугубило трудности организации партизанского движения в начальный период войны. Партии дорогой ценой пришлось исправлять ошибки, допущенные Сталиным».

В результате стихийно возникавшие из окруженцев и местных сторонников советской власти партизанские отряды оказались без запасов

продовольствия и боеприпасов. Им недоставало и опытных кадров, имевших опыт борьбы в тылу врага. Многие специалисты по партизанскому движению погибли в ходе репрессий 1937–1938 годов. И немецкий генерал Л. Рендулич справедливо отмечал, что «настоящей партизанской организации в начале немецко-русской войны 1941 года у русских почти не было».

В других странах массового партизанского движения – в Югославии, Италии, Греции и др. – никакой предварительной подготовки к партизанской борьбе вообще никогда не проводилось. Поэтому о заранее подготовленных базах и запасах продовольствия, оружия и взрывчатки речи не шло. Партизаны пользовались прежде всего той частью армейского имущества, которую не успели захватить немцы и итальянцы. Продовольствие добывали у местного населения, а взрывчатку и боеприпасы им сбрасывали с самолетов союзники.

В целом же партизанское движение возникало на большинстве территорий лишь значительное время спустя после оккупации – в среднем примерно через год. Хотя бывали и исключения. Так, в Югославии первые партизанские отряды появились уже через два месяца после германо-итальянской оккупации. Тут играли роль давние традиции партизанской борьбы в этой стране, благоприятная для этого лесисто-гористая местность, а также то обстоятельство, что многие части югославской армии смогли избежать капитуляции, уйдя с оружием в труднодоступные места.

Та же закономерность прослеживается и во время последней войны в Ираке. Там массовая террористическая деятельность тоже началась примерно через год после взятия американскими войсками Багдада. И это вполне объяснимо. В первое время после оккупации даже ее убежденные противники деморализованы поражением. Основная масса населения выжидает, каким окажется оккупационный режим. К концу первого года антиоккупационные силы успевают наладить организационную структуру и получить помощь людьми и оружием из-за линии фронта (если война продолжается) или из-за границы от тех государств и организаций, которые являются противниками оккупационных сил. К этому времени население начинает ощущать тяготы от оккупации, особенно если война продолжается и войска на фронте требуют продовольствия и прочих предметов снабжения, которые обычно изымаются у жителей оккупированных территорий или в порядке реквизиций или за достаточно символическую плату. В случае, если оккупанты не создают на занятой ими территории лояльной им и влиятельной политической власти, то развертывание массового партизанского движения становится неизбежным.

А национал-социалистическая Германия все завоеванное на Востоке считала своей добычей и не предполагала создания в зоне своей оккупации независимых государственных образований. На Западе же немцы имели своими союзниками малоавторитетные правительства Пэтена во Франции или Муссолини в Италии, что и способствовало развитию массового партизанского движения в этих странах. Что же касается Балкан, то здесь немцам во многом удавалось бороться с партизанами руками местных народов. Японцы же вообще не имели сколько-нибудь разработанной оккупационной политики, что немало способствовало развитию партизанского движения на захваченных ими территориях.

Упущенные возможности Германии

В момент вторжения германской армии в СССР значительная часть населения недавно советизированных территорий Западной Украины, Западной Белоруссии, Бессарабии, Прибалтики готова была видеть в немцах и их союзниках своих освободителей от большевистского ига. Репрессии, экспроприация частной собственности, повсеместный дефицит всего необходимого, попытка загнать крестьян в колхозы вызвали массовое недовольство населения. Коллективизацию недобрым словом поминали и в восточных областях Украины и Белоруссии, уже давно являвшихся частью «Союза нерушимого». Здесь, как и в ряде русских областей, крестьяне тоже готовы были видеть в немцах освободителей – при условии, что те распустят колхозы и вернут народу землю, а также будут оставлять им достаточную для безбедной жизни часть выращенного урожая. Но как раз этого немцы делать не собирались. Колхозы предполагалось сохранить, как наиболее удобный инструмент изъятия у крестьян «излишков» продовольствия для нужд германской армии.

До войны на советской территории, занятой немцами и их союзниками, проживало более 70 миллионов человек. Но их население значительно уменьшилось как за счет эвакуации 15 миллионов жителей на Восток и мобилизации от 7 до 10 миллионов призывников в Красную армию, так и за счет голода, болезней, репрессий оккупационных властей и отправки местных жителей на принудительные работы в рейх. Кроме того, многие горожане перебрались в сельскую местность, где легче было прокормиться.

Среди тех, кто отказался от эвакуации или не смог эвакуироваться, в первый момент преобладали прогерманские настроения. Вот что утверждал, например, бывший руководитель подполья НКВД в Могилеве К.Ю. Мэттэ: «Количество населения в городе уменьшилось до 47 тысяч (до войны было более 100 тысяч). Значительная часть советски настроенного населения ушла с Красной Армией или же вынуждена была молчать и маскироваться. Основной тон в настроении населения давали контрреволюционные элементы (имеющие судимость, всякие «бывшие люди» и т. д.) и широкие обывательские слои, которые очень приветливо встретили немцев, спешили занять лучшие места по службе и оказать им всевозможную помощь. В этом числе оказалась и значительная часть интеллигенции, в частности, много учителей, врачей, бухгалтеров,

инженеров и др.

Очень многие молодые женщины и девушки начали усиленно знакомиться с немецкими офицерами и солдатами, приглашать их на свои квартиры, гулять с ними и т. д. Казалось как-то странным и удивительным, почему немцы имеют так много своих сторонников среди нашего населения».

А вот мнение человека прямо противоположных взглядов, убежденного антикоммуниста, после войны оказавшегося на Западе. П. Ильинский следующим образом описывает настроение крестьян в окрестностях Полоцка: «Убеждение в том, что колхозы будут ликвидированы немедленно, а военнопленным дадут возможность принять участие в освобождении России, было в первое время всеобщим и абсолютно непоколебимым. Ближайшее будущее никто иначе просто не мог себе представить. Все ждали также с полной готовностью мобилизации мужского населения в армию (большевики не успели произвести мобилизацию полностью); сотни заявлений о приеме добровольцев посылались в ортскомендатуру, которая не успела даже хорошенько осмотреться на месте».

Однако эти надежды рассеялись как дым. Тот же Ильинский десятилетие спустя после окончания войны писал: «Только теперь, в ретроспективном плане, зная досконально чудовищные идеологические основы Третьего рейха, мы можем понять, в какое бешенство должна была приводить столпов национал-социализма наша претензия на участие в вооруженной борьбе против большевиков. Ни о русских формированиях, ни о мобилизации, ни о приеме добровольцев не могло быть тогда, конечно, и речи! Протянутая рука была отвергнута и осталась беспомощно висеть в воздухе».

Еще более резко, чем в России и Белоруссии, прогерманские настроения были выражены на Западной Украине, но и здесь немцы не использовали благоприятную возможность для формирования союзной им украинской армии. Один из руководителей абвера Пауль Леверкюн подробно написал об этой упущенной возможности в своих мемуарах. Он связывал ошибки в германской политике на оккупированных территориях с позицией Гитлера и других руководителей национал-социалистической партии: «Зимой 1940–1941 годов в лагере Нойхаммер под Лигницем был сформирован батальон из бывших военнослужащих польской армии украинской национальности. Роты этого батальона состояли из солдат, получивших хорошую подготовку в польской армии и отобранных из лагерей для военнопленных с помощью организации западных украинцев

(имеется в виду ОУН – Организация украинских националистов, два соперничавших крыла которой возглавляли Степан Бандера и полковник Андрей Мельник. – Б.С.). Частично они входили в организацию Бандеры, часть из них входила в другие западноукраинские организации (имеется в виду группа Мельника. – Б.С.). Украинским командиром этого батальона был отважный партизанский командир, который под именем Чупринка погиб в 1951 году под Киевом, будучи вождем украинского повстанческого движения (имеется в виду один из руководителей Украинской повстанческой армии (УПА) Роман Шухевич, известный под псевдонимом «Тарас Чупринка»; он погиб в бою с войсками МГБ в марте или июне 1950 года под Львовом. – Б.С.). Немецким командиром батальона был оберлейтенант Альберт Герцнер... Политическим руководителем был профессор Теодор Оберлендер. Этот батальон, созданный Абвером-2 (2-м отделом, отвечавшим за разведывательно-диверсионную деятельность в тылу противника. – Б.С.), к сожалению, очень плохо оснащенный, был назван для маскировки «Нахтигаль» (Соловей), потому что он имел хор, который мог бы поспорить с лучшими, получившими международную известность, казачьими хорами. Он вошел в состав полка «Бранденбург» (солдаты и офицеры которого подчинялись абверу и предназначались для разведывательно-диверсионной деятельности. – Б.С.), где уже был один батальон, и 22 июня 1941 года вступил на территорию Советского Союза. В боях за Львов разведчики батальона установили, что во Львове производятся массовые расстрелы украинских националистов, и побудили командиров обоих батальонов вступить во Львов в ночь с 29 на 30 июня 1941 года, за 7 часов до установленного срока наступления 1-й горнострелковой дивизии. В этом деле особенно отличился украинский батальон. Украинское командование батальона заняло радиостанцию Львова и передало в эфир прокламацию о создании свободной, самостоятельной Западной Украины. Вскоре последовал резкий протест ведомства Розенберга (министерства по делам восточных территорий. – Б.С.), и при дальнейшем продвижении на Украину, когда батальон особо отличился в боях за Винницу, происходило постепенное изменение настроения его солдат и офицеров. Только что созданное Восточное министерство изъяло Западную Украину... из украинского государства, создание которого планировалось украинским командованием, и включило эту область с особо надежным населением в состав генерал-губернаторства, т. е. остатков польского государства. В результате этого украинский батальон, который во Львове у десятков тысяч освобожденных западных украинцев зажег готовность к борьбе, стал ненадежным, в нем

начались бунты, и его вынуждены были распустить. Здесь была упущена большая возможность. Капитан Оберлендер в то время попытался добиться аудиенции у Гитлера, и он добрался-таки до Гитлера. Гитлер прервал его доклад об Украине и сказал: “Вы в этом ничего не понимаете. Россия – это наша Африка, русские – это наши негры”. Оберлендер позднее сказал командиру “Бранденбурга”: “С этим мнением Гитлера война проиграна”».

Добавлю, что 30 июня 1941 года во Львове фракция Бандеры образовала правительство, претендовавшее на власть над всей Украиной. Но Бандера 5 июля 1941 года был арестован в Кракове и помещен в концлагерь Заксенхаузен, а 10 июля во Львове заключили под стражу и ведущих членов украинского правительства.

«Нахтигаль» четырьмя днями раньше предусмотрительно убрали из города, чтобы избежать эксцессов. Так что, вопреки распространявшимся советской пропагандой утверждениям, люди Шухевича не имели никакого отношения к уничтожению евреев и польской интеллигенции Львова, начавшемуся позднее. Это было установлено в ходе расследования на слушаниях в американском Конгрессе в 1954 году. Тогда же было доказано, что руководство ОУН (Бандеры) и УПА никак не были причастны к «окончательному решению еврейского вопроса». И что оно прекратило сотрудничество с немцами вскоре после разгона правительства во Львове. Иначе обстояло дело с руководителями более низкого уровня и рядовыми членами организации. Бойцы батальона «Нахтигаль» были потрясены, узнав, что немцы разогнали украинское правительство. Однако они решили, что пока еще рано рвать с немцами, а лучше запастись оружием и получить военные знания. Еще больше года «Нахтигаль» вместе с СС и полицией сражался против советских партизан в Белоруссии. Только в октябре 42-го весь личный состав батальона отказался продлить очередной годовой контракт на службу в немецкой армии. После этого украинских офицеров арестовали, а солдат поместили под полицейский надзор. Шухевич с частью своих соратников бежал из-под ареста и ушел в карпатские леса, положив начало организации Украинской повстанческой армии. Некоторые отряды украинских националистов боролись против немецких тыловых отрядов уже с конца 1941 года. А с конца 1942 года основная часть населения Западной Украины сражалась как против немцев, так и против советских и польских партизан.

В отличие от фракции Бандеры, фракция Мельника продолжала сотрудничать с немцами, и бандеровцы порой нападали на мельниковцев, служивших полицейскими и бургомистрами. Но чаще всего на Западной Украине те сами присоединялись к повстанцам. В 1941–1944 годах УПА

вела борьбу с немцами, а также с отрядами польской Армии крайовой и советских партизан. Украинские повстанцы действовали на территории польской Украины, а также Северной Буковины и входившего в состав Венгрии Закарпатья (там они сражались также с венгерскими гонведами). Немцы оценивали численность УПА в 80–100 тысяч бойцов. Уцелевшие руководители повстанцев, оказавшиеся в эмиграции, утверждали, что в рядах УПА сражалась одновременно от 200 до 400 тысяч человек. Вероятно, последняя цифра ближе к истине. Ведь солдаты и офицеры УПА располагали лишь очень ограниченным количеством боеприпасов. В отличие от советских партизан, они не получали никакого снабжения из-за линии фронта. Поэтому сторонники Бандеры могли нападать только на небольшие группы и гарнизоны немецких военнослужащих. Абвер же оценивал численность украинских партизан главным образом по их боевой активности.

Об одной из групп УПА можно судить по донесению, направленному 5 декабря 1942 года Пономаренко Сталину: «Товарищ Сталин! По сообщению Сабурова, в лесах Полесья, в районах Пинск, Шумск, Мизочь имеются большие группы украинских националистов, под руководством лица, законспирированного кличкой Тарас Бульба. Мелкие группы партизан националистами разоружаются и избиваются. Против немцев националисты устраивают отдельные засады.

В листовках националисты пишут: “Бий кацапа москаля, гони его видциля, вин тобі не потребен”.

По сообщению другого источника, националисты под руководством “Тараса Бульбы” находятся количеством 50 000 человек в 6 км восточнее деревни Ленин, что 35 км юго-восточнее Сарны, оборудуют зимние квартиры».

Численность армии Бульбы (Боровца) здесь, возможно, преувеличена, но не вызывает сомнений, что она насчитывала десятки тысяч человек, а значит, вся УПА вполне могла насчитывать 400 тысяч бойцов. А вот Степана Бандеру Пономаренко поторопился похоронить. Об устранении Бандеры уже после войны пришлось позаботиться КГБ. Степан Андреевич был убит в Мюнхене лишь в 1959 году.

Западноукраинское население, за два года сытое по горло советской властью, да и прежде мечтавшее о национальном Украинском, но отнюдь не о советском государстве, в своем большинстве не поддерживало коммунистических партизан, приходивших с Восточной Украины, и предпочитало выдавать их немцам, поскольку свои, украинские, повстанцы не имели достаточно вооружения, чтобы справиться с гораздо лучше

вооруженными советскими партизанами. В частности, командир одного из партизанских соединений, по приказу Центрального штаба партизанского движения совершившего несколько рейдов на Правобережную Украину, Михаил Иванович Наумов, рассказывает в мемуарах, как в марте 1944 года один из его отрядов, Рава-Русский, был полностью уничтожен в деревне Завоны вблизи Буга, причем немецких карателей навели на место ночевки партизан бандеровские агенты.

УПА сражалось как против немцев, так и против польской Армии Крайовой и советских отрядов, приходивших из Восточной Украины. Нередко украинские повстанцы, равно как и их польские противники, жестоко расправлялись с евреями. Эти эксцессы случались несмотря на то, что руководство ОУН и УПА, равно как командование АК и польское правительство в Лондоне, антисемитизм осуждали.

Фракция Бандеры после ареста своего лидера стала ориентироваться на собственные силы украинского народа. Главными противниками признавались нацистская и большевистская диктатуры. К западным союзникам бандеровцы относились без враждебности, но рассчитывать на их помощь никак не могли. Правда, до войны ОУН финансировалась в значительной мере за счет украинской диаспоры в Америке, но она не имела влияния на правящие круги этой страны. Борьба УПА, равно как и прибалтийских «лесных братьев», с самого начала отличалась безнадежностью и ожесточенностью отчаяния. Поляки из Армии Крайовой хотя бы представляли правительство, признанное западными державами, а до 1943 года – и Советским Союзом. Украинские, литовские, латышские и эстонские повстанцы после войны надеялись только на собственные силы, а бороться им приходилось как с Германией, так и с Советским Союзом.

Борьба украинских националистов проходила под лозунгами «За самостоятельное, свободное Украинское государство» и «Свобода народам, свобода человеку». В листовке 1942 года, выпущенной УПА, утверждалось, что украинские повстанцы борются «за новый, справедливый лад и порядок в Украине, без господ, помещиков, капиталистов и большевистских комиссаров. За новый справедливый международный лад и порядок в мире, обеспечивающий права и независимость каждого народа. Против немецких и московских захватчиков, которые стремятся покорить и поработить украинский народ». Весной 1943 года в связи с поражениями вермахта III конференция ОУН приняла решение активизировать борьбу. Ранее бойцы УПА ограничивались защитой населения от угона в Германию, не позволяли немцам забирать крестьян, а также нападали на небольшие группы

немецких солдат и полицейские гарнизоны. Теперь предполагалось нападать и на отдельные немецкие части. Ситуацию на Украине очень точно охарактеризовали постановления III Чрезвычайного Большого Сбора Организации украинских националистов 3 августа 1943 года: «Сам факт существования СССР представлял и представляет реальную угрозу возврата большевистского режима на Украине. Преследуя официально только отдельные слои населения, московско-большевистский режим создает для остального народа фикцию мирной и спокойной жизни и обманчивой перспективой счастья и пожеланий на будущее. Большевистская оккупационная система, в противовес немецкой, задерживает политическую активизацию целых масс и создание единого фронта всех народных сил. Характерно при этом то, что политическое наступление немецкого гитлеризма и московского большевизма на украинской территории не ликвидировали себя во взаимном ударе и даже не нейтрализовались. Продвигаясь отдельно и преследуя свои цели, они пополнялись и облегчали свою работу. Часть слабого элемента, испуганная большевистским поворотом, видела спасение в немецкой силе; другая часть, битая беспощадно немецким колониальным сапогом, избирала, по своему мнению, меньшее горе, т. е. ожидая спасения от большевиков. Когда на Украине, как и в других странах, часть народа и сегодня ориентируется на большевиков, то это в значительной степени заслуга немецкой колониальной системы».

ОУН делала ставку на взаимное истощение сил Германии и СССР. В постановлении III Чрезвычайного Сбора утверждалось, что весной 43-го поражения германской армии на фронтах «сигнализировали приближение катастрофы. Процесс упадка и истребления сил воюющих империалистов шел в последние годы систематически и непрерывно, но последствия его стали видимыми в весенние месяцы 1943 года... Командование Красной армии не имело силы использовать небывалый шанс, который создан после полного распада северной части немецкого восточного фронта. Выяснилось, что ни Красная армия, ни хозяйственные тылы СССР не имеют уже силы для серьезных военных действий. Истерический крик о помощи алиантов (союзников) в виде второго фронта поднялся еще больший с того момента. Так называемый успех Красной армии – это только результат ускоренного распада Германии, ускоренного активным наступлением алиантов в Африке, а позднее на Сицилии и во всем европейском воздушном пространстве.

Жизнь снова подтвердила справедливость нашего политического тезиса о деструктивном характере империализма и о противоречиях внутри

империй, которые ведут к полному развалу при этом серьезнейшем потрясении. Война стала тем потрясением, что выявила всю слабость немецкой и большевистской империи. Покоренные народы получили реальную возможность ударом изнутри достигнуть освобождения». Оуновцы высмеивали те «слабые элементы», кто считал их «ориентацию на собственные силы» «утопией». Социалистическая программа ОУН привлекала симпатии масс. Украинские националисты обещали 8-часовой рабочий день, крестьянам Западной Украины – раздачу помещичьих, монастырских и церковных земель, равноправие частной и коллективной собственности на землю и право крестьян на свободный выбор формы собственности, государственную собственность на крупные предприятия, и частную и кооперативную – на мелкие, право национальных меньшинств на развитие своих культур, равноправие всех граждан Украины, независимо от их национальной, социальной или религиозной принадлежности, всеобщее право на труд, зарплату и отдых. Это не исключало отдельных эксцессов отрядов УПА против мирного еврейского и польского населения, но на программном уровне антисемитизм и антипольские установки у ОУН отсутствовали. Это была типичная программа национальной организации, борющейся за независимость в колониальной стране. После войны десятки подобных движений пришли к власти в новых государствах Азии и Африки. Но ОУН так и не суждено было возглавить правительство независимой Украины. Соратники Бандеры наивно думали, что, как и в Первой мировой войне, в России и в Германии произойдут революции, а это позволит Украине обрести наконец независимость. Но тоталитарные режимы оказались куда более стойкими, чем монархические. Поддержка Англии и США преопределила победу Сталина, и независимость советских республик отодвинулась почти на полвека.

В первой половине 1944 года значительная часть Галиции контролировалась отрядами УПА. Об этом свидетельствует, например, донесение начальника СС и полиции Галиции от 17 мая 1944 года: «Апрель характеризуется значительным ростом деятельности банд на территории генерал-губернаторства... Ситуация в дистрикте Галиция находится под контролем банд УПА. Основными зонами их концентрации являются юго-западная и южная части дистрикта, а также территория южнее Рогатина. УПА, как и раньше, проводит мобилизации среди своих сторонников, занимается их подготовкой и политическим воспитанием...»

Но борьба с УПА стоила жизни десяткам тысяч советских, немецких и польских солдат. Украинскими повстанцами были смертельно ранены начальник ополчения штурмовых отрядов обергруппенфюрер СА Виктор

Лютце, советский генерал армии Н.Ф. Ватутин и заместитель министра обороны просоветского правительства Польши генерал брони Кароль Сверчевский.

В 1944–1945 годах при оставлении немцами оккупированных территорий УПА и «лесные братья» смогли вооружиться брошенным вермахтом и его румынскими и венгерскими союзниками при отступлении оружием и боеприпасами. Их хватило еще на 9 лет борьбы против советских войск. Часть вооружения немецкое командование в 44-м добровольно передало УПА при отходе с Украины в обмен на призрачные обещания поставлять разведданные о Красной армии и в гораздо более основательной надежде, что украинцы будут вести борьбу с советскими войсками.

Разругавшись с украинскими националистами, немцы утратили очень важного союзника в борьбе с Советским Союзом. Серьезный источник для антисоветских вооруженных формирований Л. Рендулич справедливо отмечал, что одной из причин массового партизанского движения стала «сумасбродная, антинародная политика» гаулейтера Эриха Коха на Украине: «Официальная пропаганда того, что советский человек – существо “низшей расы”, невыполненные обещания о самоуправлении, о проведении земельной реформы и предоставлении украинскому народу определенных прав – все это привело к тому, что Германия потеряла на Востоке совершенно неопределимые возможности на успех. Население обширных районов России вначале видело в немецком солдате своего освободителя. Совершенно неправильная политика притеснения народа вконец подорвала доверие народа к немецкой армии и немцам и лишила Германию возможности проводить какую-либо политику, что в условиях горького разочарования местного населения создало партизанам все предпосылки для расширения масштабов своей борьбы». Тут надо оговориться, что по большому счету германскую политику на Украине и на других оккупированных советских территориях определял, конечно же, не Кох, а сам Гитлер. Для него Украина была лишь «жизненным пространством», а ее ресурсы – одной из основных целей войны. Поэтому он и слышать не хотел о независимом Украинском государстве, пусть даже дружественном Германии.

Что же касается просоветского партизанского движения, то в первые месяцы Великой Отечественной войны условия для его развития оказались не самыми благоприятными. Значительная часть населения была настроена антибольшевистски. Престиж советской власти и Красной армии после ряда тяжелых поражений упал весьма низко. Кроме того, значительная

часть оставленных на оккупированных территориях по линии НКВД и по партийной линии руководителей будущих партизанских отрядов и подпольных организаций оказалась еврейской национальности и сразу же подпала под проводимое нацистами «окончательное решение еврейского вопроса». Их либо уничтожили, либо заключили в гетто, поэтому организовывать партизанские отряды они никак не могли.

Однако очень скоро ряд факторов, и прежде всего жестокая оккупационная политика немцев и бесчеловечное обращение с пленными, способствовали появлению на оккупированной территории многочисленных партизанских отрядов. Ядром партизанских отрядов становились группы красноармейцев-окруженцев, во главе с каким-нибудь энергичным командиром или комиссаром. Также многие бежавшие из плена, насмотревшись на ужасы концлагерей, приходили к партизанам. Пленных немцы на оккупированных территориях почти не кормили, так что бегство к партизанам часто становилось единственным способом спасения. Альтернативой был только переход на службу к немцам. Первоначально среди партизан преобладали выходцы из других местностей, которые не могли пытаться скрыться в родных деревнях. Но вскоре к ним добавились и местные уроженцы. В первые месяцы войны немцы отпустили домой более 100 тыс. пленных, уроженцев уже занятых вермахтом территорий, в основном украинцев и белорусов. Очень скоро они познали все прелести «нового порядка», в рамках которого неарийское славянское население признавалось «недочеловеками», людьми второго сорта, и подвергалось соответствующему обращению. И бывшие пленные потянулись в лес, к партизанам, а следом за ними – гражданское население. Как признавал немецкий генерал Э. Миддельдорф, в России очень быстро проявилось «недружелюбное отношение широких народных масс к немецкой армии, явившееся следствием ошибок высшего немецкого политического руководства, а также грубых нарушений со стороны немецких органов гражданского управления. Партизанские отряды во все возрастающем масштабе повсюду находили скрытую или даже открытую поддержку у гражданского населения». Партизанам надо было только дождаться, когда фронт отойдет от их местности и снизится концентрация немецких частей, чтобы можно было поставить под свой контроль обширные территории за пределами основных транспортных магистралей. В этих районах немецкое военное присутствие было минимальным, а местная вспомогательная полиция либо уничтожалась партизанами, либо переходила на их сторону. Под контролем партизан порой оказывались даже отдельные райцентры, если они не были железнодорожными

станциями и в них отсутствовали немецкие гарнизоны.

Также и командование Красной армии и руководство НКВД, оправившись от шока первых поражений, уже осенью 41-го организовали засылку в немецкий тыл разведывательно-диверсионных групп и начали устанавливать связь с партизанскими отрядами. Партизанским группам, засылаемым в тыл немцев поздней осенью и зимой 1941 года, вменялось в обязанность сжигать избы и хозяйственные постройки, чтобы их не могли использовать немцы для расквартирования на зиму. Такого рода диверсии действительно доставляли вермахту немало хлопот. Так, командующий группой армий «Центр» фельдмаршал фон Бок записал в дневнике 7 декабря 1942 года, на второй день советского контрнаступления под Москвой: «Разрушением и уничтожением всех построек у железных и автомобильных дорог русские сумели создать для нашего фронта невыносимые условия – вследствие этого мы лишились самого необходимого подвоза. Боеприпасы, горючее, провиант и зимнее обмундирование не доходили до фронта». А уничтожение домов в деревнях и поселках вело к росту немецких потерь обмороженными и заставляло тратить дефицитное горючее на обогрев солдат в палатках. Однако поджоги домов еще в большей мере били по местным жителям, многим из которых грозила смерть от морозов.

В одной из таких групп «факельщиков» была и легендарная Зоя Космодемьянская. Обстоятельства ее подвига существенно отличались от созданного по горячим следам пропагандистского мифа. Корреспондент «Правды» Петр Александрович Лидов, открывший миру героическую «Таню» (так называлась первая публикация о подвиге Космодемьянской), рассказал об этом в очерке «Новое о “Тане”», опубликованном в газете «Правдист» – органе партбюро, комсомольского комитета и месткома «Правды» 5 мая 1942 года:

«Успех “Тани” – это триумф чудесной русской девушки Зои Космодемьянской. Мне по обязанности репортера – протоколиста событий, довелось по рассказам очевидцев добросовестно и пунктуально записать все, что связано с подвигом и гибелью нашей отечественной Жанны д’Арк. Подвиг Зои Космодемьянской – это наиболее крупное, яркое и романтическое из тех событий, которые мне приходилось отыскивать и описывать. Очерки о Тане от начала до конца документальны, протокольны и в них нет ни вымысла, ни пустой и звонкой фразы, порой спасающей очеркиста, не запасшегося достаточным количеством добротных фактов.

Писать о том, как протекала работа над очерками о Тане, не имеет смысла хотя бы потому, что работу над этой темой нельзя еще считать

законченной. Подвиг Тани и все связанное с ним – это целая эпопея, которая еще не раскрылась перед нами целиком.

В середине января в только что освобожденной от немцев деревне Пушкино один из местных жителей рассказал нам о казни неизвестной девушки в Петрищеве. Казалось, что остается съездить на место происшествия, убедиться в достоверности этого рассказа и написать. На самом же деле все оказалось сложнее. Над раскрытием обстоятельств дела и установлением личности Тани пришлось работать целый месяц непрерывно и довольно напряженно. К моменту появления в печати очерка “Кто была Таня” картина боевого подвига Зои Космодемьянской, ее поимки, допросов и казни была достаточно ясна. С тех пор прошло три месяца. Зое Космодемьянской присвоили звание Героя Советского Союза, ее узнала вся страна, весь мир. В Соединенных Штатах, например, состоялись уже две радиопередачи, посвященных Зое. Имя Тани стало символом стойкости и верности родине. Любовь Тимофеевна Космодемьянская окружена почетом и любовью: потеряв дочь, она приобрела миллионы дочерей и сыновей. Об этом ей пишут в сотнях писем, и это чувствует она сама.

Некоторые из писем в редакцию содержат новые данные о Зое, и ее история, таким образом, дописывается сейчас коллективно. В одном из писем сообщается, например, что “героиня родилась не в городе Москве, а в селе Осиповые Гаи Рудовского района Тамбовской области”. Письмо это подписано руководителями районных организаций, которые считают, что “правильное освещение месторождения Зои Космодемьянской будет способствовать улучшению развертывания политико-воспитательной работы среди молодежи и всего населения нашего района и области, а это даст возможность успешно проводить в жизнь все решения партии и правительства и в особенности сельскохозяйственные полевые работы 1942 года” (если исходить из подобных утилитарных соображений, то Москва как место рождения героини все же предпочтительнее глухой тамбовской деревни – «политико-воспитательную работу» можно развернуть среди миллионов, а не сотен человек. – Б.С.).

Сами обстоятельства гибели Зои получают теперь новое освещение. Немцы не сами поймали партизанку, ее предал ее же товарищ и ровесник, который шел вместе с нею в роковую ночь на 26 ноября, который одновременно с ней должен был бросить свою зажигательную бутылку. Он струсил в последнюю минуту, он побоялся быть повешенным немцами, но был расстрелян русскими.

Василий Клубков струсил и был пойман. Зоя не струсила, она сделала

свое дело и ушла в условленное место. Она могла уйти дальше в глубь леса, но она не хотела покинуть товарища в опасности. Зоя доверчиво ждала Клубкова, но вместо него на опушку пришли посланные им немецкие солдаты.

Зою допрашивали в присутствии Клубкова. Она отказалась назвать себя, отказалась отвечать, откуда и зачем пришла. Она сказала, что не знает Клубкова и видит его в первый раз.

Тогда офицер поглядел на Клубкова. Клубков сказал: “Она врет, мы с ней из одного отряда. Мы вместе выполняли задание. Ее зовут Зоя Космодемьянская, с нами был еще Борис Крайнов...”

При Клубкове Зою раздели догола и били резиновыми палками, после этого она сказала: “Убейте меня, но я ничего вам не расскажу”.

Через некоторое время Клубков вернулся в Москву, в ту самую часть, в которую несколькими месяцами ранее он вступил как боец-доброволец. На этот раз он пришел сюда в качестве немецкого шпиона.

Так усложняется сюжет повествования о Тани. Рассказ о ее очарованной душе следует дополнить рассказом о подлой, продажной душонке Василия Клубкова. Надо думать, что откроются еще и новые обстоятельства, которые осветят то, что сейчас еще кажется нам загадочным в истории Тани».

Лидову не удалось написать после войны документальную повесть о Зое Космодемьянской, как он мечтал. В июне 1944 года автор «Тани» вместе со своим другом фотокорреспондентом Сергеем Струнниковым, сделавшим знаменитый снимок мертвой Зои, попал под бомбежку на аэродроме в Полтаве, где базировались американские «летающие крепости». Оба журналиста погибли. Кстати, на том аэродроме в качестве переводчика должен был служить Ричард Пайпс, ныне являющийся одним из наиболее известных американских специалистов по российской истории. Однако из-за того, что немцы разбомбили аэродром в Полтаве, его командировка в СССР тогда не состоялась.

После смерти Лидова в советской печати продолжала тиражироваться первоначальная версия – о том, что Зою схватили в Петрищеве сами немцы. Раздетую догола героиню целомудренно одели в сорочку и трусики. В пропагандистских мифах не нужна была тема предательства, чтобы у народа не возникало ощущения, будто предателей было слишком много. К тому же история с Клубковым не только объясняла, как немцы установили подлинное имя партизанки Тани, но и делала бессмысленным допрос ее немцами. Ведь от предателя враги уже узнали имя и настоящую биографию героини, и место дислокации партизанского отряда. Так что германские

солдаты истязали Зою из чистой «любви к искусству», точнее – из-за стремления к реализации собственных садистских наклонностей, да еще к мести за лошадей, сгоревших в подожженной Космодемьянской конюшне. И подвиг Зои был чисто морального свойства. Он измерялся не нанесенным врагу ущербом, а в нравственном превосходстве над ним, выразившемся в отказе купить себе жизнь или хотя бы легкую смерть ценой предательства.

Клубков же, засланный в качестве германского агента в Москву, был изобличен как неприятельский шпион и арестован 28 февраля 1942 года. Его расстреляли по законам военного времени 16 апреля 1942 года. Перед смертью Василий и поведал о последних часах Зои. Он, в частности, сообщил: «Офицер спросил меня, она ли это и что мне известно о ней. Я сказал, что это действительно Космодемьянская Зоя, которая вместе со мной прибыла в деревню для выполнения диверсионных актов, и что она подожгла южную окраину деревни. Космодемьянская после этого на вопросы офицера не отвечала. Видя, что она упорно молчит, несколько офицеров раздели ее догола и в течение 2–3 часов избивали ее резиновыми палками, добиваясь показаний. Космодемьянская сказала: “Убейте меня, я вам ничего не расскажу”. После чего ее увели, и я ее больше не видел».

Позднее появились версии, что Клубков на самом деле Зою не предавал, и немцы схватили ее без его помощи. Василий же, дескать, оговорил себя под нажимом следователей НКВД. Но в оговор верится с трудом. Чтобы немцы отпустили за линию фронта попавшегося к ним в руки диверсанта-поджигателя, тот должен был купить себе жизнь чем-то очень существенным, не меньшим, чем предательство, причем предательство результативное, которое помогло бы схватить кого-то из других советских диверсантов. Кстати, Клубков и вернулся с версией, будто ему удалось сбежать от немцев, выпрыгнув из машины, но в это чудесное спасение следователи не поверили. И в посмертной реабилитации в 2001 году Клубкову было отказано.

Интересно, что жители были отнюдь не в восторге от деятельности Космодемьянской и ее коллег-факельщиков. Жительница Петрищева Прасковья Яковлевна Петрушина (Кулик) показала на следствии: «... Смирнова (соседка Кулик – погорелица. – Б.С.) на ходу взяла чугунок с помоями... Я быстро вышла и увидела, что Зоя вся облита помоями...» А сосед погорельцев Иван Егорович Солнцев утверждал: «...Соседка подошла и сильно ударила ее по ноге железной палкой, сказав: “Кому ты навредила? Мой дом сожгла, а немцам ничего не сделала...”»

Крестьянок, чьи избы сожгла Зоя, можно понять. Теперь им и их детям

грозила гибель от морозов. Но советская власть в это обстоятельство входить не стала. В 1942 году жительницы Петрищева А.В. Смирнова и Ф.В. Сонины сами были расстреляны «за измену Родине». Им инкриминировали избиение Зои Космодемьянской. Надо признать, что порой от действий партизан мирное население страдало не меньше, чем от действий немцев. Мы еще убедимся, что крестьяне порой по своей инициативе создавали отряды самообороны против партизан.

Советские партизаны были ориентированы на максимально жестокое ведение борьбы, на использование против оккупантов и их пособников всех средств, невзирая ни на какие международные конвенции и средства ведения борьбы. Если Красная армия сражалась под лозунгом: «Убей немца!», озвученном впервые Ильей Эренбургом, для советских партизан, сражавшихся на оккупированных территориях, он дополнялся лозунгом: «Убей коллаборациониста!» Причем убивали не только местных полицейских и бойцов антипартизанских формирований, но и деревенских старост, которые порой занимали этот пост с согласия односельчан и стремились хоть как-то защитить их от произвола оккупационных властей.

Партизаны нарушали все прежние нормы и правила ведения войны, убивали своих противников с невероятной жестокостью. Сожжение живым не было еще самой жестокой казнью. Не брезговали они и ядами. Л. Рендулич справедливо отмечал: «Характерным для последней войны является... бесчеловечность форм борьбы, которая выразилась в том, что большие группы населения принимали в ней участие в качестве партизан. Партизаны встречались на всех театрах военных действий, кроме Финляндии. Их методы и формы борьбы отличаются коварством и жестокостью, из-за чего борьба с ними становится исключительно трудной». И тот же автор настаивал, что, согласно Гаагской конвенции 1907 года о законах и обычаях сухопутной войны, «сопротивление населения страны или ее части войскам противника допускается только до того, как страна оккупирована войсками противника, и никак не после оккупации. Что касается Второй мировой войны, то теперь установлено, что все европейские страны в момент возникновения в них партизанского движения уже были прочно заняты немецкими войсками и что в большинстве из них оно началось спустя много времени после оккупации (в некоторых странах на это ушли целые годы). Уже по одной этой причине партизанская борьба противоречила международному праву». Рендулич также настаивал, что немецкие войска действовали в полном соответствии с международным правом, когда ставили партизан вне закона: «... Международное военное право требует соблюдения партизанами общих

правил вооруженной борьбы. Оно требует, чтобы партизаны носили какую-то форму или заметные издали знаки отличия и не прятали своего оружия. С этим последним положением несовместимо никакое коварство. Русские и итальянские партизаны, однако, вообще не признавали и не носили ни единой формы, ни знаков различия, а французские партизаны и частично партизаны на Балканах носили форму лишь при соединении их с регулярными войсками или при зачислении их в эти войска. Но даже и в этом случае они все же оставались партизанами и сохраняли присущие им особенности... Война из-за угла, в которой бойцы маскируются большей частью под обыкновенных мирных жителей, когда удар всегда наносится из засады, а наносящий его постоянно уклоняется от открытого боя и бесследно исчезает, такая война уже по своему существу не поддается ни письменной фиксации, ни, тем более, документированию».

Что ж, насчет того, что партизаны действовали вне норм международного права, определяющего нормы и обычаи ведения войны, спорить не приходится. Но разве сами немцы не попирали грубейшим образом нормы международного права? Германия совершила неспровоцированную агрессию против Польши и тем самым начала Вторую мировую войну, а затем совершила такую же агрессию против Дании, Норвегии, Бельгии, Голландии, Люксембурга, Югославии, Греции и Советского Союза. Еще до всякой партизанской войны нацисты начали репрессии против евреев и их поголовное истребление. Еще до начала войны против СССР был разработан пресловутый «приказ о комиссарах», предусматривавший репрессии вплоть до расстрела против попавших в плен политработников Красной армии только за их принадлежность к этой категории военнослужащих.

Что же касается партизан, то у них не было другого выхода, кроме как действовать из-за угла. Да и носить формы они не могли просто за ее отсутствием. Партизаны одевались обычно в то, что было под рукой, будь то изрядно потрепанная военная форма, оставшаяся у них при службе в регулярной армии, или гражданское платье. Они были заведомо слабее регулярной германской армии, они могли иметь шансы на успех только действуя из засад, нападая внезапно, а также используя маскарад с переодеванием в немецкую и итальянскую военную форму или в форму полицейских.

Партизаны действительно использовали все средства в борьбе с оккупантами. Вплоть до того, что травили предназначенную для них пищу с помощью своей агентуры в городах и деревнях, где стояли крупные вражеские гарнизоны. Они нередко подвергали мучительной казни

пленных, особенно из числа своих соотечественников-коллаборационистов. Да и пленных брали редко – их просто негде было содержать в условиях партизанской жизни, и они значительно отягощали передвижение партизанских отрядов. Уцелеть имели шанс только те пленные, которые заявляли о своем переходе на сторону партизан и оказывали им помощь. Кроме того, особо ценных пленных иногда направляли самолетами или морем (в случае Италии и Балкан) в Москву или другие союзные столицы.

Подчеркну еще раз, что это была вынужденная жестокость, и она характеризовала действия отнюдь не только советских партизан, но и действия практически всех партизан Второй мировой войны.

В то же время немцы в борьбе с партизанами отличались ничуть не меньшей жестокостью. Взять хотя бы расстрелы десятков заложников за каждого убитого партизанами немецкого солдата или офицера. Да и партизан в плен немцы брали нечасто, как правило, только тогда, когда рассчитывали получить от них важные сведения или привлечь их на свою сторону. Кроме того, мирное население гибло не только в качестве заложников, но и просто во время карательных операций против партизан. Мирные жители становились жертвами насилий и грабежей не только со стороны немцев и их союзников, но и со стороны самих партизан. Тут причины были двоякие. Во-первых, партизаны нередко испытывали недостаток продовольствия и вынуждены были изымать его у населения, что неизбежно вело к столкновениям. Во-вторых, среди партизан оказывались самые разные люди, в том числе и с явно уголовными наклонностями. Но масштаб насилий со стороны партизан по отношению к мирным жителям был несоизмерим с насилиями, творимыми их противниками. Ведь успех партизанских операций напрямую зависел от поддержки местного населения, сообщавшего о передвижениях карателей и укрывавшего партизан в случае опасности, хотя за это и полагалась смертная казнь. Поэтому партизанские командиры старались по мере сил бороться с проявлениями насилия по отношению к мирным жителям со стороны своих бойцов. Л. Рендулич подчеркивает, что «боевые действия партизан были бы немыслимы, если бы их тайно не поддерживало все население. Оно снабжало их одеждой и продовольствием, предостерегало их в случае опасности и укрывало от преследований».

Необходимо подчеркнуть, что без оккупационной политики немцев и их жестокого отношения к пленным не было бы столько партизан в белорусских и брянских лесах и в украинских Карпатах, в итальянских Аппенинах и на Балканах. Как пишет Л. Рендулич, в России «уже в первые месяцы войны деятельность партизан стала принимать все более широкие

размеры. Они стали нападать на небольшие немецкие подразделения, караулы мостов, опорные пункты связи и даже на казармы и места стоянок войск. Весной 1942 года они уже представляли серьезную опасность для тыловых коммуникаций немецкой армии, поэтому для решительной борьбы с ними немецкому командованию приходилось стягивать в уже оккупированные районы большие силы, а для проведения крупных операций в областях, где движение приняло наиболее угрожающие размеры, – снимать отдельные части с фронта».

Когда партизанское движение на оккупированных территориях приобрело уже серьезный характер, немецкие генералы и чиновники стали сожалеть об упущенных возможностях. Так, доктор Отто Бротингам, заместитель начальника политотдела имперского Министерства по делам Востока, 25 октября 1942 года докладывал Розенбергу об упущенных возможностях: «Вступив на территорию Советского Союза, мы встретили население, уставшее от большевизма и томительно ожидавшее новых лозунгов, обещавших лучшее будущее для него. И долгом Германии было выдвинуть эти лозунги, но это не было сделано». Беда для рейха заключалась в том, что вплоть до 1943 года существовал и реализовывался на практике только один лозунг – «жизненного пространства» для немцев, каковым и должна была стать Польша и оккупированные территории СССР. Только в 1943 году, после поражений на фронте, была сделана попытка наладить хоть какой-то политический диалог с антисоветскими и антикоммунистическими силами и более активно использовать их для борьбы с партизанами в России и на Балканах, но было уже поздно. Население, познавшее все прелести «нового порядка», тем более не хотело связывать свою судьбу с теми, кто уже проигрывал войну.

Реквизиции продовольствия в партизанских районах, помимо снабжения германской армии, призваны были лишить средств к существованию население, поддерживавшее партизан. Об этом очень откровенно сказал уполномоченный по борьбе с бандитами и командующий войсками СС и полиции в группе армий «Центр» генерал СС фон дем Бах-Зеелевски. 26 февраля 1943 года в директиве о мероприятиях по борьбе с бандитами он подчеркивал: «Белоруссия является источником снабжения войсковых частей. Этот источник не должен иссякать. Именно в тех областях, где действуют бандиты, мероприятия по захвату должны достичь хороших результатов, так как здесь полный захват (продовольствия. – Б.С.) означает лишение бандитов жизненно важных для них ресурсов. Каждая тонна зерна, каждая корова, каждая лошадь дороже расстрелянного бандита».

Вполне естественно, что почти все партизанские отряды базировались вдали от железных дорог и основных шоссе, идущих на фронт, так как там было слишком много неприятельских войск. Они предпочитали глухие места, где зачастую на 100 верст в округе вообще не было немецких гарнизонов. Оттуда они делали рейды на железнодорожные станции, рвали полотно, атаковали колонны на шоссе на дорогах, ведущих к фронту.

Справедливости ради надо признать, что германские войска на Востоке постоянно испытывали нужду в продовольствии, а в первую военную зиму – и в теплой одежде. Оккупированные советские территории были относительно беднее продовольствием, чем Польша, не говоря уже о странах Западной Европы, и с трудом могли прокормить многомиллионную армию оккупантов. Вышедший из немецкого тыла коммунист Борис Васильевич Желваков на допросе 9 февраля 1942 года свидетельствовал: «Питание немцев состояло из маленькой черствой буханки хлеба на три дня, два раза несладкий кофе, один раз суп, который они едят без хлеба... немцам выдавали сладости в небольшой дозе, заставляли колхозников варить им картофель, который с жадностью собаки пожирали». Неудивительно, что голодные солдаты вермахта тащили у крестьян и домашнюю птицу, и прочую живность, и то из съестного, что могли найти. Разумеется, это еще больше озлобляло местное население. Уже в сентябре 1942 года одна из групп тайной полевой полиции, находившаяся в Белоруссии, не слишком оптимистически оценивала настроение местного населения: «Только незначительное меньшинство сегодня действительно настроено пронемецки, основная масса занимает выжидательную позицию, а тайная вражда по отношению к немцам приняла такие размеры, что ее нельзя недооценивать».

По оценке советского командования, уже летом 1942 года действия партизан отвлекли 24 вражеские дивизии, из которых 15–16 постоянно использовались на охране коммуникаций. Значительную часть этих войск составляли войска союзных Германии Венгрии, Румынии, Италии и Словакии. В августе было произведено 148 крушений ж.-д. эшелонов, в сентябре – 152, в октябре – 210, в ноябре – 238.

Если на Балканах немцы и итальянцы рискнули поддерживать союзные им государственные образования (вроде усташской Хорватии и сербского правительства генерала Милана Недича) и переложить на них значительную часть борьбы с партизанами, а позднее даже сотрудничали с четниками генерала Драже Михайловича в борьбе против коммунистической партизанской армии Иосипа Броз Тито, если в Италии против партизан боролись не только германские оккупационные войска, но

и войска и полиция союзного рейху республиканского правительства Муссолини, то на оккупированных советских территориях никаких государственно-политических образований, лояльных Германии, так и не было создано. Это обстоятельство существенно затруднило борьбу с советскими партизанами, которые к тому же имели возможность непосредственно взаимодействовать с Красной армией и в гораздо большей степени, чем партизаны Балкан и Италии, получать помощь из-за линии фронта.

Организация партизанской борьбы в СССР

Германское нападение и быстрое отступление Красной армии вынудило советское руководство приступить к организации партизанского движения на своей территории. Вскоре после начала Великой Отечественной войны было создано Управление по формированию партизанских частей, отрядов и групп в составе Наркомата обороны, но его деятельность оказалась неэффективной, и уже в декабре 1941 года его упразднили. Сказывалось отсутствие в Красной армии опытных партизанских командиров, многие из которых не пережили репрессий 1937–1938 годов. В дальнейшем более значительную роль в организации партизанского движения на оккупированной советской территории играли партийные функционеры и НКВД, а организация партизанского движения пошла прежде всего по партийной линии. Таким образом создавались наиболее массовые отряды. По линии же НКВД создавались менее многочисленные, но более подготовленные отряды, ориентированные прежде всего на ведение разведки, уничтожение видных чинов оккупационной администрации и уничтожение особо важных объектов.

Хотя первые усилия по созданию партизанских отрядов были предприняты еще в первые дни войны, больших результатов они не принесли. Уже 27 июня 1941 года командующий Западным фронтом Д.Г. Павлов докладывал К.Е. Ворошилову: «С Пономаренко и командованием фронтом приняли меры по созданию партизанских отрядов и диверсионных групп. Возможности здесь большие, несколько сот человек уже заброшены на оккупированную территорию». Неслучайно Ворошилова во время этой поездки на Западный фронт сопровождали крупные специалисты по диверсиям и партизанской борьбе – бригадный комиссар Гай Туманян и полковник Хаджи-Умар Мамсуров. Ворошилов даже произнес напутственные слова командирам партизанских отрядов, направлявшихся в тыл. «Вся наша особая группа, – вспоминал Мамсуров, – в те дни работала по организации специальной сети агентуры в районе Рогачева, Могилева, Орши. Останавливали отходящие части, потерявшие связь с вышестоящим командованием. Именем Маршала Советского Союза Ворошилова направляли их в район Чаусы на сосредоточение и организационное укрепление в тылу...

Ночью 28 июня я уехал в район подготовки партизанских кадров и до наступления утра проводил занятия по тактике диверсионных действий. Обучение шло, по сути, днем и ночью. Эту группу утром 29 июня (а их было около 300 человек) мы направили на выполнение боевых задач в тылу противника. По моей просьбе в район приехали Ворошилов и Пономаренко, чтобы сказать будущим партизанам напутственные слова. Так зарождалось партизанское движение в Белоруссии». Но подавляющее большинство этих первых отрядов не пережило зиму 1941/42 года. Действительно массовое партизанское движение возникло в Белоруссии лишь примерно через год после начала войны.

Как раз 29 июня 1941 года была издана директива Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) партийным и советским организациям прифронтовых областей, где, в частности, указывалось: «В занятых врагом районах создавать партизанские отряды и диверсионные группы для борьбы с частями вражеской армии, для разжигания партизанской войны всюду и везде, для взрыва мостов, дорог, порчи телефонной и телеграфной связи, поджога складов и т. д. В захваченных районах создавать невыносимые условия для врага и всех его пособников, преследовать и уничтожать их на каждом шагу, срывать все их мероприятия».

Как справедливо замечает полковник спецназа В.В. Квачков, получивший всероссийскую известность как обвиняемый в организации покушения на главу РАО ЕЭС России А.Б. Чубайса, «с точки зрения организации вооруженного сопротивления в тылу противника данная директива была лозунгом, поскольку никакой руководящей партийной или государственной структуры, предназначенной для “разжигания партизанской войны” заблаговременно создано не было. Установка на ведение открытой вооруженной борьбы с хорошо оснащенными и подготовленными частями немецкой армии обрекало партизанские отряды на разгром и чрезвычайно большие потери». Можно сказать даже, не просто на большие потери, а практически на полное уничтожение. Эту печальную истину подтвердили события 1943–1944 годов, когда партизанам, в связи с приближением фронта, пришлось столкнуться с целыми дивизиями вермахта.

В июле – августе на фронтах были созданы оперативно-учебные центры по подготовке партизан к проведению диверсий. В первые месяцы оставшиеся во вражеском тылу небольшие отряды красноармейцев и командиров, которым посчастливилось избежать плена, испытывали острую нужду в боеприпасах и продовольствии и не успели еще установить связь с Москвой. Но уже к зиме 41/42-го засланные из-за линии

фронта специальные партизанские группы и наиболее авторитетные командиры и комиссары сумели сколотить первые отряды, причинявшие немцам немалое беспокойство. Разочаровавшиеся в оккупантах местные жители стали помогать партизанам, пополняя их ряды или добровольно снабжая партизан продовольствием и теплой одеждой. Поражение немецких войск под Москвой способствовало развитию партизанского движения. Если первые месяцы войны жители оккупированных территорий и окруженцы выжидали, устоит ли советский режим, то теперь многим стало казаться, что немцы скоро покатятся назад к границе под мощными ударами советских войск.

В то же время деятельность активность партизан сдерживалась отсутствием у них радиостанций и минно-взрывных средств. Так, в июне 1941 года только 10 процентов партизанских отрядов, действовавших в тылу врага, располагали радиостанциями. Это крайне ограничивало возможности партизан по оперативной передаче разведданных. Положение осложнялось тем, что подходящих для установки в тылу противника мин не было в достаточном количестве на складах Красной армии. Используя в начале войны советские мины были слишком громоздки. Их трудно было носить с собой в пеших походах на большие расстояния, и они требовали много времени для установки и маскировки.

В конце 1941 года было создано Управление по формированию партизанских частей, отрядов и групп Главного управления формирований (Главупраформ) НКО. О непонимании данным управлением сущности, целей и задач партизанских действий говорит следующий факт. Главупраформом НКО предлагалось создать на неоккупированной территории Дона, Кубани и Терека 6–7 кавалерийских дивизий численностью 5483 человека каждая, сведенных в «1-ю конную армию народных мстителей» общей численностью в 33 000 человек, а также пять партизанских дивизий из приволжских, уральских и сибирских партизан, объединенных в «1-ю стрелковую партизанскую армию народных мстителей» общей численностью свыше 26 000 человек. В записке подчеркивалось, что оперативное использование партизанских армий целесообразно проводить крупной массой, т. к. «в массе бойцы действуют смелее, решительнее и самостоятельнее». К счастью, эту авантюру в жизнь так и не претворили, избавив от быстрой и бессмысленной гибели почти 60 тысяч человек, которые бы во вражеском тылу представляли собой прекрасную мишень для ударов с воздуха и со стороны германских пехотных и танковых дивизий. Здесь сказалась ориентация на опыт Первой мировой и Гражданской войн, когда партизанские действия осуществляли в

первую очередь конными отрядами. Но в условиях господства в воздухе люфтваффе и насыщенности немецкой армии танками, артиллерией и пулеметами, конные массы в тылу подверглись бы безжалостному истреблению.

Подобные прожекты отнимали время и средства. Между тем в критическую для вермахта зиму 1941–1942 годов партизаны, из-за нехватки мин и взрывчатки, не смогли оказать сколько-нибудь значительного воздействия на коммуникации Восточного фронта, что помогло вермахту устоять перед советским контрнаступлением.

Москва сразу же постаралась поставить все созданные партизанские отряды под свой контроль. Сначала партизанским движением руководили Военные Советы соответствующих фронтов и находившиеся при них представители НКВД, а также компартии союзных республик и обкомы подвергшихся оккупации областей РСФСР. В конце декабря 1941 года П.К. Пономаренко приступил к формированию Центрального штаба партизанского движения, но уже через месяц эта работа была остановлена. Глава НКВД Л.П. Берия подал записку Сталину, где возражал против формирования такого штаба. Он считал, что партизанами должно руководить НКВД, которое только и сможет со своими кадрами организовать эффективные диверсии во вражеском тылу. 30 мая 1942 года при Ставке Верховного Главнокомандования был создан Центральный штаб партизанского движения во главе с первым секретарем компартии Белоруссии Пантелеймоном Кондратьевичем Пономаренко. Ему подчинялись штабы партизанского движения в некоторых оккупированных республиках и областях. К тому времени выяснилась зависимость партизанских отрядов от снабжения по воздуху оружием и боеприпасами, а в некоторых случаях, если речь шла о малонаселенных территориях Карелии и российского Северо-Запада или о горах Крыма – то и продовольствием. Центральный штаб в этом отношении располагал значительно большими возможностями, чем командование отдельных фронтов, поскольку мог привлекать для помощи партизанам авиацию дальнего действия и транспортную авиацию центрального подчинения. Кроме того, в сентябре 1942 года главнокомандующим партизанским движением был назначен член ГКО и Политбюро Климент Ефремович Ворошилов, которому был подчинен Центральный штаб партизанского движения. Однако очень скоро выяснилось, что аппарат главнокомандующего и аппарат штаба дублировали друг друга, и что Ворошилов превратился просто в еще одну передаточную инстанцию между Центральным штабом партизанского движения и Ставкой. Поэтому

уже 19 ноября 1942 года, в день начала контрнаступления под Сталинградом, пост главнокомандующего партизанским движением был упразднен «в целях большей гибкости руководства партизанским движением, во избежание излишней централизации». Отставка Ворошилова стала фактически победой Пономаренко, недовольного, что в аппарате ЦШПД тот заменил бывших партийных работников армейскими офицерами. И.Г. Старинов, один из создателей и руководителей диверсионных подразделений, напротив, сожалел об уходе Климента Ефремовича: «Будучи Главнокомандующим партизанским движением, маршал К.Е. Ворошилов по существу превратился в Главнокомандующего партизанскими силами, так как, будучи членом Политбюро ЦК ВКП(б), мог быстро осуществить согласование действий партизанских формирований не только руководимых штабами партизанского движения, но отрядами и группами, руководимыми НКВД, ГРУ и начальниками инженерных войск. После ликвидации поста Главнокомандующего партизанского движения начальник ЦШПД по сути остался только с партизанскими формированиями, руководимыми штабами партизанского движения. И это приводило к тому, что на одном направлении иногда в одну ночь проводилось до десятка диверсий, но перерыв в движениях на участке вызывала только одна диверсия, ликвидация последствий которой была наиболее длительной. Остальные диверсии на пропускную способность участков влияли мало или даже вовсе не влияли и только приводили к расходу сил и средств на ликвидацию последствий диверсии (и, замечу, заставляли партизан тратить на эти диверсии свои силы и весьма ограниченные запасы взрывчатки. – Б.С.).

После упразднения поста Главнокомандующего партизанским движением деятельность ЦШПД стала как бы замирать. Продолжалась только кропотливая и весьма полезная работа по налаживанию радиосвязи с партизанскими формированиями. Планировались, но слабо обеспечивались осенне-зимние операции. Управления ЦШПД были преобразованы в отделы, и из штаба ушли весьма опытные и энергичные работники: генералы Сивков и Хмельницкий» (последний был многолетним адъютантом Ворошилова).

До осени 1942 года деятельностью ЦШПД руководили Пономаренко и представители НКВД и Главного разведуправления Красной армии. Затем П.К. Пономаренко стал единственным руководителем штаба.

Все-таки, как представляется, Старинов преувеличивал возможности Ворошилова. К осени 1942 года Сталин уже полностью разочаровался в способностях Климента Ефремовича как военного деятеля. Никаким

авторитетом ни в Ставке, ни в ГКО, ни в Политбюро он не обладал и вряд ли бы мог оказать существенную помощь партизанам. Другое дело, что Пономаренко, как старый партийный руководитель, не обладавший опытом ведения партизанской или диверсионной войны, первое время упор делал на массовость партизанских отрядов и на их контроль над более или менее значительными по площади территориями в тылу врага. Между тем наибольший урон врагу наносили как раз точечные диверсии немногочисленных, но хорошо подготовленных диверсионных групп. Именно их деятельность в наибольшей мере сказывалась на положении на фронте. Но вместе с тем необходимо принять во внимание, что одной из важных задач партизан было уничтожение коллаборационистов и чинов оккупационной администрации, чтобы не дать возможность противнику эффективно эксплуатировать оккупированные территории. Для этой цели требовались как раз достаточно многочисленные отряды, причем уровень подготовки партизан здесь не играл большого значения.

На практике требовалось сочетать действия отрядов и диверсионных групп, но в целом в советском партизанском движении резко преобладали партизанские отряды и бригады численностью в несколько сот, а иногда и в несколько тысяч человек. Тут приходилось учитывать также желание жителей оккупированных территорий и окруженцев бороться с врагом, причем начиная с 1943 года ряды партизан все охотнее пополняли бывшие полицейские и бойцы коллаборационистских военных формирований. А вот хорошо подготовленных разведывательно-диверсионных групп советскому командованию не хватало всю войну. Здесь сказалось общее свойство советской системы – упор на количество, а не на качество, настроенное отношение к подготовке особо квалифицированных специалистов, тем более в такой деликатной области как диверсии. Иметь слишком много подготовленных диверсантов боялись – а то как бы они не стали после войны применять свои знания внутри страны.

В августе 1942 года была создана инженерная бригада особого назначения, подчинявшаяся Ставке Верховного Главнокомандования, и по одному инженерному батальону особого назначения в составе каждого фронта. Они предназначались для диверсий в немецком тылу. Однако из-за недостатка самолетов для переброски далеко за линию фронта диверсанты действовали в основном в прифронтовой полосе.

Стоит отметить, что в советском партизанском движении также активно участвовали истребительные батальоны НКВД. В конце июня 1942 года заместитель начальника штаба истребительных батальонов майор госбезопасности Александров докладывал Берии: «На основании

постановления СНК СССР от 24 июня 1941 г. «О мероприятиях по борьбе с парашютными десантами и диверсантами противника» и приказа НКВД СССР № 00804 от 25.6.41 в областях, объявленных на военном положении, было приступлено к формированию истребительных батальонов. К 30 июня было сформировано 1489 батальонов, численностью в 227 201 чел.

В июле были сформированы истребительные батальоны в Архангельской, Ярославской, Воронежской и Тульской областях и Северо-Осетинской, Чечено-Ингушской АССР и Азербайджанской ССР. К концу июля уже имелось 1755 батальонов с 328 450 бойцов. На вооружении батальонов в это время имелось 352 винтовки, 3002 пулемета и 54 640 ручных гранат».

Замечу, что с таким вооружением только совершенно неисправимые оптимисты могли рассчитывать справиться с немецкими десантниками или поймать хорошо вооруженных и обученных диверсантов. Правда, в дальнейшем положение с оружием улучшилось. Нередко истребительные батальоны использовали как обычную пехоту в сражениях с немцами. Однако НКВД решило, что раз бойцы истребительных батальонов должны уметь ловить диверсантов, то они сами тоже сгодятся и для диверсий во вражеском тылу и иных партизанских действий. Хотя Александров в своем докладе признавал: «В первые месяцы войны с бойцами батальонов была пройдена 120-часовая программа подготовки. Результаты усвоения были вполне удовлетворительными. Хуже результаты были по саперно-маскировочному делу. Практически бойцы не освоили самоокапывание и маскировку окопов, за отсутствием малых лопат.

Начиная с осени 1941 г. и по настоящее время боевое обучение проводится в недостаточных размерах и усвоение дисциплин заметно снизилось. В отдельных батальонах Воронежской, Ростовской и Смоленской областей занятия проводятся нерегулярно, а в некоторых совершенно прекращены. Посещаемость занятий бойцами намного ниже, чем в 1941 г., и порой падает до 20–30 %. Такое явление обуславливается следующими причинами: бойцы, занятые на производстве на нужды войны, освобождаются от работы поздно и не в состоянии после этого посещать занятия. Выходные дни они, если не заняты на производстве, используют для устройства своих хозяйственных дел. Партийно-комсомольский и советский актив мобилизуется для проведения в районе политических и хозяйственных мероприятий. Особенно много таких бойцов было привлечено на весенние посевные работы. Бойцы из числа колхозников и учащихся также заняты на полевых работах».

Бойцы истребительных батальонов очень напоминали стрелцов

допетровского времени, занимавшихся военным делом в свободное от хлопот по хозяйству время. К тому же состав их был очень текучим. Часть бойцов призывали в Красную армию, и им на смену приходили молодые рабочие и колхозники. Ясно, что воевать они умели очень плохо, а о минно-взрывном деле, столь необходимом в партизанской войне, имели в лучшем случае лишь самое общее представление. Однако и Берия, и Александров, равно как и партийные и военные руководители партизанского движения, гнались прежде всего за численностью подконтрольных НКВД партизанских отрядов, а как раз массовость «ястребки» могли обеспечить. Александров так суммировал их вклад в партизанское движение: «Из состава истребительных батальонов НКВД Карело-Финской ССР, Ленинградской, Калининской, Московской, Тульской, Орловской, Курской, Ростовской областей и Украинской ССР для партизанских действий в тылу противника было выделено 27 847 бойцов и командиров. В это число не входят бойцы истребительных батальонов, оказавшиеся отрезанными войсками противника и самостоятельно примкнувшие к партизанским отрядам. О количестве бойцов истребительных батальонов Белорусской, Молдавской, Эстонской, Латвийской, Крымской ССР и Смоленской области, которые были переданы на формирование партизанских отрядов, сведений не имеется...

Бойцы истребительных батальонов как в количественном, так и в качественном отношении явились костяком для формирования партизанских отрядов. Ныне Герой Советского Союза командир крупного партизанского отряда на территории УССР тов. Сабуров является комиссаром одного из истребительных батальонов гор. Киева и первоначальный состав его отряда – также бойцы истребительных батальонов. Сводный Орджоникидзеградский, Орловской обл., партизанский отряд до сего времени включает в себя бойцов истребительных батальонов, сформированных из рабочих завода им. “Профинтерна”.

В состав партизанской бригады Ленинградского Обкома ВКП(б) входят партизанские отряды из числа оставленных в тылу противника истребительных батальонов.

Участие истребительных батальонов в партизанском движении шло по двум направлениям. В некоторых случаях для партизанских действий в тылу противника оставлялись истребительные батальоны в полном своем составе. К 26 июля 1941 г. в захваченных противником районах Ленинградской области было оставлено для партизанских действий 25 истребительных батальонов, численностью до 4000 бойцов. В Киевской,

Одесской, Полтавской, Кировоградской и Харьковской областях УССР к партизанским действиям перешли 109 истребительных батальонов, численностью в 7230 бойцов.

Другим направлением являлось выделение бойцов из состава истребительных батальонов как кадра для формирования партизанских отрядов из местного населения. Такая практика нашла наиболее широкое и повсеместное применение.

В отличие от этих методов участия в партизанском движении в Москве был создан из состава отдельных батальонов области мото-истребительный полк, подразделения которого систематически переходили через линию фронта для партизанских действий в тылу противника. В этих операциях участвовало 5429 бойцов.

Учесть результаты партизанских действий бойцов истребительных батальонов не представляется возможным, поскольку сведения поступают о результатах действий отрядов независимо от их состава.

Степень участия истребительных батальонов в партизанском движении следует признать весьма значительной. Наиболее подготовленными кадрами партизан явились бойцы и командиры истребительных батальонов. В деле организации и поддержания дисциплины в отрядах бойцы истребительных батальонов являлись крепкой опорой для командиров и комиссаров отрядов».

В то же время Александров признавал: «Практику оставления для партизанских действий в тылу противника истребительных батальонов в их полном составе нельзя признать удачной. Далеко не все бойцы батальонов оказываются способными и пригодными к партизанским действиям...

В настоящее время в 32 областях, краях и республиках имеется 1354 истребительных батальона, насчитывающих в своем составе 163 857 бойцов и командиров. Партийный состав достигает 32 626 чел. Членов ВЛКСМ – 14 869 чел.

Возрастной состав: родившихся в 1925–24 гг. – 19 361 чел., в 1923 г. – 2963 чел., в 1922–1897–82 506 чел., старше 45 лет – 23 699 чел., старше 50 лет – 8305 чел...

В составе истребительных батальонов имеется 9367 женщин...»

Значительное число бойцов истребительных батальонов и в дальнейшем участвовало в партизанском движении, но теперь среди них проводился более тщательный отбор тех, кто по своей подготовке, физическому состоянию и характеру лучше всего подходил для партизанской борьбы.

Но одними «ястребками» кадры партизан далеко не исчерпывались.

Так, в июне 1942 года Старинов, командовавший 5-й отдельной инженерной бригадой спецназначения, действовавшей на Калининском фронте, предложил сформировать спецбригады из добровольцев воздушно-десантных, инженерных и железнодорожных войск на каждом из фронтов для действий на вражеских коммуникациях. Именно действия диверсантов могли оказать наибольшее влияние на стратегическую обстановку, парализовав или, по крайней мере, замедлив снабжение неприятельских войск. В мемуарах Илья Григорьевич рисовал радужные перспективы:

«На первый месяц намечались формирование, подготовка и планирование операции, на второй – переброска подразделений в тыл врага и установка неизвлекаемых противопоездных мин с большими сроками замедления, на последующие месяцы – оптимальное минирование новых участков противопоездными минами замедленного действия, с прикрытием их там, где нужно, разрушением малых мостов и подрывом рельсов, а при непреодолимой охране пути на благоприятной местности – обстрел паровозов из противотанковых ружей, удары по автомобильному транспорту из засад и минирование. Некоторые подразделения намечалось перебрасывать через линию фронта пешим порядком, в первую очередь там, где имелись коридоры в линии фронта; остальные – по воздуху. На первый месяц операции потребовалось бы около 1 тысячи, в последующем по 400–500 самолето-вылетов в месяц. Через два месяца после создания бригад планировалось парализовать железные дороги и сильно нарушить работу автомобильного транспорта врага».

На бумаге все это выглядело гладко и внушительно. Только, как водится, забыли про овраги. И 500, и 1000 вылетов в глубокий тыл врага для советской авиации летом и осенью 1942 года, при практически полном господстве люфтваффе в воздухе, было невыполнимой задачей. К тому же не хватало ни взрывчатки, ни опытных инструкторов-минеров, чтобы быстро подготовить необходимое число подрывников. В результате 17 августа 1942 года приказом наркома обороны были созданы только отдельные гвардейские батальоны минеров для действий в тылу врага. Они не обладали необходимыми средствами для выведения из строя неприятельских коммуникаций, не имели постоянной радиосвязи с центром и друг с другом, плохо координировали свои действия и в конце концов выродились просто в армейских партизан, не подчинявшихся ЦШПД, а лишь начальникам инженерных войск соответствующих фронтов. Они действовали непосредственно в интересах фронтовых соединений, но ресурсов для выполнения задач у них порой не хватало.

Старинов в целом положительно оценил кратковременное пребывание

Ворошилова во главе партизанского движения: «Ворошилов все же попытался, как это было предусмотрено в начале 30-х годов, военизировать партизанские силы и приступить к осуществлению внезапных крупных операций партизанских сил с целью закрыть пути подвоза войск противника и отрезать их на фронте от источников снабжения. Главком партизанским движением принял меры по укомплектованию ЦШПД опытными военными кадрами... Наладилась радиосвязь с партизанскими формированиями. Принимались меры по снабжению партизан необходимыми им средствами борьбы и связи. Но из-за невыделения самолетов для доставки грузов партизанам, они остро нуждались в минно-подрывных средствах, ПТР и других видах оружия. Чтобы улучшить управление и обеспечение партизанских сил, генерал А.К. Сивков, Х.Д. Мамсуров и автор этих строк внесли предложение военизировать партизанские формирования и ввести обеспечение их действий наравне с частями Красной армии для полного снабжения планируемых операций партизанских сил. Главком подписал докладную записку по этому вопросу, но начальник ЦШПД – П.К. Пономаренко отказался ее подписать. Это предложение не поддержали Маленков и начальник генштаба А.М. Василевский». Дело здесь было, опять-таки, в общем дефиците транспортных самолетов и взрывчатки. Тем не менее, в последнем квартале 1942 года партизанам было поставлено 40 000 мин замедленного действия, 30 000 противопоездных, 12 000 автотранспортных, 40 000 ампульных, 15 000 рычажных, 1000 малых магнитных мин, 45 000 противопехотных, 25 000 колесных замыкателей.

Что же касается «крупных операций партизанских сил», о которых мечтал Сталин, то они были явно бесперспективны. Ведь снабжать крупные партизанские соединения всем необходимым по воздуху в течение длительного времени не было никакой возможности. К тому же им было трудно маскироваться, поэтому внезапное нападение было трудноосуществимо. Кроме того, большое скопление партизан легко могло подвергнуться атакам боевых соединений вермахта, которые партизаны вряд ли бы выдержали.

В целом же надо признать, что советское партизанское движение, несмотря на все перечисленные и иные недостатки, было наиболее организованным из всех массовых партизанских движений Второй мировой войны и имело возможность в наибольшей степени координировать свои действия с войсками, сражавшимися на фронте.

Немцы довольно быстро ощутили на себе удары партизан на оккупированных советских территориях. Геббельс уже 16 марта 1942 года,

основываясь на донесениях СД, записал в дневнике: «Деятельность партизан в последние недели заметно усилилась. Они ведут хорошо организованную партизанскую войну. До них очень трудно добраться, так как они прибегают в оккупированных нами районах к таким террористическим методам, что население теперь боится идти на сколько-нибудь искреннее сотрудничество с нами». А 29 апреля 1942 года рейхсминистр пропаганды с нарастающей тревогой отметил: «Партизаны в оккупированных районах по-прежнему представляют огромную для нас угрозу. Этой зимой они поставили нас перед большими трудностями, которые отнюдь не уменьшились с началом весны. Партизаны взорвали в пяти местах железнодорожные пути на Центральном фронте между Брянском и Рославлем. Это еще одно доказательство их крайне дезорганизующей деятельности».

Сам Геббельс выступал за смягчение оккупационной политики, видя в ней одну из первопричин массового партизанского движения, но не находил понимания у Гитлера и Гимmlера. 25 апреля 1942 года он писал в своем дневнике: «Вначале население Украины было вполне склонно смотреть на фюрера как на спасителя Европы и сердечно приветствовало немецкую армию. Через несколько месяцев отношение к нам резко изменилось. Мы слишком больно ударили по русским, особенно по украинцам, круто поступая с ними. Затрещина не всегда является убедительным доводом, и это относится как к украинцам, так и к русским».

А 22 мая 1942 года он прямо утверждал: «...Мы должны изменить нашу политику, особенно по отношению к народам Востока. Нам бы удалось значительно уменьшить опасность со стороны партизан, если бы мы сумели завоевать в какой-то мере доверие народа. В этом отношении могла бы совершить чудеса ясная политика по отношению к крестьянам и церкви. Может быть, было бы полезно организовать в различных районах марионеточные правительства, чтобы переложить на них ответственность за неприятные и непопулярные мероприятия». Эти размышления так и остались размышлениями, не воплотившись в практические дела.

Партизаны на оккупированной территории руководствовались приказами Верховного Главнокомандующего и наркома обороны И.В. Сталина и директивами Центрального штаба партизанского движения. 1 сентября 1942 года состоялся прием Сталиным руководителей партизанского движения. После войны Пономаренко так изложил выступление на приеме Верховного Главнокомандующего: «В связи с задачами развития всенародного партизанского движения и высказанными партизанами замечаниями о том, что рост движения ограничивает

недостаток вооружения, И.В. Сталин вновь подчеркнул, что не следует по этим причинам отгораживаться от людей, желающих вступить в партизаны и бороться с нашествием. Надо захват оружия у противника сделать первостепенным делом и вооружать новых бойцов и новые отряды. Мы тоже поможем оружием из Центра в меру возможностей его переброски. Давайте дело всем желающим бороться с врагом. Известное количество людей в отрядах может быть и без оружия, на всяких вспомогательных работах, работах разведчиками и связными по месту жительства. Создавайте скрытые от врага резервы партизанского движения. Из них вы сможете черпать всегда пополнения для отрядов и создавать новые отряды. Народ сразу увидит, что вы – вооруженные и организованные, и не отгораживайтесь от него. И это будет всегда вызывать новый прилив народной поддержки, что является основой вашей силы». После этой встречи появился один из основополагающих приказов наркома обороны от 5 сентября 1942 года «О задачах партизанского движения». Там говорилось: «Красная Армия героически отражает натиск врага и сама наносит ему сокрушительные удары. Она изматывает его силы, наносит ему огромный урон... однако разгром германских армий может быть осуществлен только одновременными боевыми действиями на фронте и мощными непрерывными ударами партизанских отрядов по врагу с тыла. Народное партизанское движение на нашей территории, временно захваченной немецкими оккупантами, становится одним из решающих условий победы над врагом... Партизанское движение должно стать всенародным. Это значит, что существующие сейчас партизанские отряды не должны замыкаться, а втягивать в партизанскую борьбу все более широкие слои населения. Нужно наряду с организацией новых партизанских отрядов создавать среди населения проверенные партизанские резервы, из которых и черпать пополнения или формировать дополнительно новые отряды. Нужно повести дело так, чтобы не было ни одного города, села, населенного пункта на временно оккупированной территории, где бы не существовало в скрытом виде боевого резерва партизанского движения. Эти скрытые боевые партизанские резервы должны быть численно неограниченными и включать в себя всех честных граждан и гражданок, желающих освободиться от немецкого гнета.

Основные задачи партизанского движения: разрушение тыла противника, уничтожение его штабов и других военных учреждений, разрушение железных дорог и мостов, поджог и взрыв складов и казарм, уничтожение живой силы противника, захват в плен или уничтожение представителей немецких властей».

Этот же приказ предписывал «по возможности хлеб раздавать населению, а если этого сделать нельзя, уничтожать полностью». Сталин был недоволен тем, что «действиями партизан еще не охвачены города». Поэтому он требовал: «Партизанским отрядам, отдельным организациям и диверсантам обязательно проникнуть во все города, большие и малые, и широко развернуть там разведывательную и диверсионную работу. Разрушать и сжигать узлы связи, электростанции, котловые установки, водоснабжение, склады, емкости с горючим и другие объекты, имеющие военно-экономическое значение.

Беспощадно истреблять или захватывать в плен фашистских политических деятелей, генералов, крупных чиновников и изменников нашей родины, находящихся на службе у врага. В этих целях постоянно наблюдать за генералами и крупными чиновниками. Выяснить, что они делают, где живут, где и в какие часы работают, куда и по какому пути ездят, ходят, с кем ведут знакомство из местных жителей, какого поведения, кто и как их охраняет».

Сталин предписывал: «Партизанским отрядам и отдельным бойцам-партизанам вести непрерывную разведывательную работу в интересах Красной Армии... Особо отбирать людей, способных вести скрытую разведывательную работу, и внедрять их на службу в местные управления и учреждения, созданные немцами, на заводы, депо, станции, пристани, телеграф, телефон, аэродромы, базы и склады, в охрану немецких должностных лиц, в гестапо и его школы, а также во все другие учреждения и органы, обслуживающие армию или местную администрацию немецких властей... Данные агентурной и партизанской разведки незамедлительно сообщать Центральному штабу партизанского движения.

Руководящим органам партизанского движения, командирам и комиссарам партизанских отрядов, наряду с боевой работой, развернуть и вести среди населения постоянную политическую работу, разъяснять правду о Советском Союзе, о беспощадной борьбе Красной Армии и всего советского народа против фашистских захватчиков, о неизбежной гибели кровавых оккупантов. Разоблачать на фактах лживую немецкую пропаганду, воспитывать ненависть и озлобление к немецким захватчикам. В этих целях организовать издание газет, листовок и другого печатного материала на оккупированных территориях».

Замечу, что такое обилие задач, которые в идеале должны были решить партизаны, на практике приводило к распылению усилий. Возможно, если бы, как советовал тот же И.Г. Сталинов, партизанское движение

сосредоточилось на действиях групп квалифицированных подрывников, снабженных достаточным количеством взрывчатки, на коммуникациях противника, не отвлекаясь на нападения на полицейские гарнизоны и не гонясь за численным ростом отрядов, это принесло бы больше пользы Красной армии.

С конца 1942 года эффективность диверсионной деятельности партизан увеличилась, поскольку они стали получать в значительном количестве более подходящие для диверсий мины: противопоездную мину мгновенного и замедленного действия ПМС, магнитную мину системы УФАН, рычажную мину РМ, автотранспортную мину АС, малую магнитную мину МММ, а также мины замедленного действия МЗД.

Но Сталин требовал, чтобы партизанское движение было как можно более массовым, и партизанские руководители вынуждены были подчиняться. В постановлении V пленума ЦК Компартии Белоруссии от 28 февраля 1943 года «Об обстановке и задачах работы партийных органов и партийных организаций в оккупированных районах Белоруссии» подчеркивалась «важность усиления политической работы в западных областях Белоруссии в целях дальнейшего расширения партизанского движения и вовлечения в него широких слоев трудящихся западных областей, а также в противовес ведущейся националистической обработке населения со стороны различных польских нелегальных организаций...

Учитывая наличие больших скрытых партизанских резервов и огромное повышение боевой активности народа против немецких захватчиков, создавать новые партизанские отряды, выделяя из существующих отрядов проверенных командиров и комиссаров, коммунистов и комсомольцев в качестве организаторов, а также некоторую часть оружия для того, чтобы в новых партизанских отрядах была часть людей, уже действовавших как партизаны, вооруженных огнестрельным оружием, и остальная часть бойцов из населения, вооруженных холодным оружием, вилами, пиками, клинками и т. д.

Первоочередной задачей этих отрядов является раздобыть огнестрельное оружие для всего личного состава и для резерва отрядов...

Учитывая, что многие партизанские отряды Белоруссии вооружены главным образом отечественным оружием, а боеприпасы и патроны могут добывать и немецкого оружия, пленум ЦК КП(б) Б отмечает огромное значение изобретения станка по перезарядке и приведению к отечественному калибру немецких патронов, как одного из основных средств обеспечения партизанских отрядов боеприпасами. Изготовлено и заслано в партизанские отряды Белоруссии 200 таких станков.

Пленум ЦК КП(б) Белоруссии обращает внимание командиров и комиссаров партизанских отрядов, подпольных партийных организаций и руководящих центров на необходимость решительной борьбы со всякого рода проявлениями неправильного отношения к населению, с фактами мародерства, незаконных обысков, изъятий имущества, самогонокурения, с недооценкой роли девушек и женщин в партизанской борьбе, с фактами неправильного отношения к женщинам и девушкам, принимающими иногда форму прямого принуждения к сожительству; с антиморальным поведением некоторых командиров и комиссаров, забывших свою роль и значение в тылу и свою ответственность перед партией и народом.

Нельзя терпеть у руководства командиров и комиссаров, которые забыли, что они являются представителями Советской власти и партии в тылу, которые забыли, что командир и комиссар должны быть кристально чистыми, что на них смотрит народ, желая получить от них пример, помощь, указания, которые вместо расширения партизанской борьбы, руководства народной борьбой, стали на путь морально-бытового загнивания».

Тогда же Пономаренко издал директиву Центрального штаба партизанского движения партийным, советским и комсомольским организациям, где требовал: «Для уничтожения врага не стесняйтесь прибегать к любым средствам: душийте, рубите, жгите, травите фашистскую гадину».

Пантелеймон Кондратьевич на словах отвергал принудительную мобилизацию в партизанские отряды, поскольку благонадежность насильно мобилизованных внушала большие сомнения. Однако на деле глава Центрального штаба партизанского движения требовал всемерного расширения партизанского движения, фактически санкционируя такую мобилизацию. В феврале 1943 года он писал своему уполномоченному по Пинской области Белоруссии Алексею Ефимовичу Клещеву: «У Вас имеется колоссальная база для расширения партизанского движения. Полесье и в прошлые войны всегда показывало широчайший размах партизанской борьбы. У Вас имеются неисчислимы резервы для движения, и мы считаем, что количество партизан и отрядов, которое Вы называете в своем отчете, – очень скромные цифры. Они могут быть намного увеличены. Следовательно, Ваша задача состоит в том, чтобы поработать по-настоящему, расширить массовую партизанскую борьбу с немецкими захватчиками... Необходимо строго просмотреть практику отношения к населению отдельных отрядов и командиров. Неправильное отношение, мародерство и прочие обиды должны считаться тягчайшим

преступлением, и надо иметь в виду, что немцы считают очень действенным средством засылку в партизанские отряды своих агентов, которые под видом партизан чинят издевательство над населением и тем самым отталкивают население от партизан».

Справедливости ради надо признать, что не только «засланные казачки», но и настоящие партизаны чинили разного рода насилия над мирными жителями: грабили, насильовали, убивали. Если же речь шла о семьях старост или полицейских или даже о тех, кого только подозревали в сотрудничестве с оккупантами, то несчастных порой ждала мучительная смерть. Здесь люди Пономаренко не уступали в жестокости карательным отрядам немцев и их союзников.

Впрочем, в некоторых случаях принудительная мобилизация, по утверждению Пантелеймона Кондратьевича, играла своеобразную защитную роль по отношению к сторонникам партизан. В 1944 году, подводя итоги партизанского движения, он утверждал: «Часть лиц, желая помогать партизанам, боялась в то же время за судьбу своих семей, к которым оккупанты применили бы репрессии, и, страхуя себя от таких последствий, прибегали к различным хитростям. Например, в Логойском районе Минской области к нам обращались с просьбой: инсценировать нападение на деревни и “насильственный” увод с собой мужчин, чтобы дать таким путем возможность вступить желающим в партизанский отряд, не опасаясь мести полицейских по отношению к семьям. Мобилизованные в БКО (Белорусскую Краевую Оборону, сформированную с согласия немцев для борьбы с партизанами. – Б.С.) ждали, когда им выдадут оружие, чтобы можно было перейти к партизанам». Трудно сказать, когда на самом деле речь шла об инсценировке, а когда – о насильственном уводе в партизаны. Впрочем, насильственная мобилизация играла, по крайней мере, одну позитивную роль для партизан – она предотвращала угон молодежи на работы в Германию и ее мобилизацию в коллаборационистские формирования.

Строго говоря, от избыточной численности партизан, необеспеченных боеприпасами, а особенно от невооруженных так называемых «партизанских резервов», никакого вреда немцам не было. Наоборот, безоружные в сущности люди при проведении широкомасштабных антипартизанских операций становились легкой добычей карателей. Но рост рядов, помимо прочего, радовал начальственный глаз. И Пономаренко вдохновенно докладывал Сталину: «По состоянию на 1 июня 1943 года на связи у штабов партизанского движения имеется партизанских отрядов 1061 с количеством партизан 142 006. Из общего количества отрядов с 858

отрядами имеется радиосвязь через 268 работающих в тылу партизанских раций.

Учтенные резервы партизанского движения, готовые в любую минуту взяться за оружие, составляют 215 400 человек. Фактически резервы более многочисленны. Сеть подпольных партизанских организаций составляет: подпольных областных комитетов партии – 14, подпольных райкомов партии – 106, первичных подпольных партийных организаций по Белоруссии – 472 с количеством коммунистов – 4395 человек. По остальным республикам и областям сведений о первичных подпольных организациях нет.

В тылу противника издается типографским способом республиканских и областных газет – 14, районных газет – 69.

В результате работы, проводимой подпольными партийными организациями, отрядами и бригадами партизанское движение продолжает расширяться. Идет большой прилив местного населения в партизанские отряды, особенно в связи с стремлением населения избежать объявленной немцами мобилизации».

Правда, из дальнейшего доклада следовало, что далеко не все у партизан обстоит благополучно: «Обстановка в тылу становится все более напряженной.

Противник в апреле – мае с. г. предпринял крупные карательные экспедиции против действующих партизанских отрядов с целью их окружения и уничтожения.

Против смоленских партизан только в районе Клетнянских лесов и полка Гришина действует до 30 000 вражеских войск.

Против партизанских отрядов Калининской области противник ведет наступление силою до 50 000 человек.

В мае месяце немцы начали наступление против партизанских отрядов, действующих в южной части Брянских лесов. В бой введены войска численностью около 50 000 человек.

В Белоруссии в мае месяце немцы начали концентрическое наступление на партизанские отряды в районе Бегомль Минской области. В бой введены войска численностью свыше 30 000 человек с тяжелой артиллерией и авиацией.

В конце мая немцы начали наступление крупными силами пехоты с артиллерией и авиацией против партизанских отрядов в районе Речица – Шатилки, Гомельской области.

Партизанские отряды и бригады ведут непрерывные и упорные бои, изматывают врага, наносят ему серьезные удары. Однако, вследствие

трудностей добычи боеприпасов, сами часто попадают в тяжелое положение и нуждаются в помощи и поддержке боеприпасами».

Пономаренко просил усилить снабжение партизан по воздуху, настаивая, что «возросшие задачи по организации и руководству партизанским движением, необходимость заброски в тыл руководящих работников движения, питания для действующих радиостанций, бумаги для выпускаемых газет, медикаментов, боеприпасов и взрывчатых веществ, вывоза обратными рейсами тяжелораненых, вывоза представляющих интерес захваченных партизанами военнопленных и перебежчиков и т. д. требуют закрепления необходимого количества транспортных самолетов для выполнения заданий Центрального штаба партизанского движения».

Немцы иной раз оценивали число советских партизан даже выше, чем в штабе Пономаренко. В легенде к карте, показывавшей деятельность советских партизанских отрядов на территории РСФСР, Белоруссии и восточной Украины, общее число партизан оценивалось в 169–172 тысячи человек, причем самыми крупными партизанскими соединениями считались «армия Сабурова» – 9–12 тысяч человек, дивизия Ковпака – 5 тысяч и возглавлявшаяся Марковым бригада имени Ворошилова в Белоруссии – 7 тысяч человек. Регулярно снабжать по воздуху такую массу народа не было никакой возможности. Для этого не хватало ни транспортных самолетов, ни посадочных площадок в лесах.

Правда, порой донесения вермахта и СД о численности партизан вызывали большое сомнение в высших инстанциях. Герман Геринг, в качестве уполномоченного по реализации четырехлетнего плана отвечавший за хозяйственное использование захваченных восточных территорий, заявил в августе 1942 года на совещании с чинами оккупационной администрации: «Если выступят 10 партизан с обычными винтовками, то тыловые армейские подразделения сообщают, что выступили целые дивизии. Посмотрите на карту: в каком-нибудь заболоченном лесу находится еще 175-я ударная (советская. – Б.С.) дивизия. А там наверняка всего лишь дюжина партизан. Где они еще имеют много оружия, так это под Вязьмой и Брянском, где проходили крупные бои».

В том же донесении от 1 июня 1943 года Пономаренко, основываясь на донесении уполномоченного Центрального штаба партизанского движения по Пинской области А.Е. Клещеева, докладывал Сталину, что в Полесье партизанские соединения Федорова, Сабурова, Кожухаря, Мельникова и др. «ввиду хорошего оснащения вооружением и боеприпасами проводят набор-мобилизацию (в отряды) населения любого возраста по районам,

находящимся под их влиянием, в том числе и по нашим районам Пинской области. Лично связались со штабами соединений Сабурова и Федорова. Последние передали в наше распоряжение вновь мобилизованных партизан из наших районов. Эти люди невооруженные. Помощь в вооружении нам не обещают, ввиду разворачивания мобилизации и недостатка оружия».

Подчинявшиеся Украинскому штабу партизанского движения крупные (по несколько тысяч человек) соединения Сабурова, Федорова и др. имели большое количество оружия и боеприпасов и действовали преимущественно рейдами, постоянно перемещаясь на сотни и даже тысячи километров. Они могли позволить себе роскошь насильственной мобилизации, не опасаясь негативных последствий. Ведь в чужом краю, в той же Западной Украине, например, принудительно призванные в партизаны крестьянские парни (а иной раз в партизаны, как утверждают немецкие донесения, мобилизовывали и девушек), находясь во враждебном окружении населения, сочувствовавшего УПА, редко решались на дезертирство.

Иная ситуация была в белорусских партизанских отрядах, подчинявшихся Пономаренко. Они обычно оперировали в пределах одного-двух смежных районов каждый и к тому же испытывали острую нехватку боеприпасов, а порой – и винтовок. Насильно мобилизованные здесь находились вблизи от родных мест и при первом удобном случае всегда могли дезертировать и вернуться в свои деревни. Поэтому Пономаренко не был таким активным поборником мобилизации в партизанские отряды, как руководители украинских партизан.

Факты принудительной мобилизации населения партизанами отражались также и в немецких донесениях. 14 октября 1942 года командование тылового района 2-й немецкой танковой армии сообщало о действиях партизан: «Из различных областей района поступают сведения о насильном призыве в партизаны боеспособных жителей». А штаб 221-й охранной дивизии из группы армий «Центр» 9 марта 1943 года доносил: «В районе юго-западного Меркулова (65 км северо-западнее Гомеля) отмечено от 400 до 500 плохо вооруженных партизан. 20 процентов партизан являются принудительно завербованными местными жителями». Стремление к массовости партизанских отрядов не исключало того, что кандидаты в «народные мстители» нередко подвергались тщательной и иной раз даже жестокой проверке. К партизанам присоединялись бежавшие из лагерей военнопленные. Порой перед тем, как принять в отряд, их подвергали суровым испытаниям. Бежавший из плена с группой товарищей красноармеец Безруков в письме родителям рассказывал, как беглецов

задержали люди, представившиеся полицейскими: «Они, обсудив, выводят нас на расстрел. Приготовляясь к смерти, я попросил разрешения закурить. Закурив, я сказал, что никогда не ожидал, что русский народ будет расстреливать своего брата русского, и крикнул напоследок, что пусть мы погибнем трое за родину, но за нас отомстят. Один из арестовавших нас спросил: “за какую родину, за гитлеровскую или за какую?” Я говорю – “за русскую родину”. Когда нас вывели на улицу выполнять решение, т. е. нас расстреливать, оставшийся за командира группы сказал, что – мы партизаны. О, как мы были рады до слез, попали в ту семью, которую мы искали!»

В какой-то мере массовость партизанских отрядов с 1943 года стала своего рода неизбежным злом. Все больше и больше людей хотели принять участие в партизанском движении или бежали в леса к партизанам от репрессий немецких карателей. Не гнать же их, в самом деле, обратно в деревни, где их может ждать смерть или угон в Германию. Но, с другой стороны, более острым становился вопрос снабжения, а большие по численности отряды утрачивали подвижность и становились мишенью для широкомасштабных антипартизанских операций. Возможно, целесообразным было бы пытаться вывести избыточные массы партизан к линии фронта для пополнения Красной армии, что в ряде случаев было реально благодаря приближению фронта к партизанским районам. Однако из Москвы, наоборот, шли грозные приказы партизанским отрядам и бригадам ни в коем случае без специального приказа не выходить из неприятельского тыла. Сталин и его подчиненные из числа партийных работников и чекистов, ведавшие партизанским движением, опасались, что дай партизанам волю, они все как один устремятся к линии фронта. А так наличие в неприятельском тылу значительных, по крайней мере, на бумаге, сил внушало надежду, что они рано или поздно парализуют транспортные артерии противника, а в решающий момент окажут действенную помощь Красной армии в разгроме врага.

На самом деле наиболее эффективными были не операции многочисленных, но плохо обученных и оснащенных отрядов, а действия небольших, но специально подготовленных и оснащенных самыми современными средствами борьбы диверсионно-террористических групп, подрывавших важные военные объекты и уничтожавших высокопоставленных чиновников оккупационной администрации. Так, группа подрывников во главе с большим специалистом минного дела И.Г. Стариновым осуществила в ноябре 41-го радиоуправляемый взрыв ряда зданий Харькова, где размещались немецкие оккупационные учреждения.

В результате погиб начальник гарнизона генерал-лейтенант Георг фон Браун и десятки немецких офицеров. В составе спецгруппы действовал и легендарный Николай Кузнецов – он же обер-лейтенант Пауль Зиберт, застреливший вице-губернатора Галиции Отто Бауэра и главу судебного ведомства в рейхскомиссариате Украины Альфреда Функа. А наиболее громкий теракт – убийство генерального комиссара Белоруссии Вильгельма Кубе 22 сентября 1943 года – был организован группой, подчинявшейся непосредственно Центральному штабу партизанского движения и таившему суть своего задания и от минского подполья, и от руководителей партизанских отрядов Белоруссии. Возглавлял группу капитан госбезопасности С.И. Казанцев, за успешное покушение на Кубе произведенный в майоры госбезопасности (освобождение Минска он встретил командиром партизанского соединения из трех бригад). Завербованные им агенты смогли убедить горничную генерального комиссара подложить в кровать своего хозяина мину с часовым механизмом. Ранее пытались уничтожить Кубе с помощью мины, заложенной в Минском драмтеатре. Она должна была взорваться во время торжественного собрания в честь годовщины начала войны против СССР, 22 июня 1943 года. Но Кубе покинул театр раньше, чем мина взорвалась. В результате погибли десятки мирных горожан, не имевших никакого отношения к оккупационной администрации. Казанцев считал, что взрыв все равно принес свою пользу – теперь жители Минска будут остерегаться ходить на мероприятия, организуемые германскими властями.

У группы Казанцева был еще один объект для охоты – «Кабан». Под этим псевдонимом скрывался в документах глава РОА генерал Андрей Андреевич Власов. Покушение готовилось на тот случай, если Власов приедет в Минск. Кроме того, люди Казанцева старались завербовать находившихся в городе офицеров РОА, чтобы потом с их помощью осуществить теракт против генерала в Берлине. В отчете первому секретарю компартии Белоруссии Пономаренко, составленном в Минске 2 августа 1944 года, Казанцев сообщал, что они завербовали «подполковника Соболенко Д.А., псевдоним “Ветлугин”, командира группы пропагандистов РОА в Минске... Подполковник Соболенко Дмитрий Аврамович (см. его дело) нами завербован в основном для того, чтобы завершить дело по “Кабану”. Обработка Соболенко, псевдоним “Ветлугин”, стоила большого труда.

Через него мы хотели наладить работу на Берлин и переслать туда письма к генералам из “Русского Комитета” (с предложением уничтожить Власова и тем искупить свою вину перед Родиной. – Б.С.), инструкцию

нашей агентуре и яд для “Кабана”. Все это было передано своевременно с подробными указаниями, но 7.4.44 г. его арестовало минское СД (гестапо), как выяснилось теперь через его жену, по связям группы Градова, с которым он также работал, скрывая это от нас. Имеются предположения, что наши письма и яд он сумел переслать в Берлин до своего ареста. Об этом нам сообщила его жена, проживающая в данное время в Минске на Московской улице, д. 4, кв. 2... Возможно по имеющемуся у меня письму связаться с начальником канцелярии “Кабана” – Калугиным Михаилом Алексеевичем и рядом других русских офицеров, находящихся на территории Германии, обработанных нами или намеченных к обработке...»

Дмитрий Аврамович Соболенко (судя по отсылке Казанцева к его личному делу, Соболенко – это настоящая фамилия подполковника-власовца) был личностью примечательной, и менять фамилии ему приходилось неоднократно. Судя по всему, Дмитрий Аврамович вел с майором Казанцевым двойную игру. Дело в том, что всего через семь месяцев после исчезновения из Минска, скорее всего, именно он возглавил под именем Н.В. Тензорова управление безопасности образованного Власовым с санкции немцев Комитета освобождения народов России. Кстати сказать, в этом управлении его подчиненным был майор М.А. Ковалев, упомянутый в донесении Казанцева как перспективный объект для вербовки. Ясно, что СД никогда бы не допустило назначение на такой пост человека, заподозренного в связях с советским подпольем в Минске. Очевидно, легенда об аресте понадобилась для того, чтобы объяснить внезапное исчезновение Соболенко-Ветлугина-Тензорова из белорусской столицы. То, что он так и не стал советским агентом, доказывает поведение Дмитрия Аврамовича в последние дни существования КОНР и власовской армии. Вместо того чтобы помочь советским представителям обнаружить и захватить Власова, как по логике должен был поступить человек, завербованный НКГБ, Соболенко-Тензоров предпочел скрыться с помощью американского капитана Донахью уже после того, как Власов оказался в распоряжении сотрудников «Смерш». А перед этим настойчиво уговаривал генерала переодеться в штатское платье и бежать в Южную Германию. В итоге Тензоров оказался одним из немногих высокопоставленных сотрудников КОНР и РОА, благополучно избежавшим выдачи Советам и мирно окончившим свои дни в эмиграции. А с группой Казанцева, как и ранее с группой подпольщика Градова, он вступил в контакт лишь затем, чтобы выведать, какими агентами чекисты располагают во власовском окружении. Скорее всего, те лица, письма к которым передал Казанцев через Соболенко, были арестованы гестапо и контрразведкой РОА.

После убийства Кубе группа Казанцева готовила покушение на его преемника на посту генерального комиссара группенфюрера СС Карла Готтберга, прославившегося жестокими карательными экспедициями против партизан и мирного населения. Но здесь партизан ждала неудача. Был разработан детальный план покушения, очень напоминающий типичные заказные убийства в России в конце XX – начале XXI века. Завербованный людьми Казанцева электромонтер театра Игорь Рыдзевский должен был провести в свою мастерскую, окна которой выходили на фасад здания генерального комиссариата, снайпера с бесшумной винтовкой с оптическим прицелом. Один из агентов, работавших в генеральном комиссариате, по кличке Иванов, должен был подать сигнал в тот момент, когда Готтберг будет приближаться к зданию, и тогда снайперу М.И. Макаревичу предстояло поразить группенфюрера с дистанции 200 метров отравленными пулями, а затем вместе с Рыдзевским скрыться на конспиративную квартиру. Была уже назначена дата акции – 15 октября 1943 года. Однако в этот день Готтберга не оказалось в городе, а несколько дней спустя Иванов был арестован, и связь с Рыдзевским прервалась. Макаревич так и остался в одном из партизанских отрядов под Минском. Запасные же варианты покушения на Готтберга претворить в жизнь не удалось из-за того, что с марта 44-го партизанская зона под Минском оказалась в плотной блокаде, и Казанцеву и его людям больше не удалось проникнуть в город. Поэтому Готтбергу предоставилась возможность самостоятельно покончить с собой в мае 45-го, сразу после поражения Германии. Но до этого люди Казанцева попытались завербовать несколько сотрудников генерального комиссариата. Справка об одном из них, приведенная в отчете Казанцева, читается как короткий анекдот: «Обрабатывался Кандыбович, бывший управделами Совнаркома БССР. Обработка его успехом не увенчалась. Слишком он был предан немцам». Хорош же был управляющий делами правительства Советской Белоруссии, который даже в начале 44-го, когда в поражении Германии уже никто не сомневался, был «слишком предан немцам»!

Л. Рендулич так классифицировал советских партизан, опираясь на их собственную терминологию: «Советские люди сами различали регулярных и диких партизан. Регулярные партизаны действовали, поддерживая тесную связь с Красной Армией, и при помощи радио и самолетов находились в постоянном контакте с ее штабами. Среди высшего руководства таких партизан было немало офицеров Генерального штаба Красной Армии. Централизованность руководства партизанскими отрядами была очевидна, ибо при подготовке и проведении какого-либо

значительного наступления немецких или русских войск партизаны в этом районе немедленно активизировали свои действия с целью дезорганизации снабжения и срыва связи между частями немецкой армии, захвата и ликвидации складов с боеприпасами и нападения на места расквартирования войск. Эти действия стали тяжелым бременем для армии и представляли собой немалую опасность. Ни на одном другом театре военных действий не было такого тесного взаимодействия между партизанами и регулярной армией, как на русском. Бывали случаи, когда во взаимодействие с частями Красной Армии вступали силы партизан, насчитывавшие до 10 тыс. человек. Сильно растянутый фронт немецкой армии чрезвычайно облегчал партизанским соединениям маневрирование и отход. Да и подвоз оружия, боеприпасов и продовольствия при таких условиях больших трудностей для них не представлял.

Основная масса партизан состояла из добровольцев из местного населения, но были и случаи принудительной записи в партизаны. Командный состав и офицеры связи партизан обучались в специальных партизанских школах и затем сбрасывались в немецком тылу с самолетов или тайно переводились через линию фронта. Особенно действенную помощь партизанам оказывали различные военные специалисты, как например минеры, которые своей изобретательностью ставили немецких солдат каждый раз перед новыми неприятными неожиданностями».

Рендулич также подчеркивает роль партизан в добывании разведданных: «Советские агенты и шпионы готовились и действовали не по принципу тщательного отбора и личных качеств, а массами, что является очень характерным для коллективного мышления советских людей. Командование, очевидно, не придавало особого значения тому, что если несколько сотен агентов сбрасывалось на парашютах над одним районом, то 90 % из них погибало. Для него было важно, чтобы кто-нибудь из них достиг поставленной цели». Интересно, что немецкая разведка в рамках операции «Цепеллин», забрасывая в советский тыл тысячи агентов без тщательной подготовки, рассчитывала, что хотя бы несколько процентов из них достигнут цели. При этом надо оговориться, что подавляющее число германских агентов была из числа советских военнопленных и перебежчиков, на которых руководство абвера и СД смотрело прежде всего как на расходный материал. Уцелевшие же советские агенты обычно находили помощь в партизанских отрядах. При этом, как признает Рендулич, партизаны проявили большую сноровку в добывании разведданных.

«Дикие» же партизаны, слабо связанные или совсем не связанные с

советским командованием, были, по словам Рендулича, очень похожи на «домашних партизан» на Балканах, отличались особой жестокостью и коварством, днем маскируясь под мирных жителей, и в своих районах наносили немцам немалый урон. По утверждению Рендулича, «после освобождения Красной Армией областей, в которых действовали дикие партизаны, они, как правило, немедленно брались органами НКВД под надзор и отправлялись на переобучение в отдаленные лагеря, а иногда и в штрафные роты с особенно строгой дисциплиной. Их подчеркнутая недисциплинированность – следствие ничем не стесненного образа жизни – казалась советскому командованию недопустимой для регулярных войск». Он также полагал, что советские партизаны действовали более жестоко, чем даже партизаны на Балканах, и никогда не брали пленных. Впрочем, таковы были законы партизанской войны: партизаны не могли обременять себя группами пленных и тем более создавать для них специальные лагеря. Впрочем, отдельных особо ценных пленных, офицеров и генералов, порой эвакуировали в Москву на самолетах. Кроме того, отдельные немцы, итальянцы, венгры, румыны порой оставались в партизанских отрядах, либо вливаясь в ряды партизан, либо оставаясь на положении пленных, без оружия, и выполняя какие-либо хозяйственные работы по партизанскому лагерю.

По мере того как определялся перелом в борьбе в пользу Красной армии, росли ряды партизан. Происходили изменения и в руководстве партизанским движением. Они были связаны с тем, что советские войска двинулись на запад. 7 марта 1943 года Центральный штаб партизанского движения был расформирован, и руководство партизанами передано республиканским и областным штабам. Это объяснялось тем, что после Сталинградской победы Сталин надеялся, что в самое ближайшее время вся территория СССР будет освобождена от немцев. Местные штабы партизанского движения должны были координировать действия партизан и войск соответствующих фронтов, а затем руководить восстановлением органов советской власти на освобожденных территориях. Однако позднее в марте Красная армия потерпела серьезное поражение под Харьковом, и стало ясно, что освобождение оккупированных территорий откладывается. Надо было по-прежнему координировать из центра снабжение и действия партизанских отрядов, которым предстояло еще много месяцев бороться в тылу врага. Поэтому 17 апреля 1943 года был воссоздан Центральный штаб партизанского движения во главе с все тем же Пономаренко. Но теперь из его подчинения уже официально вывели Украинский штаб партизанского движения. Впрочем, и прежде Украинский штаб подчинялся Центральному

штабу лишь формально. Дело в том, что возглавлял его глава украинских коммунистов Никита Сергеевич Хрущев, член Политбюро, и, само собой разумеется, рядовой член ЦК Пономаренко командовать им просто не мог.

Постоянная смена организации управления партизанским движением отнюдь не прибавляла ему эффективности. И.Г. Старинов сокрушался, что Генеральный штаб фактически не оказывал никакого влияние на руководство партизанским движением, поскольку «общие задачи партизанам ставились ЦК ВКП(б), Сталиным как наркомом обороны и Верховным Главнокомандующим, центральными и областными комитетами компартии, на территорию которых вторгся противник.

Однако при наличии Центрального и подчиненных ему партизанских штабов военные действия в тылу врага вели специальные партизанские формирования, руководимые органами разведки Красной Армии, а также народного комиссариата внутренних дел, и минеры инженерных войск. Боевые действия в тылу врага велись советскими партизанами в Великой Отечественной войне 46 месяцев. Центральный штаб существовал всего 18 месяцев, при этом последние 7 месяцев Украинский штаб партизанского движения ему не подчинялся».

Старинов считал, что централизованное планирование партизанской войны в условиях, когда диверсии на вражеских коммуникациях не были сформулированы в качестве главной задачи партизан, приносило один только вред. Он не без горькой иронии пишет: «Так, 7 апреля 1943 года “нелегальный” ЦК Коммунистической партии (большевиков) Украины, который заседал в Москве и фактически был вполне легальным (так и представляешь себе украинских коммунистов под руководством Никиты Сергеевича, которые, уходя от чекистской слежки, собираются тайком на одной из конспиративных малин в районе Марьиной Рощи! – Б.С.), утвердил представленный Украинским штабом партизанского движения оперативный план боевых действий в весенне-летний период 1943 года, который затем был направлен в ЦК ВКП(б), а не в Ставку, и лишь 26 апреля план был утвержден ЦК ВКП(б). Одновременно Государственный комитет обороны (ГКО) принял постановление о материальном обеспечении партизан Украины. Пока планировали, утверждали план и материально обеспечивали его выполнение, крупные партизанские соединения бездействовали. Прошла весна, и летом этот план был выполнен в незначительной части».

Что ж, бюрократизация руководства советским партизанским движением, несомненно, снижала эффективность действий партизан. Но, как представляется, Старинов смотрит на проблему несколько узко, с точки

зрения профессионала-проводника. Далеко не все партизанские отряды на практике имели возможности совершать крупные диверсии. К тому же партизанам часто важны были не столько руководящие указания из центра, которые все равно не могли учитывать реальной обстановки в партизанских районах, сколько снабжение боеприпасами и вооружением, а оно в период выработки планов все-таки не прекращалось. На практике партизанские командиры чаще всего действовали самостоятельно, лишь докладывая в ЦШПД о результатах своей боевой деятельности. Разумеется, эти отчеты представляли ее в наилучшем свете и порой грешили преувеличениями насчет нанесенного неприятелю урона. Но в этом отношении они ничем принципиально не отличались от донесений командиров Красной армии, а вот насчет самостоятельности действий партизанские командиры находились в более благоприятном положении по сравнению со своими армейскими коллегами. Хотя у партизанских командиров вплоть до самого конца были рядом контролеры в лице комиссаров, сохранившихся в партизанских соединениях, в отличие от армии, до конца войны, а также начальников особых отделов, в реальных условиях партизанской войны между всеми ними обычно налаживалось взаимодействие, и они вместе осуществляли операции, порой независимо от Центра.

Окончательно Центральный штаб партизанского движения был упразднен 13 января 1944 года. Руководство партизанами передали республиканским штабам. Пономаренко возглавил самый крупный из них – Белорусский штаб партизанского движения. Теперь уже освобождение советской территории продолжалось безостановочно, и местным штабам было сподручнее координировать взаимодействие партизан и частей Красной армии, а также снабжать партизанские отряды всем необходимым. Это, однако, не предотвратило крупные, особо трагичные поражения партизанских отрядов Белоруссии в последующие месяцы, перед самым освобождением республики советскими войсками, когда против них были задействованы значительные силы немецких полевых войск, переброшенных с фронта.

Как отмечал И.Г. Старинов, с упразднением ЦШПД «кончились остатки централизации действий партизанских сил на еще оккупированной фашистской Германией территории СССР... Ставка Верховного Главнокомандующего, вопреки утверждениям маршала Г.К. Жукова, только получала разведывательные и оперативные сводки штабов партизанского движения, но на них фактически не реагировала».

Столь категоричное утверждение, вероятно, не совсем соответствует истине. Трудно предположить, чтобы Ставка совсем уж не использовала

разведданные, которые поступали от партизан, в особенности от отрядов, действовавших непосредственно в прифронтовой полосе. Хотя, конечно, информация от отрядов, действовавших в глубоком тылу противника, нередко поступала с опозданием, особенно если в отряде не было рации.

Вопреки распространенному мнению, отнюдь не на всех советских территориях, оккупированных немцами, возникло массовое партизанское движение. В Прибалтике и Бессарабии массового просоветского партизанского движения не возникло даже в 1944 году, когда поражение Германии стало очевидно, и многие жители оккупированных территорий спешили поучаствовать в партизанской борьбе, чтобы заслужить благосклонность советской власти. Объяснялось это тем, что Литва, Латвия и Эстония всего год находились под советской оккупацией, которую большинство местного населения встретило враждебно. Сколько-нибудь многочисленной просоветской прослойки в этих странах так и не возникло. Литовцы, латыши и эстонцы рассматривали Германию как союзника, пусть и не самого желанного, в борьбе за возрождение независимости. Многие из них предпочитали закрывать глаза на то, что нацисты совсем не собираются восстанавливать независимость стран Балтии и никаких обещаний на сей счет местным политикам никогда не давали. На Украине же с освобождением Левобережья Днепра собственно партизанское движение просоветской направленности фактически прекратилось. Действия советских партизан здесь свелись к рейдам крупных соединений Ковпака, Наумова, Сабурова и других в западноукраинские Карпаты. Фактически эти соединения правильнее было бы называть войсками специального назначения типа немецкой дивизии «Бранденбург». Они занимались диверсионной и, в меньшей мере, разведывательной деятельностью, атаковали неприятельские гарнизоны, захватывали склады, разрушали железные дороги и мосты, пополняясь сторонниками коммунистов из числа местных жителей. Однако действовать им приходилось среди по преимуществу враждебного западноукраинского населения и вести бои не только с немцами и коллаборационистскими формированиями, но и с отрядами Украинской Повстанческой Армии и польской Армии Крайовой.

Степень развития партизанского движения во многом также определялась степенью жестокости германской оккупационной политики в СССР. Она была значительно мягче в Прибалтике, особенно в Латвии и Эстонии, поскольку латыши и эстонцы считались арийскими народами. В Литве в 1943 году возникла Литовская освободительная армия, но боевых действий против немцев не вела, ограничиваясь мелкими стычками с

отрядами Армии Крайовой в Южной Литве. В Эстонии и Латвии в 1944 году также появились небольшие отряды «зеленых» – дезертиров из национальных легионов СС и лиц, уклонявшихся от трудовой повинности, но в бои с немцами они не вступали. В Бессарабии, занятой румынами, молдавское население, считавшее себя румынами, не горело желанием сражаться с оккупантами. Согласно итоговому отчету Центрального штаба партизанского движения, в Молдавии в партизанских отрядах сражалось всего семь лиц молдавской национальности! Украинцы также не считались арийцами, а после разгона украинского правительства во Львове их симпатии к немцам значительно уменьшились. Но на Западной Украине, прежде входившей в состав Польши, существовало мощное национальное движение, столь же антисоветское, как и антипольское. Здесь с конца 1942 года существовало мощное партизанское движение УПА, не подконтрольное Москве. Степные же районы Восточной и Южной Украины мало подходили для партизанских действий. Поэтому основным центром советского партизанского движения стала Белоруссия, а также Смоленская, Брянская и некоторые другие области РСФСР.

Сталин и Пономаренко довольно долго находились в плену прекраснодушных мечтаний, что партизанские отряды способны воевать с врагом главным образом за счет оружия и боеприпасов, захваченных у врага. 18 августа 1942 года Пантелеймон Кондратьевич направил специальную директиву фронтовым штабам партизанского движения: «Фронтовые штабы неправильно ориентируют... отряды и упускают из виду, что стремление обеспечить все снабжение партизанских отрядов в централизованном порядке является неправильным.

Во-первых, партизанские отряды должны, и имеют к этому все возможности, обеспечить себя за счет противника. Партизаны, если у них нет в достаточном количестве оружия, боеприпасов и другого снаряжения, должны добыть все это в бою. Лишь бездействующие отряды будут испытывать нужду, но вряд ли целесообразно заниматься в централизованном порядке снабжением таких отрядов. Нельзя приучать отряды требовать и полагаться на снабжение только из центра и поощрять этим беззаботность в отрядах.

Во-вторых, фронтовые штабы, представляя заявки в Центральный штаб, упускают из вида, что все вооружение, боеприпасы, снаряжение и др. отпускаются для действующих фронтов и армий и что в тех случаях, когда в силу действительной нуждаемости отрядов их необходимо снабжать теми или иными предметами – это должно учитываться фронтами и армиями и снабжение должно идти через них, а они, в свою очередь, вправе и должны

предъявлять соответствующие заявки по довольствующим Управлениям НКО для нужд партизанского движения. Доставка в отряды грузов самолетами также может во многом быть разрешена силами фронтов.

Само собой разумеется, что в снабжении специальным вооружением, например, рациями, подрывными минами и т. д., Центральный штаб партизанского движения будет оказывать помощь». На практике же за счет местных ресурсов партизаны могли снабжать себя только продовольствием и фуражом, иногда – теплой одеждой, но никак не вооружением и боеприпасами. Об этом уже после войны, 28 декабря 1965 года, вполне откровенно писал Пономаренко бывший командир партизанского отряда А. Андреев, впоследствии ставший одним из руководителей белорусских профсоюзов. Он критиковал утверждение, содержащееся в статье Пономаренко, опубликованной в юбилейном сборнике к 20-летию победы «Борьба советского народа в тылу врага», будто «немецкие склады, базы снабжения и эшелоны являлись главным снабжением партизанских отрядов и соединений». Андреев на основании собственного опыта вполне резонно возражал: «На самом деле указанный в статье источник являлся не главным, а подсобным в боевом снабжении советских партизанских отрядов и соединений.

Известно, что в первые годы войны основная масса оружия и боеприпасов черпалась партизанами из оставленных частями Советской Армии при отступлении и в большинстве случаев запрятанного населением, а затем – за счет получения из советского тыла.

Это, конечно, ни в коей мере не отрицает того урона, который нанесли партизаны врагу при уничтожении его баз, складов, эшелонов и т. д. – но это далеко не означало, что при этом будут захвачены и трофеи, так как это, во всех случаях, требует захвата и удержания на определенное время объекта нападения, а сделать это малыми силами – практически невозможно.

Исключение, пожалуй, составляли операции партизан по разгрому вражеских гарнизонов, если производились они силами, значительно превосходящими силы противника, однако и они, в большинстве случаев, не давали должного эффекта в рассматриваемом плане, ибо влекли за собой большие потери в живой силе, большой расход боеприпасов. Этим и объясняется то, что трофейное оружие и боеприпасы сравнительно мало были распространены среди партизанских отрядов, хотя партизаны и стремились заполучить его – ведь, помимо всего, это имело и моральное значение... Сколько возможностей было упущено партизанами только из-за постоянного острого недостатка оружия, боеприпасов, отсутствия

взрывчатки! Недаром в подавляющем большинстве партизанских отрядов шли на такие дела как разминирование минных полей, разряжение снарядов и выплавление из них тола; в отдельных отрядах и бригадах даже изготавливали самодельное огнестрельное оружие (партизан одного из отрядов, действовавших в Слуцком районе Минской области Белоруссии, Георгий Тихонович Дмитриенко, изобрел автомат, годный для сборки кустарным способом и почти не уступавший по своим качествам ППШ. – Б.С.) ...

Является совершенно необходимым, критически проанализировав опыт прошлого, со всей силой поставить вопросы необходимости боевого обеспечения партизан в прошлой войне, что позволит в будущем избежать ошибок, основанных на представлениях, что для организации и ведения партизанской борьбы в тылу врага нужны только патриотически настроенные люди.

Конечно, без патриотов, в самом высоком смысле этого слова, никакого партизанского движения не будет, ибо в условиях партизанской войны активно бороться с врагом могут только добровольцы. Но я акцентирую внимание на вопросах боевого снабжения партизан, исходя из необходимости и возможности наиболее эффективных методов борьбы в тылу противника».

В апреле 1943 года Центральный штаб партизанского движения отдал приказ оборудовать в партизанских отрядах специальные машинки для набивки трофейными пулями гильз от отечественных патронов. Здесь подчеркивалось, что снабдить из центра можно лишь 30–40 отрядов, тогда как на практике «речь идет о снабжении сотен тысяч партизан. Необходимо твердо усвоить, что партизанское движение снабжается боеприпасами главным образом за счет трофеев, отбиваемых у противника. Немцы вынуждены подвозить боеприпасы по тонким линиям магистралей из Германии. Партизанские отряды в любом месте могут пускать под откос эшелоны».

Пономаренко представлял себе железнодорожные магистрали ниточками, какими они и выглядели на карте. Чем она тоньше, тем легче ее перерезать ножницами. В действительности для того, чтобы подорвать магистраль в самом уязвимом месте, уничтожить важный мост, вывести из строя узловую станцию, вообще добиться длительного перерыва в движении поездов, требовались усилия опытных саперов и достаточное количество взрывчатки. А того и другого партизанам всегда не хватало.

В действительности же партизаны постоянно испытывали нехватку боеприпасов и взрывчатки. К трофейным гильзам все равно требовались

новые капсулы, доставляемые с Большой земли. Кроме того, такие самодельные патроны часто давали осечки. А выплавление тола из снарядов нередко кончалось взрывами и гибелью людей.

В отчете о развитии партизанского движения, составленном в июне 1943 года, Пономаренко признавал: «Стремление к чрезмерной централизации руководства движением, попытка управлять всеми отрядами из центра, вреднейшая тенденция замены выросших из движения командиров только военными товарищами. К чему это приводило? Партизанский отряд становился узким военным организмом, теряя связь с населением, в трудной обстановке командиры покидали отряд и уходили в советский тыл, а местные работники оставались, удерживали и вновь поднимали движение.

Стремление взять все партизанское движение на централизованное снабжение. Это посеяло бы совершенно напрасные иллюзии среди партизан... а снабжение оставалось бы обещанием, так как технические возможности переброски необходимого при централизованном снабжении количества грузов нет».

Порой партизанские отряды испытывали большие трудности со снабжением не только боеприпасами, но и одеждой и продовольствием, особенно если действовали в скудной местности с редким или бедным населением. 25 октября 1942 года комиссар действовавшего в Белоруссии 537-го партизанского отряда Коспар докладывал Пономаренко как секретарю белорусской компартии: «Положение некоторых отрядов партизан... вызывает некоторое беспокойство и напряженное состояние по причине отсутствия боеприпасов (на бойца 30–40 патронов), отсутствия обуви и одежды, отсюда заболевания. Нахождение немецких гарнизонов в деревнях и полицейщины, а при этом условии заготовка продовольствия сопряжена с боями и расходом патронов. Кроме того, абсолютное отсутствие агитационной литературы, листовок, брошюр, газет, к которым как у партизан, так и у населения большой спрос и жажда к чтению. Между тем германского бреха ловко забрасывает все уголки различной агитационной литературой. Помощи партизанские отряды некоторые никакой не видят, например, 537-й имени Кирова партизанский отряд не получил ни одного автомата, вооружение получает тот, кто присутствует при получении его, а кто далеко, тот не видит. До партизан доходят слухи, что за фронтом сидят ряд работников Белоруссии, которые получают деньги, пьют спирт, держат вооружение, получают подарки для Белорусских партизан, чем возмущены партизаны. Прошу, товарищ секретарь, оказать еще большую помощь, чем поднять еще больше боевой

дух и способность партизан, а мы еще сильнее будем бить врага».

Подобные сигналы были не единичны. Они послужили одной из причин отставки К.Е. Ворошилова с поста главнокомандующего партизанским движением в ноябре 1942 года. Снабжение партизан по воздуху было временно прекращено, чтобы навести в этом деле порядок.

В начале 1943 года, в связи с успешным наступлением Красной армии и усилившимся притоком населения к партизанам, Пономаренко просил Сталина улучшить снабжение партизанских отрядов по воздуху: «Наступление частей Красной Армии и победы под Сталинградом, на Центральном, Юго-Западном, Воронежском фронтах усилило боевую деятельность партизанских отрядов и вызвало массовый прилив местного населения в партизанские отряды большими группами.

Центральный штаб партизанского движения в связи с огромным ростом партизанских отрядов за счет местного населения ежедневно получает радиogramмы от командиров партизанских отрядов с настойчивыми просьбами о выброске боеприпасов и вооружения. Недостаток боеприпасов и вооружения заставляет командование партизанских отрядов воздерживаться от приема новых партизан. Например:

Командир группы объединенных отрядов тов. Флегонтов, действующей в районе Пуховичи – Червень, радиogramмой от 2-го января 1943 года доносит: “Созданы два новых отряда... численностью 65 и 30 человек... Резерв невооруженных 500. При наличии оружия резерв не ограничен. Ускорьте доставку оружия”.

Командир группы партизанских отрядов т. Кирпич, действующий в районе Лепеля, 25 декабря 1942 года радиogramмой сообщил: “Партизанские резервы в количестве 1500 человек созданы. Требуется вооружение и боеприпасы. Прошу снабдить партизан боеприпасами и вооружением”.

Командир партизанского отряда Шляхтунов из района Докшицы, Вилейской области, Западная Белоруссия радиogramмой 25.12.1942 г. доносит: “До 600 человек местного населения просит принять в отряд. Прошу помочь оружием, боеприпасами”.

Комиссар партизанского отряда Тимчук в своем сообщении пишет: “Молодежь, девушки, старики тысячами со слезами на глазах просят, чтобы их приняли в партизаны, но что мы можем сделать, когда лимит приема – это винтовки. Набрать людей и держать в лесах – это значит ребят с винтовками превратить в заготовителей продуктов. Нужно оружие или разрешение переправиться за линию фронта. В одном Ивьеском районе

(Западная Белоруссия) половина района имеется на учете и сегодня можно использовать хоть куда 1253 человека. Отсюда сами судите о народном настроении. За какое наказание мне пришлось работать в этом районе, как раз тут мало оружия. Всю полицию, бургомистров уже перебили, по несколько смен, отобрали у них оружие, но этого мало. При наступлении Красной Армии на Запад плюс оружие в тылу, и ни один фриц не уйдет”.

Уполномоченный ЦК КП(б) Белоруссии по Пинской области т. Клещев радиограммой сообщил: “Противник бросил большие силы на борьбу с партизанами, выжигает деревни с населением. Деревни Суевая, Миля и Ходика, Старобинского района сожжены целиком с людьми. Забирают весь скот, хлеб и домашнее имущество. Ежедневно идут бои партизан с немцами. Большой прилив населения в партизанские отряды. Надо вооружение, боеприпасы и взрывчатые вещества”.

Тов. Ковпак сообщает: “В районах Полесской, Житомирской, Ровенской областей много населения ушло в леса. Мероприятия властей саботируются. Организована самооборона сел от немцев. Население подвергается жестоким репрессиям. Население живет твердой надеждой в скорый приход Красной Армии, оказывает помощь партизанам. Многие из них желают пойти к партизанам. Нет оружия”.

Тов. Сабуров сообщил: “Отряды за время рейда выросли на 850 человек, из них свыше 50 процентов не имеют оружия. Добровольцы ежедневно прибывают в большом количестве. Прием затруднен за неимением вооружения. Просьба быстрее выбросить вооружение и боеприпасы”...

Рост партизанского движения за счет местного населения имеется и на оккупированной территории Северного Кавказа и Крымской АССР. Начальник Южного штаба партизанского движения т. Селезнев в своей радиограмме сообщает: “Зверства, грабежи, насилия немцев обостряют и озлобляют население оккупированных территорий. Недовольство оккупантами растет ежедневно. Население ожидает прихода Красной Армии. Характерно, что крымские татары массами переходят в партизаны. На днях на Туапсинском направлении перешло на нашу сторону 8 человек армянского легиона”.

По неполным данным за последние 6 недель партизанские отряды выросли на 14 060 человек. Количество отрядов и групп увеличилось на 138.

Учитывая, что партизанские отряды за последнее время значительно пополнились за счет местного населения и создано большое количество резерва, вооружение которого не может быть решено на месте, считал бы

необходимым в ближайшее время организовать выброску самолетами вооружение и боеприпасов партизанским отрядам для вооружения пополнения».

Не исключено, что численность как действующих отрядов, так и партизанского резерва командиры и комиссары иной раз сознательно завышали, чтобы выбить из Москвы больше винтовок и патронов.

Продовольствием партизаны снабжались главным образом за счет местного населения. Нередко это были действительно добровольные пожертвования, особенно там, где советские партизаны пользовались широкой народной поддержкой – в Белоруссии, некоторых районах Смоленской и Орловской области и украинского Полесья. Крестьяне, чьи сыновья и мужья ушли в партизаны, охотно помогали своим всем, чем могли, но при этом порой отказывались отдавать продукты «чужим» отрядам, даже если они входили в одну со «своим» партизанскую бригаду. Сохранился замечательный документ – обращение, которое староста («старшина») белорусской деревни Новоселки Тимофей Зим и 23 крестьянина направили 27 августа 1943 года командованию партизанской бригады «Народный мститель»: «Просим командование указанной бригады о том, что отряд имени Котовского вырос среди населения деревни Новоселок, а поэтому желаем и впредь помогать отряду имени Котовского, но ни какому-либо другому. Просим наше желание удовлетворить. К сему подписуемся».

Рост партизанского движения, которое достигло и прифронтовой полосы, беспокоил немцев, тем более что там было много мужчин призывного возраста, которые могли влиться в ряды партизан. Геббельс 4 декабря 1943 года с тревогой отмечал в дневнике: «Я получил более подробный доклад о положении на Востоке... Мы совершили крупную ошибку, своевременно не эвакуировав мужское население из оставляемых нами районов. По мере продвижения вперед Советы сразу же мобилизуют в армию мужское население. Большинству мобилизованных даже не выдается военная форма, они носят только красные нарукавные повязки. Таким образом, Сталин очень легко получил 400–500 тысяч солдат. Кроме того, пока мы оставляли мужское население непосредственно за линией фронта, опасность формирования партизанских отрядов не могла быть устранена».

Большинство партизанских отрядов предпочитало нападать на гарнизоны, состоящие из полицейских или бойцов коллаборационистских формирований, прекрасно понимая, что это гораздо более легкая добыча, чем немецкие гарнизоны, и тем более – части регулярной немецкой армии.

В Москве же были заинтересованы, чтобы партизаны в первую очередь боролись против немцев, вынуждая их снимать с фронта дополнительные соединения для проведения карательных операций. В августе 1942 года представитель Центрального штаба партизанского движения в треугольнике Витебск – Полоцк – Орша Сикорский докладывал Пономаренко: «В Полоцком районе с июня месяца действует бригада т. Марченко Аркадия (ранее комиссар танкового батальона, член ВКП(б), белорус), состоит из 7 отрядов, в которых насчитывается 888 человек. Люди, находящиеся в бригаде, в большинстве своем местные и незначительная часть товарищи, оставшиеся в окружении и вышедшие из плена». Другая бригада, под командованием Сташкевича, действовавшая в том же районе, состояла из 532 человек в 5 отрядах. Сикорский побывал в расположении обеих бригад в последней декаде июля. Он полагал, что партизаны не используют всех имеющихся возможностей для борьбы с немцами: «При наличии такого большого количества партизанских отрядов на территории Белоруссии, плюс к тому несчетное количество засланных диверсионных групп, и зная точное расположение мелких незначительных немецких гарнизонов, как то: Дретуль – 200 человек, станция Оболь – 70, станция Язвино – 40 человек, Езерища – около 100 человек и т. д. Правда, все они находятся в устроенных там укреплениях – дзотах, домах, обгородились проволокой, заграждениями, но это нас не должно пугать, мы должны вести решительную борьбу с немецкими оккупантами, т. е. нападать на эти гарнизоны и уничтожать их.

А наши командиры болеют одной плохой и нездоровой болезнью. Это боязнь, что при нападении на эти гарнизоны партизанские отряды будут нести больше потерь. В частности, это относится к командирам бригад т.т. Короткину и Фалалееву.

Характерный случай произошел в бригаде т. Короткина. Когда 22 июля при столкновении с немцами был убит один партизан, то целый день, начиная от руководства и кончая партизанами, были разговоры о нем. Если и нападут, то уж после этого будут отдыхать месяц и разговаривать полтора (бригады Дьячкова, разгром станции Бычиха).

Или другой вопрос. Наши товарищи поставили перед собой первую задачу – это борьбу с изменниками Родины, полицейскими, бургомистрами и другой нечистью. Я не хочу сказать, что с этими предателями не надо вести борьбы, это будет неправильно, но это не главная задача.

Главная задача и первоочередная – это борьба с немецкими оккупантами, а у нас получается наоборот. А когда проанализируешь последние указания и распоряжения германских оккупационных властей,

то ясно видно, что им это и надо, чтобы партизанские отряды вели борьбу не с их войсками, а с полицейскими отрядами. В то время, когда мы можем и должны будем повести по отношению к полицейским работу – это ставка на разложение их.

Изучая некоторые полицейские отряды... чувствуешь, что у них сейчас состояние неуверенности в победе германского оружия, но, боясь того, что партизаны их расстреляют, боятся переходить на их сторону.

Имеют место несколько фактов, когда из отдельных полицейских отрядов добровольно несколько полицейских перешло на сторону партизан, то с других отрядов подсылают детей, старух, узнать, что партизаны с ними сделали.

23 июля был случай в бригаде т. Фалалеева, когда начальник полицейского Езерищенского отряда Ананьев вместе с бургомистром волости Новиковым и еще тремя полицейскими на полutorке с двумя ручными пулеметами, автоматом и винтовками приехали в отряд и сдались».

Сикорский приказал командирам бригад и отрядов «взяться активней за борьбу с оккупантами и перестать отсиживаться в лесах». При этом он признавал, что без поставок боеприпасов из центра всерьез активизировать операции вряд ли удастся: «Нужны патроны отечественные, мины, отсутствие боеприпасов часто срывает боевые операции».

Сикорский отмечал: «Местное население за последнее время стало идти в партизанские отряды, однако в ряде отрядов им отказывают в связи с тем, что у него с собой нет оружия. Нужно дать указание не отказывать им, а принимать. Этими силами создадим резерв, а если нужно будет, возьмем в армию».

О том же 14 августа 1942 года сообщал Пономаренко секретарь Минского областного комитета Климов: «Все чаще происходят столкновения не с немцами, а с полицейскими отрядами, отрядами самопомощи (группы самозащиты, как правило, разбегаются при появлении партизан, а украинцев оккупанты пока в дело борьбы с партизанами не включают, они стоят гарнизонами) ...Воевать приходится с белорусами и русскими, хотя в значительной степени и спровоцированными, находящимися в полицейских и других отрядах». Как и Сикорский, Климов предлагал эти отряды стараться не уничтожать в открытом бою, а разлагать изнутри с помощью засланной агентуры.

Что греха таить, партизанам гораздо проще было сражаться с коллаборационистами, а не с хорошо вооруженными и обученными регулярными немецкими частями. Немцев также устраивало положение,

когда русские сражались с русскими, белорусы – с белорусами и т. п. Это позволяло сохранять жизни немецких солдат и отвлекать партизан от борьбы против фронтовых коммуникаций.

В то же время немцы довольно мало использовали наиболее действенный метод борьбы с партизанами – разложение партизанских рядов и привлечение на свою сторону части партизан путем предоставления им постов в оккупационной администрации и коллаборационистских формированиях. И на это есть вполне логичное объяснение. До середины 1942 года на оккупированных советских территориях еще не было массового партизанского движения. Первое время немцы рассчитывали справиться с ним своими силами после ожидавшейся скорой победы над Советами. Сыграло свою роль и то, что Гитлер противился созданию на оккупированной территории каких-либо политических органов, представлявших местное население, которые могли бы стать центром притяжения для дезертиров-партизан. А вскоре, после Сталинграда, когда поражение Германии стало лишь вопросом времени, начался, наоборот, переток людей от коллаборационистов к партизанам, и массовое привлечение партизан на сторону оккупационной власти, какими угодно посулами, стало делом совсем бесперспективным.

Э. Миддельдорф высоко оценивал организацию советских партизан: «Единой формы партизаны не имели. Они носили гражданскую одежду, а также русскую или немецкую военную форму. Основным вооружением являлось немецкое и русское ручное огнестрельное оружие, легкие, а иногда и средние минометы. Партизанские отряды, как правило, располагали достаточным количеством взрывчатых веществ. Противотанковые и полевые орудия в партизанских отрядах встречались редко. Первоначально пополнение вооружения и боеприпасов осуществлялось за счет трофеев, захваченных при налетах на эшелоны и транспортные колонны. В дальнейшем партизанские отряды во всё возрастающих масштабах снабжались по воздуху. Для этого в крупных районах, находившихся под контролем партизан, оборудовались даже аэродромы.

Выносливость и неприхотливость русских людей позволяли им легче, чем немцам, преодолевать трудности суровых условий ведения партизанской борьбы. Широко рассредоточиваясь в лесах и часто меняя места дислокации, партизаны находились в относительной безопасности. В населенные пункты они заходили редко, а если и заходили, то только для пополнения запасов продовольствия или с целью нападения на немецкие гарнизоны. Молчаливость и сдержанность в разговорах были высшим

законом партизан. Сохранение тайны являлось важнейшей предпосылкой для обеспечения безопасности партизанского отряда.

Сведения разведывательного характера чаще всего передавались через связных из гражданского населения. Такая прекрасно организованная система связи существовала на всей оккупированной территории России. Перемещения немецких войск или другие данные немедленно становились достоянием местного населения».

Он также положительно отозвался о тактике действий партизанских отрядов: «Нападение партизан на отдельный объект чаще всего проводилось методом действия штурмовой группы. Используя надежных местных жителей, партизаны собирали необходимые разведывательные данные о противнике (сила и состав войск, организация охранения и другие сведения). На основании этих данных разрабатывался план партизанской операции. Основными объектами нападения являлись населенные пункты, занятые незначительными силами, железнодорожные станции, места расположения войск, важные мосты и различные склады.

Партизанские операции проводились ночью, в туман, ненастную погоду и главным образом в сумерки или на рассвете.

Планирование и проведение операций обычно было простым. В отдельных случаях партизаны нападали более чем с двух направлений. В этом случае вторая, третья и т. д. боевые группы имели строго ограниченные задачи по прикрытию и поддержке огнем первой (главной) ударной группы, а также по введению противника в заблуждение. Основную задачу выполняла первая группа. Распыление сил и средств не допускалось. При движении к объекту нападения и в ходе боя все группы поддерживали между собой тесную связь. Непосредственное охранение с фронта и тыла обеспечивалось несколькими дозорами, передвигавшимися на удалении 100 шагов от охраняемых подразделений».

Замечу, что в большинстве случаев эта рациональная тактика не была следствием предварительной подготовки специальных партизанских групп. Она была в большинстве случаев результатом опыта партизан из числа окруженцев и гражданского населения, приобретенного в ходе борьбы с оккупантами. Опытным путем, посредством проб и ошибок, пусть с немалыми потерями, но в конце концов была выработана оптимальная тактика партизанских действий. Точно так же к ней приходили и на других театрах партизанской войны. Партизанские командиры убедились, что большими массами партизаны могут действовать только в отсутствие сколько-нибудь значительных сил противника или когда он быстро отступает, оставляя без боя занимаемую партизанами территорию. Так

было осенью 44-го в Югославии, так было в начале июля 44-го в Белоруссии, так было в последние две недели апреля в Северной Италии.

Тайны «Рельсовой войны»

Мы привыкли думать, что проводившаяся партизанами «рельсовая война» чуть ли не парализовала немецкий тыл. Согласно донесениям партизан, только в апреле – июне 1943 года, в самый разгар «рельсовой войны», они пустили под откос более 1400 вражеских эшелонов. Всего же за годы войны они вызвали крушение более 21 тысячи поездов. Но так ли уж надежны советские данные о результатах «рельсовой войны»? Ряд архивных документов позволяет в этом усомниться.

Как утверждал И.Г. Старинов, «уже в июле 1941 участники партизанской войны в тылу фашистских интервентов и мятежников в Испании внесли предложение прекратить переброску в тыл противника партизанских формирований, не имевших должной подготовки, перенести упор на формирование специальных частей из тщательно обученных людей для заброски их в тыл фашистским захватчикам с целью отрезать вражеские войска на фронте от источников их снабжения.

Дай Сталин такое указание, можно было бы в короткий срок вывести из строя растянутые коммуникации противника, проходящие через районы, весьма благоприятные для партизанских действий. Однако, несмотря на многочисленные предложения, этого он не сделал».

Только весной 1942 года в партизанские отряды стали поступать специальные противопоездные неизвлекаемые мины замедленного действия. Но немцы к тому времени уже успели наладить охрану железных дорог, и эффективность действий диверсантов-подрывников оказалась ниже, чем она могла бы быть летом и осенью 1941 года, если бы заранее были подготовлены специальные группы с минами и взрывчаткой. Хотя уже 13 августа 1942 года «Правда» писала: «Танковый или пехотный полк фашистов – серьезная сила на поле сражения, но танковый или пехотный полк, следующий по железной дороге к линии фронта на платформах или в вагонах, может быть уничтожен группой партизан в несколько человек. Задача партизан – уничтожить гадину, пока она не выползла из эшелона, вместе с эшелоном...» На пропагандистском уровне признавался приоритет диверсионной работы, направленной на уничтожение вражеских эшелонов с живой силой и техникой. Однако на практике партизан ориентировали на «рельсовую войну», далеко не самую эффективную с точки зрения блокирования немецких коммуникаций. Вот и соревновались партизаны по числу подорванных рельсов.

Самое интересное, что партизанам устанавливался в Москве план, сколько они должны совершить диверсий на железной дороге или нападений на вражеские гарнизоны. Например, в 1943 году в ходе операции «Концерт» партизаны только в Белоруссии должны были подорвать 140 000 рельсов. Многие бригады отрапортовали о значительном перевыполнении плановых показателей. Как отмечалось в представленном начальнику Белорусского штаба партизанского движения Пантелеймону Пономаренко (до января 1944 года он возглавлял Центральный штаб партизанского движения) «обзоре № 3» донесений партизанских отрядов и бригад Белоруссии, бригада Дубровского выполнила задание на 345 процентов, бригада Маркова – на 315 процентов, бригада имени Заслонова – на 260 процентов, бригада Романова – на 173 процента, бригада Белоусова – на 144 процента, бригада народных мстителей имени Воронянского – на 135 процентов, бригада Филипских – на 122 процента... Цифры радовали начальственный глаз, только вот немецкие эшелоны все шли и шли к фронту. В ходе войны ни одна оперативная перевозка вермахта на Востоке не была сорвана, и начало ни одной крупной наступательной операции германских войск не было отодвинуто из-за действий партизан.

Разгар «рельсовой войны» пришелся на лето 1943 года. До 3 августа главной целью партизан было уничтожение поездов.

С 3-го была поставлена задача уничтожить как можно больше рельсов. Но это было непростительной ошибкой. На оккупированной советской территории дефицита рельс не было, зато был дефицит паровозов. Когда упор был сделан на вывод из строя рельсов, немцы почувствовали заметное облегчение, тем более что последствия столь мелких диверсий устранялись почти мгновенно. Старинов писал в мемуарах: «Весьма заманчивым, простым и часто вполне доступным был подрыв рельсов. Но их у противника было в излишке и, как правило, подорванные ночью рельсы противник сваривал и заменял днем, а потом изобрел 80 см съёмный мост и стал по нему пропускать поезд». Кроме того, немцы снимали рельсы с ненужных им участков дорог и использовали их для замены поврежденных. А партизаны зазря тратили большое количество взрывчатки, которую с таким трудом доставляли самолетами из-за линии фронта. К тому же часто подрыв рельсов осуществлялся на ненужных немцам участках, лишь затрудняя последующее восстановление дорог для нужд Красной армии.

Так, согласно собственным, явно завышенным донесениям, белорусские партизаны в июле 43-го пустили под откос 743 поезда врага, а в августе, в самый разгар «рельсовой войны», – только 467. А на Украине,

где диверсионную войну возглавлял сам Старинов, в тот же период был, например, полностью парализован Ковельский узел (123 эшелона потеряли здесь немцы), фактически выведен из строя участок Шепетовка – Тернополь. А счастье, по мнению Ильи Григорьевича, было так возможно: «Эксплуатируемая железнодорожная сеть противника на 1 января 1943 года составляла свыше 22 тысяч км. Партизаны почти без потерь совершали диверсии на участках, где на 100 км пути приходилось менее 2 тысяч вражеских солдат. Так охранялись только наиболее важные участки дорог, где активно действовали партизаны. Если бы партизаны совершали диверсии на всех участках и противник довел бы плотность охраны до полка на 100 км, то общая численность охраны железных дорог на оккупированной территории превысила бы 400 тысяч человек, но такая охрана, как показал опыт, все равно не спасла бы железную дорогу от партизан-диверсантов».

Для иллюстрации эффективности действий диверсантов по сравнению с армией Старинов привел такой пример: «На фронте вражеский танк подрывался только на одной противотанковой мине из четырех тысяч установленных саперами. В тылу врага для крушения одного поезда партизаны расходовали в среднем 4–5 мин, а при использовании скоростных мин мгновенного действия партизаны на крушение поезда расходовали на слабо охраняемых участках всего одну мину. Между тем удары по железнодорожному транспорту требовали большого расхода авиабомб и были малоэффективны».

Старинов так суммировал итоги «рельсовой войны»: «Суммарные данные партизан о перерывах движений от всех видов диверсий на железнодорожном транспорте создавали впечатление, что при соответствии их действительности – на фронт, группы армий “Центр” уже с июня 1943 года не могло поступать ни одного поезда, а войскам этой группы поступало ежедневно до 50–70 поездов. А все дело было в том, что партизаны давали данные о перерывах на перегонах между двумя промежуточными станциями. На одном направлении за одни сутки иногда было даже свыше 10 нарушений движения, но на пропускную способность влияло только одно, которое было самым длительным. Остальные влияния на пропускную способность не имели, но наносили урон противнику в подвижном составе, перевозимых людях и грузах.

Тщательное исследование после войны показало, что сумма перерыва движения поездов от действий партизан на перегонах 18 750 суток, на участках она достигала только 11 120 суток. Вредность установки начальника ЦШПД на повсеместный подрыв рельсов заключалась в том,

что на оккупированной территории на 1.1.43 года было 11 млн рельсов, а подрыв 200 тысяч рельсов в месяц составляет всего менее 2 %, что для оккупантов было вполне терпимо».

За три года войны украинские партизаны получили по воздуху всего 34 562 различных мин и 142 595 кг тола. При поставке достаточного числа мин и взрывчатки только они могли бы устраивать до 2000 крушений поездов в месяц. А в Красную Армию за весь период войны было поставлено 24 837 500 противотанковых, свыше сорока миллионов противопехотных, 1 437 200 специальных мин и 34 тысячи тонн взрывчатых веществ. В год, по оценке Старинова, партизанам требовалось 50 тысяч тонн грузов, главным образом взрывчатки, и 2 тысячи диверсантов-инструкторов высокого класса, чтобы эффективно парализовать вражеские коммуникации. Однако советская сторона не располагала необходимым количеством самолетов, чтобы осуществить эти дополнительные перевозки. Старинов пишет: «Верховный, утвердив план рельсовой войны, не распорядился о принятии мер к ее материальному обеспечению. Своевременно просимое количество самолетов не было выделено. В то же время только в мае на участок Орел – Глазуновка было совершено 500 самолето-вылетов». Тем более, надо учесть, что в июле и августе практически вся советская авиация была занята в сражениях на Курской дуге и на Кубани и не могла выделить истребителей для сопровождения транспортных самолетов, направлявшихся к партизанам.

Старинов прямо утверждает: «Нападения на гарнизоны, штабы, создание невыносимых условий, отдельные террористические акты, вроде убийства гауляйтера Белоруссии, очень дорого обходились населению, часто приводили к разгрому подполья и только повышали бдительность оккупантов, не отражаясь на боеспособности войск на фронте».

По его мнению, «в Великой Отечественной войне очень мало привлекались к диверсионной деятельности советские железнодорожники, работавшие на железных дорогах нашей территории. А их было более полумиллиона, были замечательные малые магнитные и другие мины, которые давали возможность надолго выводить из строя паровозы, подрывать цистерны, сжигать подвижной состав. Задачи, решаемые боем, партизаны могут успешно вести только тогда, когда есть уверенность в том, что противник не окажет серьезного сопротивления».

В то же время, в период «рельсовой войны» летом 1943 года партизаны нанесли ряд чувствительных ударов по врагу. Э. Миддельдорф приводит следующие примеры: «В июне 1943 года во время сосредоточения немецких войск для наступления на Курск был совершен

841 налет партизан на железнодорожные магистрали Смоленск – Брянск и Пинск – Брянск. В результате этого было выведено из строя 298 паровозов, 1222 вагона и 44 моста. В июле 1943 г. было совершено 1114 налетов, а в августе – 1395 налетов с 20 505 взрывами. В сентябре было проведено 1256 налетов, в ходе которых было произведено 14 150 взрывов, при этом 343 эшелона оказались пущенными под откос. Наряду с налетами проводились также и крупные операции. Например, в операции по подрыву железнодорожного моста через р. Десна в районе Брянска в ночь на 21 марта 1943 г. участвовало около 1000 партизан. В этой операции была уничтожена немецкая рота охраны и взорван мост. Крупного успеха добились партизаны также в июле 1943 г., когда ими на станции Осиповичи был уничтожен эшелон с горюче-смазочными материалами, два эшелона с боеприпасами и чрезвычайно ценный эшелон с танками «Тигр»». Последний пример неоднократно цитирует и Старинов, особо подчеркивая, что он был осуществлен профессионалами подрывниками с помощью всего одной магнитной мины, а по эффективности был равен едва ли не всем остальным результатам «рельсовой войны». Признание того, что партизаны своими нападениями на коммуникации особенно сильно осложняли жизнь германским войскам в России, содержится в письме капитана Вольфганга Фидлера, отправленное 17 сентября 1943 года из Могилева его знакомому – неизвестному подполковнику вермахта. Фидлер сообщал: «Моя новая область деятельности исключительно интересная. Условия здесь значительно отличаются от условий работы нормально действующего корпуса. Борьба с партизанами не похожа на борьбу во фронтовых условиях. Они всюду и нигде, и на фронте трудно создать себе верное представление о здешних условиях. Взрывы на железной дороге, путях сообщения, диверсионные акты на всех имеющихся предприятиях, грабежи и т. д. не сходят с повестки дня. К этому уже привыкли и не видят в этом ничего трагического. Партизаны все больше наглеют, так как у нас, к сожалению, нет достаточного количества охранных войск, чтобы действовать решительно. Имеющиеся силы, включая сюда и венгров, в состоянии обеспечить лишь важнейшие железнодорожные линии, дороги и населенные пункты. На широких просторах господствуют партизаны, имея собственное правительство и управление. Следует удивляться, как вопреки существующим препятствиям мы довольно сносно обеспечиваем подвоз и снабжение фронта».

Старинов сокрушался, что основные действия партизан были связаны с нападениями на вражеские гарнизоны и защитой партизанской территории. Он отмечал, что «в течение всей войны советские партизаны

уничтожили или захватили 52 958 грузовых, легковых и специальных автомашин, сожгли или подорвали 9 514 дорожных мостов. Будь у партизан больше минно-взрывных средств, они могли бы нанести оккупантам значительно больший урон ударами по автотранспорту. Надо отметить, что сжигались и подрывались мосты в основном на грунтовых дорогах, главным образом с целью не допустить проникновения автоколонн на контролируемую партизанами территорию».

Один из руководителей партизан в Пинской области, отставной генерал КГБ Эдуард Болеславович Нордман, вспоминал: «Одна знаменитая операция была уже летом 1944 года, когда наше партизанское соединение 42 дня вело фронтальный бой на днепро-русском канале. Мы засыпали его камнями и не дали фашистам вывести в Буг почти двести речных судов и барж с награбленным добром».

Старинов же достаточно скептически оценил эту «знаменитую операцию». Он утверждает: «Партизаны совершали диверсии в тылу врага и на речном транспорте и даже вывели из строя Днепробугский канал. Кстати, речной транспорт оккупанты пытались использовать для вывоза древесины и почти не использовали для воинских перевозок».

Кстати, тот же Нордман вспоминал, как 28 июня 1941 года их отряд, который Василий Захарович Корж, руководивший партизанами в Восточной Польше еще в первой половине 20-х годов, сформировал еще 22 июня, вступил в первый бой: «На трассе Пинск – Логишен мы устроили засаду. Появились три немецких танка. Мы их забросали гранатами. Один танк захватили вместе с экипажем, двум другим удалось вырваться. Как выяснилось, это 293-я немецкая дивизия, наступавшая на юге Белоруссии, послала взвод разведки, чтобы узнать обстановку около Пинска. Запомнилось лицо пленного обер-лейтенанта, который был очень возмущен тем, что его, офицера вермахта, захватили в плен какие-то вооруженные гражданские люди. По его мнению, на это мы не имели права. У обер-лейтенанта отобрали хорошую кожаную записную книжку, видимо, подаренную ему девушкой, где на первой странице была надпись: “Прошу тебя написать здесь воспоминания о войне”. В той книжке с самого первого дня Корж вел дневник боевых действий отряда». Насчет книжки Эдуард Болеславович, наверное, не соврал. А вот насчет остального... Читателям остается только гадать, откуда в немецкой пехотной дивизии в июне 41-го года взялись танки, если по штату им даже бронетранспортеров не полагалось.

В принципе все замечания Старинова по организации советских партизанских действий справедливы, но надо подчеркнуть, что иным

советское партизанское движение просто не могло быть. Старинов предлагал практически создавать профессиональные партизанские отряды и диверсионные группы – как это и планировалось в первой половине 30-х годов. Но неслучайно именно специалисты по партизанской борьбе стали одной из наиболее репрессируемых групп командного состава Красной армии и НКВД в 1937–1938 годах. Люди волевые, умевшие привлекать на свою сторону народ, хорошо знавшие методы осуществления диверсий и террористических акций, да к тому же проявившие свои партизанские таланты еще в Гражданскую войну и в первой половине 20-х годов, когда Красную армию возглавлял Троцкий и его сторонники, казались Сталину особенно подозрительными и опасными на случай любой заварушки внутри страны в случае неудачи в грядущей войне. В случае же быстрого успеха Красной армии они считались не столь уж незаменимыми. Сталин резонно полагал, что тогда можно будет обойтись без партизанской войны. Да и диверсии на вражеских коммуникациях не считались столь уж жизненно необходимыми, раз Красная армия сможет быстро захватить эти коммуникации – как вариант, с помощью воздушно-десантных частей. Сталин опасался действительно профессиональной армии как источника бонапартизма, и по этой же причине ему не нужны были профессиональные партизаны-диверсанты. Он предпочитал побеждать большими массами, будь то регулярная армия или партизаны. С чисто военной точки зрения это был далеко не лучший метод ведения войны, приводивший к непропорционально большим, по сравнению с противником, потерям как среди красноармейцев, так и среди партизан. Зато политически такая стратегия была беспроигрышной, ибо гарантировала сохранение неограниченной власти Сталина.

В некоторых партизанских бригадах доходило до того, что между партизанскими отрядами устраивали соцсоревнование. Так, 30 декабря 1943 года командир партизанской бригады имени Флегонтова Жохов издал приказ: «В ознаменование 26-й годовщины Красной Армии и ее славных побед, достигнутых в борьбе против немецких захватчиков, приказываю... развернуть с 1-го января по 22 февраля 1944 года социалистическое соревнование между отрядами, взводами, отделениями и партизанами. В основу социалистических обязательств положить выполнение месячных планов боевой и политической работы». Была даже разработана балльная шкала оценки различных боевых операций. Например, выше всего – в 75 баллов расценивалось уничтожение гарнизона или железнодорожного эшелона со взятием трофеев. То же самое, но без трофеев тянуло лишь на 50 баллов, а уничтоженная пушка – на 10. 100 штук патронов, захваченных

у врага, оценивались в 1 бал. Столько же давали за одного уничтоженного неприятеля. Трофейная винтовка приносила участнику соревнования 2 бала, а взорванный шоссейный мост – 3. Кроме почетных грамот и переходящих знамен, победители награждались оружием.

Трофейную винтовку или патроны изобрести из воздуха, конечно, не было никакой возможности. С уничтоженными мостами и врагами было легче – поди проверь, сколько солдат и полицейских действительно убили партизаны и рухнул или устоял мост после взрыва самодельной мины – ведь подрывники чаще всего не дожидались результатов диверсии, уходя заблаговременно.

Также и немцы отмечали эту удивительную особенность советских партизан. Так, согласно донесению штаба 11-й немецкой армии от 2 мая 1942 года, в руки немцев попал текст социалистических обязательств одного из отрядов в Крыму: «Мы, партизаны и партизанки, входящие в состав Ялтинского партизанского отряда, полны энтузиазма в связи с обращением Государственного Комитета Оборона к населению временно оккупированных районов страны по случаю 24-й годовщины Красной Армии (23 февраля 1942 года). Мы единодушно решили принять участие в социалистическом соревновании. Мы ставим себе целью наилучшим образом выполнять все приказы, добиваться успешного завершения всех операций против врага и истреблять как можно больше захватчиков.

Поэтому Ялтинский отряд призывает всех партизан принять участие в соревновании по следующим пунктам:

1. Каждый партизан должен уничтожить не менее пяти (5) фашистов или предателей.
2. Он должен принимать участие не менее чем в трех (3) боях в месяц.
3. Если во время боя будет убит или ранен боевой товарищ или коммунист, он должен быть вынесен с поля боя».

Припискам в партизанских донесениях сильно способствовал и приказ Пономаренко № 38 от 3 августа 1942 года, которым устанавливались своеобразные «нормы» подвигов для награждения партизан Золотой Звездой Героя. Она полагалась «за крушение военного поезда не менее 20-ти вагонов, цистерн или платформ с живой силой, техникой, горючим или боеприпасами с уничтожением состава с паровозом... за уничтожение складов с горючим, боеприпасами, горючим, продовольствием, амуницией... за нападение на аэродром с уничтожением материальной части... за нападение или уничтожение штаба противника или военного учреждения, а также радиостанции, и за другие выдающиеся заслуги».

Сильно подозреваю, что донесения партизанских командиров о числе

пущенных под откос эшелонов, взорванных мостов и рельсов было завышено в несколько раз. Это доказывают и отдельные данные из немецких источников, оказавшиеся в распоряжении советского командования. Так, по данным диспетчерского бюро станции Минск, которые благодаря действиям подпольщиков оказались в распоряжении Минского межрайонного комитета компартии Белоруссии, в июле 1943 года на участке Минск – Борисов железной дороги Минск – Москва партизаны подорвали 34 эшелона. По данным же только четырех партизанских бригад, действовавших в этом районе (1-й Минской, «Пламя», «Разгром» и «За Советскую Беларусь»), ими на этом же участке было подорвано более 70 эшелонов. «Если к этому прибавить эшелоны бригад имени Щорса, “Смерть фашизму”, имени Флегонтова, – говорилось в письме одного из минских комсомольских руководителей, направленном в Центральный штаб партизанского движения, – то увеличение достигнет 5, если не 6 раз. Это происходит потому, что работа подрывных групп недостаточно контролируется, а партийные и комсомольские организации не взяли еще за борьбу против очковтирательства».

Можно предположить, что приблизительно в такой же пропорции – примерно в 5 раз завышалось число подорванных вражеских эшелонов и в других партизанских донесениях. Вероятно, так же обстояло дело и со злосчастными рельсами, плановые задания по которым спускал своим подчиненным товарищ Пономаренко. Он сам в июне 1943 года в отчете о состоянии партизанского движения вынужден был особо отметить «недостоверность информации некоторых отрядов. Преувеличение потерь противника, ложные очковтирательские сведения, приписывание себе результатов действий других отрядов».

После войны Пономаренко признавал: «Минирование дороги осуществлялось партизанами-одиночками и диверсионными группами, которые, получая задание заминировать определенные участки, уходили из партизанских лагерей с запасом взрывчатых веществ и выполняли порученное им задание. Как правило, партизаны не ожидали результатов минирования. Результаты по большей части уточнялись по сведениям местных жителей, посредством агентуры, доносившей командованию партизанских соединений о результатах минирования в том или ином месте, или по захваченным документам противника и показаниям пленных». Подобные методы определения результатов диверсий открывали широкое поле для очковтирательства. Нередко партизаны опирались только на слухи, а один и тот же подорванный эшелон записывали на свой счет сразу несколько партизанских соединений.

Также и И.Г. Старинов, главный диверсант-подрывник Красной армии (за рубежом его уважительно называли «Бог диверсий»), после войны признавал, что, «несмотря на мужество и отвагу советских партизан, несмотря на всенародную их поддержку населением, в годы Великой Отечественной войны не удалось отрезать вражеские войска от источников их снабжения, хотя такая задача партизанам ставилась и планы прекращения движения на железных дорогах и ночного движения автотранспорта составлялись и Верховным Главнокомандующим утверждались». Сам Илья Григорьевич к диверсиям всегда подходил творчески. В анналы вошло организованное им уничтожение штаба 68-й немецкой пехотной дивизии в оккупированном Харькове осенью 1941 года с помощью мощнейшей радиоуправляемой мины. Другую, отвлекающую мину, Старинов специально поставил в одном из лучших городских особняков так, чтобы немецкие саперы их обнаружили, а после этого, не опасаясь других сюрпризов, дали добро на размещение там штаба дивизии, который и был подорван другой миной, спрятанной глубоко в подполе. Но таких виртуозов своего дела, как Старинов, было немного.

Он сокрушался: «В беседе со Сталиным П.К. Пономаренко предлагал от длительной подготовки одиночек или групп классиков-диверсантов перейти к широко организованной планомерной массовой диверсионной работе, решительно искореняя кустарщину, разобщенность. Опыт же убедительно доказывал, что именно отлично подготовленные диверсанты наносили врагу больший урон и, как правило, без потерь со своей стороны».

О фактах очковтирательства и других неблагоприятных поступках рассказал на допросе 24 сентября 1943 года бывший офицер для особых поручений Украинского штаба партизанского движения капитан Александр Дмитриевич Русаков: «Александр Сабуров. До войны он был политруком пожарной охраны НКВД в Киеве. Вся его партизанская карьера построена на обмане людей, на необычайной лживости. В Москве о нем создано мнение, как о человеке, творившем чудеса. Ему присвоили звания генерал-майора и Героя Советского Союза. Лишь позже все раскрылось, стало известно, что Сабуров обманщик и врун. Но решили умолчать об этом».

Александр Дмитриевич дал весьма неприглядные характеристики и другому партизанскому командиру: «Подполковник Емлютин, бывший начальник райотдела НКВД в Курской области. Население Курской и Орловской областей хорошо знает партизана Емлютина. Это банда насильников, грабителей, мародеров, терроризирующих местных жителей, сам Емлютин – садист, живущий только убийствами».

Конечно, Русаков хотел купить себе жизнь и старался рассказывать то, что было приятно слышать следователю – полковнику власовской армии. Однако бросается в глаза, что, перечислив более десятка руководителей партизанского движения, капитан столь негативно охарактеризовал только Емлютина и Сабурова. Фамилию и должность 1-го секретаря Черниговского подпольного обкома А.В. Федорова он привел вообще без всяких комментариев, а говоря о легендарном С.А. Ковпаке, упомянул только о его малограмотности, цыганском происхождении и о том, что Сидор Артемьевич долго отказывался носить генеральскую форму. Нет, вероятно, Емлютин и Сабуров чем-то выделялись в худшую сторону, раз Русаков назвал именно их.

Капитан также показал, что «на мой вопрос, как быть с перебежавшими к партизанам бойцами РОА и военнопленными, генерал Строкач (начальник Украинского штаба партизанского движения. – Б.С.) сказал: “Кого надо – расстрелять, а остальные пускай повоюют; ведь сейчас война, а потом НКВД с ними разберется”». И ведь действительно разобралось, отправив в лагеря многих партизан из числа бывших власовцев.

Русаков следующим образом объяснил подозрительное отношение НКВД ко всем жителям оккупированных территорий, в том числе и к партизанам: «Откровенно говоря, тем, которые побывали на этой (немецкой. – Б.С.) стороне, вообще не верят. Также и партизанам. Они знают то, что им не нужно было бы знать... Партизаны побывали в немецком тылу, читали вражескую литературу, узнали критику на Сталина и большевизм». Правдивость этой части его показаний сомнений не вызывает.

Вместе с тем диверсии, совершаемые партизанами, серьезно осложняли транспортные перевозки немцев, особенно в Белоруссии, где такие акции совершались наиболее часто. Например, 29 августа 1942 года начальник военных сообщений группы армий “Центр” с тревогой докладывал: «Общее положение железнодорожного сообщения в тылу группы армий “Центр” между Брестом и фронтом внушает все большие опасения ввиду нападений партизан. Следствием этого является явное уменьшение пропускной способности на значительной части железной дороги. Если до сих пор это не сказывалось непосредственно на общем снабжении фронта, так как полное и безоговорочное использование всех возможностей позволяло создать некоторый баланс, теперь же это стало недостаточным.

Общая провозная способность упала, и без решительных мероприятий

сохранить ее на прежнем уровне не представляется возможным.

Если до сих пор все важные летние перевозки для группы армий “Центр” от Смоленска к фронту удавалось осуществлять своевременно, то за последние недели, когда производилась переброска новых крупных соединений, пришлось столкнуться с фактом наличия партизан между Брестом и Смоленском. Это сказалось весьма отрицательно на перевозках, именно так, как мы предполагали еще в начале мая.

Однако удалось временно сконцентрировать все силы на выполнении этого передвижения войск, и такого рода последствия действий партизан остались в пределах допустимого... С 1 по 24 августа отмечено 32 успешных налета. В некоторых случаях с тяжелыми последствиями и длительными задержками движения... Ночные налеты партизан на поезда наносят больший ущерб, чем отказ от движения в ночное время вообще, как это имеет место теперь.

Однако такое мероприятие снижает провозную способность, а за дневные часы удастся только частично восполнить пробел».

	По данным оперотдела БШПД	По отчетам бригад и отрядов	Примечания
Пущено под откос и повреждено эшелонов	11128	17210	
бронепоездов	34	47	
Разбито и повреждено паровозов	8318	18696	В данных оперотдела не учтены поврежден- ные паровозы
вагонов, платформ, цистерн	72195	144482	
Разгромлено ж.-д. станций	29	52	
Разрушено водокачек и водонапорных башен	47	60	
Взорвано рельсов	303942	368157	
Разрушено т/т линий промпредприятий	7374	17925	В километрах
Уничтожено самолетов	453	1477	
танков и бронемашин	182	305	
автомашин	1355	2602	
орудий	18747	29785	
складов разных	438	1226	
Разгромлено штабов и гарнизонов	939	1455	
	948	2590	

В 1944 году вскоре после освобождения Белоруссии была составлена под грифом «секретно» «Справка о результатах боевой деятельности партизан Белоруссии за годы Отечественной войны по документам Оперативного отдела и по отчетам командования партизанских бригад, представленных ими по расформированию бригад». Как видно из таблицы, данные партизанских отчетов завышали потери противника часто в 1,5–2 раза, и это при том, что и оперотдел БШПД наверняка преувеличивал данные об ущербе, нанесенном неприятелю.

14 июля 1943 года ЦШПД издал приказ «О партизанской рельсовой войне на коммуникациях врага», где указывалось, что «огромный рост и размах партизанского движения позволяет в настоящее время наносить массированные повсеместные удары по железным дорогам с целью их полной дезорганизации и срыва операций врага на фронтах». В полном объеме эта цель не была достигнута. Но сам по себе подрыв рельсов как основной метод диверсий большой эффективности не имел. У немцев был большой запас рельс, они часто разбирали неэксплуатируемые пути и использовали рельсы с них для замены тех, что взорвали партизаны. Например, всех запасов взрывчатки и мин, находившихся в распоряжении Украинского штаба партизанского движения в начале 1943 года хватило бы лишь на то, чтобы вывести 2 процента от общего числа рельс на украинских железных дорогах, что для немцев было бы булавочным уколом. Дефицитны на оккупированных территориях были только паровозы. Выведя из строя хотя бы часть их, а также стратегически важные мосты, партизаны нанесли бы гораздо больший ущерб германским коммуникациям. С октября 1943 года и вплоть до весны 1944 года наблюдался спад партизанских диверсий на железных дорогах. Это было вызвано тем, что большой запас взрывчатки был израсходован в ходе «рельсовой войны», развернувшейся в период Курской битвы и последующего наступления к Днепру. К тому же немцы приобрели большой опыт в охране железных дорог и стали активнее использовать для снабжения войск автомобильный транспорт, на который партизаны воздействовали в меньшей степени. Всего, согласно данным ЦШПД, скорее всего, преувеличенным, партизаны за время войны уничтожили и захватили около 53 тыс. машин, что составляло менее 10 процентов всего автомобильного парка вермахта на Восточном фронте. Такие потери не могли существенно повлиять на снабжение немецких войск.

В наибольшей мере немцы почувствовали на себе влияние «рельсовой войны» летом 1944 года в Белоруссии. Там партизанские диверсии сочетались с ударами по железнодорожным станциям советской авиации, завоевавшей полное господство в воздухе. Благодаря этому в период подготовки операции «Багратион» удалось перебросить по воздуху в Белоруссию 128 тонн взрывчатки, поэтому в самом начале операции удалось парализовать железнодорожное движение в Белоруссии почти на трое суток. Это был самый большой успех советских партизан за всю войну.

Советское партизанское движение в цифрах

Язык цифр как будто наиболее объективный и беспристрастный язык. Сколько же всего людей участвовало в советском партизанском движении? После войны в трудах отечественных историков часто фигурировала цифра более 1 миллиона партизан. Однако знакомство с документами военного времени заставляет уменьшить ее как минимум вдвое. Бывший начальник Центрального штаба партизанского движения П.К. Пономаренко в конце войны утверждал, что всего, по неполным данным, в оккупированных областях Белоруссии было 374 тысячи организованных партизан, в России – 260 тысяч, а на Украине – 220 тысяч. По Украине, как мы увидим дальше, эти данные завышены в 4–5 раз. Илья Старинов приводит следующие данные: «Уже к осени 1941 года на оккупированную часть Ленинградской области было переброшено 18 тысяч партизан, в том числе 6 партизанских полков общей численностью до 8 тысяч человек. К зиме их осталось не более 4 тысяч.

На Украине к осени сохранилось 2 партизанских полка, 883 партизанских отряда и 1700 разведывательных и диверсионных групп общей численностью в 35 тысяч человек. К июню 1942 года осталось только 30 партизанских отрядов численностью 4043 человека и только в апреле 1943 года численность украинских партизан достигла 15 тысяч, а в январе, когда численность НОАЮ достигла 400 тысяч, численность украинских партизан не превышала 48 тысяч человек (и это, замечу, при том, что население Украины было в два с лишним раза больше, чем население Югославии. – Б.С.).

Не лучше обстояло дело и в Белоруссии, где были исключительно благоприятные условия для ведения партизанской войны: обширные леса и болота, преданный своей родине народ.

1 августа 1941 года на территории Белоруссии находился 231 действующий партизанский отряд общей численностью свыше 12 тысяч человек. В конце лета и осенью засылка партизанских отрядов в тыл противника продолжалась, и до конца года было создано и направлено в Белоруссию 437 партизанских отрядов и групп, насчитывающих 7254 человека. На 1 января 1942 остался 61 отряд. Таким образом, к 1 января 1942 года уцелело на Украине менее 4 % партизанских отрядов, в

Белоруссии менее 10 % отрядов и групп и на оккупированной Ленинградской области около 25 %».

По словам Старинова, всего в полосе Западного фронта в 1941–1942 годах действовало от 150 до 240 тыс. партизан.

Пономаренко и его штаб вели статистику, сколько партизан в разное время действовало в тех или иных регионах. Разумеется, поступавшие данные далеко не всегда были точными. Командиры партизанских бригад и соединений порой не имели сведений о численности отдельных отрядов, а иной раз завышали численность бойцов, надеясь получить больше оружия и боеприпасов. Правда, очень скоро они поняли, что выше головы не прыгнешь, и что снабжение из центра ограничивается такими объективными факторами, как погода, наличие удобных и находящихся вне зоны действия огневых средств противника посадочных площадок, а также количеством транспортных самолетов, находившихся в распоряжении командования фронтов и авиации дальнего действия. Поэтому партизанские руководители в донесениях нередко стали приуменьшать численность отрядов, чтобы можно было приуменьшать понесенные потери и более свободно рапортовать о достигнутых успехах и одержанных победах.

В 1944 году после освобождения Белоруссии Белорусский штаб партизанского движения составил итоговый отчет, согласно которому всего в партизанах состояло 373 942 человека. Из них в боевых соединениях (бригадах и отдельных партизанских отрядах) состояло 282 458 человек, а еще 79 984 человека использовались в качестве разведчиков, связных или были заняты на охране партизанских зон. Кроме того, около 12 тысяч человек числилось в составе подпольных антифашистских комитетов, особенно в западных областях республики. Всего же подпольщиков в Белоруссии после войны насчитали более 70 тысяч человек, из которых свыше 30 тысяч считались связными и агентурными разведчиками партизан.

Бурный рост партизанского движения наблюдался в Белоруссии в 1943–1944 годах, в первую очередь за счет перебежчиков-коллаборационистов. Ведь еще к 1 января 1943 года в Белоруссии было только 57 691 партизан, а год спустя – уже 153 478, т. е. втрое больше. Сыграло свою роль и то, что во второй половине 1943 года, когда основная масса германской авиации была переброшена на Запад и на Юг, советские ВВС, наконец, завоевали господство в воздухе. Теперь транспортная авиация могла совершать больше рейсов к партизанам, и появилась возможность вооружить и снабжать значительно большее число бойцов

партизанских отрядов.

Среди боевого состава белорусских партизан насчитывалось 45 242 женщины. Среди партизан боевых соединений белорусов было более 201 тысячи человек, русских – более 54 тысяч, украинцев – почти 11 тысяч, евреев – более 6 тысяч, поляков – 2310. Свыше 25 тысяч партизан были коммунистами и кандидатами в члены партии, а почти 55 тысяч – комсомольцами. Возраст 25 тысяч партизан не превышал 18 лет, а свыше 10 тысяч были людьми пожилыми – старше 45 лет.

В целом, думается, приведенные цифры примерно соответствуют истинному количеству партизан Белоруссии. Они могут быть даже несколько занижены за счет «диких» партизан, не подчинявшихся или в слабой степени подчинявшихся ЦПШД, а также за счет вероятного занижения партизанских потерь.

Согласно отчетам партизанских бригад и отрядов Белоруссии, в ходе боевых действий они уничтожили 11 128 эшелонов, 34 бронепоезда, 8 318 паровозов, 72 195 вагонов, 819 железнодорожных мостов, 303 942 км рельсов, 453 промышленных предприятия, 1455 складов, 305 самолетов, 1355 танков и бронемашин, 1226 артиллерийских орудий и много другой техники. Потери врага в живой силе партизаны также оценивали как весьма значительные. С начала войны и до июля 1944 года было уничтожено 47 генералов и других высших чинов армии, СС, полиции и оккупационной администрации, 884 472 немецких солдат и офицеров, 26 604 полицейских и добровольцев из числа советских граждан, ранено – 359 371 солдат и офицер. Число пленных немецких солдат и офицеров определялось в 23 128, а трофеи – в 115 артиллерийских орудий, 494 миномета, 4776 пулеметов, 63 913 автоматов и винтовок, 8 105 000 винтовочных патронов и др. Замечу, что никаких суммарных данных о потерях немцев и их союзников в борьбе с советскими партизанами с немецкой стороны нет. Есть только разрозненные донесения о потерях отдельных частей и подразделений, боровшихся с партизанами, но свести воедино эти донесения – поистине непосильный труд.

Свои же потери партизанские начальники оценивали довольно скромно – в 25 681 убитых и умерших от ран, 11 797 пропавших без вести и 1030 попавших в плен, местонахождение которых в августе 1944 года было известно. Получалось, что на одного убитого партизана приходилось больше 20 убитых немцев! Правда, Пономаренко еще в 1943 году признавал, что персональные данные, позволяющие известить семьи, имеются не более чем о трети погибших и пропавших без вести партизан. Не исключено, что и суммарные данные о безвозвратных партизанских

потерях были занижены также примерно втрое.

Что же касается данных о потерях немцев, понесенных в боях с партизанами, то их партизанские донесения, несомненно, многократно завышали, может быть, даже в десятки раз. Дело в том, что от партизан требовали уничтожать в первую очередь немецких солдат и офицеров, а не соотечественников-полицейских. Поэтому в боевых донесениях в первую очередь стремились указать как можно больше уничтоженных военнослужащих вермахта, СС и немецких полицейских формирований. Мало того, для увеличения неприятельских потерь стали указывать в отчетах также количество раненых неприятельских солдат и офицеров, хотя совершенно непонятно, откуда эти цифры могли попасть к партизанам. Да и как вообще в условиях боя можно точно установить, сколько врагов убито, а сколько ранено! Тем более что партизаны чаще всего не задерживались на поле сражения и, в отличие от немцев, не могли посчитать, сколько там осталось неприятельских трупов.

Фантастичность цифры в 884 472 убитых партизанами немецких солдат и офицеров обнаруживается при сравнении с немецкими данными о потерях вермахта и СС на Восточном фронте в целом. Всего в период с 22 июня 1941 года по 30 ноября 1944 года, по данным генерала Б. Мюллера-Гиллебранда, здесь они составили 1 420 тысяч убитых и умерших от ран и 997 тысяч пропавших без вести. При этом надо заметить, что в период с августа по ноябрь 44-го только пропавшими без вести на Востоке было потеряно не менее 300 тысяч человек, так что к концу июля общие безвозвратные потери никак не могли превысить 2 миллиона человек, а в действительности были значительно ниже этой цифры. Не могли же немцы, в самом деле, почти половину личного состава потерять в борьбе с одними только белорусскими партизанами, т. е. почти столько же, сколько потеряли в боях со всеми регулярными соединениями Красной армии! Даже если предположить, что в число 884 472 включены и военнослужащие союзных с Германией армий, а также некоторых полицейских формирований, не учтенных Мюллером-Гиллебрандом, разница окажется слишком велика.

В чем советское партизанское движение было действительно эффективным, так это в борьбе с коллаборационистами. Партизаны уничтожали старост, полицейских, наносили большие потери коллаборационистским военным формированиям. Это устраивало и немцев, которые предпочитали, чтобы с партизанами боролись не немецкие армейские и полицейские части, а полиция и военизированные формирования из местных жителей и советских военнопленных, освобожденных из лагерей. Но, по большому счету, это устраивало и

Сталина, хотя в своих приказах он требовал от партизан в первую очередь уничтожать немецких оккупантов. Действия партизан препятствовали формированию многочисленных и боеспособных коллаборационистских соединений и администрации, которые могли бы представлять политическую угрозу Сталину. Конечно, главным препятствием тут была германская оккупационная политика, не предусматривавшая политической самостоятельности народов России, но партизаны также способствовали тому, чтобы на оккупированной территории не появилось никакой альтернативы Сталину. Кроме того, с того момента, как коллаборационисты разуверились в победе Германии (а это произошло уже в конце 1942 года, вскоре после окружения армии Паулюса под Сталинградом), переход на сторону позволил искупить свои грехи перед советской властью. Кое-кому это действительно удалось, а кое-кого впоследствии на всякий случай расстреляли или отправили в ГУЛАГ. По данным И.Г. Старинова, только в Белоруссии к партизанам перешло свыше 26 тысяч полицейских.

На Украине размах партизанского движения был значительно меньше, чем в Белоруссии. Хотя после войны Хрущев утверждал, что к началу 1944 года на Украине действовало более 220 тысяч советских партизан, эта цифра выглядит совершенно фантастической. Ведь к тому времени от немцев было освобождено все Левобережье Днепра, где оперировали наиболее многочисленные партизанские соединения. А еще 5 марта 1943 года Пономаренко в докладе Сталину оценивал общую численность 74 партизанских отрядов на Украине в 12 631 человек. Почти все эти отряды принадлежали к крупным партизанским соединениям Ковпака, Федорова, Наумова и др. Кроме того, как указывал начальник Центрального штаба партизанского движения, имеются сведения, что на Правобережье и в неосвобожденных еще областях Левобережной Украины имеются партизанские резервы и отряды, с которыми утеряна связь, общей численностью свыше 50 тысяч человек. Возможно, эти цифры были преувеличены. Хотя при последующих рейдах соединения Ковпака, Сабурова и других возрастали за счет местных пополнений в 2–3 раза, однако фактически это была мобилизация в полурегулярные формирования, а не массовое просоветское народное движение. В любом случае численность советских партизан на Правобережье не превышала нескольких десятков тысяч человек, будучи в 3–4 раза ниже названной Хрущевым цифры. Как отмечалось в справке, подготовленной 15 февраля 1976 года партархивом Института Истории партии при ЦК КП Украины, там, в отличие от других республик и областей, не имелось вообще никаких специальных учетных карточек ни на 220 тысяч названных Хрущевым, ни

на какое-либо меньшее число украинских партизан. Всего же советские партизаны на Украине, если верить отчету Украинского штаба партизанского движения, вывели из строя несколько сот тысяч солдат и офицеров противника, 5 тысяч эшелонов, 2300 мостов, 1500 бронемашин и танков, 211 самолетов, 13 тысяч автомобилей и много иной техники. Несомненно, эти данные столь же недостоверны, как и данные по Белоруссии. Замечу также, что к 1 декабря 1942 года, когда Украинский штаб поддерживал связь только с 57 отрядами в 7823 человека, число уничтоженных партизанами на Украине за 17 месяцев боевых действий немецких солдат и офицеров определялось в 42 088 человек (в том числе 6 генералов), «предателей и полицаяев» они истребили 3731 человек, а также уничтожили 49 штабов, 24 самолета и 202 танка бронемашин. Каким образом за последующие 17 месяцев немецкие потери в людях и технике достигли в этом регионе величины в 5–10 раз большей, остается загадкой.

Сравнительное более слабое развитие просоветского партизанского движения на Украине по сравнению с Белоруссией и оккупированными областями РСФСР объясняется рядом факторов. Исторически украинские земли всегда были богаче белорусских, и население здесь жило зажиточнее. По этой причине оно более жестоко пострадало в ходе революции, а позднее – от насильственной коллективизации и вызванного ей голода. Голод на Украине был сильнее, чем в Белоруссии, еще и потому, что сельское хозяйство созданием колхозов было подорвано более основательно. Но к началу Второй мировой войны оно частично восстановилось и, благодаря лучшим климатическим условиям, по-прежнему превосходило по производительности сельское хозяйство Белоруссии. Последней же в ходе войны пришлось снабжать группу армий «Центр» – наиболее многочисленную из всех немецких групп армий на Востоке. Поэтому продовольственные поставки, которые требовали оккупанты, более тяжелым бременем ложились на Белоруссию, а не на Украину, и вызывали здесь особенно сильное недовольство. Кроме того, природные условия Белоруссии, покрытой лесами и болотами, были идеальны для партизанской войны.

Благодаря этому в белорусских лесах осело гораздо больше красноармейцев-окруженцев, чем в украинских степях, что также создало массовую базу для просоветского партизанского движения.

Следует учитывать также, что на Западной Украине наиболее влиятельной среди местных украинцев была Организация Украинских Националистов. Белорусские же националистические организации в Белоруссии никогда не были столь влиятельны, хотя на западе страны, как

и на Украине, продолжалось острое противостояние с польским населением. Если в Галиции и на Волыни украинцы в этом противостоянии опирались на ОУН и УПА, то в Западной Белоруссии местные белорусы видели в советских партизанах своих союзников в борьбе с поляками.

В других оккупированных немцами союзных республиках размах партизанского движения был еще меньше, чем на Украине. К 1 апреля 1943 года на всей оккупированной территории насчитывалось 110 889 партизан, главным образом в Белоруссии, на Украине, в Крыму, а также в Смоленской и Орловской областях. В Эстонии в это время действовали 3 диверсионных группы из 46 человек, в Латвии – 13 групп общей численностью в 200 человек и в Литве – 29 групп, насчитывавших 199 человек. Население Прибалтийских государств в подавляющем большинстве не питало никакой симпатии к советскому строю и смотрело на германскую оккупацию как на меньшее зло.

В Прибалтике советские партизаны встречали откровенно враждебное отношение со стороны местного населения и оказались поэтому не в состоянии развернуть активные боевые действия против немцев. 12 ноября 1943 года начальник Политуправления и заместитель начальника Центрального штаба партизанского движения Виктор Никифорович Малин на совещании в Москве требовал помощников начальников штабов Эстонского и Литовского штабов: «По Литве, по Эстонии вы должны дать ответ, почему происходят провалы. А то кадры бросают, как будто большую работу провели. Людей забросили, а раз забросили, люди должны быть сохранены. Почему в других местах обеспечивается так, что послали человека, так с ним обязательно связываются. У вас получается – выбросили людей и все, считается, что выполнили работу. Вы могли через Белоруссию в Литву огромное количество своих связников послать. Латвийские товарищи это использовали. У вас огромные возможности к тому, чтобы расширить связь со всеми. В течение двух с лишним лет это дело у нас плохо идет». Представитель Эстонского партизанского штаба Тельмар посетовал: «Мы в прошлом году организовали посылку таких групп, но многие погибли. Пешком очень трудно».

Малин и его коллеги не хотели прямо признать, что эстонское, литовское, равно как и латвийское население с удовольствием выдавало немцам советских партизан, разведчиков и диверсантов или расправлялось с ними своими силами на месте.

Общее же число участников советского партизанского движения, если предположить, что на остальных территориях действовало примерно столько же партизан, сколько их было на белорусской земле, можно

оценить примерно в 0,5–0,6 миллиона человек (только в боевых частях). Это даже меньше, чем численность партизанской армии Тито в Югославии, при том, что численность населения, оставшегося на оккупированной советской территории, как минимум в 2,5 раза превосходило по численности население Югославии. Только красноармейцев-окруженцев, не попавших в немецкий плен, здесь осталось более 900 тысяч. Примерно столько же немцы освободили из лагерей для последующей службы в коллаборационистских формированиях и оккупационных учреждениях. Их численность была значительно больше, чем всей югославской регулярной армии во время войны. Кроме того, на оккупированных территориях остались миллионы лиц призывного возраста, которых не успели призвать в Красную армию. Да и сама оккупированная советская территория по площади в 6–7 раз превышала территорию Югославии. Там было достаточно лесных и горных районов, где партизаны могли укрыться. Немцы и их союзники не имели сил и средств, чтобы контролировать столь обширную территорию. Кроме того, советские партизаны имели возможность непосредственно взаимодействовать с частями Красной армии и поддерживали постоянную связь с Большой землей, откуда регулярно получали вооружение, боеприпасы и средства связи. Тем не менее размах и эффективность советского партизанского движения оказались значительно ниже югославского. Причины этого было две. Во-первых, были допущены крупные ошибки в руководстве партизанским движением. Оно было излишне централизовано и в то же время не обеспечивало должной координации между отдельными партизанскими соединениями. В советском партизанском движении так и не появилось лидеров, сравнимых по популярности, харизматичности и организаторским способностям с теми же Йосипом Броз Тито или Энвером Ходжей. Более того, партийные органы и органы безопасности с подозрением относились к действительно народным партизанским вожакам, видели в них угрозу советской власти, при возможности отзывали их и даже подвергали репрессиям, как мы увидим далее на примере «Бати». Во-вторых, значительная часть населения оккупированных территорий, особенно тех, которые были присоединены к СССР только в 1939–1940 годах, отнюдь не позитивно относилась к советской власти и потому воздерживалась от участия в советских партизанских отрядах и либо рассматривала немецкую оккупацию как меньшее зло и вступала в коллаборационистские формирования, например, в Прибалтике, либо боролась с немцами в составе других формирований, неподконтрольных Москве (Украинская повстанческая армия, Армия Крайова и др.).

По авторитетному же свидетельству И.Г. Старина, общая численность партизан на всей оккупированной территории Советского Союза не превышала 250 тысяч, а на Украине их максимальная единовременная численность достигала только 47 789 человек. Замечу, что в рядах антисоветской Украинской Повстанческой Армии, действовавшей только на Правобережной Украине, причем главным образом в районах, до 1939 года входивших в состав Польши, насчитывалось вдвое больше бойцов – 90–100 тысяч. Если же учесть, что в рядах советских партизан на Украине было немало бывших красноармейцев – русских, евреев, татар и др., до начала войны к Украине не имевших никакого отношения, станет понятно, что большинство собственно украинского населения больших симпатий к советской власти не питало.

С немецкой стороны численность партизан оценивалась гораздо более скромными цифрами. Э. Миддельдорф пишет: «По ориентировочным подсчетам на Восточном фронте действовало около 100 000 партизан, организационно сведенных в партизанские отряды, управляемые Москвой.

Для борьбы с партизанами немецкое командование выделило примерно 50 000 человек из состава охранных частей, почти полностью укомплектованных личным составом старших возрастов или другими категориями военнослужащих, не подготовленных к ведению борьбы с партизанами». Только в Крыму к концу 1941 года, согласно немецкой оценке, действовало около 8 тыс. партизан.

Строго говоря, немецкие цифры не противоречат тем, которые приводятся в советских источниках. Дело в том, что немецкое командование учитывало в основном активно действовавшие партизанские отряды, нападавшие на немецкие тыловые учреждения и гарнизоны. Многие же партизаны на практике боролись главным образом с местной полицией и коллаборационистскими формированиями. Кстати, к выделенным против партизан 50 тыс. немецких солдат надо прибавить значительно большее количество бойцов коллаборационистских формирований, задействованных в борьбе с партизанами, а также солдат союзных с Германией армий, которые считались недостаточно боеспособными для борьбы на фронте с Красной армией. Так, в 1943 году борьбой против партизан в полосе группы армий «Центр» было занято около 100 тыс. немцев и их союзников, включая коллаборационистов. Кроме того, в прифронтной полосе при проведении крупных карательных операций против партизан дополнительно бросались одна-две дивизии регулярных войск, а не ограниченно годных тыловиков. В отличие от И.Г. Старина, германский генерал полагал, что «русское главное

командование умело мастерски организовать партизанскую борьбу и максимально использовать ее в своих интересах при минимальной затрате средств».

Интересны инструкции, которые Центральный штаб партизанского движения рассылал советским партизанам. Например, такая: «Охота на немца напоминает охоту на тетеревов. К тетереву надо подкрасться, пока он поет, и сидеть притаившись, когда он замолкает. Тот же метод пригоден и для охоты на немецкого часового. Вооружившись топором, подкрадись к нему в темноте. Если он прогуливается взад и вперед или оглядывается вокруг, стой и не шевелись. Если он стоит задумавшись, постарайся как можно ближе к нему подкрасться. Когда подкрался достаточно близко, внезапно изо всей силы нанеси топором удар по голове. Сделать это надо так быстро, чтобы он не успел вскрикнуть».

Коллаборационистов среди военнопленных и жителей оккупированных территорий, замечу, было гораздо больше, чем партизан и подпольщиков. Только в вермахте и военных и полицейских формированиях СС и СД служило, по разным оценкам, от 1 до 1,5 миллиона бывших советских граждан. Кроме того, по несколько сот тысяч человек состояло, соответственно, в местной вспомогательной полиции и крестьянских отрядах самообороны, с одной стороны, и работало старостами, бургомистрами и членами местных управ, а также врачами и учителями в открытых немцами школах и больницах, с другой стороны. Правда, трудно сказать, насколько можно считать коллаборационистами тех, кому приходилось работать в оккупационных учреждениях, чтобы элементарно не умереть с голоду. Многие старосты и полицейские, подчеркну, изначально сотрудничали с партизанами, а десятки тысяч бойцов вооруженных коллаборационистских формирований после Сталинграда начали вливаться в партизанские отряды.

Тем не менее, по данным И.Г. Сталинова, к 1 января 1943 года немцы и их союзники оккупировали около 1 миллиона квадратных километров советской территории, на которой осталось не менее 50 миллионов советских граждан, в том числе не менее 2 млн человек призывного возраста. В это время в партизанских формированиях было менее 150 тысяч человек и более 500 тысяч работали на эксплуатируемых оккупантами железных дорогах. При этом «свыше 300 тысяч человек могли бы стать партизанами, но не было оружия. На полях сражений все уже было убрано. Добывать оружие и боеприпасы партизанам стоило, как говорят, “себе дороже”. Нападения на штабы и гарнизоны, как правило, быстро истощали запасы боеприпасов, трофеи были не всегда».

При этом в 1943 году уже почти все партизанские отряды находились под контролем Центрального штаба партизанского движения и Ставки. Если летом 1942 года только 30 процентов партизанских отрядов поддерживало регулярную радиосвязь с Большой землей, то к осени 1943 года их доля возросла до 94 процентов.

К 1 января 1944 года безвозвратные потери партизан по отдельным республикам и областям (без Украины) составили: Карело-Финская ССР – 752 убитых и 548 пропавших без вести, а всего 1300 (из этого числа лишь у 1086 были известны фамилии и адреса родных); Ленинградская область – 2954, 1372, 4326 (1439); Эстония – 19, 8, 27; Латвия – 56, 50, 106 (12); Литва – 101, 4, 105 (14); Калининская область – 742, 141, 883 (681); Белоруссия – 7814, 513, 8327 (389); Смоленская область – 2618, 1822, 4400 (2646); Орловская область – 3627, 3361, 7038 (1497); Краснодарский край – 1077, 335, 1412 (538); Крымская АССР – 1076, 526, 1602 (176); всего – 20 886, 8680, 29 566 (8487). Эти цифры наверняка неполны, но они достаточно хорошо иллюстрируют сравнительную интенсивность боевой деятельности партизан в различных регионах. К этому надо добавить, что в оставшиеся до конца партизанского движения 7 месяцев советские партизаны понесли наибольшие потери. Это было связано с предпринятыми против них крупномасштабными карательными операциями с участием армейских соединений. Только в Белоруссии партизаны в эти последние месяцы потеряли 30 181 убитых, пропавших без вести и пленных, т. е. почти вчетверо больше, чем за предшествовавшие два с половиной года войны. Общие же безвозвратные потери советских партизан до конца войны, включая и тех, кто действовал на Украине, можно оценить как минимум в 100 тысяч человек.

Любопытно, что в Молдавии партизанское движение в целом было более интенсивным, чем в Прибалтике. Только партизанские отряды здесь состояли в основном не из местных уроженцев. С начала войны и вплоть до июля 44-го в нем участвовало 2892 человека, в том числе 769 русских, 1443 украинца, 460 белорусов и только 7 этнических молдаван. Коренное население Бессарабии явно рассматривало возвращение в лоно Румынии как благо по сравнению с советской оккупацией, предоставив возможность партизанить против немцев красноармейцам-окруженцам и присланным сюда советским и партийным работникам. А известная песня про «смуглянку-молдаванку», собирающую молдаванский партизанский отряд, – не более чем поэтический образ, ничего общего не имеющий с действительностью. Справедливости ради добавлю, что текст песни был написан в 1940 году, еще до начала Великой Отечественной войны. В

Прибалтике же ни окруженцев, ни советских работников после прихода немцев почти не осталось. В значительной мере они были либо уничтожены, либо пленены литовскими, латышскими и эстонскими партизанами-националистами.

Очень часто то, что цифры неприятельских потерь, приводимые в партизанских донесениях, абсолютно фантастичны, видно невооруженным глазом. Так, 11 сентября 1943 года по приказу подпольного Могилевского обкома одновременно атаковали 10 немецких гарнизонов в Бельничском районе. Вот что докладывали партизанские командиры о бое с самым крупным гарнизоном, расположенным в райцентре: «В Бельничах после 3,5-часового ожесточенного боя, доходившего до рукопашных схваток, гарнизон противника (состоявший из батальона РОА и 60 полицейских. – Б.С.) разгромлен. Главную тяжесть боя приняли на себя батальоны 208 полка, во взаимодействии с ними участвовали 600 и 760 партизанские отряды и отряд майора Шестакова. В итоге боя убито свыше 200 и до 200 ранено солдат и офицеров противника. Взятые трофеи: ручных пулеметов – 2, минометов 50 мм – 2, винтовок – 68, автоматов – 4, наганов и пистолетов – 8, ручных гранат – 25... Взята документация Бельничской комендатуры. Свои потери: 3 убитых, 30 раненых».

Воля ваша, но здесь что-то не так. Даже если партизаны застигли противника врасплох, очевидно, что власовцы и полицейские сумели все же организовать оборону, поскольку ожесточенный бой длился три с половиной часа. Но тогда совершенно невероятно, чтобы на каждого убитого партизана приходилось по 70 солдат и офицеров противника. Непонятно также, каким образом партизаны посчитали число раненых полицейских и власовцев, и почему в партизанских рядах раненых было в десять раз больше, чем убитых, если обычно на одного убитого приходится не более 3–4 раненых. Скорее всего, партизанские потери в несколько раз занижены, а потери прогерманских формирований, наоборот, в несколько раз завышены. И Старинов в мемуарах признавал: «В минувшей войне было несколько нападений на штабы и гарнизоны, когда партизаны несли тяжелые потери, но в сводках потери немцев были преувеличены в сотни раз и более, а потери партизан скрыты».

Не лучше обстояло дело и с учетом партизанами немецких потерь в боевой технике. После войны Пономаренко утверждал: «На основании донесений партизан и документов противника можно сделать вывод, что партизаны за время войны на всей оккупированной территории путем обстрела, диверсий и нападений на аэродромы противника уничтожили 790 самолетов. Число уничтоженных партизанами и подпольными

организациями самолетов в результате диверсий на железнодорожном транспорте и погибших при крушениях близко к 350 самолетам. Таким образом, всего уничтожено партизанами и подпольными организациями 1140 самолетов противника».

Эта цифра тоже вызывает большое сомнение. За период с 1 сентября 1939 года до конца 1944 года люфтваффе потеряли уничтоженными и поврежденными 71 965 самолетов, из которых на Восточный фронт приходилось около 30 тысяч. К этому надо прибавить еще какое-то точно не известное, но значительно меньшее число сбитых небоевых самолетов – связных и транспортных. Получается, что почти каждый тридцатый самолет, потерянный немцами на Востоке, был уничтожен партизанами, не имевшими ни истребителей, ни зенитных орудий и пулеметов.

Некоторые описания подвигов партизан-героев, встречающиеся в боевых донесениях, носят совершенно легендарный, мифологический характер. Например, в итоговом отчете о деятельности 37-й партизанской бригады имени Пархоменко, оперировавшей в Бобрыском и Глуском районах Могилевской и Полесской областей, утверждалось: «20 декабря 1943 года командир отряда имени Кирова Голодов Василий Емельянович в деревне Качай Болото Паричского района, когда гитлеровцы приблизились к блиндажу, где находился тов. Голодов, начали забрасывать его гранатами, коммунист Голодов на лету подхватывал вражеские гранаты и выбрасывал их назад. Так он выбросил 9 гранат и убил более 20 фашистов. Но десятой гранатой бесстрашный командир был тяжело ранен и погиб смертью героя». Прямо сказочный богатырь, да и только!

Вот немецкие сводки о потерях в боях с партизанами, особенно если они составлены в штабах вермахта, а не СД или полицией безопасности, выглядят достовернее советских. Там почти никогда не указывается число раненых партизан, тогда как в партизанских отчетах, напротив, фантазия командиров указывала поразительно точное число раненых немцев и их пособников. Убитых партизан немцы указывали только тогда, когда в их распоряжении оказывались их трупы. Если же поле боя оставалось за партизанами или погибших на месте столкновения обнаружено не было, то в немецких донесениях указывалось, что убитых партизаны унесли с собой и что их число не может быть установлено. Нередко немецкие донесения прямо признают, что потери партизан были значительно меньше, чем у немцев и их союзников.

Вот пример – донесение командующего войсками по охране тыла группы армий «Центр» о потерях в боях с партизанами за январь 1943 года. 2-я немецкая танковая армия уничтожила 299 партизан, потеряв при этом

убитыми 13 немцев, 11 венгров, 7 русских добровольцев (очевидно, из бригады Каминского) и 33 русских полицейских. При этом было ранено 28 немцев, 30 венгров, 12 русских добровольцев и 48 русских полицейских. Без вести пропало 7 русских добровольцев, 28 полицейских и 1 венгр. Соотношение безвозвратных потерь получается в пользу немцев и их союзников – 3: 1. А в тылу 9-й немецкой армии было убито 254 партизана, а потери немцев и их союзников составили 20 убитых, 41 раненый и 1 пропавший без вести. Однако даже по немецким рапортам далеко не всегда партизаны теряли больше, чем их противники. Нередки сообщения о том, что партизаны в результате внезапного нападения уничтожили 10, 15 или 20 полицейских, сами не понеся при этом никаких потерь. Так, комендатура местечка Журовичи в Белоруссии сообщала, что 22 февраля 1943 года при налете партизан немецкие потери составили 10 убитых, 1 раненый и 1 пропавший без вести, потери полицейских – 15 убитых и 4 раненых, тогда как «было убито только 2 бандита».

Но не всегда и немецкие донесения внушают доверие. Например, штаб группы армий «Центр» докладывал, что в январе 1943 года общее число убитых партизан в тыловом районе группы армий, за пределами армейских тыловых районов, определялось в 5762 человека, но при этом было захвачено в качестве трофеев только 960 винтовок, 56 пулеметов, 12 минометов, 5 орудий и 3 противотанковых ружья. Получается, что три четверти партизан были без оружия или их оружие немцы побрезговали взять в качестве трофеев. Скорее всего, большинство убитых – это те, кого только подозревали в пособничестве партизанам и кто был захвачен не с оружием в руках на поле боя, а безоружным в деревнях и поселках. Именно во фронтовом тылу действовали немецкие полицейские формирования, жандармерия и отряды СД, которые часто записывали в партизан мирных жителей, убитых в ходе карательных экспедиций.

А вот эти данные, например, кажутся близкими к действительности. За период с 15 по 26 октября 1942 года 2-я немецкая танковая армия в борьбе с партизанами потеряла убитыми 4 немецких военнослужащих и ранеными – 26. Потери союзников-венгров составили 11 убитых и 14 раненых, а бойцов из милиции Каминского – 53 убитых и 4 раненых. Русских добровольных помощников убито было 5 человек, а ранено – 13. Потери партизан немецкое командование определяло в 56 убитых, 38 пленных и 16 перебежчиков, причем в качестве трофеев немцы захватили 47 винтовок, 2 противотанковые пушки и 1 пистолет-пулемет. В данном случае трофеи вполне соответствуют числу убитых и пленных партизан. Соотношение же безвозвратных потерь оказывается почти равным: партизанские потери

превосходят потери противника всего в 1,5 раза.

Немецкие армейские сводки о борьбе с партизанами фиксировали число убитых, найденных на поле боя, в случае, когда оно оставалось за немцами. Так, командование тыловым районом группы армий «Центр» 29 августа 1942 года сообщало об итогах контрпартизанской операции «Хирштоу»: «Потери противника: 142 убитых, подсчитанных на поле боя, 10 пленных. Фактически потери противника значительно выше».

В некоторых случаях немецкие армейские обобщающие донесения о потерях противника в ходе крупных антипартизанских операций находят полное соответствие в советских данных о потерях соответствующих партизанских соединений за тот же период. Так, в итоговом донесении 2-й немецкой танковой армии от 9 июня 1943 года об операции «Цыганский барон», проводившейся в мае – июне против основных партизанских баз в южной части Брянских лесов, потери партизан определены в 3152 убитых и 869 перебежчиков. По данным же Центрального штаба партизанского движения численность партизан Орловской области с 1 мая по 1 июля 1943 года сократилась с 14 323 человек до 9 623 человек, т. е. на 4 600 человек, причем в примечании к этим цифрам специально оговаривается, что «сокращение количества отрядов, партизан и радиостанций на 1. 7. 43 г. объясняется потерями в боях с карателями». Разница всего в 579 человек легко объясняется потерями, понесенными партизанами после 9 июня и некоторым недоучетом партизанских потерь немцами.

Благодаря операции «Цыганский барон» вермахт смог открыть основные коммуникации в районе Брянских лесов и избавиться от партизанской угрозы в районе боевых действий группы армий «Центр» вплоть до завершения Курской битвы и эвакуации Орловского плацдарма.

Точно так же немцам удалось разбить основные силы партизан в прифронтовой зоне группы армий «Центр» в апреле – июне 1944 года, накануне советской операции «Багратион», положившей конец германскому господству в Белоруссии. Успеху немцев сильно способствовало то обстоятельство, что в Полоцко-Лепельской партизанской зоне еще с осени 1943 года оказались сконцентрированы 16–17 партизанских бригад общей численностью от 16 до 20 тысяч человек. Советское командование планировало с помощью партизан захватить Полоцк. Затем туда должен был быть переброшен десантный корпус, снабжаемый по воздуху, которому вместе с партизанами предстояло удержать город до подхода основных сил Красной армии. Однако странным образом и Центральный штаб партизанского движения, и командование 1-го Прибалтийского фронта, и Ставка Верховного командования напрочь

забыли, что в декабре – январе здесь бывает преимущественно нелетная погода, и назначило начало операции на середину декабря 43-го. Однако в последний момент она была отменена из-за неблагоприятных метеоусловий. Как будто такой исход нельзя было предвидеть заранее, и опыт Сталинграда, где снабжение группировки Паулюса было сорвано во многом из-за преимущественно нелетной зимней погоды, советское командование ничему не научил! Партизанам же было приказано зимовать в этом районе, чтобы попытаться позднее все-таки овладеть Полоцком. Снабжать такую армаду боеприпасами в количестве, необходимом для ведения активных боевых действий, не было никакой возможности. В результате немцы, воспользовавшись затишьем на фронте, бросили против партизан несколько пехотных полков вермахта, подкрепленных частями СС и полиции, а также тремя полками бригады Русской Освободительной Народной армии Б. Каминского в апреле 44-го начали широкомасштабную карательную операцию «Праздник весны» и в начале июня практически ликвидировали Полоцко-Лепельскую партизанскую зону. Часть партизан смогла прорваться в Минскую и Вилейскую области, но многие погибли. По данным штаба 3-й немецкой танковой армии, только в период с 11 апреля по 15 мая 1944 года потери партизан, у которых почти не было боеприпасов и ощущалась острая нехватка тяжелого вооружения, составили 14 288 человек убитыми и пленными. Немцы полагали, что партизаны потеряли четыре пятых своего состава. Белорусский штаб партизанского движения определял собственные потери гораздо скромнее – в 7000 убитых и пропавших без вести, утверждая, что немцы понесли еще большие потери – до 8 300 убитых и до 12 900 раненых. Учитывая колоссальное неравенство в вооружении, данные о немецких потерях кажутся сильно преувеличенными. Пономаренко признавал, что противнику удалось очистить от партизан прифронтовую полосу от Полоцка до Орши.

Для борьбы с партизанами в Белоруссии немцы при помощи Белорусской центральной рады во главе с Радославом Островским стали в феврале 1944 года формировать Белорусскую краевую оборону (БКА). Подразделения БКА создавались в каждом населенном пункте, которому угрожали действия партизан. Молодежь привлекало в самооборону то, что служба в БКА освобождала от отправки на работы в Германию. В состав БКА вошли также белорусские полицейские батальоны, сформированные еще в 1942 году, и батальоны самообороны, созданные осенью 1943 года. БКА создавалась путем мобилизации военнообязанных. Всего было мобилизовано около 20 тыс. человек. Подразделения БКА, возглавлявшиеся

немецкими офицерами, были достаточно боеспособными для антипартизанской деятельности, ведения боевых действий низкой интенсивности и охранной службы. Крупнейшей операцией, в которой участвовала БКА и, в частности, ее 15-й батальон, и стал «Праздник весны». За нее командир 15-го батальона Владимир Родька получил Железный крест, а многие офицеры и солдаты награждены медалями и знаками отличия для восточных народов. По некоторым оценкам, к маю 1944 года численность белорусских коллаборационистских формирований составляла до 70 тыс. человек, из которых более 30 тыс. состояло в Белорусской краевой самообороне. По численности коллаборационисты в тот момент втрое уступали белорусским партизанам.

Также и Бронислав Каминский, чья штурмовая бригада РОНА участвовала в «Празднике весны», был награжден Железным крестом 1-й степени. Но очень скоро, как мы только что убедились, немцы приготовили ему и деревянный.

Судьба Полоцко-Лепельской партизанской зоны еще раз доказала справедливость слов Наполеона о том, что один мамлюк всегда одолеет одного французского кавалериста, трое против трех они будут драться на равных, а эскадрон французов всегда обратит в бегство эскадрон мамлюков. Партизаны могли иметь успех, когда действовали против мелких групп немцев и полицейских. Когда же им приходилось держать оборону как обычному стрелковому полку или дивизии даже против равных или немного превосходящих по численности немецких соединений, успех обычно был на стороне противника. Сказывалось неравенство в боевой подготовке и боевом снабжении.

Крупные карательные операции немцы предпринимали и против партизан, действовавших в Минской области. Ими руководил начальник СС и полиции в Белоруссии Карл Готтберг. В ходе одной из таких операций, «Котбус», согласно донесению Готтберга от 26 июня 1943 года, было убито в бою 6084 партизана, а еще 3709 – расстреляно после пленения. Кроме того, 599 пленных было оставлено в живых. Немцы также захватили 4997 мужчин и 1056 женщин в качестве «рабочей силы» (люди Готтберга фактически действовали как работоторговцы в Африке, охотившиеся на негров). Немецкие же потери были сравнительно небольшие. В ходе операции «Котбус» было убито 5 немецких офицеров, включая 1 командира батальона и 112 солдат, ранено 11 офицеров (в том числе 2 командира полка) и 374 солдата, а еще 3 рядовых пропали без вести. Потери среди «иностранцев», под которыми, очевидно, подразумевались русские «добровольцы», Готтберг определил в 40 убитых,

152 раненых и 4 пропавших без вести. Однако отсутствие в донесении графы потерь среди мирных жителей наводит на мысль, что в число убитых и расстрелянных партизан включены и невооруженные гражданские лица, лишь заподозренные в связях с партизанами или просто попавшиеся карателям под горячую руку. Ведь в приказе на проведение операции «Котбус» Готтберг особо подчеркивал, что «необходимо исключить всякое человеческое внимание к населению... ибо постоянно выясняется, что местное население, в том числе женщины и дети, минируют дороги в тылу наших частей». А в итоговом донесении группенфюрер похвастался новым методом преодоления минных полей: «После артиллерийско-зенитной подготовки проникновение в болотистую местность стало возможным только потому, что подозреваемых в связях с партизанами местных жителей гнали впереди войск по сильно заминированным участкам территории».

Справедливости ради надо сказать, что такой же метод использовали и советские военачальники, только гнали на минные поля все же не мирных жителей, а красноармейцев. Вскоре после войны маршал Жуков популярно объяснил американскому генералу Дуайту Эйзенхауэру, что он, Жуков, если знал, что впереди одно только минное поле, отправлял в атаку своих солдат, как будто перед ними никаких мин не было. Солдаты ценой своей жизни подрывали только противопехотные мины. Затем в образовавшиеся проходы шли саперы и снимали противотанковые мины, чтобы можно было пускать бронетехнику, она ведь стоила дороже людей. Эйзенхауэр был потрясен и про себя усомнился, что в американской армии вряд ли найдутся офицеры, способные отдать такой приказ, и солдаты, согласные его выполнить. Готтберг тоже знал, что немцы просто так на мины никогда не пойдут, и использовал для «живого разминирования» «недочеловеков»-славян, провинившихся лишь в том, что попались на пути карательной экспедиции.

Под руководством Готтберга с 3 июля по 30 августа 1943 года была проведена еще одна крупная операция, под кодовым названием «Герман», на этот раз против советских и польских партизан Барановичской области. В итоговом донесении Готтберг утверждал, что в бою было убито 4280 человек, в том числе 6 командиров и 2 комиссара «банд», а захвачено в плен – 654, включая 1 командира польских повстанцев. Немецкие потери составили 40 убитых и 112 раненых, в том числе 9 офицеров, а 3 солдата пропали без вести. Потери коллаборационистских формирований были меньше – 6 убитых, 43 раненых и 1 пропавший без вести. Готтберг отмечал: «Выявлено два рода банд, большевистские и польские. В то

время, как у польских банд обычно не было тяжелого оружия, большевистские банды были хорошо вооружены и применяли даже артиллерийские орудия».

О той же самой операции «Герман» сохранился отчет и с советской стороны – донесение секретаря Барановичского обкома партии Чернышева. Там, в частности, утверждалось: «В первые дни боев с карательной операцией партизанами был убит известный населению Белоруссии с начала войны палач, подполковник войск СС Дирлевангер и захвачен весь план операции».

Оберфюрер СС Оскар Дирлевангер со своей бригадой «общих СС» действительно участвовал в операции. В отличие от войск СС, «общие СС» выполняли исключительно карательные функции и беспощадно расправлялась как с партизанами, так и с мирным населением. Бригада считалась «штрафной» и состояла из немецких уголовников и русских «добровольцев», причем последние часто недалеко ушли от своих германских товарищей по оружию. Сам же комбриг до войны тянул срока за растление несовершеннолетних и браконьерство. Спору нет, Дирлевангер, как совершивший преступления против человечности, вполне заслуживал смерти. Но Чернышев поторопился его похоронить. Дирлевангер прожил еще два года и умер во французском лагере для военнопленных в Альтхаузене (Верхняя Швабия) 7 июля 1945 года.

Согласно Чернышеву, партизаны в ходе операции «Герман» потеряли 129 убитых, 24 пропавших без вести и 52 раненых. Это примерно в 30 раз меньше, чем цифра, названная Готтбергом. Даже если учесть, что немцы в число убитых включили еще и польских партизан, а Чернышев наверняка занизил данные о потерях (но не в 10 же раз!), разница слишком велика. Несомненно, что большинство убитых «бандитов» в отчете Готтберга в действительности никакого отношения к партизанам не имели. У офицеров и генералов СД, в отличие от их коллег в вермахте, фантазия была очень хорошо развита, и в этом отношении они вполне могли соревноваться с партизанскими командирами. Сказывалась и общая направленность действий СД на максимальное истребление «недочеловеков».

В свою очередь, и секретарь Барановичского обкома щедро уничтожал врага на бумаге. В донесении он заявил, что партизаны убили и ранили более 3 тысяч немцев и полицейских и взяли в плен 29 немецких солдат. Как мы помним, Готтберг общие потери немцев и их союзников определял в 205 убитых, раненых и пропавших без вести. Неужели ошибся в 15 раз?! Да и пропавших без вести немцев было только трое – в 10 раз меньше, чем число пленных, которых будто бы захватили партизаны Чернышева. Как

появились такие большие цифры вражеских потерь, станет понятно, если прочесть следующий пассаж в чернышевском донесении: «Пущено под откос 37 эшелонов. На участке Лида – Юротишки из-под обломков извлечено 300 трупов немецких солдат и офицеров». Интересно, кто смог их посчитать? Неужто партизанские разведчики?

Были и другие партизанские донесения, построенные по принципу «все хорошо, прекрасная маркиза». Например, когда в августе – ноябре 1942 года немцам в результате удачного наступления удалось закрыть так называемые «Витебские ворота» – коридор в районе Усвяты, через который из-за линии фронта белорусским партизанам поступало материальное снабжение и перебрасывались подкрепления, в донесении Центрального штаба партизанского движения бодро утверждалось: «Партизанские бригады Витебской области непрерывными боями с противником показали свое умение действовать не только мелкими группами, но и наносить серьезные поражения противнику в боях с его крупными частями.

Успешный выход противника на правый берег реки Усвята и закрытие ими “ворот” впредь до получения подробного описания боев, можно объяснить несогласованностью действий между командованием частей Красной Армии и партизанских отрядов».

Да, из такого донесения Наполеон никогда бы не узнал, что проиграл сражение при Ватерлоо.

П.К. Пономаренко после войны утверждал, что всего в боевых действиях против советских партизан, по данным разведки, противник использовал 55 охранных полков, 206 отдельных охранных батальонов, 34 полицейских полка, 115 полицейских батальонов, 1 кавалерийскую бригаду жандармерии, 1 полк полевой жандармерии, 38 отдельных моторизованных жандармских взводов и ряд других подразделений. Все это было эквивалентно 20 дивизиям. Кроме того, для действий против партизан привлекалось до 30 дивизий противника. Отсюда Пономаренко делает вывод, что всего партизаны сковали около 50 дивизий немцев и их союзников. Будто бы только на Украине с начала войны и до 1 октября 1944 года партизаны сковывали аж 786 тыс. немецких солдат и офицеров. Звучит внушительно. Но надо иметь в виду, что все перечисленные силы действовали против партизан отнюдь не одновременно. В среднем же за 1942–1944 годы советские партизаны вряд ли имели против себя силы, эквивалентные 10 вражеским дивизиям. Необходимо также учесть, что подавляющее большинство охранных и полицейских батальонов и полков комплектовалось из коллаборационистов, которых все равно не собирались использовать на фронте. В борьбе с партизанами широко использовали

румынские, венгерские и словацкие соединения, которые до этого были потрепаны на фронте и считались более не пригодными для боевых действий друг против друга. К тому же перечисленные Пономаренко охранные и полицейские батальоны и полки часто переформировывались и переименовывались, так что приведенные выше цифры содержат значительный двойной счет.

П.К. Пономаренко также писал: «За 2 года партизанской войны в тылу немецких захватчиков по далеко не полным данным (то есть по тем сведениям, которые могли быть доставлены из тыла) советские партизаны (в Белоруссии) истребили более 300 тысяч оккупантов, из них 30 генералов, 6336 офицеров и 1520 летчиков... За это же время произведено не менее 3 тысяч крушений вражеских эшелонов, уничтожено 3263 железнодорожных и шоссейных моста. Уничтожены 1191 танк и бронемашина, 476 самолетов, 378 орудий, 618 штабных автомобилей, 4027 грузовиков, 895 баз и складов с вооружением и боеприпасами».

По поводу этих цифр Л. Рендулич замечает, что к ним «нужно подходить с большой осторожностью (в число убитых русские, по-видимому, включили и своих соотечественников, которые были убиты и казнены за сотрудничество с немцами)», но полагает, что «все же они дают достаточное представление о масштабах партизанской войны в России».

Сразу скажу, что насчет количества погибших немцев эти цифры большого доверия не внушают. До конца 1944 года сухопутные войска вермахта потеряли на Восточном фронте погибшими и пропавшими без вести 65 200 офицеров. Получается, что десятая часть этих потерь приходилась на деятельность белорусских партизан, при том, что их численность была в несколько десятков раз меньше, чем численность регулярной Красной армии на фронте, они имели гораздо меньше вооружения и сравнительно редко вступали в схватки с немецкими войсками.

Столь же фантастичны цифры и по другим регионам. В Ленинградской области до марта 1944 года партизаны будто бы уничтожили 104 242 немецких солдата и офицера, вывели из строя 1050 паровозов и 18 643 железнодорожные платформы, вагоны и цистерны. На Украине партизаны якобы уничтожили 310 000 немцев, вывели из строя 4060 паровозов, 39 700 товарных вагонов, взорвали 810 танков и броневиков, 324 орудия и 108 самолетов».

За 26 месяцев партизанской войны в Крыму, по заявлениям партизан, ими было убито 18 910 вражеских офицеров и солдат Старинов особо отмечал в мемуарах: «Борьба с частями вражеской армии сводилась в

основном к крушению поездов, подрыву автомашин и бронетехники минами и только при благоприятных условиях – нанесению урона противнику действиями из засад. Бои партизан с частями Вермахта в его тылу для партизан сопряжены с большими потерями, чем бои на фронте. В своем тылу враг в ходе боя может наращивать усилия, бесперебойно обеспечивая боеприпасами. У партизанских полков, которые были созданы для борьбы с частями врага в его тылу, этих условий не было. Поэтому 2 украинских и 6 ленинградских партизанских полков, вступив в боевое столкновение с оккупантами, несмотря на героизм личного состава, были разгромлены». В открытых боях, по его оценке, партизаны несли до девяти десятых потерь. В свою очередь, почти девять десятых потерь, согласно отчетам Центрального штаба партизанского движения, немцы понесли от скрытых действий партизан, т. е. от диверсий, а не в открытых боях с ними. Правда, может быть, в этой пропорции отразилось и то обстоятельство, что количество уничтоженных будто бы в результате диверсий эшелонов было особенно легко приписывать.

Другая сторона медали

Население в районах массового партизанского движения постоянно находилось между двух огней. С одной стороны, им постоянно угрожали репрессии и реквизиции со стороны немцев и созданных ими оккупационных властей, в том числе расстрел заложников за действия партизан. С другой стороны, продовольствие у него, на добровольной или принудительной основе, изымали также партизаны, которые порой карали не только старост, бургомистров и полицейских, но и население целых деревень или отдельные семьи, основательно или нет обвиненные в коллаборационизме. Далеко не всегда партизаны выступали в роли благородных защитников населения от зверств немецких оккупантов. Приток пополнения в отряды иной раз ограничивался не только нехваткой оружия, но и действиями самих партизан, иной раз не слишком хорошо обращавшимися с местными жителями. В ходе партизанской борьбы на оккупированной советской территории зверства обильно совершались с обеих сторон. В донесении «Зверства германских фашистов на оккупированной территории», поступившем в Москву в апреле 43-го, рассказывалось, в частности, как в деревне Дрилевичи Лепельского района «полицейские схватили беременную колхозницу Фенько, раздели догола и допрашивали в таком виде в присутствии целой группы полицейских, избив, бросили ее в баню, затем поставили голой, чтобы ели комары, били по очереди дубинками. В итоге она преждевременно родила ребенка, но мужа-партизана она не выдала. Перед смертью заявила: “Погибаю за честный поступок своего мужа-партизана. Он пошел и будет бороться против фашистов”».

А вот как описывает жизнь под оккупацией в своей родной деревне Мазуны белорусская партизанка Маня Сергеева в письме своему дяде Ивану Куприянову на Большую землю: «Много людей повесили на виселицах, много людей расстреляли за малейшие причины... Землю поделили полосами. Колхозов у нас нет. Этот год войны был для нас годом тюрьмы. Мы сидели и каждую минуту ждали смерти (такие же чувства испытывали очень многие жители оккупированных территорий. – Б.С.). Весна (1942 года. – Б.С.) была, наверно, самой голодной для всех. Многие люди ходили чуть живые, распухшие от голоду. Достать нигде нельзя было ни одной жменьки ничего. Немцы ничего не продавали и не продают. Сейчас жизнь в это время спокойней... Поскольку партизанщина

расширена, то немцы к нам не приезжают». И далее Маня сообщила, что из их деревни 11 человек ушли в партизаны.

Факты немецких зверств в письмах партизан встречаются очень часто. Вот, например, что писал в 1942 году своим родителям лейтенант И.Я. Привалов, служивший в штабе партизанского соединения Козлова в Белоруссии: «В поселке А. немцы вырвали из рук учительницы Наумовой двухлетнего ребенка и, размотав его за ногу, бросили в огонь пылающего дома, а затем убили ее самое. В селе Барбарово зашли в хату жены политрука и начали к ней придирааться. Выгнали родителей и изнасиловали ее, а затем выпороли шомполами».

Вот еще одно жуткое письмо. Мария Храпко пишет из партизанского отряда своему брату Семену: «...Мучили нашего родного брата Гришу. Ему Яким Дещеня (полицейский) сам живому вырезал на груди пятиконечную звезду, разрезал рот, повырезал мякоть тела, и он, окровавленный, скончался».

В ходе войны происходил жесткий отбор карателей – тех, кому в радость мучить людей, кто, не дрогнув, может разбить голову младенца о каменную стену и выстрелом в голову отправить на тот свет его мать. Причем подобное случалось на обеих сторонах – и на немецкой, и на советской.

Да, да, не меньшей жестокостью по отношению к немцам и их союзникам, а также друг к другу на оккупированной территории СССР отличались советские, украинские, польские и литовские партизаны, не уступая в этом отношении итальянским или югославским партизанам. Только фиксируются эти факты, разумеется, в немецких донесениях, а не в сводках Центрального штаба партизанского движения. В частности, отчет тайной полевой полиции о борьбе с советским партизанским движением в первой половине 1942 года свидетельствовал: «Проводя нападения, партизаны действуют с беспрецедентной жестокостью. Так, вблизи от Устерчи (группа армий «Центр») партизаны напали на двух русских полицейских, сопровождавших транспорт скота, и, выколов им глаза и отрезав уши, их повесили».

В отдаленной деревне Центрального армейского района в полдень 31.12.41 появилось около 100 хорошо вооруженных партизан, находившихся под командованием большого числа офицеров. Бургомистру и большинству местных полицейских удалось спастись бегством от плена. Один из полицейских был ранен и попал в руки партизан. Сначала они полностью раздели раненого и оставили его лежать в снегу при 40–45 градусах мороза. Потом они разграбили деревню и расстреляли 2 жителей,

сыновья которых входили в полицию. Партизаны угрожали согнанным вместе жителям сжечь их деревню, если они будут сдавать хлеб и скот немцам.

После этого на глазах у офицеров и жителей деревни был изувечен лежавший в снегу раненый полицейский. Его конечности были поочередно переломаны и затем отрублены. Эта мучительная смерть полицейского должна была явиться предупреждением всем прогермански настроенным жителям деревни.

У одного убитого служащего ГФП партизан отрезал запястье руки, чтобы снять надетое на палец кольцо. Другой служащий ГФП, получивший несколько ранений и еще подававший в бессознательном состоянии признаки жизни, был убит партизаном несколькими выстрелами в голову и затем ограблен.

Эти нечеловеческие пытки попавших в руки партизан противников объясняются прежде всего безграничной травлей со стороны евреев и политических комиссаров, широко использующих в своих целях примитивные инстинкты русского населения. Так как они изображали немецких солдат исчадием ада, полностью повинными в возникновении войны и в последовавшем за этим ухудшением уровня жизни, и говорили, что нищета и бедствия еще ухудшатся после окончания войны в пользу немцев, то вся ненависть натравливаемых людей направлялась на их жертвы. Лишения, испытываемые партизанами в результате их деятельности, особенно чувствительные зимой, и вызываемое этим плохое настроение, ловко направляется руководителями партизан на немецких солдат».

А вот немецкое донесение от 17 февраля 1943 года об одном бое с партизанами: «Недалеко от Вороны, 13 км западнее Витебска полицейский отряд был втянут в бой с бандитами. Присланному подкреплению из воинской части не удалось отбить атаку банды. В этом бою, продолжавшемся более 3-х часов, воинская часть потеряла 12 и полиция 24 человека убитыми и 1 пропавшего без вести. На следующий день были найдены трупы полицейских, изуродованные и без одежды». По всей вероятности, полицейские попали в руки партизан еще живыми и были подвергнуты пыткам.

Замечу, что большинство цитируемых донесений и писем, как немецких, так и советских, предназначались, так сказать, для «внутреннего потребления» и не были использованы в пропаганде военного времени.

В 1944 году Пономаренко писал ГКО: «Фашисты для сокрытия следов своих преступлений, помимо уничтожения свидетелей, прибегают к

составлению фиктивных актов с указанием, что учиненные ими зверства произведены якобы партизанами. Подобные акты составлены немцами в ряде населенных пунктов Полесской области, где население вынуждалось под страхом смерти ставить под актами свои подписи в качестве «свидетелей»».

Необходимо подчеркнуть, что точно такие же фиктивные акты составляла и советская сторона. Наиболее яркий пример тут – акт о раскопках могил в Катюни, где вся вина за это преступление была свалена на немцев. Аналогичные акты были созданы и по поводу произведенных немцами раскопок захоронений во Львове, Виннице и некоторых других городах, где НКВД произвел массовые расстрелы политзаключенных. После освобождения соответствующих территорий эти расстрелы также списали на немцев. Немцы действительно составляли фальшивые акты, где собственные преступления сваливали на партизан. То же делала и советская сторона. И сегодня порой очень трудно определить, какие из этих актов фиктивные, а какие подлинные.

В тех районах, где основная часть населения поддерживала немцев или, по крайней мере, ладила с ними, партизаны применяли массовое уничтожение мирных жителей, а не только членов семей коллаборационистов. Объектами таких репрессий стало население Локотского округа и староверческих республик в Белоруссии. Вот как описывает немецкое донесение результаты нападения партизан на железнодорожную станцию Славное на железной дороге Борисов – Орша: «28.8.42 хорошо вооруженная группа партизан численностью в 350 человек атаковали станцию Славное (участок железной дороги Орша – Борисов). Станционное здание подожжено. В результате сильного обстрела населенный пункт Славное разбит. Противник отошел раньше, чем подоспело наше подкрепление... Все железнодорожные служащие станции мужественно боролись с партизанами. Начальник станции – убит, начальник службы движения – тяжело ранен, остальные служащие станции – невредимы. Сожжены станционные здания и 100 домов в деревне. Убито около 300 мирных жителей, дружелюбно настроенных к немецким войскам. Обе водонапорные башни подорваны. Также подорван водяной насос. Система сигналов частично разрушена. Переводные стрелки отсутствуют. Рельсовый путь подорван на участке до 100 м. Подорван водопровод на участке между рекой Бобр и Славное. Подорван эшелон № 8203, стоявший в то время на станции. Котлы паровозов подорваны. Русский начальник эшелона и 10 украинцев убиты. Станция начала работу около 16.00».

Дерзкое нападение партизан на Славное и уничтожение им дружелюбно настроенных по отношению к немцам жителей поселка вызвало гнев самого фюрера. Гитлер уже 28 августа потребовал от командования группы армий «Центр» «немедленного проведения операции возмездия в связи с нападением на станцию Славное с применением самых жестких репрессивных мер». В результате 30 августа 1942 года командование группы армий доложило в Генштаб: «Во исполнение приказа о проведении операции возмездия в связи с нападением на Славное предусмотрено следующее: 100 сторонников партизан и членов семей последних в районе Славное, подозреваемых в участии или в содействии нападению, будут расстреляны. Их дома будут сожжены. О принятых мерах будет передано по радио с комментариями». В данном случае партизаны и немецкие каратели просто неотличимы друг от друга.

Начальник 532-го тылового района (2-й танковой армии), где располагался Самоуправляющийся Округ Локоть, докладывал 22 августа 1942 года: «В районе Жуковки прорывы и налеты партизанских групп. Среди милиции (Русской Освободительной Народной армии Б.В. Каминского. – Б.С.) и гражданского населения большое количество убитых». Аналогичное сообщение поступило 2 октября того же года: «Большая группа партизан произвела налет и частично сожгла населенный пункт Киклино. Партизаны спилили 49 телефонных столбов и разрушили небольшой мост на шоссе... Гражданское население потеряло около 30 человек убитыми». 16 октября 1942 года все тот же начальник 532-й тыловой комендатуры сообщал: «В районе Клетни продолжаются налеты партизанских групп из больших лесов Клетни. Партизанские группы при этом преследуют цель крупными силами ворваться в какой-либо умиротворенный район, сжечь населенные пункты и убить население и милицию». И число подобных донесений можно многократно умножить с обеих сторон.

Случаи мародерства со стороны советских партизан зафиксированы во многих документах. Так, командир действовавшей в Могилевской области Белоруссии 13-й партизанской бригады майор Мазур в итоговом донесении о действиях бригады рассказал о неприглядных событиях, имевших место весной 1942 года: «В то время на территории Кличевского района не было ни одного гарнизона противника, и партизаны чувствовали себя очень развязно, начали бездействовать, заниматься самогонокурением, пьянством и мародерством... Наладив агентурно-осведомительную работу среди партизан и местного населения, Особым Отделом было вскрыто ряд причин, порождающих плохое поведение отдельных партизан, а самое

главное то, что отдельные командиры партизанских отрядов не занимались боевыми делами, а отсиживались. О всех этих недостатках было доложено подпольному райкому и приняты соответствующие меры. Так, например, командир партизанского отряда Юрковец был снят с должности командира отряда и переведен в рядовые... Особым Отделом были вскрыты две группы в партизанском отряде, где командиром был Рудой, комиссаром Изох, которые имели цель уничтожить руководство отряда и перейти в другие отряды. Это было вызвано тем, что командование занималось пьянкой, самоснабжением и не проводило боевых операций. Тех партизан, которые выступали на собраниях с критикой командования, сажали под арест. Об этом случае было доложено Клычевскому подпольному райкому. 3 мая 1942 года состоялось заседание райкома, на котором командир отряда Рудой был снят, как не справившийся с работой. На должность командира отряда был назначен я (до этого – начальник РО НКВД и Особого отдела)».

Характерно, что комиссар проштрафившегося отряда Игнат Зиновьевич Изох никаким дисциплинарным взысканиям не подвергся и в дальнейшем возглавил 277-ю бригаду, действовавшую в том же Кличевском районе. Не исключено, что особист Мазур в своем донесении райкому сознательно сгустил краски, чтобы сместить командира и самому возглавить отряд. 28 июня 1944 года, имея в своих рядах 1399 человек, 277-я бригада благополучно соединилась с частями Красной армии. Любопытно, что, согласно итоговому донесению Изоха, в рядах бригады сражалось 595 бывших полицейских, которые после перехода к партизанам «активно боролись с немецко-фашистскими захватчиками».

Люди в партизанских отрядах попадались самые разные, в том числе и с весьма темным прошлым и садистскими наклонностями, или успевшие уже запятнать себя преступлениями на службе у немцев. Склоки между командирами и комиссарами, подсиживание друг друга, бессудные расстрелы, дутые дела о шпионаже, создаваемые начальниками Особых отделов и представителями.

НКВД, были обычными явлениями. Впрочем, все то же было характерно и для регулярной Красной армии. В то же время, если командир был популярен в отряде и среди местного населения, комиссару и особисту было весьма непросто сместить его, даже если они этого очень хотели. Дело-то происходило во вражеском тылу. Поэтому комиссары чаще всего с командирами ладили. Хотя случались исключения, и тогда рождались доносы, направлявшиеся на Большую землю, причем их соответствие реальным фактам порой трудно проверить даже сегодня.

1 октября 1942 года комиссар партизанской бригады Е.А. Козлов

написал донос начальнику Центрального штаба партизанского движения П.К. Пономаренко на своего комбрига полковника Марченко: «Астрейко (командир одного из отрядов в бригаде. – Б.С.), помощник начальника полиции в Трудах (зимой) по достоверным источникам расстреливал евреев (подтверждено т. Лапенко, комиссар бригады, капитан Мещеряков – командир отряда нашей бригады, которые зимой жили исключительно подпольно и до конца остались преданными своей Родине), однако пользуется огромным авторитетом у Марченко. Это видно из того, что Марченко дважды назначал Астрейко командиром партизанских бригад, Станкевича и своей, когда сам Марченко ушел на пост командующего Полоцкой зоной. Благодаря вмешательству в это дело обкома (Витебского) и штаба Астрейко к командованию бригадой был недопущен... Слово “расстрел” глубоко укоренилось в сознании большинства бойцов бригады. Внедрено оно со стороны Марченко и Астрейко».

Возможно, письму Козлова и был бы дан ход, но 6 октября 1942 года он вместе с Лапенко и несколькими другими партизанскими руководителями погиб в авиационной катастрофе. Марченко, находившийся в том же самолете, чудом уцелел, отделавшись переломами ног. Опасные свидетели, которые могли уличить его и Астрейко в бессудных расстрелах и службе немцам, погибли, и доносу, который перед отлетом Козлов успел вручить Пономаренко, так и не был дан ход. Астрейко и Марченко благополучно довоевали до конца войны.

Много лет спустя, 24 мая 1974 года, Марченко писал Пономаренко, поздравляя с 30-летием изгнания немцев из Белоруссии и напоминал о своих партизанских заслугах: «Мы вместе и при Вашей помощи из Полотчины спасли в 1942–43 годах сотни тысяч наших людей, детей, стариков, первые партии по Вашему заданию выводил и доказал, что это можно делать, и мы делали. В апреле 43-го года по Вашему заданию о предоставлении данных о формировании немецкой армии на подъездных путях Полоцка, лично ходил в разведку, попал на засаду немцев в 300 человек, убил 15 человек немцев и ушел и передал эти данные...»

Марченко также писал, как после катастрофы с самолетом «из всех я случайно остался жив, лежал в Центральном госпитале Наркомата обороны. С Полоцка от своих поступило в госпиталь и получил 2 тысячи писем. Народ просил, какой я есть вернулся и спас их жизнь. Вы сами были свидетелем, как я бежал из госпиталя на 2-х костылях, через Калининский фронт доставил 100 тысяч боеприпасов в свои бригады, и когда немец сунулся, мы дали бой...»

Марченко в письме упоминает, что в ходе войны 4 раза горел в танке, а

однажды был «смертельно контужен», но врачи его спасли. Возможно, контузия способствовала развитию у него мании величия. Во всяком случае, утверждение, будто на рубеже 42– 43-го годов Марченко удалось перебросить сотни тысяч мирных жителей, спасавшихся от отправки в Германию, и что бравый партизанский командир благополучно спасся из засады в 300 немцев, да еще убил 15 неприятельских солдат, смахивают на историю барона Мюнхгаузена.

Иногда партизан за мародерство и насилия по отношению к местным жителям командование расстреливало. Так, в 161-й бригаде Осиповичского района был расстрелян партизан Казакулов, который «занимался изъятием для личных целей вещей у крестьян деревни Кринка». Но случаи такого рода репрессий были единичными, хотя мародерство порой и носило массовый характер. Партизанские отряды не могли слишком увлекаться расстрелами, иначе им грозило остаться вовсе без бойцов. Здесь приходилось больше полагаться на воспитательную работу. К тому же больше шансов у партизана было быть расстрелянным из-за конфликта с начальством или по подозрению в работе на немцев.

Местное население на эксцессы со стороны партизан реагировало чрезвычайно болезненно. Порой коллаборационизм части советских крестьян носил характер вынужденной самообороны против партизан и не прикрывался какими-либо политическими лозунгами. Он напоминал антисоветские крестьянские восстания конца Гражданской войны. Реквизиции со стороны партизан и репрессии против местного населения нередко вызвали вооруженное противодействие со стороны крестьян, поскольку изъятие запасов продовольствия грозило крестьянам голодной смертью. В отчете о развитии партизанского движения, составленном в июне 1943 года, Пономаренко вынужден был признать «ошибки по отношению к населению»: «Мародерство или чрезмерное изъятие продовольственных ресурсов. Незаконные действия отрядов Коляды привели к тому, что организовалась противопартизанская банда крестьян под командованием Болтунова. Это единственный случай».

Руководитель противопартизанских отрядов Митрофан Владимирович Болтунов, как и его брат и соратник Василий, был уроженцем и жителем деревни Сыр-Липки Касплянского района Смоленской области. В годы войны ему было уже больше 40 лет. Митрофан Болтунов уже в течение долгого времени работал агрономом и был членом ВКП(б). «Армия Болтунова», насчитывавшая свыше 600 человек, была вооружена советскими и немецкими винтовками, а вся их форма сводилась к белой нарукавной повязке с надписью «Полицай». По утверждению

действовавших в этом районе партизан, некоторых жителей братья Болтуновы вовлекали в свои отряды насильно, под угрозой репрессий и конфискации имущества.

Пономаренко перечислил и другие «ошибки»: «Неосновательные расстрелы и репрессии по отношению к населению. Проведение мобилизаций в партизанские отряды. Непорядочное отношение к женскому населению при расположении некоторых отрядов в деревнях. Недостаточная активность некоторых партизанских отрядов, продолжительное отсиживание, стремление избежать встречи с противником. Частое и неосновательное применение высшей меры наказания по отношению к провинившимся партизанам. Ограничение приема в партизанские отряды в связи с неимением у вступающего оружия...»

Никифор Захарович Коляда, по кличке Батя, командовавший партизанскими соединениями на Смоленщине, стал одним из немногих партизанских командиров, подвергшихся репрессиям со стороны своих братьев-чекистов. Подполковник, партизанивший еще в Гражданскую войну, стал козлом отпущения за неудачу наступления Красной армии на Западном направлении. В сентябре 1942 года отряды Бати под натиском противника вышли на соединение с Красной армией, несмотря на категорический запрет Центральным штабом партизанского движения партизанам выходить в советский тыл без специального разрешения Москвы. В октябре 1942 года Коляда был арестован, обвинен в невыполнении боевого приказа и отправлен на пять лет в ГУЛАГ, а в январе 43-го в ведомстве Пономаренко составили на него довольно убийственную характеристику: «За время нахождения в партизанских отрядах (июнь – сентябрь 1942 года) бывший командир отрядов Коляда проявил себя исключительно с отрицательной стороны... Поставленные перед Колядой задачи не допускать переброски живой силы, техники, боеприпасов по большаку Смоленск – Духовщина – Белый по существу не выполнялись, если не брать отдельные малозначительные операции. Противник этот большак использовал почти беспрепятственно, чем укрепил свой участок фронта в районе Белый, Ржев, Сычевка.

Для выполнения поставленной задачи командование 4-й и 41-й армий отпускало большое количество оружия и боеприпасов, тогда как при успешных действиях партизан можно было обеспечить свои нужды за счет противника путем разгрома мелких гарнизонов и за счет небольших складов, которых по большаку было немало».

Строго говоря, любую партизанскую бригаду или отряд без труда

можно было обвинить в том, что они не смогли надежно блокировать тот или иной большак или железнодорожную магистраль. Ведь не бывало же такого, чтобы партизаны полностью парализовали переброску войск и грузов на том или ином участке железной или шоссейной дороги, а тем более в прифронтовой полосе, где всегда имелись немецкие регулярные войска.

Так в чем же была истинная причина падения Бати? Она заключалась в том, что Коляда, сам член партии с 1920 года, наплевательски относился к руководящей роли партии в деле организации партизанского движения и был действительно популярен среди смоленского населения. В мае 1942 года на приеме у члена Политбюро Андрея Андреевича Андреева «Батя», согласно записи присутствовавшего при этом Пономаренко, сказал совсем крамольные вещи: «Листовки, разбрасываемые обкомом, не имеют значения. Партийные органы себя дискредитировали. Отступление, эвакуация и т. д. подорвали веру народа в партийный орган. Сейчас надо разбрасывать листовки от имени лиц, завоевавших у народа уважение своей борьбой. Мои листовки, за моей подписью, в Смоленской области могли бы сыграть большую роль. Меня всюду знают». После таких слов судьба Никифора Захаровича была решена. Оставалось выбрать подходящее время и повод для расправы. Он представился после того, когда отряды Коляды под натиском карателей вынуждены были выйти в советский тыл. Тут, кстати, потребовалось найти козла отпущения за неудачное наступление Красной армии на Ржевско-Вяземский плацдарм. Кто виноват? Конечно же Батя – вовремя большак не перерезал.

Но вот беда, об успехах Коляды прежде успели раструбить в газетах – в связи с награждением партизанского командира орденом Ленина. После его ареста и осуждения пришлось вновь собирать журналистов в конце 1942 года в штабе 41-й армии генерала Г.Ф. Тарасова и разъяснить, в чем же провинился вчерашний герой. На этой встрече комиссар одного из соединений смоленских партизан Федор Никитич Муромцев заявил, в частности, следующее: «Большая роль в этом (организации партизанского движения на Смоленщине. – Б.С.) принадлежит Бате. По опыту знаю, как это трудно было и опасно. Особенно если этот человек прибыл в незнакомые места. А Батя ведь пришел сюда добровольцем, пришел из Москвы в самое пекло, когда все живое стремилось на восток, чтобы уйти от гибели, чтобы не видеть врага. Батя провел большую организаторскую работу, он объединил разобщенные, разрозненные отряды, он воспитывал и закалял их в бою. Под его руководством были созданы батальоны, бригады. Он поднял своим авторитетом на борьбу население. Значит, Батя не был

трусом. В то же время мне кажется, он переоценил свои силы. Переоценил свою роль в создании партизанского движения в этих районах. В первые дни своего приезда в отряды я откровенно сказал Бате, что недостаточная политическая работа среди населения – это результат его слабой связи с местными партийными органами, в частности, со Смоленским обкомом партии... Батя заявил мне: “Родоначальником партизанского движения в Смоленской области являюсь я. Когда я прибыл сюда, никаких обкомов здесь не было”... А ведь организатором партизанского движения был не Батя, а местные партийные органы, райком партии. До прихода Бати здесь уже действовали многочисленные отряды и диверсионные группы, созданные по заданию обкома местными партийными органами. Партийные органы создали известность, славу Бате. То, что его наградили орденом Ленина, то, что его принял секретарь ЦК партии Андреев, то, что к нему приехали корреспонденты центральной прессы, – это все заслуга местных партийных органов».

Одним словом, старая советская песня: все успехи – это заслуга партии, а все неудачи – вина конкретного лица. Зазнался, мол, Батя, стал игнорировать партийные органы, вот и был смещен.

В заключение этой истории замечу, что в 1954 году, вскоре после смерти Сталина, Никифор Захарович Коляда был полностью реабилитирован. Выходит, ничем не отличался он в худшую сторону от большинства партизанских командиров, а пострадал в сущности лишь за неосторожно сказанные нелестные слова в адрес партийных органов.

Коляда, несомненно, был популярен среди партизан, поскольку еще 26 июня 1942 года один из политработников его соединения предлагал: «Батю можно оставить в роли английского короля, а все остальное руководство основательно освежить».

Кстати сказать, нередко трудно было установить, какие именно партизанские отряды занимались мародерством. Представитель Центрального штаба партизанского движения на Западном фронте Д. Попов 18 декабря 1942 года сообщал в Москву в связи с расследованием фактов мародерства в партизанской бригаде Орлова, действовавшей в Орловской области: «В Дятьковском районе, где действует партизанская бригада Орлова и другие отряды, отдельные факты мародерства по отношению к местному населению имели место. Даже имели место такие факты, когда неизвестно кто расстреливал партизан с целью отобрать у них оружие и одежду. Утверждение тов. Дымникова (члена бюро Дятьковского райкома. – Б.С.), что мародерство совершалось именно партизанами бригады Орлова, не подтверждается людьми, опрошенными мной по этому

вопросу... Из бесед опрошенных мною товарищей установлено, что мародерством занимаются скрывающиеся в лесах провокаторы и полицейские (чего это вдруг полицейским скрываться в лесах? – Б.С.), преследуя цель поссорить партизан с местным населением... Случаев мародерства с октября (после ареста Бати. – Б.С.) стало значительно меньше. Обвинение отрядов в мародерстве – это попытка мародерствующих элементов из отрядов Бати, еще не выкорчеванных до конца, оклеветать и дискредитировать руководителей Духовищинского, Батурина отрядов». На опального Коляду теперь удобно было списывать все партизанские грехи.

Порой нелюбимых характеристик достаивались многие командиры партизанских отрядов. Но сегодня мы не можем сказать, что в этих характеристиках правда, а что – плод неблагоприятных межличностных отношений с комиссарами, особистами и другими партизанскими командирами. Так, в марте 1943 года начальник политотдела 1-й Курской партизанской бригады полковой комиссар Георгий Матвеевич Померанцев в докладе Пономаренко не слишком лестно отзывался о некоторых своих сослуживцах: «Командир бригады тов. Панченко, бывший секретарь Михайловского райкома партии. Тов. Панченко не показал себя боевым командиром, за 7–8 месяцев своего командования он лично не провел ни одной боевой операции. Он не развивал, а иногда даже сдерживал боевую инициативу... Сам трусил, а потому не мог активизировать и мобилизовать партизанскую массу на боевое дело. Тов. Панченко как командир бригады не пользовался должным авторитетом, даже у партизан своего михайловского отряда, который по своей боевой деятельности считался одним из плохих, отрядами не руководил, не помогал и очень редко бывал в отрядах, за исключением михайловского отряда. Не мог организовать военную учебу, поднять требовательность, укрепить дисциплину. Совершенно ненормальные взаимоотношения у него были со своим комиссаром, начальником особого отдела и другими. Товарищ Панченко политически недостаточно грамотный, самовлюбленный, страдает зазнайством, любит подхалимов (кто ж из начальников их не любит! – Б.С.). Считает себя лучше и умнее всех. Как коммунист и командир в морально-бытовом отношении ведет себя недопустимо, имел 4 жен (прямо-таки по нормам шариата! – Б.С.), из них 2 отправил на Большую землю, любил выпить. Очень плохо помогал товарищам, ведущим борьбу со всеми отрицательными явлениями в отрядах. Все это дает право сделать вывод, что назначение его командиром бригады было ошибкой».

Панченко Померанцев как будто противопоставлял комиссара бригады Федосюткина, бывшего секретаря Дмитровского райкома партии, чей отряд «считается в бригаде одним из лучших по боевым делам». Но и у комиссара бдительный начальник политотдела при ближайшем рассмотрении обнаружил целый ряд недостатков, хотя и признал за ним и известные достоинства: «Тов. Федосюткин боевой, волевой, инициативный комиссар. За время своего пребывания в должности комиссара он лично организовал и провел ряд боевых операций. Имеет недостаток – много поговорить, покричать, похвастаться и потом не сделать. Пользовался большим авторитетом среди командиров, политработников и партизан. Вел решительную борьбу с пьянством, мародерством, недисциплинированностью, распущенностью и другими отрицательными явлениями. Организовал и лично проводил партийную и политическую работу, как комиссар т. Федосюткин не проявил решительности, мирился со всеми недостатками, которые были в результате плохого руководства т. Панченко и не добился через Центральный штаб партизанского движения его отстранения от руководства бригадой».

Не нравился Померацеву и командир Троснянского партизанского отряда Кавардаев, бывший председатель районного Осоавиахима: «Молодой, но не боевой командир. За все время существования отряда лично не провел ни одной боевой операции. Авторитетом среди командиров не пользовался. Все время имел ненормальные отношения со своим комиссаром. В морально-бытовом отношении неустойчив, имел двух жен, пьянствовал».

Партизанские командиры удивительным образом следовали мусульманским традициям в плане многоженства, но упорно не желали следовать нормам ислама в отношении отказа от винопития.

27 января 1943 года Пономаренко бодро докладывал: «После снятия урожая совершенно на добровольных началах сдано партизанам все излишки хлеба и мясopоставки по нормам налога довоенного времени». После войны он же вынужден был признать, что снабжение партизанам было отнюдь не добровольным и не вызывало восторга у местного населения: «В 1941–42 годах в деревнях, расположенных вблизи райцентров, были случаи, когда сами жители помогали полиции в борьбе с партизанами.

Так, в деревни Клины Климовичского района (Могилевской области Белоруссии. – Б.С.) в ноябре 1942 года мужское население вооружилось и устроило засаду на группу партизан тов. Солдатенко, в результате: 4 партизана было убито, 3 ранено.

В деревне Кокойск Климовичского района население до 1943 года было враждебно настроено к партизанам и оказывало содействие полиции.

Объясняется это тем, что из близлежащих к райцентрам деревень в 1941–42 годах обманом немцы завербовали в полицию значительное число мужчин, которые через родственные связи имели в этих деревнях сочувствие и поддержку.

Большое значение имело мародерство отдельных партизанских групп и уничтожение всех полицейских и старост».

Несомненно, не только мародерство, но и «добровольные поставки» заставляли белорусских мужиков братья за оружие и давать отпор партизанам. Понятно, почему столь решительно действовали крестьяне только в деревнях, находившихся вблизи райцентров. Оттуда на помощь могли прийти сильные полицейские гарнизоны. В ином положении находились жители отдаленных деревень, куда немцы и их союзники не могли добраться. Здесь, если местные партизанские отряды были достаточно многочисленными, жители вынуждены были «добровольно» отдавать им необходимые продукты и одежду. Замечание же насчет того, что жители деревень, лежащих вблизи Климовичей, вплоть до 43-го года были враждебно настроены по отношению к партизанам, вовсе не следует понимать в том смысле, что в 1943 году они вдруг начали помогать партизанскому движению. Просто осенью 43-го Красная армия вытеснила немцев из Климовичского района. Сказать «освободила» в данном случае язык не поворачивается, потому что местным жителям НКВД наверняка припомнил враждебность к партизанам, так что белорусским крестьянам небо с овчинку показалось.

Бросается в глаза, что на оккупированной территории советские партизаны в лесах обычно жили совсем не плохо, гораздо лучше, чем подавляющее большинство крестьян в окрестных деревнях. Так, в отчете действовавшей в Октябрьском и Руденском районах Бобруйской области 225-й партизанской бригады, которой командовал Макар Пименович Бумажков, утверждалось: «Продовольственное снабжение в бригаде было организовано поотрядно. Запасы продовольствия создавались из взятых трофеев, а также путем добровольных сборов среди населения (добровольность здесь, боюсь, частенько была не больше, чем при проводимой немцами кампании по добровольной сдаче зимних вещей для нужд вермахта. – Б.С.). В связи с тем, что немцам население зоны продуктов не сдавало, оно охотно передавало излишки хлеба партизанам. Базы создавались в лесах и ставилась вооруженная охрана.

Средний дневной рацион партизан составлял: хлеба печеного 1 кг,

крупы 50 г, мяса 300 г, картофель особо не нормировался. За недостатком соли население и партизаны некоторое время применяли удобрение, перерабатывая его и употребляя в пищу».

Такие же данные приводятся и в отчетах других партизанских бригад Белоруссии. Например, 27-я бригада, действовавшая в Копыльском районе Минской области, могла обеспечить своим бойцам и командирам в среднем ежедневно 1 кг хлеба, 150 г мяса, 50 г жиров, 100 г крупы и 1 кг картофеля. Раненым предоставлялось улучшенное питание – масло, молоко, яйца, мед. Кстати сказать, всего в 27-й бригаде было 206 раненых, из которых умерло 40 человек.

А вот 64-я бригада имени Чкалова, сражавшаяся в Любаньском районе Минской области, хлеба бойцам давала поменьше – 600 г, зато мяса – целых 200 г, а картофеля вообще можно было лопать, сколько влезет. Похожие цифры и по всем другим бригадам. Продовольствие добывалось как за счет добровольных и принудительных заготовок в деревнях, так и путем нападений на немецкие и полицейские гарнизоны, подсобные хозяйства и обозы. Замечу, что в последнем случае в руки партизан все равно попадал хлеб и скот тех же крестьян, только ранее изъятый у них немцами. Оказавшиеся среди партизан белорусские крестьяне много лет ни до, ни после так хорошо не ели. Для сравнения: полицейским немцы обычно отпускали в день не больше 300 г хлеба, а возможности реквизиций у них были существенно меньше, чем у партизан. Ведь в первую очередь на все реквизированные продукты претендовали немцы, а у немцев, в отличие от партизан, полицейские реквизировать что-либо могли, только если замыслили перейти на сторону партизан. Так что пребывание в партизанах в смысле продовольственного снабжения было гораздо выгоднее, чем в полицейских.

Но в тех случаях, когда немцы предпринимали широкомасштабные карательные операции и блокировали партизанские районы, или когда местное население, организовав отряды самообороны, отражало попытки партизанских групп разжиться продуктами в деревнях, партизанам приходилось голодать, есть пададь, а иной раз не брезговать и мясом своих погибших товарищей. 9 июня 1942 года начальник Политотдела Приморской армии Бочаров доносил в ГлавПУР: «Партизанские отряды, действующие в Крыму, окружены враждебным татарским населением. В результате голодают, увеличилась смертность, отмечены случаи людоедства. Армия не в состоянии обеспечить 2000 партизан продуктами и обмундированием из-за ограниченности ресурсов, транспортных самолетов, парашютов. Прошу Ваших указаний Кавказскому фронту

обеспечить снабжение отрядов». В том же Крыму партизанам порой, за неимением лучшего, приходилось питаться трупам павших животных. Так, уже знакомый нам начальник II партизанского района Крыма Иван Генев весной 1942 года зафиксировал в дневнике следующий случай: «Около четырех месяцев назад была убита лошадь. Все это время она находилась под снегом и успела разложиться. Теперь голодные партизаны ее нашли и, кроме хвоста, гривы и копыт, съели все... Вот на что толкает голод!»

Но и в Белоруссии, где население было гораздо дружелюбнее расположено к партизанам, чем в горном Крыму, им порой приходилось несладко. Вот что писал хорошо знакомый нам комбриг полковник А.Я. Марченко о блокаде, из которой его отрядам пришлось выходить зимой и весной 1943 года: «Питались в это время в основном печеной картошкой, изредка мясом, варили в немногих уцелевших котлах (большинство пришлось бросить при отступлении. – Б.С.) суп с немолотой рожью вместо крупы. Все очень обносились. Начались оттепели, а большинство было в валенках, из которых зачастую выглядывали пальцы. В качестве обуви широко пошли в ход чуни из необработанных коровьих кож. Боеприпасы окончательно истощились».

Иногда во время подобных блокад случались трагедии, достойные пера Шекспира. Вот во время прорыва партизанских полков Демидова и Гришина из окружения в районе рек Сож и Проня в октябре 1943 года, как гласит боевое донесение, «с группой следовала тяжело раненная сестра Вайстрова Даша, которая при тяжелой обстановке лично т. Вайстровым (командиром партизанской роты. – Б.С.) была пристрелена». Только Богу известно, что чувствовали в эту минуту брат и сестра. И был ли выстрел Вайстрова актом жестокости или милосердия?

Правда, справедливости ради надо сказать, что подавляющее число партизан в голодных условиях блокады или вдали от источников продовольствия существовало лишь короткие промежутки времени. Особенно тяжелой для большинства была зима 1941/42 года, когда снабжение еще не было налажено, а также периоды проведения крупных карательных операций в соответствующих районах.

Некоторые специфические проблемы возникали в связи с присутствием в партизанских отрядах значительного числа женщин. В 1944 году Пономаренко отмечал, что к началу года среди партизан насчитывалось 26 707 женщин, или 9,3 процента от общего числа бойцов и командиров. Он особо подчеркивал, что «за проявленные мужество и героизм в борьбе с немецкими оккупантами 242 девушки-партизанки

награждены медалями «Партизану Отечественной войны». Но Пантелеймон Кондратьевич видел и массу нерешенных проблем участия женщин в партизанском движении: «...Наряду с хорошими показателями боевой и политической деятельности женской молодежи есть факты неправильного подхода к девушкам партизанкам со стороны отдельных командиров и комиссаров отрядов. В партизанской бригаде Маркова насчитывается 30 партизанок. Учебы с ними никакой нет. В боях участвуют, и то не всегда, только 9 человек. Остальные партизанки систематически работают только на кухне. Многие вышли замуж за командиров и, имея оружие, сидят в лагере. Женился на 17-летней девушке и сам Марков.

Ни командование, ни комсомольская организация с девушками не работает. Из 30 человек только 7 комсомолок и те не имеют никаких заданий.

Некоторые девушки – Лида Кузьменко, Надя и Валя Клюки и другие неоднократно просились на боевую работу, но никто не обращает на это внимания. В отряде есть женщины с детьми, которые смогли бы работать на кухне, а девушки воевать.

Девушки, которые вышли замуж, разлагают остальных.

В бригаде есть все условия (оружие и т. п.) для того, чтобы привлечь партизанок к активной борьбе против немцев.

Плохо организована политико-воспитательная работа среди партизанок бригады товарища Уткина. В бригаде 30 девушек, а комсомолок только 14. На боевые операции ходит 5–6 человек, а остальные отсиживаются в лагере.

Командование бригады и отрядов вместо того, чтобы мобилизовать женскую молодежь на боевые дела, допустили массовые женитьбы. В бригаде женилось 5 командиров отрядов, помощник комиссара бригады по комсомолу тов. Кугут, заместитель комбрига по разведке Журавлев и сам тов. Уткин.

Такое же положение и в бригаде тов. Суворова. Комсомольские организации вопросом привлечения девушек-партизанок к активной боевой и политической деятельности не занимаются.

Во многих партизанских отрядах большинство девушек стали женами командного состава, находятся они в штабных палатках, имеют при себе личное оружие, а стрелять не умеют. Такое положение можно встретить в бригаде № 2 (командир Коротченко), в отряде 44 и др.

Слабо проводится военная и политическая учеба среди женского состава, и в силу незнания оружия их оставляют на разных

вспомогательных работах (кухни, прачки, уборщицы и т. п.).

В 13 бригаде из 165 девушек в боевых операциях участвуют 45 процентов, а остальные отсиживаются в лагерях. В бригаде Коротченко из 120 девушек участвуют в операциях 60 человек.

Вот что об этом рассказала в своем выступлении на бригадном женском собрании 14 августа 1943 года комсомолка Васевич Надя: «На нас смотрят в бригаде сквозь пальцы, многие девушки со слезами на глазах просят на боевые операции, но их командиры не берут. Часто приходится от бойцов слышать такие слова: “Куда ее на боевую операцию – баба она”».

Большинство из нас не знают винтовки, да и не имеют их. Одно время нас вооружили всех винтовками, мы обрадовались, но ненадолго. Пришло в бригаду пополнение, и оружие у нас отобрали – говорят – бойцам надо, а мы кто?»

Пантелеймон Кондратьевич горел неистребимым желанием бросить в бой как можно больше народу, вплоть до 17-летних девчонок, которым срочно предлагалось освоить винтовку. Но так ли уж необходимо было это? Неужели два-три десятка бойцов – женщин и девушек – решающим образом усилили бы мощь партизанской бригады в 500–700 человек? Думаю, что партизанок целесообразнее было бы использовать для агентурной разведки или для хозяйственных работ в лагере. Хотя тех девушек, кто добровольно вызывался идти на боевое задание, партизаны, конечно, могли бы взять с собой. При условии, если они умеют стрелять из винтовки и знают, как надо действовать в бою. Но Пономаренко, похоже, хотел бы всех партизанок поставить под ружье и заставить сражаться.

Из доклада Пономаренко хорошо видно, что, как и в регулярных соединениях Красной армии, в партизанских бригадах и отрядах пышным цветом расцвел институт «походно-полевых жен». Причем, как и в армии, это было привилегией высшего командного и политического состава. Рядовой партизан новой молодой женой обзавестись не мог. Хотя, если он был уже женат, то жена могла воевать вместе с ним в одном отряде.

На совещании помощников начальников областных и республиканских штабов партизанского движения по работе среди молодежи, состоявшемся в Москве 12–13 ноября 1943 года, заместитель начальника Центрального штаба партизанского движения по молодежной работе Малин особо указал, что «девушки показывают прекрасные образцы боевой деятельности. Нужно их втягивать в эту работу. Конечно, есть факты безобразные. На них нужно отреагировать. У нас есть помощники комиссаров отрядов по комсомолу, им надо этим делом заниматься».

Нередко отношения партизанских начальников с женщинами

становились поводами для снятия с должности и сведения счетов. В частности, смоленскому «Бате» среди прочего инкриминировали слишком раздутый штаб, где обреталось большое количество ППЖ. Связи с женщинами становились поводом для снятия с должности партизанских командиров, правда, обычно вкуче с другими обвинениями. Так, уполномоченный Центрального штаба партизанского движения по Пинской области Клещев 12 июля 1943 года докладывал Пономаренко «об освобождении т. Шибинского от обязанностей командира “Смерть фашизму” и секретаря Стреминского райкома компартии Белоруссии. Санкция на это Вами дана, поэтому я должен информировать Вас подробнее...

Несмотря на неоднократные предупреждения, Шибинский продолжал связи с женщиной, имеющей очень сомнительную репутацию. Окружил себя бывшими полицейскими, бургомистрами, пьянствовал. Под руководством Шибинского производились расстрелы людей, виновность которых перед родиной никем не была доказана. Значительная часть полицейских, принятая в отряд, продолжала полицейские традиции (пьянство, избиение населения). Зная об этом, Шибинский ничего не предпринимал, чтобы бороться с этим злом, наказывать виновных. Под руководством Шибинского отряд почти вовсе не занимался диверсионной работой.

Все это поставило нас перед необходимостью освободить т. Шубинского и от командира отряда, и от секретаря РК КП(б) Б...»

Любопытно, что в снабжении продовольствием местные немцы (фольксдойче) пользовались преимуществом перед всеми другими этническими группами населения. Специальным распоряжением командования тыла группы армий «Центр» немцы в городах (речь шла преимущественно о фольксдойче) должны были получать не только все те пайки, которые полагались занимавшим те же должности русским, но и дополнительно получать в неделю 100 г мяса и 60 г жиров, которые русским вообще не выдавались, а также, сверх пайка, 1500 г муки, 1800 г хлеба, 7 кг картофеля, 250 г круп, а также овощи и рыбу по мере поступления, пользуясь в этом отношении преимуществом перед лицами иных национальностей. Правда, далеко не всегда фольксдойче выдавали все то продовольствие, которое им полагалось на бумаге.

Завоеватели оценили все достоинства и недостатки «русского шнапса» (самогона). 8 июня 1944 года командир 889-го охранного батальона капитан Лемке издал специальный приказ по этому поводу: «Выгоняемый русскими шнапс содержит в себе много ядовитых примесей, делающих его очень

вредным для здоровья. Поэтому употреблять его военнослужащим и вольнонаемным лицам запрещено. Несоблюдение этого приказа будет рассматриваться как непослушание в военное время». Но немцам и так оставалось пить самогон считанные месяцы: очень скоро они были выбиты с советской территории.

На почве злоупотребления спиртным случались настоящие трагедии. Так, 9 ноября 1941 года приказ по 416-му немецкому пехотному полку констатировал массовое отравление метиловым спиртом: «Выпив алкоголь из захваченной советской цистерны, 95 солдат тяжело заболели, и 10 умерло. Среди гражданского населения, которому дали этот спирт в обмен на продукты, произошел 31 смертельный случай.

Речь идет о ненамеренном доказанном отравлении метиловым спиртом. Соответствующее наставление частей об опасности отравления метиловым спиртом для избежания повторения подобных случаев необходимо. Захваченный спирт может выдаваться войскам лишь после исследования его химической испытательной лабораторией 16-й армии, в настоящее время – Старая Русса».

Случаи такого рода порождали слухи об умышленном отравлении немцами местных жителей и активно использовались партизанской пропагандой. И это при том, что сами партизаны не брезговали травить ядом немцев, чаще всего отравляя пищу в столовых, где питались немецкие солдаты и офицеры.

В целом же «крестьянский коллаборационизм» не сыграл большой роли в борьбе против партизан. Они в лучшем случае обороняли свои деревни и села, но не преследовали отступающих партизан и не могли нанести им значительного поражения. Хотя, конечно, немцам и такая помощь была кстати. Но гораздо большее значение имело то, что в тех местностях, где крестьяне вооружались против партизан, последние не могли получить продовольствие и иное снабжение, а также сведений о передвижении карательных отрядов. Однако площадь таких антипартизанских анклавов была все же несопоставима с площадью партизанских краев. Большинство партизанских командиров достаточно быстро поняли, что нельзя забирать у населения все подчистую, иначе немецкая оккупация уже не будет восприниматься как непомерное бремя. Поэтому в большинстве случаев крестьяне как бы платили партизанам налог продуктами, оставляя и семьям на пропитание. Эксцессы же партизанское командование стремилось пресекать, только не всегда это получалось.

Как немцы боролись с партизанами

Первоначально немецкое командование не считало партизанскую войну серьезной проблемой для себя, поскольку ориентировалось на блицкриг в России. Еще 16 июля 1941 года Гитлер утверждал: «Партизанская война... имеет некоторое преимущество для нас. Она позволяет нам истреблять всех тех, кто нам противится». Расчет был на то, что партизанские отряды не успеют сколько-нибудь серьезно повлиять на исход блицкрига. А после краха сопротивления Красной армии у вермахта останется времени и средств, чтобы расправиться с партизанами. Но надежды на молниеносную победу рассеялись уже осенью 41-го. Партизанское движение между тем окрепло и стало причинять все больше беспокойств немецкому тылу. Немецкое командование вынуждено было уделить партизанам самое серьезное внимание. И борьба с ними оказалась очень непростым делом.

Советские партизаны, как правило, действовали в гражданской или полувоенной одежде – часто трофейной немецкой, румынской или венгерской. Это выводило их из действия Гагской конвенции о законах и обычаях сухопутной войны, которая требовала, чтобы добровольческие военные отряды имели ясно различимые опознавательные знаки и открыто носили оружие. Как отмечал германский фельдмаршал Кюхлер, «это был крайне односторонний тип войны, так как в ней легко было распознать немецкого солдата и очень трудно – партизанского бойца, поскольку он носил гражданскую одежду». В своих отчетах о карательных акциях против партизан немцы нередко записывали в число уничтоженных партизан мирных жителей.

Согласно положениям той же Гагской конвенции, сопротивление населения страны или ее части войскам противника допускается только до того, как страна оккупирована войсками противника, и никак не после оккупации.

Ряд стран, в которых возникло партизанское движение, например, Югославия, Франция и Греция, подписали капитуляцию перед Германией, а сопротивление граждан этих стран считается нарушением международного права. Германские генералы использовали эти аргументы для того, чтобы представить партизанское движение противозаконным, противоречившим законам и обычаям войны и тем самым оправдать свои репрессии, в том числе расстрел заложников. Они также подчеркивали, что партизанское

движение возникло через многие месяцы после оккупации, т. е. когда оккупационный режим был уже твердо установлен. Но позволительно задать вопрос, что же это за оккупационный режим, который некоторое время спустя вызывает такое недовольство населения, что толкает его на вооруженную борьбу. Неужели виновато само население, а не оккупанты? Кроме того, ряд государств не были полностью оккупированы немцами – СССР, Италия. И даже в полностью оккупированных государствах, например, в Польше, Норвегии, Греции, Югославии, существовали правительства в изгнании, продолжавшие борьбу против Германии и ее союзников.

10 октября 1941 года командующий 6-й немецкой армией фельдмаршал Рейхенау издал драконовский приказ о борьбе с партизанами, где, в частности, говорилось: «С франтирерами и бродягами, одетыми в полувоенную форму или полностью в гражданское платье, возятся, как с порядочными солдатами... Если в тылу армии будут обнаружены отдельные партизаны, взявшие за оружие, против них будут применены жестокие меры. Они будут применяться также по отношению к той части мужского населения, которая могла бы предотвратить предполагавшиеся налеты или вовремя сообщить о них. Безразличие огромного большинства якобы антисоветски настроенных элементов, являющееся результатом того, что они придерживаются принципа “поживем – увидим”, должно смениться твердой решимостью активно сотрудничать в борьбе против большевизма. Если этого не произойдет, никто не сможет жаловаться, если его сочтут за сторонника советской системы и будут обращаться с ним соответствующим образом. Немецких репрессий они должны бояться больше, чем угроз со стороны все еще гуляющих на свободе уцелевших большевиков». После войны этот приказ Международным трибуналом был признан преступным, но привлечь к ответственности Рейхенау не представлялось возможным, поскольку он благополучно умер еще в январе 1942 года.

Однако судебные органы союзников нередко вынуждены были признавать, что партизаны нарушают законы и обычаи войны, в том числе и международно-признанные. Как заключил военный трибунал США по делу высших офицеров командования группы армий «Юго-Восток» применительно к югославским партизанам, у партизан «не было общей формы. Обычно они носили гражданскую одежду и отчасти пользовались предметами немецкого, итальянского и сербского обмундирования, поскольку они могли их достать. В качестве отличительного знака они обычно носили советскую звезду. Очевидные факты доказывают

несостоятельность утверждения, что эта звезда может быть видна издали. Они не носили открыто своего оружия, за исключением тех случаев, когда это было им выгодно. В отношении групп, с которыми мы имели здесь дело, не было представлено нужных доказательств того, что они удовлетворяли требованиям (законного участия в войне). Это, конечно, означает, что пойманные члены этих незаконных групп не имели права на то, чтобы к ним относились, как в военнопленным. Мы не можем поэтому выдвинуть обоснованное обвинение в преступлении против подсудимых за убийство пойманных членов таких сил сопротивления, ибо последние являются фантирерами», т. е. членами незаконных вооруженных формирований. Интересно, а как со знаками различия у федеральных сил и чеченских вооруженных формирований в Чечне, где чаще всего обе стороны ходят в одном и том же камуфляже и чаще всего без каких-либо ясно видимых знаков различия?

Британские историки Диксон и Гельбрунн прокомментировали это решение следующим образом: «Иными словами, как говорится в другом решении суда, “они могут даже караться смертной казнью, если будет доказана их виновность в преступлении”. Однако весьма неясно, какого рода доказательства требуются для установления виновности, то есть того, что задержанный является фантирером, и на этот счет мнения англичан и американцев расходятся.

По мнению американцев, “может возникнуть некоторое сомнение, действительно ли международное право требует судебного разбирательства”. По мнению же англичан, какая-то форма судебного разбирательства в этом случае необходима».

Эта точка зрения была высказана судьей Коллингвудом в заключительном слове по делу Манштейна: «Что русские позволяли себе в широких масштабах использовать партизанские приемы ведения войны, – очевидно. Что это представляло постоянную угрозу немецким войскам, также ясно. Никто, относительно кого могло быть доказано, что он действовал в качестве фантирера, не мог претендовать на статус военнопленного. Но должна существовать какая-то форма суда, точно так же, как она существует, когда имеют дело со шпионом; и мы не можем считать убедительным ответ, когда командующий заявляет, что у него не было времени для судов. Нельзя пренебрегать законами войны только потому, что их неудобно соблюдать». Следует еще добавить, что английскую точку зрения разделяют сами немцы. У каждого немецкого солдата имелась памятка «Десять заповедей солдата действующей армии». Заповедь 3-я этой памятки гласит: «Врагов, которые сдаются, убивать

нельзя, даже если это партизаны или шпионы. Они понесут справедливую кару по суду».

«Тем не менее, – продолжают Диксон и Гельбрунн, – немцы расстреливали в России без суда каждого, кого они считали партизаном, и эта практика должна быть признана незаконной».

Эти же соображения можно отнести также и к действиям советских партизан. Кроме того, и в СССР, и на Балканах партизаны, как правило, не соблюдали законы ведения войны, убивая попавших к ним немецких военнослужащих и военнослужащих союзных с Германией армий, так как не имели возможности содержать их в лагере или переправить через линию фронта. Немцы, в свою очередь, нередко расстреливали захваченных в плен партизан без суда.

Кстати, расстрелы немецких военнопленных широко применяли и советские войска на фронте. Вот только несколько документов, цитируемых в книге Ч. Диксона и О. Гельбрунна.

Донесение от 8 декабря 1941 года было составлено штабом 33-й советской армии. В нем говорится:

«100 пленных, захваченных 1-й гвардейской мотострелковой дивизией, ввиду сложной обстановки были расстреляны по приказу комиссара дивизии...

Начальник разведотдела
штаба 33-й армии капитан Потапов».

В захваченной немцами оперативной сводке № 11, составленной 13 июля 1941 года штабом 26-й советской дивизии, говорится:

«Противник оставил на поле боя около 400 убитых; около 80 человек сдались в плен и были расстреляны».

В приводимой ниже выдержке из боевого приказа № 0086, отданного 2 декабря 1941 года начальником штаба приморской армии в Севастополе, говорится:

«Как правило, войсковые подразделения уничтожают пленных без допроса, не отправляя их в штаб дивизии.

Пленных можно расстреливать только в случае сопротивления или попытки к бегству.

Кроме того, широко практикуемый в настоящее время расстрел пленных на месте захвата или в районе переднего края отбивает у солдат противника желание перейти на нашу сторону и вызывает страх и ужас перед перспективой попасть к нам в плен». Надо учесть, что число пленных, в том числе и расстрелянных, в советских донесениях часто преувеличивалось. Так, бывший заместитель командира 4-го гвардейского

Кубанского казачьего корпуса полковник Бардадин в письме в ЦК ВКП(б) от 28 октября 1942 года утверждал, что донесение о том, будто в боях в районе Куцевка, Шкуринская, Канеловская корпусом было взято в плен 300 вражеских солдат, далеко не соответствует действительности, так как на самом деле пленных было только 13. Но то, что советские командиры и комиссары Красной армии неоднократно отдавали приказы об уничтожении пленных, сомнению не подлежит. Кроме того, красноармейцы нередко уничтожали пленных и без приказа, просто от озлобленности по отношению к немцам.

В то же время надо учесть, что англичане и американцы, судившие немецких командиров за антипартизанские действия, сами не сталкивались во Второй мировой войне с массовым партизанским движением, направленным против американских и британских войск. Советская же сторона, которой пришлось столкнуться в годы Великой Отечественной войны с массовым партизанским движением, направленным против нее, вроде УПА на Украине и партизанских отрядов горцев Северного Кавказа, привычно применяла практику двойных стандартов. Враждебные партизаны считались бандитами и нередко расстреливались без суда. Заложников советская сторона не брала, но нередко репрессировала отдельных жителей и целые деревни или аулы, подозреваемые в пособничестве «бандитам».

Стоит отметить, что англо-американская юстиция сочла противоправным предавать смертной казни следующие категории лиц, объявленных немцами в приказах партизанами:

- «а) отдельных солдат и группы солдат Красной Армии, продолжающих сражаться;
- б) солдат Красной Армии в форме, присоединившихся к партизанам;
- в) граждан, которые затрудняют или подстрекают других затруднять действия немецких вооруженных сил (иначе говоря – саботажников. – Б.С.).

Законы войны или международное право не дают основания считать таких лиц франтирерами, партизанами или бандитами».

Все эти пункты немцы многократно нарушали в борьбе с партизанами. Миссия германской СД на оккупированных территориях, как констатировал приговор Международного трибунала, носила двойкий характер: «С одной стороны, ей была поручена расправа над определенными элементами, с другой стороны, она осуществляла законную полицейскую функцию, связанную с обеспечением безопасности тыловых коммуникаций армий и в этой связи действовала главным образом против

партизан». Однако для серьезной борьбы с партизанами части СД не годились. Так, на оккупированной территории СССР личный состав айнзатцгрупп СД насчитывал не более 4 тыс. человек. Они использовались главным образом для уничтожения евреев. А по отношению к партизанам применяли те же методы, что и по отношению к «нежелательным элементам», обреченным на уничтожение. Это, кстати, отнюдь не способствовало эффективности контрпартизанской борьбы. Ибо жизнь достаточно быстро показала немцам, что в борьбе с партизанами необходимо сочетать методы кнута и пряника, поскольку голая жестокость не дает желаемых результатов. Ведь требуется не только уничтожить партизан. Прежде их надо найти. А для этого требуются свои засланные лазутчики, лучше всего – из перевербованных бывших партизан. И еще лучше – разложить партизан изнутри, а для этого нужна достаточно широкая амнистия, которую иной раз объявляло местное немецкое командование, правда, она не распространялась дальше территорий нескольких смежных комендатур и не гарантировала, что раскаявшихся партизан потом не выведут в расход никому не подчинявшиеся айнзатцгруппы. Так что зондеркоманды Службы безопасности были далеко не лучшим оружием против партизан.

В конце 1942 года в докладе Центрального штаба партизанского движения о тактике противника отмечалось: «Наиболее выгодными и чаще применяемыми немецкое командование считает проведение против партизан так называемых “малых операций”, для осуществления которых созданы специальные карательные отряды численностью до роты с приданным кавалерийским взводом. По мере надобности рота усиливается за счет придания боевой техники...

Производится оцепление объекта в течение ночи со всех сторон, закрывая все выходы, а на рассвете производят проверку лиц, находящихся в оцепленном объекте... Кроме проведения больших и малых операций против партизан, по хорошо разведанным данным, как средство вылавливания и истребления мелких разрозненных партизанских групп и отрядов практикуется прочесывание, которое проводится также перегруппировывающимися войсками (дивизиями, движущимися к фронту или отводимыми в тыл. – Б.С.) ...»

В том же докладе содержалась важная мысль о том, что, «используя остатки антисоветских формирований и лиц, интересы которых ущемлены советской властью, немецкое командование пытается навязать нам Гражданскую войну, формируя из отбросов человеческого общества боевые военные единицы...» Действительно, на оккупированных советских

территориях в 1941–1944 годах шла самая настоящая гражданская война, осложненная острыми межнациональными конфликтами. Русские убивали русских, украинцы – украинцев, белорусы – белорусов. Литовцы, латыши и эстонцы сражались с русскими и белорусами, белорусы, украинцы и русские – с поляками, чеченцы и ингуши, карачаевцы и балкарцы, татары Крыма и калмыки – с русскими и т. д. Немцев такая ситуация в принципе устраивала, так как позволяла тратить меньше собственных войск и полиции для борьбы с партизанами.

Уже 25 октября 1941 года главнокомандующий германской сухопутной армии фельдмаршал Браухич вынужден был утвердить специальную инструкцию по борьбе с партизанами. Там, в частности, говорилось: «Борьба с партизанами значительно облегчается, если немецким войскам удастся разумным и справедливым обращением с населением завоевать доверие последнего и твердыми энергичными мерами показать жителям превосходящую силу германской армии, способной взять их под свою защиту».

В той же инструкции утверждалось: «Партизаны не останавливаются перед грабежом или убийством своих соотечественников, не принимающих участия в их борьбе. Русский народ, особенно крестьянин, отвергает этот порожденный террором способ борьбы. Нынешняя партизанская борьба есть борьба за большевизм, но отнюдь не народное движение».

Авторы инструкции были сторонниками активных действий против партизан и только в них видели залог успеха: «Борьба с партизанами не должна ограничиваться местной охраной. И тут противнику необходимо навязывать собственную инициативу. Борьбе с этим особо коварным врагом должна предшествовать регулярная разведка. Представление об его организации, силе и намерениях позволит составить план собственных действий и наилучшим образом использовать имеющиеся силы. Быстрое уведомление и хорошая координация действий с соседями приобретают особо важное значение в условиях огромной и необозримой территории, на которой эта борьба ведется.

Противника надо уничтожать полностью. Даже самому суровому солдату тяжело непрерывно принимать решение о жизни и смерти схваченных партизан или подозреваемых соучастников. Но надо действовать! Правильно поступает тот, кто глушит всякие личные чувства и действует немилосердно».

Э. Миддельдорф писал по поводу трудности осуществления антипартизанских операций: «Противника, попадавшего на тропу, идущую вокруг лагеря, ждала неминуемая смерть. Укрыться от огня было

невозможно, так как бегство с тропы затрудняли засеки из сучьев, а отход по тропе под огнем партизан всегда кончался гибелью. Поэтому для противника оставался только один выход – наступать и штурмовать лагерь партизанского отряда!

Поскольку засады и заграждения, устраиваемые партизанами, всегда были отлично замаскированы, обнаружить убежище партизан было очень трудно. Только опытные истребители партизан обладали инстинктом быстрого распознавания истинного расположения партизанского лагеря».

Наиболее же эффективным методом борьбы с партизанами Миддельдорф считал «бить их теми же средствами и методами, которые применяют они. Это означает, что для успешной борьбы с партизанами необходимо скрытно вести разведку, непрерывно охотиться за ними, задерживать и уничтожать. Наиболее подходящими для этого подразделениями могут быть истребительные команды в составе 40–60 человек. Однако при подборе в эти команды командиров и солдат требуется совершенно иной подход, чем при формировании боевых подразделений. Лучшими бойцами в борьбе с партизанами чаще всего бывали так называемые “отчаянные” солдаты, в характеристиках которых можно было найти замечание “не поддающийся воспитанию”.

Для борьбы с партизанами не обязательна хорошая военная подготовка. Здесь нужен инстинкт, навыки человека, близкого к природе. Поэтому наиболее подготовленными солдатами для борьбы с партизанскими отрядами были охотники, лесники, лесные рабочие.

На вооружении истребительных команд необходимо иметь штурмовые винтовки или автоматы, ручные гранаты. В рюкзаках следует иметь запас боеприпасов и продуктов на несколько дней. В пулеметах и минометах, как правило, нет надобности. Наиболее подходящими средствами связи являются легкие радиостанции и конные разъезды...

Наряду с истребительными командами, задача которых состоит в уничтожении партизанских отрядов, необходимо высылать конные или моторизованные (на специальных машинах повышенной проходимости) патрули.

Их не следует связывать задачами по истреблению партизан. Они должны вести свободную разведку на дорогах в районе действий партизан, а также прочесывать весь этот район. Напав на след партизанского отряда, часто с помощью местных жителей, они должны вести преследование его до подхода вызванной по радио истребительной команды. Кроме того, патрули должны вести наблюдение за населением и за движением между населенными пунктами». Особенно эффективными в борьбе с партизанами

оказывались коллаборационистские формирования из местных жителей – из числа тех, кто с советской властью мириться не собирался. Они хорошо знали местность, и им легче было организовать засаду или внезапное нападение на партизанский лагерь.

Для крупных операций же немцам приходилось привлекать обычные пехотные дивизии. По оценке Миддельдорфа, для проведения операции в лесисто-болотистом районе площадью 30 × 50 км необходимо было задействовать не меньше трех дивизий. А такие силы нечасто удавалось снимать с Восточного фронта для противопартизанских действий.

2 декабря 1941 года, когда уже начали действовать первые партизанские отряды, германское Верховное командование сухопутных войск (ОКХ) издало директиву «Особые указания для борьбы с партизанами». В ней, в частности, говорилось: «...Использование местных отрядов в борьбе с партизанами вполне себя оправдывает. Знание местности, климата и языка страны делают возможным в боях с партизанами применить их же методы действий».

Против партизан и подпольщиков действовали не только СД и тайная полевая полиция, но и разведывательные структуры вермахта. О том, как боролась с партизанами действовавшая на юге Украины 17-я немецкая армия, поведал отчет ее отдела абвера (разведки и контрразведки) за 1941 год: «В Черкасы, где партизанское движение стало традицией, где о партизанах рассказывают истории и руководители партизанских отрядов окружены ореолом славы, борьба с партизанами была особенно необходима».

Большая часть захваченных партизан упорно молчала... Поэтому прибегали к помощи агентов-связистов и гражданского населения. Отыскали местопребывание секретарши одного комиссара, доставили ее на допрос, пообещали ей сохранить жизнь, при условии, что она укажет, где находится этот комиссар. Умелым допросом добились того, что она сама сообщила его местожительство.

Два агента-связных в гражданской одежде поехали по указанному адресу и действительно нашли там комиссара.

Во время тщательного и строгого допроса комиссара удалось узнать: местонахождение партизанских отрядов и людей, помогавших партизанам и находящихся в огромной лесной местности вокруг Черкасс, имеющиеся партизанские ячейки по линии железной дороги, места сбрасывания на парашютах снарядов для пушки (88 мм) и перевязочного материала; далее удалось узнать местонахождение продбаз с большими запасами сала, муки, пшена, кофе, вина, жиров и т. д.

Одновременно с комиссаром (евреем) была убита знаменитая партизанка «Маруся» (как кажется, имеется в виду знаменитая еще в Гражданскую войну атаманша «Маруся», соратница Нестора Махно Мария Никифорова, состоявшая в партии анархистов еще с 1903 года и прославившаяся не только лихими налетами на юге Украины, но будто бы еще и организовавшая взрыв Московского горкома партии в Леонтьевском переулке в 1919 году. Интересно, что ряд версий утверждает, что ее повесили белые в Крыму не то в 1919-м, не то в 1920-м. – Б.С.), которая часто в сопровождении большевистских помощников ездила в лес, произносила речи и хвасталась тем, что она расстреливала возвращавшихся в конце прошлой войны домой немцев (ко времени Второй мировой войны «Марусе» уже было далеко за пятьдесят. – Б.С.) ...

Вновь назначенный староста донес, что в общежитии железнодорожников находятся партизаны, руководимые Красной Армией, которая снабжает их оружием. В этот населенный пункт был послан агент-связист, очень хорошо владеющий украинским языком. Он запросил у того же старосты, находятся ли еще раненые красноармейцы в данном населенном пункте. Вспомнили, что у одной женщины лежит красноармеец, раненный в ногу, который якобы безобидный человек и даже женился на своей квартирной хозяйке. Раненый был направлен в госпиталь на излечение. На вопрос его жены – почему это сделали, ей ответили, что немецкая армия считает своим священным долгом оказать раненому противнику возможную помощь. Ее беспокойство ее выдало. Самыми суровыми мерами ее предупредили говорить правду о ее муже и откуда он прибыл. Ответ она не дала.

После этого была опрошена молодая украинская учительница, которой до этого разъяснили, что она, как представительница украинской молодежи, должна оказать помощь в освобождении прекрасной Украины от темных элементов. Тогда она высказалась: “С такими негодьями и партизанами знаетса женщина, у которой лежит раненый лейтенант”.

Квартирная хозяйка лейтенанта была снова опрошена и после обстоятельного поучения (несомненно, это эвфемизм самых жестоких побоев. – Б.С.) она показала, что ее муж является кадровым лейтенантом, организовавшим железнодорожный партизанский отряд, и руководит им. После того как укрытие пулеметов и автоматов было обнаружено, оба были расстреляны.

На основании их показаний были арестованы и расстреляны еще два партизана с немецкими справками (партизаны же, в свою очередь, часто расстреливали людей с такими справками, в которых подозревали

вражеских агентов. – Б.С.) и еще две женщины, выдавшие немецкую разведгруппу органам НКВД.

Лесник заявил в одну из близлежащих комендатур, что в охраняемом им участке леса находятся партизаны и запрятан склад оружия. Он назвал лицо, которое должно иметь сведения о партизанах и об их убежище. Лицо это было доставлено, и из его бумаг установлено, что он член компартии и работает у лесника. Он производил впечатление, вызывающее доверие, и все отрицал. Его допросили с применением самых суровых мер. Он проявил необычайную стойкость и только, уже умирая, сказал: “Хорошо, я вижу, мой конец близок, узнайте же правду, такие-то и такие-то являются партизанами, а лесничий их командир. Я вижу, что он хотел избавиться от меня, выдав меня и небольшую базу, так как я не сошелся с ним в некоторых политических вопросах”.

Лесничий, ввиду того, что он указал партизан и склад оружия, был одной немецкой инстанцией назначен управляющим всего лесного участка и получил справку, что он сотрудничает с германской армией.

После строгого допроса он сознался в своей вине и вместе со своими соучастниками из партизанского отряда, которые тоже признались во всем, был ликвидирован».

Замечу, что история с лесничим и его помощником выглядит очень подозрительно. Почему вдруг стойко выдержавший все пытки патриот перед смертью все-таки решается открыть немцам правду и указывает на предателя-лесничего и его друзей как на главных партизан. При этом вина лесничего ничем, кроме показаний преданного им же человека да собственным, вырванным под пытками, признанием, не подтверждается. Да и основной склад оружия партизан контрразведчики из штаба 17-й армии, судя по всему, так и не нашли. Напрашивается предположение о том, что помощник лесничего перед смертью отомстил предателю, указав на него и на тех, в ком подозревал пособников немцев, как на советских агентов. Таковы были неизбежные издержки «допросов с пристрастием», жертвы которых нередко, не выдержав мучений, оговаривали себя и других. Хотя в случае с помощником лесничего, очевидно, человеком незаурядного мужества, мы имеем дело с сознательной мстью врагу.

В ряде случаев, однако, немецкие военные власти оказывались в состоянии отпустить невиновных или тех, чья вина так и не была доказана. Об этом свидетельствует все тот же отчет разведотдела 17-й немецкой армии: «Одна местная комендатура известила отряд по борьбе с партизанами, что такой-то (фамилия) является партизаном и запрятал свое оружие под деревом. Посланный фельджандарм доставил названного

человека, а также оружие. Этого человека могли бы тотчас же расстрелять, но при допросе выяснилось, что этот человек никогда в армии не служил и не умеет обращаться с оружием. Он отрицал свою принадлежность к партизанам и приписывал свой арест клевете и акту мести одной женщины. Упомянутая им женщина была допрошена и на вопрос – откуда она знает о запрятанном оружии, показала: она поручила 12-летнему мальчику запрятать валявшееся оружие и патроны, а на мужчину, который был ее мужем, показала из мести, так как они два дня тому назад поссорились. Обоим – мужу и жене было сделано предупреждение, что в случае, если они и в дальнейшем будут загружать немецкие инстанции подобными делами, их расстреляют». Возможно, подобная невеселая перспектива заставила строптивых супругов присмиреть.

В целом же германская армия относилась к местному населению более гуманно, чем тыловые части СС и СД. Об этом свидетельствуют даже весьма пристрастные по отношению к немцам советские документы. В «Справке о провокационных методах борьбы с партизанами», составленном в Центральном штабе партизанского движения в 1942 году, эта забота о мирных жителях даже ставилась немецким солдатам в вину: «При выселении населения немцы в некоторых местах вместо принудительных мер пользуются методами запугивания и провокации. В результате последних значительная часть населения добровольно оставляет насиженные места и направляется в тыл. Так, в селах (скорее хуторах. – Б.С.) Рыбачий, Кузнечный, Хованский (Сталинградской области) немецкие войска, занимавшие оборону, говорили местным жителям: “Мы сами оставляем только отдельных солдат, а то русские “катюши” все равно все сожгут”. “Сюда придут русские, мы уходим, идите в тыл, а то наша авиация все тут разбомбит. Мы еще вернемся, тогда возвращайтесь и вы”».

Интересно, что плохого было в том, что немцы пытались удалить население из прифронтовой полосы, где им действительно грозила смерть как от немецких, так и советских бомб и снарядов?

Манштейн в своем показании на заседании Международного военного трибунала в Нюрнберге высоко оценил помощь в борьбе с партизанами в Крыму татарских отрядов самообороны:

«В борьбе с партизанами у нас было много помощников. В горах Яйла в Крыму есть... недоступные места, где скрывались партизаны. Но мы не могли до них добраться, так как у нас не было подготовленных для этого войск. Единственное, что мы могли предпринять, это попытаться заморить партизан голодом, не давая им возможности совершать налеты на татарские деревни и пополнять свои запасы продовольствия.

С этой целью мы вооружили татар, чтобы с нашей точки зрения сделать их деревни надежными. В этом нам помогли органы СД. Татары действовали вместе с нами при поисках складов продовольствия партизан. Мы были вынуждены так поступать, ибо у нас не было свободных немецких войск». Было сформировано 16 татарских рот по 100 человек каждая. В отличие от сформированных тогда же в полосе 11-й армии пяти казачьих отрядов, эти роты оказались абсолютно надежны.

Немцы активно практиковали взятие заложников из числа местных жителей, которых расстреливали в ответ на убийства и ранения немецких и союзных с ними солдат и диверсии, совершенные партизанами. В ноябре 1941 года командир 454-й охранной дивизии доносил из Киева: «В порядке репрессий за совершение диверсионных актов было расстреляно 800 человек местных жителей». Заложников брали в первую очередь из числа коммунистов, комсомольцев, партийных и советских работников, родственников партизан, а также лиц, подозреваемых в связях с партизанским движением.

Крупнейшая антипартизанская операция была предпринята весной 1942 года в Крыму войсками 11-й немецкой армии и союзных румынских соединений. Всего в ней участвовали силы, эквивалентные трем пехотным дивизиям. Согласно немецким донесениям, были уничтожены тысячи партизан и взяты многочисленные трофеи: одно 105 мм орудие, три 100 мм орудия, три орудия 76 мм, одна мортира 17 см, одно зенитное орудие, одно противотанковое орудие, один счетверенный зенитный пулемет, 13 станковых пулеметов, 32 ручных пулемета, 10 тяжелых минометов, 10 легких минометов, 13 автоматов, 8 охотничьих ружей, 9 пистолетов, 2241 винтовка, 126 ящиков стрелковых боеприпасов, 30 ящиков артиллерийских боеприпасов, 44 склада с продовольствием, в том числе 2 склада с вином. Потери немецких и союзных войск при этом составили 112 немцев, 70 румын и 4 члена местной самообороны убитыми, 157 немцев, 70 румын и значительное число членов самообороны ранеными и 4 немца и 1 румын пропали без вести.

Очень часто карательные экспедиции оказывались направленными в основном против мирного населения, а не партизан. Один только 3-й батальон 15-го полицейского полка в Белоруссии в период с 6 сентября по 24 ноября 1942 года уничтожил 44 837 человек, из которых только 113 человек были партизанами. Остальные были евреями или подозревались в связях с «бандами». К последним часто автоматически относили так называемых «восточников» – выходцев из советской части Белоруссии, переехавших в западные, польские районы этой страны после 1939 года.

Подобные карательные экспедиции выполняли пожелание Гиммлера уменьшить славянское население Польши и СССР на 30 миллионов человек.

Уже с начала 1942 года партизаны стали представлять для вермахта и оккупационной администрации на Востоке серьезную проблему. 31 июля 1942 года был составлен первый отчет начальника тайной полевой полиции (ГФП) при Главном командовании германских сухопутных сил о борьбе с партизанским движением в первом полугодии 1942 года. Там, в частности, утверждалось: «Командиры банд не могли не пополнять свои слабые и настоятельно требовавшие усиления группы путем призыва в принудительном порядке гражданских лиц обоюбого пола, всех возрастов и всех профессий, причем они иногда даже рассылали приказы о явке на призыв».

Однако организация новых партизанских групп натолкнулась, ввиду преимущественно отрицательной позиции населения, на большие трудности. Сельские жители видели в немецких солдатах освободителей от большевистского ига и ожидали от них ликвидации колхозного хозяйства и справедливого раздела земли. Многие городские жители также верили в улучшение их положения, в то время как большинство остальных, в том числе и часть советской интеллигенции, держалось спокойно и выжидающе. Масса рассеявшихся красноармейцев, радовавшихся избавлению от гибели, искала пристанища у сельских жителей, чтобы дождаться окончания войны. В этих битвах нечего было и думать о том, чтобы народ поднялся против национал-социалистической оккупации, к чему стремились красные правители.

В дальнейшем ходе войны во всех кругах населения, прежде всего в районе центральной группы армий, сначала в единичных случаях, а потом все сильнее стало замечаться известное изменение настроения. Так, например, обещанная им ожидавшаяся отмена коллективных хозяйств заставляла себя ждать, и крестьяне сами приступили к разделу колхозов, но по приказу немецких органов это было приостановлено. Так как крестьяне не видели причин к этому, то с этих пор они встречали немецкие обещания с недоверием. Когда, однако, начат был раздел колхозов, то, хотя это и было принято с удовлетворением, все же оставалось чувство известного недоверия, тем более что большевистская устная пропаганда твердила: «Немцы поделили землю только под давлением обстоятельств, и как только положение изменится в их пользу, они снова заберут ее».

К этому присоединялось то, что положение крестьян становилось все тяжелее. Конфискация лошадей и повозок немецкими войсками и

отсутствие сельскохозяйственных машин крайне отрицательно сказывались на обработке полей. Поголовье скота в результате усиленного убоя, незаконной реквизиции и недостатка молодняка настолько уменьшилось, что сельское население сейчас частично может выполнить план поставок только с большими трудностями. Возникшее поэтому и подогреваемое большевистскими агитаторами недовольство выражалось фразой: “Сталин оставлял в нашем хлеву по крайней мере одну корову, а немцы отнимают у нас и эту”. Дружественно настроенные по отношению к немцам бургомистры заявляют по поводу реквизиций: “Насильственно и незаконно забранная у крестьянина корова означает двумя партизанами больше в лесу”.

Положение русских рабочих является еще более безнадежным. Повысившиеся рыночные цены стоят в столь резком противоречии с выплачиваемой зарплатой, что недельного заработка не хватает, чтобы удовлетворить хотя бы минимальные жизненные потребности. Если сам рабочий и получает для себя небольшое дополнительное количество пищи, то его семья должна в буквальном смысле слова голодать; собираются последние остатки белья и домашней утвари, чтобы обменять их на продукты. Следствием этого является недовольство работой и, наконец, отказ от нее. Это положение и толкает многих рабочих, особенно молодых и холостых, в ряды партизан.

Еще хуже, однако, обстоит дело с беженцами из районов боевых действий. Они часто питаются своеобразным хлебом, состоящим из гнилой прошлогодней картошки, смешанной со мхом и различным мусором. Во время операций против партизан у обочины дорог неоднократно находили трупы умерших от голода беженков. В этих обстоятельствах неудивительно, что многие беженцы присоединяются к партизанам или, поодиночке и небольшими группами грабя и воруя, передвигаются по окрестностям...»

Партизаны использовали недовольство населения для привлечения новых бойцов. При этом они применяли порой довольно необычные методы набора. В отчете начальника ГФП сухопутных сил отмечалось: «В районе Мстиславля один отпущенный из плена лейтенант Красной Армии переходил под видом бродячего музыканта из деревни в деревню и вербовал среди жителей участников и помощников партизанских отрядов. При его аресте он назвал еще трех действовавших подобным же образом бывших политруков и одного высокопоставленного партийного работника, которые после этого также были задержаны.

Если вначале большая часть населения держала себя по отношению к партизанским вербовщикам пассивно, то устная пропаганда, положение на

фронте и не в последнюю очередь многочисленные большевистские листовки, которыми были просто засыпаны отдельные районы и которые, в случае отказа бороться с немцами, угрожали смертью, дали вскоре сильный толчок развитию партизанского движения...

Когда в начале 1942 года в занятых немецкой армией районах была начата вербовка людей на работу в Германию, тотчас же началась направленная против этого большевистская пропаганда. Отправка в Германию представлялась как наказание, подобное выселению в Сибирь, иногда даже утверждалось, что уехавшие отправляются не в Германию, а используются как пушечное мясо на фронте. В различных районах распространялись слухи о том, что женщинам обрезают волосы, что они должны носить нарукавные повязки, что равносильно ношению лат евреями и т. д. Ввиду обусловленного красной системой ограниченного кругозора и известных ложных сообщений со стороны большевистских правителей, большая часть населения не могла иметь правильного представления о других странах и менее всего о Германии. Всем этим слухам верили и в отдельных местах при отправлении рабочих происходили сцены, во время которых женщины катались в судорогах по земле. Прежде чем от уехавших в Германию рабочих прибыли первые известия, постепенно ознакомившие население с действительным положением, большое количество лиц уже ушло к партизанам, для того, чтобы избежать отправки на работу».

Надо подчеркнуть, что подавляющее большинство жителей не хотели покидать свои родные места и ехать в далекую и незнакомую Германию. Так появился еще один источник пополнения рядов партизан. Уклонявшаяся от принудительного труда молодежь бежала в леса, где им был прямой путь к партизанам.

Также повлияли на увеличение численности партизан неудачи вермахта под Москвой и на других фронтах в конце 1941 – начале 1942 года. В отчете ГФП отмечалось: «Предпринятое зимой немецким командованием сокращение фронта дало новый материал для устной пропаганды и заставило многих опасаться возвращения красных и проведения драконовских мер возмездия».

И опасения эти, замечу, не были лишены оснований. В отчете германской тайной полевой полиции о борьбе с партизанами прямо признавалось, что «защита крестьян, подвергавшихся угрозам со стороны партизан, была недостаточной, работавшие на немцев бургомистры, полицейские и другие лица уводились и убивались. В некоторых деревнях нельзя больше встретить ни одного мужчины, ибо все мужчины или

перешли к партизанам, или бежали из страха перед ними.

Лица, которые должны были стать конюхами в немецких частях, также в большом количестве перебежали к партизанам, надеясь на возможность там жить привольной жизнью и получать лучшее питание. Тяготение к партизанам зашло так далеко, что многие мужчины даже брали своих жен и детей с собой в лес. Естественно, что большая часть населения также перешла после этого на сторону их находящихся в лагерях партизан «родственников». Порой опаснее было оставаться вне партизанского отряда, чем числиться партизаном. В тех местностях, которые лежали далеко от основных магистралей, немцы сравнительно редко проводили карательные операции, тогда как партизаны за войну успели истребить несколько составов старост и полицейских. Но главную роль в усилении партизанских отрядов, по мнению начальника армейского гестапо, сыграло присоединение к ним окруженцев и бежавших или освобожденных из лагерей военнопленных. Он указывал, что «наибольшего подъема партизанское движение достигло при присоединении рассеявшихся во время больших битв предыдущего года красноармейцев и бежавших военнопленных, которые осели в деревнях и колхозах, часто женились здесь на местных девушках, чтобы считаться позже местными жителями.

При новой организации общинных дворов (так немцы переименовали колхозы. – Б.С.) эти люди не были учтены, а когда некоторые из них заявили о желании отправиться на работу в Германию или войти в самооборону, им большей частью было отказано, так как они не имели надлежащих документов. Кроме этого... в начале вербовки на работу в Германию распространялись самые дикие слухи о судьбе мобилизованных.

Когда, в конце концов, стали утверждать, что бывшие красноармейцы должны быть направлены в лагеря для военнопленных, они стали толпами покидать места своей работы и уходить в леса, где присоединялись к бандам партизан. Многочисленные смертные случаи среди военнопленных на пути к лагерям, положение и высокая смертность в лагерях не остались тайной, и бывшие красноармейцы жили поэтому в постоянном страхе, что их когда-нибудь постигнет такая же судьба. К этому присоединялось то, что в результате проводившейся зимой в лагерях военнопленных большевистскими элементами активной пропаганды бежало все большее количество пленных, стремившихся скрываться до тех пор, пока предполагавшееся занятие этих областей продвигавшимися большевиками не стало бы фактом (главным агитатором были царившие в лагерях голод, холод, эпидемии и беспричинные расстрелы. – Б.С.). Так как беглецы боялись, что они будут снова схвачены и с ними будет поступлено

соответствующим образом, и так как, основываясь на сообщениях бывших товарищей, живших в деревнях и крайне возбужденных устной пропагандой, они рассматривали свое положение как безнадежное, они большей частью с готовностью шли навстречу требованиям партизан присоединиться к ним. Оставшиеся вынуждались к этому угрозами партизан, банды также неоднократно нападали на рабочие лагеря военнопленных с целью освободить находившихся там и включить их в свои ряды. По заключению отдельных частей ГФП, бывшие красноармейцы и военнопленные составляют около 60 процентов общей численности банд».

Тайная полевая полиция была обеспокоена резко обозначившейся сменой настроения населения оккупированных территорий: «Если в прошлом году партизаны еще являлись для большинства местных жителей представителями ненавистной системы, то сейчас взгляды на это во многом изменились. В бандах теперь находятся люди из их рядов, с которыми в зимние месяцы они делили кров и постель. Жители не могли думать о ненависти к этим людям, и большей частью они, смотря по своему положению, испытывали только удивление или сожаление об их действиях. Сами банды стали учитывать это. Они щадят те деревни, жители которых им симпатизируют, и требуют только то, что должно быть сдано немецким органам...»

В отчете армейского гестапо также констатировалось: «В последнее время через фронт проникает много партизан в форме и без оружия. При их задержании немцами они должны выдавать себя за “перебежчиков”, которым опротивела жизнь и служба в Красной Армии и которые, будучи убеждены в поражении большевиков, бросили оружие и бежали. В случае удачного перехода через фронт они должны возможно быстрее достать себе штатскую одежду, обеспечить себя оружием, лежащим еще в достаточном количестве в лесах или сохраняющимся в тайниках, и начать выполнение их заданий...»

Отмечалось здесь и нередкое нарушение партизанами и подпольщиками правил и обычаев ведения войны, в чем советские партизаны ничем не отличались от итальянских, югославских или греческих партизан: «Многие задержанные женщины имели при себе яды, в том числе мышьяк, стрихнин и морфий, с помощью которых должны были быть умерщвлены после короткого знакомства немецкие солдаты и, главным образом, офицеры. После этого следовало изъять возможно находившиеся при них секретные материалы и передать их русской разведке. Один задержанный в Брянске русский хранил среди нечистот

уборной 400 г яда “брудан”, переданного ему одним начальником из НКВД вместе с заданием отравлять колодцы и поступать на работу в немецкие столовые, бойни и хлебопекарные роты, чтобы примешивать битое стекло и яд к продуктам. У одного партизана, после его задержания отравившего себя в камере, было найдено 50 г мышьяка, 1/200 г которого достаточно для уничтожения человека...»

Интересно, что уже в первые месяцы войны советские партизаны изобрели своеобразный род униформы, представлявшей собой нечто среднее между армейским обмундированием и гражданской одеждой, хотя нередко использовали и немецкую военную и полицейскую форму. В отчете гестапо от 31 июля 1942 года на это обращалось особое внимание: «В своем большинстве партизаны носят обычную местную одежду. Пришедшие к бойцам в форме русские достают себе возможно быстрее путем обмена или силой необходимую для района действий одежду. В то время как одна группа одета в светлые меховые полушубки и особого рода валенки, другие группы носят серые рубашки, черно-белые полосатые или зеленые или серые подбитые ватой брюки, зеленые или серые куртки, похожие на форму из пуговиц, шерстяные шапки на серой вате или меховые шапки без советских звезд, коричневые шинели, резиновые или кожаные сапоги с черными прорезиненными полотняными голенищами. Зимой целые партизанские отряды надевают поверх своих форм и гражданской одежды белые маскхалаты. Повторно были задержаны партизаны мужчины и женщины, носившие под гражданской одеждой полную форму Красной Армии.

Руководство партизанского движения, как видно из одной уже давно найденной инструкции, не только разрешает партизанам ношение формы врага, но даже настоятельно рекомендует это в необходимых случаях. За отчетный период это часто использовалось. Партизаны, носившие немецкую форму или форму войск союзных стран, в том числе и офицерскую форму с Железными крестами I и II класса, неоднократно нападали на целые деревни, грабили их и убивали старост, председателей колхозов и других лиц, дружелюбно настроенных к немцам. В этих случаях речь идет большей частью о партизанах, разговаривающих по-немецки и снабженных по этой причине формой убитых немецких солдат. Некоторые партизаны надевают поверх немецкой формы русские шинели, которые они при надобности могут снять. Некоторые одетые таким образом члены банд были задержаны.

Партизаны также часто появляются с нарукавными повязками организации Тодта, русской вспомогательной полиции и службы порядка,

производят грабежи и угрожают ничего не подозревающему населению. Ясно, что в результате подобных случаев гражданское население испытывает большую неуверенность и чувствует к немецким военнослужащим и лицам из вспомогательных органов растущее недоверие...»

Тут надо отметить, что чины русской вспомогательной полиции тоже были отнюдь не безгрешны по части грабежей населения.

Автор отчета вынужден был признать, что партизанские руководители в целом смогли хорошо подготовиться к зиме и построить довольно комфортные лагеря: «До выпадения снега и начала больших холодов большая часть партизанских групп располагалась в состоявшихся из палаток лагерей, которые разбивались в заболоченных или вообще труднопроходимых лесах. Отдельные группы построили для себя также посреди болотистой местности деревянные дома на столбах. Другая часть построила для себя примитивные земляные хижины или расположилась в землянках или пещерах, вырытых еще до занятия этих областей немецкими войсками. Так как эти убежища только в редких случаях были приспособлены для зимовки, многие партизанские группы временно разошлись. Их члены ушли в расположенные в стороне населенные пункты или искали для того, чтобы спрятаться, стоявшие пустыми затерянные дворы. Они только в редких случаях приходили к своим семьям, гораздо чаще последние побуждались также переселяться в отдаленные деревни. Командиры партизан, политруки и комиссары оставались большей частью на зиму в лесных лагерях, откуда они поддерживали связь с зимовавшими в населенных пунктах членам своих банд и время от времени созывали их для проведения различных операций.

Другие партизанские группы находились зимой в лесных лагерях, состоявших из крепких деревянных построек, построенных в форме блиндажа в небольшом отдалении друг от друга. Эти деревянные постройки имели двойные стены из толстых бревен и были опущены в землю. Они защищали не только от холода, но и ввиду их охраны и маскировки, также и от неожиданностей. В такой землянке, где имелось место для приготовления пищи и для сна, помещалось 20–40 человек. В больших лагерях отдельные постройки воздвигались как медицинские пункты и бани. Вокруг жилья группировались тщательно замаскированные от наблюдения с воздуха стойла, склады боеприпасов и продовольствия.

Оставшаяся после работ земля, после того как земляные перекрытия землянок были заколочены и на них были насажены различные деревья, отвозилась на санях в отдаленные места. Так как деревянные постройки

очень подходят к лесной местности, их обычно можно заметить лишь на очень близком расстоянии. Пути, ведущие к лагерям, обычно начинаются в зарослях, которые партизаны могут достигнуть ловким прыжком с дороги...»

Гестапо вынуждено было признать, что партизанам порой помогают отдельные немецкие солдаты – частью из-за антифашистских убеждений, а частью для того, чтобы, оказавшись в плену, спасти свою жизнь: «В отдельных бандах находятся немецкие солдаты, дезертировавшие, перебежавшие к партизанам или взятые ими в плен. Для того, чтобы спасти свои жизни, они не отступают перед тем, чтобы выдать своих товарищей партизанам. Их главная задача состоит в том, чтобы, выходя в немецкой форме на шоссе, останавливать военные машины, делая вид, что они просят подвезти их. Когда машины останавливаются, они подвергаются нападению лежащих в засаде партизан, которые убивают всех едущих...»

В гестаповском отчете приводились факты, когда партизаны отнимали у жителей продукты, выдавая себя за немцев или полицейских. Хотя как немецкие войска, так и их помощники из числа местных жителей были отнюдь не ангелы и весьма преуспели по части реквизиций, тайной полевой полиции не было никакого резона в совершенно секретном отчете перекладывать вину с армии на «бандитов». Так что к следующим фактам, сообщаемым в отчете, можно отнестись с определенным доверием: «В то время как одна часть партизан жила в отдаленных деревнях и кормилась за счет населения, другая часть находилась в постоянных лагерях и жила частью за счет сбрасываемых самолетами продуктов, частью производя разбойные набеги на сельское население. Для того, чтобы не трогать находившихся в тайниках неприкосновенных запасов, члены банд верхом или на санях приезжали в населенные пункты, часто с целью обмана населения переодеваясь в немецкую форму, и с помощью угроз отнимали у жителей продукты и зимнюю одежду. У отдельных партизан даже находили “листы пожертвований”, где поименно перечислялись лица, “добровольно” помогавшие бандам. Если многие бургомистры и председатели колхозов из страха перед местью партизан боятся сообщать о них немецким органам, значительная часть сельского населения, чтобы обеспечить собственное существование, часто активно противодействовали этим стремлениям и поддерживали немецкие войска в их борьбе с бандами. В начале весны, когда партизаны, прятаясь в отдаленных деревнях или отдельных домах (хуторах. – Б.С.), и их помощники начали уходить обратно в леса, грабежи населения приняли еще больший размах. Снабжение крупных банд при помощи самолетов в последующее время все более

совершенствовались. Поблизости от лагерей были найдены подходящие посадочные площадки, на которых в ночные часы приземляются машины, нагруженные наряду с продовольствием боеприпасами и оружием всех видов, в том числе даже тяжелым пехотным оружием...»

Засланная в партизанские отряды агентура позволяла гестапо составить представление о боевом духе противника. В отчете от 31 июля 1942 года он характеризовался следующим образом: «Настроение в отдельных бандах различно. Большинство рассчитывает на то, что к осени этого года занятые немецкими войсками области будут очищены Красной Армией. Усиленная пропаганда (советская. – Б.С.) должна иметь у этих людей успех, особенно после окончания крупных наступательных операций (немцев. – Б.С.).

Иначе обстоит дело с людьми, насильственно уведенными партизанами в лес, перебежчиками. Перебежчики показывают, что многие из них охотно положили бы оружие, если бы, с одной стороны, они не боялись, что их расстреляют политические комиссары, и с другой стороны, не опасаясь того же от немцев.

Получив уверение, что, если они добровольно служат оружие, с ними будут обращаться как с перебежчиками, целые группы этих “невольных партизан” перебежали к немцам. При немедленном тщательном допросе этих перебежчиков часто можно было получить важные данные, имевшие исключительное значение для действий производящих очищение местности частей».

Начальник армейского гестапо констатировал, что немецкая пропаганда порой не оказывает нужного воздействия на население: «Эффективным оказалось распространение пропагандистского материала в отдаленных деревнях во время разведки и операций по очищению местности. Однако жители неоднократно указывали на то, что немецкая пропаганда через листовки и расклеивание объявлений не всегда понятна людям. Они хотят проведения собраний, к которым их приучили большевики. Многие из них указывают также на то, что было бы хорошо, если бы немецкие офицеры, командующие разведывательными группами или командами по очищению, остановившись в отдельных деревнях, собирали население и обращались бы к нему с большими речами, тем более, что здесь всегда имеются необходимые переводчики.

Учитывая эту тягу населения к собраниям, рекомендуется направлять солдат с хорошим знанием русского языка и надежных, одаренных ораторским талантом русских на краткие курсы, где они инструктировались бы в отношении к различным актуальным вопросам, и после этого

придавать их в качестве пропагандистов отдельным командам по очищению местности или разведывательным группам или же в умиротворенных районах посылать их в самостоятельные поездки. Так как во время этих поездок пропагандисты получают представление обо всех волнующих русское население вопросах, то они могут ориентироваться на то, благодаря чему немецкая пропаганда всегда остается актуальной и животрепещущей».

Гестаповцы отнюдь не идеализировали немецкую армию и своих товарищей из СС и СД. И предупреждали: «Необходимой предпосылкой борьбы с партизанами является пресечение всех актов произвола и бессмысленной жестокости по отношению к русскому населению. У многих солдат хождение с дубинкой, которую они пускают в ход при первой возможности, стало чем-то самым собой разумеющимся. Если от этих солдат требуют отчета, они ссылаются на неверно понятые приказы и распоряжения. Доверие русского населения к немецкой армии, являющееся необходимым условием для умиротворения страны, может укрепиться только в результате справедливого обращения, энергичного проведения хозяйственных мероприятий, целеустремленной и близкой к жизни пропаганде и действенной борьбе с бандитизмом...»

Но при этом отнюдь не отвергались пытки и репрессии по отношению к тем, кого уличили или только подозревали в принадлежности к партизанам или подпольным просоветским организациям: «Допросы подавляющей части задержанных партизан проходят очень тяжело. Несмотря на строгие методы допроса (т. е. пытки и избиения. – Б.С.) убежденные и фанатичные члены партизанских групп отказываются дать какие-либо показания. В различных случаях такие русские, упорно отказывающиеся дать показания, только в момент их расстрела заявляют о своей преданности Сталину и принадлежности к партизанам. Напротив, арестованные интеллигенты и люди, принужденные присоединиться к партизанам, после индивидуального допроса почти всегда дают весьма ценные показания. Поэтому неправильно было бы сейчас же расстреливать взятых в плен в бою или перебежавших партизан, как это все еще водится в воинских частях. Задержанные воинскими частями партизаны, в интересах успешной борьбы с бандами, должны, если имеется к этому малейшая возможность, направляться быстрейшим путем в тайную полевую полицию, опытную в проведении допросов».

И в тот же день, 31 июля 1942 года, Гиммлер издал специальный приказ: «По психологическим причинам впредь запрещено использовать слово “партизан”, введенное в обиход большевиками и так ими обожаемое.

Для нас они не бойцы и солдаты, а бандиты и уголовные преступники. Отделить этих коварных убийц от спокойного и мирного населения и тем самым лишить их какой-либо поддержки – вот важнейшее условие для их уничтожения».

Что ж, все зависит от угла зрения. Так было, так и будет. Для одних – «партизаны», для других – «бандиты». Для одних – «террористы», для других – «борцы за свободу». Для одних – «мятежники», для других – «повстанцы». Для одних – «патриоты», для других – «фанатики».

Жестокие допросы партизан отнюдь не были монополией ГФП. Например, командование тылового района группы армий «Север» в приказе от 14 сентября 1941 года популяризировало опыт оберфельдфебеля Шраде по части допросов русских: «При допросе русский постоянно пытается уклониться от прямого ответа на мучительные вопросы, причем он рассказывает о вещах, которые вообще никого не интересуют или о которых его не спрашивают. Особенно часто это бывает с женщинами. Несколько крепких пощечин значительно сокращают эту проволочку». Что ж, столь действенное средство практикуется во внутрисемейных разборках до сих пор, и не только в России.

Вообще, вплоть до поражения под Сталинградом в борьбе с партизанами оккупанты полагались прежде всего на кнут в виде жестоких репрессий. Бывший начальник полиции порядка в Белоруссии бригадефюрер СС Эберхард Герф на допросе в декабре 1945 года показал, что в январе 1942 года в Минске, «говоря о борьбе с партизанским движением, Кубе сказал мне, что в этом деле нужно быть твердым, следует быть жестоким к советскому населению и не размышлять, расстреливать или не расстреливать, когда имеешь дело с русскими, а надо расстреливать, и тогда будет порядок».

Однако расстрелы пленных партизан и ни в чем не повинных заложников практически не влияли на размах партизанского движения. Неслучайно начальник армейского гестапо на основании полугодичного опыта борьбы с партизанами пришел к выводу, что против них наиболее эффективен не массовый террор, когда чаще всего страдают невинные, а действия небольшими, специально подготовленными группами из наиболее проверенных местных коллаборационистов: «В согласии с руководящими военными органами части ГФП организуют из надежных и отвечающих требованиям в боевом отношении людей антипартизанских групп. Различные команды ГФП, освободив из одного лагеря военнопленных надежных украинцев, создали основу русской вспомогательной полиции, в состав которой были введены испытанные агенты. Ее задачи состояли в

обнаружении спрятавшихся партизан и сборе путем разведки таких данных для борьбы с действовавшими партизанскими группами... Военнослужащие, направленные для обучения и руководства такими вспомогательными частями, должны всегда действовать решительно. Малейшее послабление до сих пор всегда вело к отрицательным последствиям, ибо люди все еще привержены к доносам, грабежам, произвольным действиям и актам мести. При терпеливом отношении к подобным действиям умиротворение местности только наталкивается на излишние затруднения. Решительные действия в таких случаях настолько оправдали себя, что входящие в такие части люди уже сами заботятся о том, чтобы удалить из своих рядов нежелательных товарищей.

Так как местные жители, участвующие в борьбе с партизанами, не могут ожидать пощады, если попадут в их руки, и все без исключения обречены на смерть после жестоких пыток, то для них нет отступления назад. Поэтому понятно, что они охотно выполняют данные им задания. Из донесений частей ГФП вытекает, что тесная совместная работа со знающей данную местность службой порядка (русская полиция), боевыми частями местных жителей, казачьими сотнями, милицией, вспомогательной полицией, самообороной и бургомистрами и деревенскими старостами дает наилучшие результаты...

Несмотря на отдельные случаи недисциплинированности и вызванные большевистской пропагандой попытки бунтов, можно сказать, что местные жители, использовавшиеся для борьбы с партизанами, оправдали возлагавшиеся на них надежды. В интересах еще более активной борьбы с партизанами было бы желательно, чтобы вспомогательные части были усилены и реорганизованы по военному образцу».

Таково было настроение коллаборационистов в 1942 году, в момент германских побед. В тот момент они еще представляли собой достаточно надежные кадры для борьбы с партизанами, хотя на советско-германский фронты немцы их отправлять не рисковали.

Немецкое командование довольно быстро усвоило одну премудрость. С партизанами легче бороться в том случае, если они объединяются в большие группировки. Тактику борьбы с крупными партизанскими соединениями немцам особенно успешно удавалось применять, начиная с 1943 года, когда в связи с наступлением Красной армии, уменьшении площади оккупируемой немцами территории и притоком новых добровольцев в партизанские отряды возросла как численность партизанских соединений, так и плотность партизан на единицу площади. С целью побудить партизан к максимальной концентрации своих сил

немецкие спецорганы даже распространяли фальшивые листовки от имени советского командования. В партизанской печати появлялись соответствующие опровержения. Так, бюллетень «Селянской газеты» 7 мая 1943 года предупреждал: «Недавно гитлеровцы состряпали листовку и разбросали ее в некоторых районах Украины и Белоруссии. В этой листовке якобы от имени советских военных властей партизанам предлагается прекратить действия в одиночку и мелкими отрядами, объединится в крупные отряды и выполнить приказ о совместном выступлении с регулярными частями Красной Армии. Этот приказ, говорится в гитлеровской фальшивке, последует, как только урожай будет в амбарах, а реки и озера снова покроются льдом.

Цель этой провокации очевидна. Немцы стараются накануне решающих весенне-летних боев задержать действия партизан. Гитлеровцам хочется, чтобы партизаны прекратили борьбу и заняли выжидательную позицию».

Особенно свирепствовали карательные отряды на территории рейхскомиссариатов, состоящие из немецких полицейских формирований и подчинявшиеся СС и СД (службе безопасности). Начальник СС и полиции в Белоруссии бригадефюрер СС Курт фон Готтберг на совещании в Минске 10 апреля 1943 года признавал: «Ошибки, допущенные нами в борьбе с бандами, заключались в том, что мы пытались обеспечить спокойствие, находясь в гарнизонах (опорных пунктах), в то время, когда держать эту страну в покое можно, только постоянно преследуя врага, нападая на него и уничтожая...

В борьбе с бандитами решающее значение имеет неожиданность нападения... Опыт борьбы с бандами показал, что население здесь имеет настоящее чувство справедливости, и карательные экспедиции тотального уничтожения целиком и полностью ошибочны. Эти экспедиции стреляют не тех, кого нужно, а безвинное население. Когда убивают стариков, женщин и детей, поджигают деревни, то население говорит, что немцы хуже, чем большевики, и женщины убегают в женские батальоны бандитов.

Благодаря предложению СД мы прибегли к другим методам борьбы. Если мы говорим, что мы, национал-социалисты, не против вас, а против большевиков, и убиваем 6 семей, которые по показаниям населения являются сторонниками Сталина, это рассматривается как факт справедливости. Если действовать таким образом, то население придет к нам на помощь».

В качестве примера того, что именно широкомасштабные наступательные действия против партизан приносят успех, Готтберг

рассказал об операции, предпринятой в феврале 43-го в Белоруссии. Он утверждал, что в ходе этой акции было убито 9432 «бандита» (тех, кто сражался с оружием в руках) и 12 496 лиц, связанных с «бандитами», а также 11 тысяч евреев. В плен было взято всего 233 человека – только тех, кто представлял интерес для СД. Потери немцев и местных коллаборационистов при этом составили 342 убитыми и 338 ранеными. Готтберг с гордостью перечислял трофеи: 3585 человек рабочей силы, 15 944 т зерна, 5432 т картофеля, сено, лен, конопля, 22 504 голов крупного рогатого скота, 2372 свиней, 15 373 овец, «много птицы и лошадей», а также 6 броневиков, 7 полевых и 9 противотанковых орудий, 35 станковых и 36 ручных пулеметов.

Готтберг вынужден был признать, что «бандиты имеют приказание не грабить крестьян, а брать у них то, что они продают или отдают нам, и то, что мы покупаем за 1,25 рейхсмарки, они берут за 9–10 рейхсмарок». Эсэсовцам пришлось несколько умерить свои аппетиты, чтобы повальными реквизициями не толкнуть все население Белоруссии в партизаны.

Главную вину за партизанское движение в Белоруссии Готтберг, без каких-либо на то оснований, возлагал на евреев: «Я считаю, что только тогда, когда в Белоруссии не будет ни одного еврея, многим немецким солдатам не будет угрожать смерть. Надеюсь, что этот вопрос будет решен». Между тем, как засвидетельствовал на Нюрнбергском процессе бывший начальник штаба по борьбе с партизанами на Востоке обергруппенфюрер СС и генерал полиции Эрих фон дем Бах-Зеелевски, евреи составляли лишь меньшинство среди партизан, в том числе и в руководстве партизанских отрядов. Да и как могло быть иначе, если в первые же месяцы оккупации большинство еврейского населения было уничтожено айнзатцгруппами.

Парадокс же заключался в том, что не только евреи не являлись руководителями подавляющего большинства партизанских отрядов ни в Белоруссии, ни в других регионах, но зачастую сами подвергались гонениям в партизанских отрядах.

Референт СД оберштурмбаннфюрер СС Штраух, выступая на том же совещании в Минске, утверждал: «Мы не можем позволить, чтобы расхищалась собственность, и должны принять все меры для ее охраны». Он сетовал на отсутствие в Белоруссии местной уголовной полиции, которая успешно функционирует в Латвии и Эстонии. Но в то же время, признавал Штраух, латышских и эстонских служащих криминальной полиции в Белоруссии использовать нельзя, поскольку «латыши чувствуют себя здесь господами» и не могут поэтому взаимодействовать с

белорусской полицией порядка и администрацией. Штраух продолжал: «Мы старались привлечь в полицию и администрацию белорусов, но вы не можете представить себе трудностей, которые связаны с их воспитанием, а надежной интеллигенцией здесь мы не располагаем».

Референт СД с сожалением отмечал: «Против нас территория и местность, к которой мы не привыкли и для которой мы недостаточно выносливы. Мы не можем двух дней обходиться без теплой пищи и должны таскать за собой полевые кухни, а русский может обойтись без этого. Мы не выдерживаем такие марши, как русские... Банды располагают лучшей разведкой, чем мы. О евреях уже говорилось, но бандам сообщают сведения и другие группы населения...»

Поскольку поляки также считались одними из основных врагов рейха, Штраух поспешил отвести от себя все подозрения насчет своего «либерализма» по отношению к польскому населению: «Некоторые областные комиссары нападают на меня, считая, что я уничтожил поляков. Дело обстоит так, что поляки перед нами дружелюбны и работают даже лучше белорусов, но они нас так же ненавидят, как и большевиков, и являются опасными врагами.

В последнее время значительно усилилась активность польского движения Сопротивления... Люди работают в авиации и подделывают удостоверения на право прохода всюду, чтобы производить взрывы. С поляками нелегко справиться. Мы постоянно видим, как растет польское движение Сопротивления и как оно предпринимает попытки установить связи с советскими партизанами.

Наиболее авторитетными среди поляков являются духовенство, учителя и лесничие. Отдел леса и древесины при генеральном комиссариате должен скорее избавиться от польских лесничих... Католическую церковь нужно притеснять, одновременно поддерживая православную».

Советскую сторону гораздо больше беспокоило, когда в борьбе с партизанами противник пускал в ход не кнут, а пряник. Жестокость оккупантов гарантировала приток в партизанские отряды новых бойцов, а вот мягкое обращение с партизанами грозило ростом дезертирства.

В составленной в 1942 году начальником Разведывательного управления Центрального штаба партизанского движения Аргуновым «Справке о провокационных методах борьбы с партизанами» особо отмечалось: «Немецкие власти пользуются также провокационными средствами для вылавливания наших разведчиков. Об этом свидетельствует следующее сообщение (имеется в виду объявление оккупационных властей

для населения. – Б.С.): “В последние недели в различных местах восточной Украины большевики сбросили с парашютами или перебросили через линию фронта ряд групп саботажников и снабженных рациями шпионов. Многие из этих шпионов и саботажников выловлены, благодаря прекрасной помощи населения. Несмотря на это, есть основание предполагать, что некоторые группы продолжают еще нелегально существовать.

В интересах немецких вооруженных сил этот остаток также должен быть выловлен в самое короткое время.

Немецкая армия знает, что часть этих большевистских агентов не имеет намерения выполнять порученных заданий и прячется от нас только из боязни наказания. Эта боязнь необоснованна.

Каждому, кто в течение 8 дней после опубликования данного сообщения добровольно явится в одно из военных учреждений, украинскую милицию или городскую управу и сдаст данные ему рации или оружие, боеприпасы или взрывчатые вещества, ему гарантируется безнаказанность. Эта гарантия действует и на будущее для тех агентов, которых большевики засылали, при условии, если они будут немедленно добровольно заявлять об этом в указанные учреждения. Группы, которые, несмотря на эту гарантированную безнаказанность, будут продолжать свое нелегальное существование, должны быть уничтожены любыми мерами. Для оказания действенной помощи военным учреждениям в розыске саботажников и шпионов следует привлекать население. Всякая помощь будет вознаграждена участком земли или денежной премией до 1000 рублей.

Тот, кто окажет большевистским агентам помощь едой, убежищем или иным образом, будут приговорены к смертной казни.

Командующий наземными силами (возможно, имелся в виду командующий армией или группой армий. – Б.С.)”».

А в июле 1943 года Западный штаб партизанского движения с тревогой сообщал: «Не прекращая вооруженную борьбу с партизанами, немецкое командование значительно усилило агитационно-провокационную работу, направленную на разложение партизанских отрядов. Изменено отношение не только к бежавшим из партизанских отрядов, но и к захваченным во время боевых операций: сохраняется жизнь, создаются более или менее сносные условия существования.

Командование фашистской армии выделяет семьям партизан лошадей для обработки усадебных участков. При этом перед этими партизанскими семьями ставят в обязанность добиться, чтобы их отец, сын или брат и т. п.

возвратился в дом, ушел бы из партизанского отряда...

Эта тактика немецко-фашистских захватчиков имеет некоторое влияние на малоустойчивых партизан. Есть случаи единичного перехода партизан на сторону врага».

Комбриг Аркадий Яковлевич Марченко в политдонесении от 1 июня 1943 года с тревогой сообщал: «За последнее время гитлеровцы изменили тактику борьбы с партизанами. Вместо обычных расстрелов на месте они захваченного или перешедшего на их сторону партизана зачисляют в полицейские, дают паек на семью, даже на 2–3 семьи дают корову. Вновь захваченных или перешедших помещают отдельно. Им даже не дают общаться с полицейскими, перешедшими на службу к гитлеровцам зимой. Из таких создают отдельные группы и посылают вылавливать мелкие группы партизан.

Гитлеровцы специально присылают в леса жен партизан, чтобы они уговаривали своих мужей и привели к немцам, обещая им хороший паек. Эта фашистская пропаганда и метод их борьбы оказал некоторое влияние на трусов, морально неустойчивых, которые в силу оторванности от командования отрядов, слабой воспитательной работы, находясь мелкими группами и в одиночку перешли на сторону врага.

За май месяц из отрядов Гукова и Кухаренко, которые до конца месяца находились в треугольнике (Витебск – Невель – Полоцк. – Б.С.) и подвергались непрерывным облавам фашистов и полицейских, перешло на сторону врага до 60 человек, в основном из бывших зеленцов («зеленых», или «диких партизан», ранее не подчинявшихся Москве. – Б.С.) и дезертиров из Красной Армии...

В связи с переходом отрядов бригады... из треугольника в новый район дислокации, оторвавшись от своих продовольственных баз, возникали большие продовольственные затруднения. Все продукты питания заготавливаются около гарнизонов противника, Идрицы и в других местах, на что отрывается значительное количество партизан от боевой деятельности, и все же, несмотря на это, обеспеченность отрядов продуктами питания далеко недостаточная. Выдается продуктов партизану на день: 150–200 г мяса, картофеля – 1,5–2 кг, молока – 0,5–1 литр, хлеб бывает редко и выдается только по 300 г (кстати сказать, обычный паек полицейского как раз и составлял 300 г. – Б.С.).

Основную помощь в обеспечении партизан продовольствием должно было оказать местное население, которое охотно идет навстречу нам, но беда в том, что бригады Охотина и Прудникова препятствуют этому. Все населенные пункты у них закреплены за отрядами, которые сдают им

молоко и другие продукты. Кроме этого, они имеют свои хорошие продовольственные базы.

Нам они не только не оказали никакой продовольственной помощи при переходе в этот район дислокации, но даже не дают возможности заготавливать у населения на добровольных началах картофель, молоко и другие продукты.

Кроме этого, командование отрядов бригады Прудникова среди своих партизан и мирного населения распускает всякие небылицы о партизанах нашей бригады, обзывая их мародерами, трусами, что воевать «марковцы» (так они называют наших партизан) не умеют, они удрали из треугольника, потому что не хотели воевать.

Партийные организации и командование бригады и отрядов ведут решительную борьбу с фактами мародерства, пьянства, морально-бытового разложения, неправильного отношения к девушкам и женщинам – партизанкам. В мае по бригаде был один случай мародерства партизана 1 отряда Богданова, который расстрелян перед строем.

Правда, население, видя действия партизан нашей бригады, убедилось в обратном. Они лично убедились, что все попытки немцев продвинуться в населенные пункты, контролируемые партизанами, отбиты отрядами нашей бригады, в то время как отряды бригады Прудникова отходят, даже не принимая боя.

Необходимо Ваше вмешательство в это дело и урегулирование взаимоотношений между бригадами, которые дальше не могут быть терпимы».

А вот как выглядели действия немцев в оценке командования действовавшей по соседству с бригадой Марченко бригады Охотина. Здесь чувствуется уважение к тому грозному противнику, каким был вермахт: «Немецкая тактика при внезапном нападении на партизан всегда сводилась к одному: обстрелу со всех видов имеющегося оружия, после чего атака. Но противник никогда не применял тактику неотступного преследования. Добившись успеха с первой атаки, он на этом останавливался. Это и являлось одной из слабых сторон немецкой тактики.

При обороне в случаях нападения партизан противник разворачивался быстро и, развернувшись, приняв боевой порядок, дрался очень упорно, всегда почти до полного истощения своих сил (потери людей и расходования боеприпасов). Это являлось одной из сильных сторон противника, но это приводило его к большим потерям в людях.

Не было ни одного случая, чтобы противник не принял навязываемый ему бой. Даже нарвавшись на партизанскую засаду, никогда не бежал в

панике, а с боем отходя, забирал своих убитых, раненых и оружие. В таких случаях противник с потерями не считался, но своих убитых и раненых не оставлял (интересно, а как в таком случае партизаны определяли, что немцы понесли большие потери, если те всех своих убитых и раненых забирали с собой, а так, чтобы партизаны полностью уничтожали большой неприятельский отряд, не дав ему отступить, случалось редко? Боюсь, что подавляющее большинство партизанских донесений о потерях немцев – это чистой воды фантастика. – Б.С.)

Слабой стороной немецкой тактики являлось то, что фрицы боялись леса. Засады на партизан они устраивали только в населенных пунктах. Не было ни одного случая, чтобы немцы делали засаду на партизан в лесу.

Сильной стороной немецкой тактики являлась тактика в обороне. Где бы немцы ни шли, а если им приходилось останавливаться хотя бы на короткое время, то они всегда окапывались, чего партизаны в отношении себя никогда не применяли.

Партизанские методы борьбы противник стал применять только в последнее время. К этому относятся:

Скрытая концентрация сил для нападения (в лесу в ночное время, чтобы с рассветом напасть врасплох на партизан).

Засады, хотя не в лесу, а в населенных пунктах, но все-таки засады применял.

Минирование партизанских дорог.

Тактика по отношению к местному населению велась двумя методами: подкупы, шантаж с целью привлечь население на свою сторону, в особенности по месту расположения немецких гарнизонов;

жестокая расправа со сторонниками партизан и партизанскими семьями.

Следует отметить и еще один важный метод противника, относящийся как к борьбе с партизанщиной, так и по отношению к мирному населению. Это начавшаяся в августе месяце 1943 года и продолжавшаяся непрерывно бомбежка и сжигание деревень и местечек партизанской зоны авиацией. Почти не осталось ни одной деревни в Ушачском и Лепельском районах, занимаемых партизанами, не подвергшихся налетам фашистских стервятников. На этом деле также проходили практику немецкие учлеты (летчики-ученики. – Б.С.)».

Действительно, как свидетельствуют немецкие источники, последние полтора года войны люфтваффе использовали Восточный фронт как своеобразный учебный полигон для выпускников в летных условиях.

Свежеиспеченные пилоты должны были освоиться в воздухе и набраться опыта в борьбе против более слабого противника в лице советских ВВС, прежде чем вступить в смертельную схватку в небе над Германией с гораздо более грозным неприятелем – англо-американскими «летающими крепостями». Партизанские же зоны представляли собой идеальную мишень для тренировки. Ни истребителей, ни зенитных орудий у партизан, разумеется, не было, а из винтовки или пулемета сбить самолет можно было только на очень небольшой высоте. Юные германские летчики не задумывались, что их бомбы падают прежде всего на головы мирных жителей деревень и местечек, волею судьбы оказавшихся на территории партизанского края. Впрочем, пилоты «летающих крепостей» тоже не думали о жизни и смерти немецких женщин, детей и стариков, обрушивая бомбовый груз на города Германии.

Подчеркну еще раз, что свидетельство Охотина, несомненно, подрывает все партизанские донесения о потерях немцев, где с точностью до одного человека указывалось число убитых и раненых неприятельских солдат и офицеров.

Но это же донесение, как и ряд других донесений, относящихся к лету 43-го, свидетельствует, что к тому времени произошло существенное изменение в германской политике на оккупированных восточных территориях. Поражения на фронте значительно повысили заинтересованность в коллаборационистах и если не в прямой поддержке, то хотя бы в благожелательном нейтралитете по отношению к немецкой армии и органам власти со стороны основной массы населения. Теперь все славянские народы, за исключением поляков, а также литовцы были официально признаны арийскими народами, а термин «недочеловек» исключен из обращения. Но жители оккупированных территорий хорошо помнили прежнее поведение оккупационных властей и германских войск, а потому с недоверием относились к происшедшим переменам. С другой стороны, многие начинали осознавать неизбежность возвращения советских порядков, а это не устраивало в первую очередь жителей недавно присоединенных к СССР территорий. Подобная перспектива побуждала их сотрудничать с немцами, а также соглашаться на отправку на работы в Германию или эвакуироваться вместе с отступавшими немецкими войсками, чтобы избежать вторичного знакомства с советским раем.

Первые два года войны пленных партизан немцы и полицейские, как правило, расстреливали на месте после короткого допроса. Только 5 октября 1943 года был издан специальный приказ «Обращение с пойманными бандитами». Теперь Верховное командование вооруженных

сил совместно с рейхсфюрером СС и начальником германской полиции решились распространить на партизан основные принципы обращения с военнопленными и перебежчиками. Таким образом рассчитывали побудить партизан сдаваться в плен или побудить их переходить на сторону немцев и их союзников. Отныне германским военным служащим и полицейским предписывалось:

«Со всеми бандитами, одетыми в форму противника или в гражданское платье и захваченными в бою, следует обращаться как с военнопленными.

Командирам частей и командирам карательных отрядов разрешается рассматривать в качестве военнопленных не только лиц, принимающих непосредственное участие в бою, но также и лиц, находящихся недалеко от поля боя и кажущихся подозрительными.

Невоеннопленными считаются:

А) Лица, принадлежащие к банде и добровольно явившиеся в часть, с оружием или без такового, безразлично в каком обмундировании. С ними следует обращаться как с перебежчиками.

Б) Лица, принадлежащие к банде и взятые в плен в немецкой или добровольческой форме (не перебежчики). Они должны расстреливаться после тщательного допроса тайной полевой полицией».

Пленные партизаны и перебежчики стали рассматриваться не только как источник разведывательной информации и рабочей силы для Германии, но и как потенциальный кадр для все более редущих коллаборационистских формирований. Не от хорошей жизни рейхсфюрер СС вынужден был либеральничать с пойманными «бандитами». В то же время при издании приказа учитывалось, что теперь, когда фронт вплотную подошел к основным партизанским районам, партизанам пришлось столкнуться с закаленными в боях дивизиями вермахта и войск СС. Они все чаще терпели поражения, что приводило к росту числа перебежчиков и захваченных в плен партизан. Но, с другой стороны, приближающееся поражение Германии отнюдь не стимулировало участников партизанской борьбы к переходу на сторону противника.

Однако издание приказа от 5 октября 1943 года вовсе не значило, что каратели вдруг превратились в гуманистов. По-прежнему практиковались расстрелы заложников (вспомним, что расстрел 335 итальянских заложников в Адриатических пещерах вблизи Рима в ответ на нападение партизан на эсэсовский патруль, за который были впоследствии приговорены к смерти фельдмаршал Кессельринг и генерал Макензен, произошел в марте 1944 года, через пять месяцев после издания

гиммлеровского приказа), многие из пленных партизан по-прежнему расстреливались, а в ходе карательных экспедиций гибли не только бойцы партизанских отрядов, но и мирные жители.

В борьбе, которая проходила на оккупированной территории, все стороны широко применяли традиционные приемы партизанской войны, в том числе и маскировку под противника. Партизаны вплоть до конца войны использовали немецкую форму для устройства засад. Так, 16 июня 1944 года в приказе по 889-му немецкому охранному батальону отмечалось: «В последнее время партизаны стараются захватить побольше пленных (считанные дни оставались до начала генерального советского наступления в Белоруссии – операции «Багратион». – Б.С.). С этой целью они ездят в немецкой форме на грузовых автомашинах по главным магистралям и, забирая немецких солдат, которые просят подвезти их, доставляют последних в свой лагерь. Подобный случай имел место 2.6.44 г. на шоссе Бобруйск – Старые Дороги. Всем солдатам указывается на опасность езды на незнакомых машинах. Шоферам запрещено брать с собой незнакомых солдат».

Немцы тоже использовали против партизан маскарадные приемы. В частности, они практиковали создание ложных партизанских отрядов из полицейских или власовцев, которых переодевали в красноармейскую форму или гражданскую одежду. Они вступали в контакт с небольшими группами или одиночными партизанами, побуждали их присоединиться к отряду, а затем, выждав удобный момент, уничтожали или брали в плен. Немцы даже ввели для своих партизан специальные головные уборы, чтобы отличать немецких партизан от советских. Такие ложные партизанские отряды нередко грабили население, чтобы потом свалить вину на настоящих партизан. Впрочем, советские партизаны тоже порой грабили население, облачившись в немецкую или полицейскую форму.

Но случалось и так, что ложные партизанские отряды превращались в настоящие. Подобное произошло, например, с отрядом из 96 человек во главе с офицерами РОА капитаном Цимайло и старшим лейтенантом Голокозом. Последний, вместо того чтобы бороться с партизанами, установил связь с действовавшей в Витебской области бригадой Захарова и раскрыл ему истинную суть своего отряда. В результате 17 июля 1943 года 55 лжепартизан во главе с Голокозом присоединились к настоящим партизанам Захарова, предварительно убив находившихся с ними немцев – двух радистов и капитана. Остаткам отряда вместе с Цимайло удалось бежать.

Иногда создавались и ложные подпольные центры, с помощью

которых тайная полевая полиция вылавливала настоящих подпольщиков. По этой схеме в Минске действовал «Военный Совет» в составе немецких агентов – бывших командиров Красной армии Рогова и Белова (его в конце концов убили партизаны) и бывшего секретаря Заславльского райкома партии Ковалева, который по совместительству входил и в настоящий Минский подпольный комитет. Первоначально «Военный Совет» был настоящей подпольной организацией, во главе которой стояли командиры и комиссары Красной армии. Однако они не были знакомы с правилами конспирации. Организация слишком разрослась, и о ее деятельности знало чуть ли не пол-Минска. Дошло до того, что у дома, где размещался штаб «Военного Совета», открыто выставляли часовых, которые проверяли документы у приходивших туда рядовых подпольщиков. Очень быстро о «Военном Совете» узнали в минском ГФП. Руководители «Военного Совета» были арестованы и купили себе жизнь ценой предательства. Теперь уже под контролем гестапо они направляли подпольщиков якобы в партизанский отряд, по дороге полиция останавливала грузовики, и их пассажиры отправлялись в концлагерь. В результате были арестованы и расстреляны сотни подпольщиков и разгромлены несколько партизанских отрядов.

Иногда псевдопартизанские отряды создавали сами местные жители – уже после того как их местность была освобождена Красной армией. Цель здесь была одна и довольно приземленная – получить индульгенцию за то, что был под оккупацией, а заодно «на законном основании» поживиться добром бывших немецких пособников. Историю одного такого отряда, обнаруженного Особым отделом 2-го гвардейского кавкорпуса в Коньшевском районе Курской области, рассказал начальник Особого отдела Центрального фронта Л.Ф. Цанава в письме Пономаренко от 13 марта 1943 года: «Организатором и “командиром” этого лжепартизанского отряда являлся учитель деревни Большое Городьково, Коньшевского района Рыжков Василий Иванович, 1915 года рождения, уроженец и житель Б. Городьково, беспартийный, со средним образованием, бывший младший командир 38-й отдельной батареи штаба 21-й армии, в октябре 41-го года добровольно сдавшийся в плен немцам. “Комиссаром” этого отряда являлся житель деревне Малое Городьково Суммин Тихон Григорьевич, бывший военнослужащий Красной Армии, в деревню возвратился после занятия ее немцами. Рыжков В.И. 2-го марта Особкором (Особым отделом корпуса. – Б.С.) арестован. Суммин Т.Г. скрылся, в настоящее время разыскивается.

Следствием по делу Рыжкова и деятельности отряда установлено

следующее. Частями Красной Армии Б. Городьково и М. Городьково были освобождены от немцев 8-го февраля 1943 года; лжепартизанский отряд Рыжков и Суммин организовали 12-го февраля 1943 года. Указанный отряд под видом борьбы с немецкими пособниками производил облавы и обыски в прилегающих населенных пунктах, забирал имущество и скот у некоторых бывших старост и полицейских. Часть отобранного раздавалась проходящим воинским частям, а часть присваивалась.

Прикрываясь именем командира партизанского отряда, Рыжков связывался с наступающими частями, вводя их в заблуждение вымышленными действиями “партизанского отряда”.

20-II-43 г. Рыжков и Суммин собрали членов отряда и, угрожая оружием, предложили ехать в районный центр – Конышевку, с целью якобы организовать там Советскую власть и возглавить в районе орган Советской власти... Есть сигналы о существовании еще нескольких подобных отрядов».

Не знаю, удалось ли чекистам разыскать Суммина, и какова была дальнейшая судьба Рыжкова – расстрел, штрафбат или ГУЛАГ.

Нередко успеха в борьбе с партизанами немцы и их пособники достигали, используя партизанские же методы борьбы. Так, командир Осиповичского партизанского соединения, объединявшего несколько партизанских бригад, Герой Советского Союза генерал-майор Николай Филиппович Королев в итоговом отчете засвидетельствовал: «В Бобруйске, Могилеве, Минске и других городах начали формироваться “добровольческие” батальоны “Березина”, “Днепр”, “Припять” и другие, которые были предназначены для борьбы с партизанами. Для пополнения этих батальонов и для подготовки командных кадров в Бобруйске был создан “Восточный запасной полк”.

Надо сказать, что некоторые из этих “добровольцев”, полностью продавшиеся немцам, активно боролись против партизан. Применяя партизанскую тактику, они небольшими группами проникали в лесные массивы и организовывали засады на партизанских дорогах. Так, в марте 1943 года один из батальонов организовал на месте партизанских дневок в лесном массиве “Золотково” засаду, на которую наскочила штабная группа партизанской бригады “За Родину”. Во время боя погиб командир этой бригады майор Флегонтов Алексей Кандиевич (замечу, что Флегонтов был не простым майором, а майором госбезопасности, что приравнивалось к армейскому генеральскому званию. – Б.С.) ...

В дальнейшем, с освобождением Советской Армией значительной части советской территории, оккупированной врагом, в наш район

перебрасывали полицейские и изменнические гарнизоны из районов, освобождаемых Советской Армией. В октябре 1943 года в деревню Вязье прибыл полк под командованием бывшего дорогобужского помещика и белоэмигранта Бишлера. Этот полк потом принял активное участие в блокировке партизан Пуховичского, Червеньского и Осиповичского районов в конце мая 1944 года».

Королев писал также об «изменническом батальоне» майора Буглая, который прибыл в Осиповичский район для борьбы с партизанами и «разместился в деревнях, расположенных в непосредственной близости к партизанской зоне. Его личный состав был хорошо обучен методам борьбы с партизанами и умело использовал тактические промахи отдельных отрядов. Он вел активную борьбу путем засад в лесных массивах, на партизанских дорогах и на переправах через реки, путем внезапного нападения на партизанские заставы в деревнях, продвигаясь при этом такими путями, которые не контролировались партизанскими часовыми».

Парадокс заключался в том, что по мере успешного продвижения Красной армии на Запад положение партизан не улучшалось, а, наоборот, ухудшалось. Партизанские края теперь попадали в оперативную зону, а позднее и в прифронтовую полосу вермахта. Партизанам все чаще приходилось вступать в бой с регулярными армейскими частями, которые превосходили их и по вооружению, и по боевой подготовке. На все уменьшавшиеся оккупированные территории перемещались коллаборационистские формирования, бежавшие из областей, освобожденных советскими войсками. В этих формированиях теперь уже остались в основном люди, безусловно ненавидевшие коммунистов, не рассчитывавшие на пощаду от красноармейцев и партизан и, со своей стороны, имевшие большой опыт антипартизанской борьбы. В то же время многие другие коллаборационисты, надеясь заслужить прощение, сотнями и тысячами подались в партизаны. Неслучайно в момент соединения с советскими войсками в партизанских бригадах Белоруссии от трети до четверти бойцов составляли бывшие полицейские, власовцы и «добровольцы» вермахта. Однако на практике резкий рост численности не усиливал, а ослаблял партизанские отряды и соединения. Ведь боеприпасов им больше доставлять не стали, а более многочисленные отряды стали менее маневренными и более уязвимыми для атак с воздуха и на земле – со стороны германских регулярных частей.

Да и немцы приобрели уже большой опыт антипартизанской борьбы и действовали против партизан все более эффективно. В боевом наставлении о борьбе с партизанами, принятом в вермахте 6 мая 1944 года, особо

подчеркивалось: «В боевых действиях против партизан инициатива всегда должна принадлежать нам. Даже если командир располагает небольшими силами, он не должен проявлять нерешительность. По возможности, против каждого выступления партизан необходимо предпринимать контрмеры». Основным методом борьбы с ними признавалось «окружение партизан и очищение от них окруженной местности».

Вот как выглядит немецкая антипартизанская тактика в описании майора Шефера: «Ликвидация этих партизанских элементов совершенно необходима... Цель состоит не в том, чтобы изгнать партизан из укрытий, а в том, чтобы их уничтожить... Полный успех будет обеспечен тогда, когда удастся совершенно неожиданно для партизан окружить, а затем прочесать район, который находится под их контролем или куда они незадолго до этого проникли. Но следует иметь в виду, что внешнее кольцо окружения должно быть достаточно плотным, чтобы с самого начала окружения предотвратить возможность просачивания отдельных групп или прорыва крупных подразделений партизан. Кольцо окружения необходимо последовательно сужать либо путем планомерного продвижения со всех сторон к центру кольца окружения, либо в зависимости от создавшейся обстановки и характера местности путем оттеснения противника к какому-либо заранее подготовленному укрепленному рубежу, усиленному использованием естественных препятствий, например реки. Затем крайне важно вытеснить партизан из заболоченных лесов на открытую местность. На карте план проведения подобной крупного рейда (против партизан) напоминает паутину – на ней нанесены многочисленные линии окружения, представляющие собой рубежи, намеченные для захвата на каждый день, на ней же указаны и разграничительные линии между различными антипартизанскими частями... Однако в этой борьбе нельзя предложить план, пригодный для всех случаев жизни.

Прочесывание лесных чащ и болот возможно только в пешем строю и лишь после тщательной подготовки. Действия будут обречены на провал, если только ограничиться просмотром из вездеходов одних лесных просек. В этом случае партизаны просто отсилятся в своих укрытиях... Следовательно, наиболее густые леса и болота необходимо обязательно прочесывать. В период прочесывания солдатам часто приходится брать друг друга за руки, чтобы не дать кому-нибудь увязнуть в болоте... Во время таких рейдов солдаты много дней подряд находятся под открытым небом... После достижения намеченного на данный день рубежа нужно ожидать рассвета. Попытки вырваться из окружения партизаны предпринимают обычно ночью. Ночью нужно проявлять особую

бдительность, а это означает, что людям в это время едва ли удастся поспать... Местность топкая и иногда заминирована.

Наш противник, как это водится у партизан, идет на самые разнообразные хитрости. Например, партизаны прячутся в ямах, где, укрывшись сверху травой и мхом, замаскировавшись свежими ветками, лежат не двигаясь, а их наблюдатель сидит на дереве. Вот, к примеру, лежит под покрывалом из мха партизан. Дальше, на болоте, еще один; он лежит на циновке, также укрыв себя мхом и травой. Этих двух примеров достаточно... Тот, кто видел лагеря партизан и их убежища в почти непроходимой местности, тот твердо убежден, что эти... люди обладают особым инстинктом, который утратил культурный, цивилизованный человек».

Труднее всего приходилось партизанам тогда, когда противник заставлял их обороняться, загонял на небольшую по площади территорию, лишал свободы маневра, навязывал регулярные бои, заставлял сражаться, как обычные полевые войска. Их задачей становилось как можно быстрее рассыпаться на мелкие группы и пробиться за линию оцепления. Можно было, конечно, попытаться спрятать оружие и выдать себя за мирных жителей. Сейчас так поступают, например, исламские партизаны в Ираке и Афганистане. Однако в борьбе против немцев этот прием со временем стал помогать очень мало. При проведении широкомасштабных карательных операций в партизанских зонах германские войска, подразделения СД и СС, а также коллаборационистские формирования нередко расстреливали в деревнях все мужское население призывного возраста, подозревая в них партизан, хотя бы даже и потенциальных.

Коллаборационисты меняют фронт

Вплоть до осени 1942 года большинство коллаборационистов служили немцам с большим или меньшим энтузиазмом, рассчитывая на скорую германскую победу, после которой они рассчитывали достаточно безбедно жить в условиях оккупации. Кто-то тешил себя иллюзиями, что удастся реализовать свои национальные и политические чаяния, а кто-то просто рассчитывал на хороший кусок хлеба с маслом. Однако уже к концу года, в связи с окружением армии Паулюса в Сталинграде и успехами союзников в Северной Африке, оно стало меняться в худшую для немцев сторону. В германских донесениях с тревогой отмечалось, что уже с 20-х чисел ноября 1942 года в связи с известиями о поражениях немцев в Северной Африке и под Сталинградом наблюдался значительный рост дезертирства из коллаборационистских формирований. Сказывалось и то немаловажное обстоятельство, что немецких и союзных войск, а также созданных ими полицейских формирований на оккупированной территории было совершенно недостаточно, чтобы обеспечить эффективный контроль над ней. Особенно это касалось тех районов, которые находились в ведении не армии, а гражданской администрации. Одна партизанка по имени Нина писала своей сестре Тане в октябре 1942 года из белорусского Полесья: «Ну вот, наконец мы и на месте. Прошли 1130 км... У немцев в тылу совершенно нет войск, а это видно из того, что мы прошли такой путь и не встретили ни одного немца». Партизаны могли действовать в обширных лесных массивах, где в редких деревнях и хуторах нельзя было встретить ни одного полицейского, не говоря уж о германских солдатах. Небольшие полицейские гарнизоны в более крупных деревнях становились сравнительно легкой добычей партизан. Ведь после того, как была налажена связь по воздуху с большой землей, партизанские отряды часто превосходили по вооружению немецкую вспомогательную полицию. Последнюю немцы вооружали трофейным советским оружием с весьма ограниченным количеством патронов. Партизанам же поставлявшимся по воздуху и главным образом захваченных в брошенных Красной армией при отступлении складах боеприпасов в первый год войны еще вполне хватало для борьбы с полицейскими и коллаборационистскими формированиями.

Осенью 1942 года партизаны из Белоруссии стали все чаще проникать на территорию более спокойных Литвы и Латвии. 8 октября 1942 года командование тыловых войск в рейхскомиссариате «Остланд» с тревогой

обращалось к командованию войск тылового района группы армий «Центр»: «Усиление партизанской деятельности в Белоруссии и в тыловых районах “Север” и “Центр” за последнее время стало сильно угрожать латвийскому пограничному району, в частности, железнодорожным участкам Двинск – Полоцк и Розиттен – Себеж. По последним данным, организационный центр партизан предполагается в так называемом углу между Освея и Дрисса, где Латвия граничит с районами командующего охранными войсками и тыловым районом группы армий “Север” (281-я охранная дивизия) и командующего охранными войсками и тыловым районом группы армий “Центр” (201-я охранная дивизия) и с Белоруссией.

Эта далекая, необозримая лесистая и болотистая местность способствует созданию партизанских отрядов, которые состоят из хорошо организованных групп и имеют военное командование. По сообщению связистов, партизаны имеют определенные задачи, которые прежде всего сводятся к нарушению железнодорожного сообщения... Этот район преимущественно населен русскими, которые в результате значительного коммунистического влияния большей частью должны рассматриваться как большевистские партизаны».

Но отнюдь не все русские жители латвийско-белорусского пограничья с энтузиазмом приветствовали советских партизан.

Начальник латвийского таможенного поста Лудсен Крогер 8 октября 1942 года сообщал: «24.9.1942 г. в комендатуру Варцова явились 3 русских мужчин и 4 женщины из Розики. Мужчины получили “приказы о явке” от партизанского отряда и избежали увода путем побега на латвийскую территорию. На основании устного распоряжения коменданта населенного пункта 5 лиц временно пребывают на латвийской территории, охраняются полицией и используются для работы по сбору урожая.

19-летний, не призванный на службу Валентин Бардовский из Плоди под Розикой дал следующие показания: “24.9.1942 г. в Розике, как я слышал, было 50 партизан. Они были вооружены, частично в форме, частично в гражданском. Кавалеристов среди них не было. Я убежал, когда услышал, что партизаны пришли. Один из партизан раздал всем мужчинам от 16 до 45 лет приказы о явке. Соответственно этим приказам “призванные на службу должны 25.9.42 года в 14.00 явиться на сборный пункт в деревне Селадково... Они должны принести с собой документы и продуктов на 10 дней. В случае неявки их ожидает штраф. Подпись. Штаб Рабоче-Крестьянской Красной Армии”.

Большинство мужчин стараются укрыться где-нибудь, чтобы избежать призыва. Партизаны часто уводят их непосредственно с поля. Члены

партийной организации принадлежат к партизанам уже давно, из Розики до сих пор минимум 13 человек.

Директор школы Шерснев из Розики, который тоже плохо относится к партизанам, убежал в Дриссу. За это партизаны забрали все у его жены и жестоко с ней обращались».

Но в Прибалтике база для массового партизанского движения отсутствовала. Здесь основная масса населения Советы ненавидела больше, чем нацистов, хотя и к последним не питала больших симпатий, рассматривая их лишь в качестве «меньшего зла». А вот в Восточной Белоруссии и ряде российских областей, где было немало искренних сторонников советской власти, партизанское движение расцветало пышным цветом. Особенно беспокоили немцев налеты партизан на важные фронтовые коммуникации, усилившиеся после окружения армии Паулюса в Сталинграде. Как отмечал в начале декабря 1942 года штаб войск по охране тыла группы армий «Центр», «партизаны в основном производят налеты на те районы, которые охраняются только полицией (район Середина Буда – Локоть – Севск – ж.д. Середина Буда – Севск). Бургомистры, назначенные немецким командованием, а также полицейские были убиты. Спасти удалось только тем, кто успел бежать. Имущество этих лиц было сожжено».

Со второй половины 43-го года, когда немцы начали покидать большую часть оккупированной советской территории, процесс разложения среди коллаборационистских формирований усилился. Многие их члены не хотели покидать родные места и предпочитали дезертировать и переходить на сторону партизан. После того как в августе 43-го армия Каминского покинула подготовленный к эвакуации Локоть, среди бойцов РОНА усилилось разложение. Но Пономаренко, как кажется, преувеличивал степень деморализации людей Каминского, когда 19 августа 1943 года с явным удовлетворением докладывал Сталину: «В Локотском районе Орловской области около двух лет действовала сформированная немцами из военнопленных и предателей бригада Каминского. По сообщению командира партизанского соединения т. Горшкова, в результате проникновения партизанской агентуры в бригаду и проведенной работы по ее разложению бригада перестала существовать как боевая единица. Штаб ликвидирован. Каминский, его заместитель Белый (Белай. – Б.С.) и начальник штаба Шевыкин из Локоть удрали. Один полк разбежался, второй и третий разоружены, командиры этих полков и другой командный состав арестованы».

11 октября 1943 года Пономаренко докладывал Сталину: «Из бригады

Каминского... продолжается дезертирство и случаи перехода на сторону партизан. По данным на 4. 10. база продовольственного снабжения Лепельской зоны отпускает Каминскому продукты только на 3665 человек. Вероятно, это все, что осталось от его бригады, насчитывавшей в августе 12 тысяч человек». А 27 октября 1943 года заместитель начальника Центрального штаба партизанского движения С. Бельченко докладывал: «23.9. в районе Лепель немцы расстреляли командира полка изменников из бригады Каминского за попытку перехода его полка на сторону партизан. 4, 6 и 7 батальоны этой же бригады восстали против немцев и с боем отошли в леса для присоединения к партизанам.

25. 9. из той же бригады к партизанам ушло более 30 танкистов...

20–25. 9 из Сенно – 150 км юго-западнее Витебска на сторону партизан перешли с полным вооружением 264 изменника из 4 и 5 батальонов кавполка бригады изменника Каминского».

Также и в итоговом отчете 1-й партизанской бригады имени Заслонова отмечалось: «В связи с тем, что партизанское движение в Сенненской зоне не уменьшалось, а развивалось, отряды самообороны в деревнях не привились, так как народ все больше и больше сочувствовал партизанам – уходил в партизанские отряды. Немецкие захватчики переселили из Локотского округа бригаду РОНА предателя Каминского, который насадил густую сеть гарнизонов в нашей зоне.

Каминский неоднократно призывал население поддерживать его мероприятия по борьбе с партизанами, помогать “народникам”, но все это впустую, так как народ наш в подавляющей массе понимал, кто такой Каминский и его народники. А партизаны так встретили появление в партизанской зоне каминцев, что они вынуждены были ездить на грабеж в окрестные деревни, только имея на вооружении артиллерию и бронетранспортеры (точно так же сегодня российские войска в Чечне даже за водой ездят только большими группами и под прикрытием бронетехники. – Б.С.). Вскоре предателю Каминскому со всей своей бандой пришлось убраться в другое место на запад. Это поражение Каминский сам признает, как видно из выпущенной им листовки». Тут партизаны выдавали желаемое за действительное. Бригада Каминского все-таки сохранила боеспособность и еще не раз участвовала здесь в боях с партизанскими отрядами.

В конце августа 1943 года партизаны Белоруссии добились крупного успеха. На их сторону перешла так называемая «гвардейская бригада РОА численностью более 1 тысячи человек во главе с полковником Родионовым, имевшим также кличку Гиль. Она перебила надзиравших за ней немецких

офицеров и принесла партизанам весомый приз в виде бургомистра местечка Бегомль Трафимовича и власовца генерал-майора Павла Васильевича Богданова, бывшего командира 48-й стрелковой дивизии, которые тотчас были доставлены самолетом в Москву и впоследствии расстреляны. Гиль был вызван к Сталину, награжден орденом, а затем вернулся в белорусские леса, чтобы во главе собственной бригады, теперь уже 1-й Антифашистской, бороться против немцев. Появилась идея сагитировать Каминского сменить фронт и преобразовать его бригаду во 2-ю Антифашистскую. Бронислав Владиславович, однако, оказался человеком принципиальным и на мировую с Советами не пошел. Каминскому удалось сплотить остатки бригады и побудить часть дезертиров вернуться обратно, так что численность РОНА возросла до 5 тысяч человек (когда-то под началом Каминского было 20 тыс. бойцов). Его бригада принимала участие в последнем крупном немецком наступлении на партизан Лепельской зоны в апреле – июне 1944 года. В ходе этой операции была, в частности, практически полностью уничтожена 1-я Антифашистская бригада Родионова, а комбриг погиб. Погибли также почти все перебежчики-каминцы.

Затем бригаду РОНА, которая числилась уже в составе войск СС, эвакуировали в Польшу. Бойцам не хватало продовольствия на прокорм шедших вместе с ними семей. Начались реквизиции продуктов и просто грабежи. В августе солдат Каминского бросили на подавление Варшавского восстания. Здесь насилия и грабежи со стороны бойцов Каминского достигли высшей точки. При этом жертвами грабежей стали преимущественно жители тех кварталов польской столицы, где вообще не было восстания. На требование немецкого командования унять своих подчиненных Каминский, произведенный к тому времени в бригаденфюреры СС, ответил, что его люди потеряли в борьбе с большевизмом все свое имущество, и он не видит ничего дурного в том, что они стремятся поправить свое материальное положение за счет поляков, враждебных немцам. Зверства солдат и офицеров РОНА грозили сорвать капитуляцию частей Армии Крайовой в Варшаве, о которой как раз шли переговоры. Тогда Гиммлер распорядился арестовать Каминского. Тому каким-то образом стало известно об этом приказе, и он решил бежать в Карпаты, чтобы там присоединиться к отрядам УПА. Правда, далеко не факт, что украинские партизаны были бы в восторге от появления в их рядах бригаденфюрера СС. Вблизи Тарнова в Южной Польше машина Каминского была задержана людьми начальника Краковского СД Вальтера Биркампа, застрелившими комбрига. Позднее они инсценировали

нападение на него с целью грабежа и сообщили бойцам РОНА, что их командир погиб от рук бандитов. Это произошло в конце сентября или начале октября 1944 года.

Почти до самого конца Каминский пытался самыми жестокими методами, вплоть до смертной казни, поддерживать порядок в своей бригаде. Только в последние месяцы, когда РОА покинула советскую территорию и осталась почти без средств к существованию, комбриг оказался бессилем сдержать бойцов РОНА. Этим и воспользовалось Имперское Главное Управление Безопасности (РСХА) для его устранения.

Как кажется, истинная причина гибели Каминского не в бесчинствах его бригады во время Варшавского восстания. Вряд ли ранее РОНА отличалась таким уж примерным поведением по отношению к мирным жителям. Просто еще в июле 1944 года рейхсфюрер СС принял решение сделать основную ставку на генерала А.А. Власова и его Русскую Освободительную Армию. Каминский мог составить Власову конкуренцию, так как тоже претендовал на лидерство среди русских коллаборационистов. Вот его и убрали, а бригаду РОА влили в состав 1-й власовской дивизии.

Между прочим, образ Бронислава Каминского вдохновил писателя Владимира Богомолова на создание образа немецкого агента Казимира Павловского в его знаменитом романе «В августе 44-го». Как и Каминский, Павловский – уроженец Восточной Белоруссии, при этом наполовину поляк, наполовину – немец. Только у Бронислава Владиславовича отец был поляком, а мать немкой, тогда как у литературного персонажа наоборот, отец – немец, а мать полька (при этом писатель, правда, не пояснил, почему отец героя носит польскую фамилию Павловский – остается предположить, что он взял фамилию жены). Как и Каминский, Павловский имеет техническое образование, только он – радист, что и определяет его роль в группе «Неман», а не инженер-химик. Главное же, как и командир РОНА, герой Богомолова является убежденным, идейным противником советской власти и гибнет он в засаде, только устроенной не СД, а его советским аналогом – «Смерш».

Состояние каминцев в момент гибели их командира было неприглядное. Инспектировавший бригаду Каминского офицер РОА В.Т. Жуковский позднее рассказывал советским следователям: «После посещения нами этой бригады мы составили акт о ее боевой готовности, где было также указано, что солдаты этой бригады являются морально разложившимися и занимаются бандитизмом и грабежом. Что у всех солдат при себе имеется большое количество золотых вещей, награбленных у

мирных жителей».

Что и говорить, в 44-м даже самые неисправимые оптимисты среди членов коллаборационистских формирований уже не верили в благоприятный для Германии исход войны. Вот и пытались путем экспроприаций обеспечить себе хоть какое-то будущее на чужбине, так как знали – на родине их ждет расстрел или, в лучшем случае, долгие годы в лагерях. Только будущего не было ни у бойцов РОНА, ни у бойцов РОА. Почти все они были выданы западными союзниками на расправу Сталину. Воспользоваться награбленным никому не удалось.

В Эстонии и Латвии после того, как стало ясно, что Германия войну проиграет, многие полицейские и члены местной самообороны ушли в леса, но боевых действий против немцев не вели, а готовились к предстоящим схваткам с Красной армией. Да еще наивно мечтали, что в Прибалтике высадятся войска Англии и США, на которых они пытались сделать ставку. 27 октября 1943 года Центральный штаб партизанского движения докладывал Сталину: «От разведки эстонских партизан получены следующие данные. Среди большинства населения Эстонии ходят разговоры, что в скором времени немцы должны уйти с территории Эстонии... Организация эстонской самозащиты, созданная немцами при помощи местных предателей с целью борьбы с партизанами (скорее – с советскими диверсионно-разведывательными группами, периодически забрасывавшимися в Эстонию с моря и воздухом. – Б.С.) и состоящая из кулацких, буржуазных и бандитских элементов, в незначительной части настроена против немцев, большинство же придерживается той точки зрения, что надо оказать вооруженное сопротивление Красной Армии. Та часть эстонского населения, которую немцы хотели отправить в трудовые батальоны или мобилизовать в армию, скрывается в лесах, организовавшись в отдельные группы и отряды. Их зовут “зелеными легионерами” (в отличие от «черных легионеров» – бойцов эстонского легиона СС, в феврале 1944 года преобразованного в 20-ю пехотную дивизию войск СС. – Б.С.). Случаев вооруженных выступлений этих легионеров против немцев не отмечалось.

В течение лета с. г. в городе Пярну и в большом количестве других мест Эстонии распространялись листовки с призывом вступать в ряды “зеленых легионеров”. Эти призывы находят отклик среди населения и главным образом среди мобилизованных немцами в рабочие батальоны, которые группами переходят к “зеленым”».

Эстонский легион СС считался одной из самых боеспособных частей германской армии. Также и лытышские ээсовские дивизии дрались не

хуже регулярных немецких дивизий. Но после того как поражение Германии стало очевидным и немецкие войска ушли из Прибалтики осенью 1944 года, боеспособность прибалтийских легионеров снизилась. Подавляющее же большинство бойцов коллаборационистских формирований других национальностей, за исключением казаков, кавказских горцев и крымских татар, пошло туда только затем, чтобы выжить, по боеспособности и желанию сражаться они значительно уступали не только немцам, но и партизанам. В донесении тайной полевой полиции о положении на оккупированных территориях в феврале 1943 года отмечалось: «В настоящее время чувствуется известный страх перед расплатой в связи с продвижением Красной Армии. Во многих случаях русские, занимающие руководящие должности в немецких учреждениях, подготавливают предательство. В прифронтовых районах население боится делать доносы и давать свидетельские показания; производительность труда тоже понизилась. К тому же участились случаи перебежки к бандитам солдат восточных войск».

Командир 1-го батальона 31-го полицейского полка, в котором половина личного состава была из числа «русских добровольцев», в донесении от 23 ноября 1943 года следующим образом характеризовал их боевые и моральные качества: «Унтер-офицеры и рядовые добровольцы показывают в боевых действиях значительные недостатки. Им прежде всего не хватает дисциплины огня. При открытии противником огня они сейчас же ищут прикрытия и после этого их невозможно заставить принять бой. Когда же они применяют оружие, то прячут голову в песок и стреляют в воздух».

Коллаборационисты нередко дезертировали, уходили в те деревни, где их никто не знал, в надежде отсидеться. Все более распространенным среди них становилось пьянство. Пили от тоски и безысходности, а алкоголь нередко толкал и на уголовные преступления. О настроении и поведении русских служащих 703-й группы тайной полевой группы, дислоцировавшейся в Витебске, дает хорошее представление донесение начальника группы от 26 ноября 1943 года: «За истекший месяц группа покинула Витебск (город был эвакуирован в связи с ожидавшимся захватом его Красной армией, но советские войска вошли в Витебск только семь месяцев спустя. – Б.С.) ... Поведение сотрудников тайной полевой полиции из числа бывших военнопленных оставляет желать много лучшего. Служебные обязанности они по-прежнему выполняют безупречно, но в свободное от службы время пьянствуют, это приводит к нежелательным поступкам, влекущим за собой дисциплинарные и судебные меры

наказания...»

На сторону партизан переходили не только коллаборационисты из числа местных жителей, но и русские эмигранты, вернувшиеся в Россию вместе с германскими войсками. 18 июля 1943 года об одном таком случае Пономаренко докладывал Сталину, Молотову, Маленкову и Берии: «В партизанский отряд члена ЦК КП(б) Белоруссии т. Королева, действующий в Осиповичском районе Могилевской области, перешли добровольно 16 солдат и заместитель командира эскадрона казачьего добровольческого полка с 5 пулеметами, 16 винтовками, автоматами... Все солдаты бывшие военнопленные.

Заместитель командира эскадрона – князь Гагарин Николай Михайлович, 1913 года рождения, родился в Ленинграде (все-таки скорее в Петербурге. – Б.С.), в 1919 году эмигрировал с матерью в Турцию, затем Францию, Бельгию, Югославию, где окончил Донской кадетский корпус и Военную академию в 1937 году, получил звание лейтенанта и служил в 1-м альпийском полку югославской армии. Во время войны 1939 года (фактически – 1941 года. – Б.С.) присвоено звание “старший лейтенант”. Командовал отдельной минометной ротой, попал в плен к немцам, где находился до 1943 года. В мае 1942 года поступил в казачий полк (тут что-то напутано: или Голицын находился в плену до 1942 года, или в казачий полк поступил только в мае 43-го. – Б.С.).

Переход объясняет тем, что “не может переживать и терпеть тех издевательств над русским народом, которые проводят немцы”. Знает французский, немецкий, сербский, словенский и русский языки. Имеет близких родственников – мать, братьев, сестер, проживающих в Америке, Франции, Бельгии, Польше, Австрии.

Братья Дмитрий и Алексей – офицеры, служат в американской армии. Сергей – офицер французской армии, пропал без вести. Полагая, что такой человек может представлять интерес для НКВД или Разведупра, дал указание о доставке его в Москву».

Не знаю, как сложилась дальнейшая судьба князя Голицына. То ли сделали его агентом советской разведки и забросили после войны во Францию или Америку, в расчете, что ему удастся использовать свои родственные связи для сбора информации и вербовки агентов. То ли, наоборот, объявили немецким или американским шпионом и в лучшем случае отправили на долгие годы в ГУЛАГ.

После Сталинграда полицейские все чаще переходили на сторону партизан. Вот только несколько примеров. Партизанская газета «Заря» – орган Брестского подпольного обкома – 30 сентября 1943 года сообщала:

«Немецкий гарнизон, что в городе К., состоит в большинстве из полицейских. Фашистские бандиты потребовали от них совершать кровавые злодеяния. Но полицейские с каждым днем все больше начинают понимать, что дело немцев проиграно, что Красная Армия скоро освободит белорусскую землю.

И вот группа полицейских, стремясь смыть с себя позорное пятно, несколько дней тому назад с оружием перешла к партизанам нашего отряда. Мы создали для опомнившихся необходимые условия, чтобы они борьбой с немецкими оккупантами с честью выполнили свой священный долг перед своей родиной, перед своим народом».

А немецкий обер-лейтенант Рослер из разведотдела 642 Восточного батальона, располагавшегося в белорусском местечке Лопатице, в донесении от 11 мая 1943 года с удивлением отмечал: «Характерно, что кое-где население единодушно утверждает, что банды состояются из бежавших полицейских. При более тщательном рассмотрении недисциплинированного поведения и явного равнодушия полицейских, эти утверждения могут оказаться вполне достоверными».

Орган Вилейского обкома бюллетень «Селянской газеты» в июле 1943 года пропагандировал опыт «сознательных» власовцев, которые с оружием в руках перешли к партизанам: «Недавно 9 разведчиков из партизанского отряда тов. Петра Х. зашли в деревню Д., где находилось 40 человек, обманном путем загнанных немцами в банды предателя Власова. Партизаны рассказали им правду о положении на советско-германском фронте, о разгроме немцев в Северной Африке, о том, что их обманули немцы. Все 40 человек власовцев с вооружением перешли к партизанам».

После Сталинграда, в марте 43-го, Пономаренко обратился к старостам, полицейским и служащим оккупационных органов власти со специальным обращением: «Вы можете получить от Советской власти прощение себе и вашим семьям, если начнете честно служить советскому народу... Вредите немцам во всем и всячески. Укрывайте от них скот и продовольствие. Обманывайте немцев. Давайте им ложные сведения. Прячьте людей, которых разыскивают немцы. Помогайте партизанам. Сообщайте им и Красной Армии о всех намерениях врага. Рвите вражескую связь – телеграфные и телефонные провода. В одиночку и группами разрушайте железнодорожные пути. Уничтожайте вагоны, привозите в негодность паровозы, истребляйте военное имущество немцев... Истребляйте немецких разбойников. Если будете действовать так – Родина, Советская власть простят вас, и ни один волос не упадет с вашей головы». Многие из коллаборационистов поверили и перешли на сторону

партизан. Но потом, когда война кончилась и надобность в их услугах отпала, немало тех партизан, кто прежде служил немцам, отправились в лагерь и ссылки – на поселение в Сибирь.

Партизаны ставили коллаборационистов перед жестким выбором – либо боритесь с немцами, либо мы вас уьем.

В свою очередь, немцы пытались привлечь на свою сторону белорусов, обещая им свободу, землю и в перспективе – равноправие с населением рейха. 22 июня 1943 года генеральный комиссар Белоруссии Вильгельм Кубе утвердил устав Союза Белорусской молодежи, в котором белорусы признавались, наконец, арийской нацией. В речи по этому поводу он призывал молодежь «стать солдатами новой Европы... против бандитизма и тем заслужить права на родную землю». Партизанская газета «Смерть фашизму» 9 июля писала: «Вильгельм Кубе... трупами белорусских юношей и девушек, которых он, затаив в фашистскую организацию, бросит на фронт против Красной Армии и против партизан... Чтобы завлечь белорусскую молодежь в Союз и поставить ее на службу гитлеровской Германии, палач Кубе, как льстивая собака, начал вилять хвостом перед белорусским народом и заявил, что “в белорусском народе сравнительно много “нордической крови”, а в уставе “Союза Белорусской молодежи” говорит: “Белорусский народ имеет чисто нордическое происхождение”». Но льстить белорусскому народу Кубе осталось недолго, несколько месяцев спустя, 27 сентября 1943 года генеральный комиссар Белоруссии погиб, взорванный в своей постели миной, подложенной собственной горничной. Он стал самым высокопоставленным чиновником оккупационной администрации, убитым советскими партизанами.

О больших потерях среди местных коллаборационистов свидетельствовал и доклад гебиткомиссара Вилейской области Гаазе генеральному комиссару Кубе: в период с начала оккупации и до 25 февраля 1943 года «вследствие действий банд убито 7 немецких жандармов, 3 немецких ландзондерфюрера, 7 голландцев (служивших в немецкой полиции; это была идея Геринга – направить на полицейскую службу в восточные области голландцев, которые позднее могли бы осесть там в качестве колонистов. – Б.С.), 6 лесничих-полицейских, приблизительно 30 чинов организации Тодта, 110 местных полицейских, 106 солтысов, сельских старост и работников местного самоуправления и других немецких учреждений, 46 членов семей полицейских, приблизительно 500 человек местных жителей. Все время повторяется резня семейств полицейских, что вызывает угнетенное состояние у чинов полиции».

Партизаны стремились уничтожить видных коллаборационистов. Им удалось убить бургомистра Локтя Воскобойника и бургомистра Минска Вацлава Ивановского. Но с главой Белорусской Рады Радославом Островским вышла осечка. Вот что писал по этому поводу уже после войны, 30 октября 1972 года, Пономаренко бывший начальник разведки и контрразведки северной зоны Барановичского партизанского соединения Д. Зухба: «Тогдашний первый секретарь подпольного обкома и командир соединения Василий Ефимович Чернышев давал мне, как разведчику, задание взять живьем так званного “Президента Рады БССР” Радослава Островского. На мои вопросы, кому же понадобился этот сатрап, не обладающий никакой властью фашистский холуй – Чернышев ответил – “этим типом очень интересуется Пантелеймон Кондратьевич Пономаренко, это его задание”. Меня интересует, было ли с Вашей стороны такое задание, или нет? Мы не ищем никаких “заслуг” в этом деле, а тем более нам не удалось выполнить задание, логово этого подонка охранялось сильно». Насчет того, что никакой властью глава Белорусской Рады не обладал, Зухба был абсолютно прав. Хотя с конца 1943 года Островскому формально подчинялись все белорусские бургомистры, он ничего не мог предпринять самостоятельно. В конце 1944 года немцы разрешили председателю Рады создать белорусскую дивизию СС (30-ю пехотную второго формирования), но ее формирование так и не завершилось до конца войны.

Белорусов, украинцев, русских и прочих жителей оккупированных районов после возвращения Красной армии ждала нелегкая судьба. Председатель Белорусской Центральной Рады профессор Радослав Островский, выступая 11 февраля 1944 года в Барановичах перед жителями, эвакуированными из восточных районов Белоруссии, предупреждал: «Наш единственный путь – борьба». И приводил данные из трофейных документов НКВД: «Я сам – математик по профессии и цифрам я верю. Вот в наши руки попал яркий статистический документ НКВД. Согласно этой статистике, на 1 января 1941 года в СССР было репрессировано 32 679 000 человек... А вот еще один характерный документ, составленный спецкомиссией НКВД после обследования работы заместителя военного прокурора БССР Киселева. Эта комиссия установила, что из общего числа 11 564 арестованных с санкции Киселева 11 009 было расстреляно». Первая цифра, очевидно, относится к общему числу осужденных в Советском Союзе как за уголовные, так и за политические преступления. Вторая же цифра, скорее всего, отражает достижения белорусской военной прокуратуры во времена «ежовщины». И

по всем данным чекисты собирались повторить подвиги «зоркоглазого наркома».

В январе 1944 года к немцам перебежал командир 1346-й разведроты 253-й стрелковой дивизии капитан Игорь Капор. До этого, в декабре 43-го, он был на переподготовке при разведотделе штаба Белорусского фронта, где и познакомился с приказом о том, какая судьба ждет население Белоруссии. Суть этого плана и изложил в своей речи Островский: «Я приведу один тайный приказ НКВД, который говорит, что в занятых опять советскими войсками областях никто из населения не должен остаться на месте. Мужчины должны быть взяты в так называемые штрафные батальоны и брошены в бой, даже не переодетые, невооруженные и необученные, остальное население должно быть выселено за Урал.

Какой же выход, граждане? А выход один – это взяться за оружие и защищать свои деревни и города, свои поля, свои семьи и самих себя».

По утверждению капитана Капора, дети-сироты, равно как и дети арестованных и направленных в штрафные батальоны, должны были помещаться в специальные детские дома НКВД, где их предстояло перевоспитать в большевистском духе. Все население оккупированных территорий заведомо было под подозрением, так как долгое время находилось под влиянием нацистской пропаганды.

Тайный приказ, о котором рассказывал Капор, до сих пор не обнаружен. Но действия советских войск на освобождаемых территориях были именно такими. Об этом сохранились свидетельства как с нашей, так и с немецкой стороны. Они фактически ничем не отличались от атак штрафных рот и батальонов. Советское командование нередко смотрело даже на партизан, соединившихся с регулярными советскими войсками, как на пушечное мясо. Осенью 1943 года при форсировании Днепра три партизанские бригады под Корсунем в ходе безуспешных атак за несколько дней потеряли половину личного состава, а шесть других под Черкассами – даже 70 процентов. Да и судьба бригады Гиль-Родионова, прикрывавшей отход партизан из окружения под Ушачами и почти полностью погибшей, тоже по-своему показательна. Так что в конечном счете у бывших коллаборационистов, перешедших на сторону партизан, было немного шансов уцелеть.

Антисоветское партизанское движение

Реальный, но не осознаваемый выбор для народов СССР был в годы войны лишь в том, чтобы сменить одну диктатуру на другую, некоторым казавшуюся менее жестокой. И некоторые из этих народов, в частности те, что были насильственно присоединены к Советскому Союзу уже во время Второй мировой войны, предпочли Гитлера, а не Сталина. На сторону немцев перешли также некоторые мусульманские народы, которые вели давнюю борьбу еще с Российской империей. В этом отношении характерен пример северокавказских народов, искренне приветствовавших Гитлера и немцев как освободителей от векового российско-советского и большевистского ига. Не надо забывать, что Российская империя была колониальной державой. Многие ее народы ощущали себя такими же угнетенными и бесправными, как и народы английских и французских колоний в Азии и Африке. Народы Кавказа и Средней Азии, видя в советской власти наследницу империи, не прекращали борьбу и в 20-е, и в 30-е годы, в основном под исламскими и сепаратистскими лозунгами. Закономерно, что германские войска кавказские горцы встретили как своих освободителей. Справедливости ради необходимо заметить, что о преступлениях нацистов те же карачаевцы или балкарцы, преподнесшие Гитлеру золотую сбрую, не имели ни малейшего понятия. Издававшаяся в Берлине газета северокавказских коллаборационистов «Газават» выходила под лозунгом «Аллах над нами – Hitler с нами». И этот лозунг отражал реальные чувства кавказских народов. Аналогичным образом в Италии и Франции партизаны-коммунисты боролись и умирали с именем Сталина на устах, не ведая о его преступлениях. Для многих северокавказских народов вспыхнувшая с новой силой после начала войны партизанская борьба стала естественным продолжением восстания 1930 года, жестоко подавленного советскими войсками.

«Газават» публиковал очерки истории Сопrotивления Советам на Кавказе. Так, в номере от 11 августа 1943 года в передовице «Мы отомстим!» некто Гобашев задавал товарищам по борьбе риторический вопрос: «Не нам ли мстить, когда наш родной Кавказ за годы большевистской ежовщины похоронил в тюрьмах НКВД 46 000 лучших своих сынов, наших братьев и отцов».

В том же номере Н. Дербушев рассказывал о «народном герое Карачая» Кады Байрамукове, наделяя вождя карачаевцев всеми

мыслимыми добродетелями: «В 1922 году восстание карачаевцев было подавлено, а его руководители и активные участники расстреляны. Погибли все братья Байрамуковы, кроме Кады, которому тогда было 12 лет. Джаутай Байрамуков погиб смертью героя во время перестрелки с большевиками в горах у Эльбруса, а Добай и Али были расстреляны в подвалах ЧК.

В 1930 году в Карачае началась коллективизация, по аулам прокатилась новая волна большевистского террора. Карачаевцы снова восстали. В первых рядах восставших был юный Кады Байрамуков. Повстанцы мужественно сопротивлялись, но что они могли сделать против высланных большевиками танков и самолетов! Восстание было подавлено, и снова земля Карачая обогрилась кровью лучших своих сынов. По счастливой случайности Кады Байрамуков не был расстрелян, как сотни других. Ему удалось бежать в горы. Долгие годы скрывался в горах, как затравленный волк, этот свободолюбивый герой...

В июне 1941 года в горах Кавказа прозвучала радостная весть: Германия начала войну против большевиков, Германия протягивает руку братской помощи угнетаемым большевиками народам Восточной Европы. Опустели аулы Карачая. Сотни, тысячи карачаевцев ушли в горы и там под руководством Кады Байрамукова организовали повстанческие отряды. Крупнейший из этих отрядов, непосредственно руководимый Кады, вскоре вырос до 400 человек.

Далее, когда фронт был еще далеко, карачаевцы-повстанцы уже вели мужественную борьбу против большевиков, которым приходилось держать в Карачае многочисленные гарнизоны. Когда же фронт приблизился к горам Кавказа, действия руководимых Кады Байрамуковым повстанцев настолько активизировались, что они смогли отрезать для красных все пути отступления, в частности, Клухорский перевал, через который несколько тысяч красных пытались уйти в Сванетию. Сотни убитых комиссаров (не во исполнение преступного гитлеровского приказа о ликвидации комиссаров, а из-за искренней ненависти к ним местного населения. – Б.С.), тысячи пленных красноармейцев, большие отары отбитого у отступающих большевиков скота, огромное количество воинского снаряжения и оружия – таковы были трофеи повстанцев. При активной помощи карачаевцев германские войска заняли Карачай обходным движением без единого выстрела. По тропинкам, известным только сынам гор, вошли германские солдаты-освободители в аулы.

Во время пребывания германской армии в Карачае Кады Байрамуков организовал борьбу с большевистскими бандами, скрывающимися в лесах,

и многие из них были целиком уничтожены (на этот раз партизанило славянское население и красноармейцы-окруженцы. – Б.С.). Начался отход германской армии с Кавказа, и аулы Карачая опустели. Вместе с германской армией ушла большая часть горцев, ушел и Кады Байрамуков.

Теперь он возглавляет Карачаевское освободительное движение. Под его непосредственным руководством гордые сыны Карачая готовятся к борьбе с большевиками не на жизнь, а на смерть. Под священным знаменем Газавата мы или умрем, или снова вернемся в родной Карачай, – говорит Кады Байрамуков. И в его глазах горит непреклонная решимость. – Да, мы вернемся в наши аулы, – вторят вождю его испытанные друзья, ставшие под знамя Газавата – бойцы горского легиона».

А вот как выглядят те же события с противоположной точки зрения. Э.А.Аджиева, стремящаяся реабилитировать карачаевцев и балкарцев от несправедливых преследований во времена Сталина, утверждает в своей работе «Депортация народов Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны: Причины и следствия (на примере карачаевского и балкарского народов)»: «В бериевско-сусловском толковании событий в Карачае в период 1942–1943 гг. утверждается, что в начале августа 1942 года, за несколько дней до оккупации Карачая немецко-фашистскими захватчиками, враждебно настроенные против советской власти Кады Байрамуков, Ислам Дудов, Адам Хубиев, Локман Каитов, Абу-Юсуф Джанибеков и другие создали в Учкуланском районе из числа дезертиров советской армии, бывших кулаков и другого враждебного элемента банду численностью до 200 человек, которая до самого прихода немецких войск вела активную борьбу с отступающими подразделениями советской армии. В течение 5–8 августа 1942 года в ауле Учкулан и на Хурзукском перевале эта банда под руководством Кады Байрамукова, Адама Хубиева и Ислама Дудова совершила четыре нападения на отступающие подразделения нашей армии. В результате якобы было взято в плен 530 и убито 70 красноармейцев. Из 530 взятых в плен красноармейцев 100 человек, мол, расстреляно в Учкулане по приказу Кады Байрамукова, Адама Хубиева при активном участии Локмана Каитова и их трупы были закопаны в ямах на базарной площади аула. 6–8 августа 1942 года эта же вооруженная банда, согласно бериевско-сусловской версии, под руководством Кады Байрамукова, Ислама Дудова и Адама Хубиева уничтожила на Хурзукском перевале 65 красноармейцев, трупы которых будто бы закопаны в местности “Сардырла-Баши” недалеко от аула Хурзук.

После депортации карачаевского народа в Казахстан и Среднюю Азию Адам Хубиев, Локман Каитов и Абу-Юсуф Джанибеков были арестованы

НКВД в Джамбульской области, где находились в спецпереселении. Кады Байрамуков ушел с немцами в начале 1943 года, а Ислам Дудов был убит после отступления немцев...

При расследовании по вновь открывшимся обстоятельствам (в 1988 году. – Б.С.) установлено, что Учкуланский район бывшей Карачаевской автономной области был оккупирован немцами 14 августа 1942 года. До 11 августа 1942 года в районе работали советско-партийные органы, райвоенкомат, ЮМВД и НКВД.

Допрошенные по делу Адама Хубиева, Локмана Каитова и др. М.Б. Хапаев, работавший третьим секретарем Учкуланского РК ВКП(б), Т.Д. Хапаев, – заведующим военным отделом Учкуланского РК ВКП(б), С.А. Эбзеев, – прокурором района, А.Б. Темирязев, – участковым уполномоченным райотдела милиции по вопросам борьбы с бандитизмом в районе, показали, что до 11 августа 1942 года все советские, партийные органы, хозяйственные организации, административные службы функционировали. 11 августа 1942 года, как подтвердили они, ушел в горы сформированный партизанский отряд. По их словам, ходили слухи, что в горах скрывается банда из 6 человек во главе с Исламом Дудовым. Никаких сведений о деятельности организованной вооруженной банды против отступающих частей Красной Армии в районе не было. Это же подтвердили А.Н. Аджиев, Р.М. Байрамуков, И.Л. Биджиев, М.Р. Глоова, М.Э. Салпагаров, Ф.Ч. Каппушева, М.А. Хабичев и многие другие, проживавшие в те годы в аулах Учкулан и Хурзук.

Более того, Центральный военный архив страны не располагает сведениями о нападении бандгрупп на отступавшие советские войска с 1 по 8 августа 1942 года через Карт-Джурт, Учкулан и Хурзук. Нет сведений о вооруженном бандобъединении в Учкуланском районе и в материалах уголовных дел, по которым привлекались отдельные граждане за развал партизанского движения в районе.

Участие Адама Хубиева и Абу-Юсуфа Джанибекова в расстрелах лиц еврейской национальности в декабре 1942 года в городе Микоян-Шахаре также не подтвердилось».

Жаль, что следователи не располагали показаниями Кады Байрамукова, счастливо избежавшего попадания в руки чекистов, и его берлинских соратников. Думаю, что следствие как в 1946–1948 годах, так и в 88-м, проводилось достаточно пристрастно. В первом случае присутствовал обвинительный уклон, во втором – оправдательный. Истина же, как водится, посередине. Безусловно, на ускользнувшем от следствия Кады Байрамукова и попавшихся в руки советской власти его невезучих

соратников, навешали, как водится, всех собак, и то, что было, и то, чего не было. В частности, им инкриминировали убийство 100 лиц еврейской национальности, а также убийство, в том числе путем отравления, 63 детей и воспитателей детского дома, эвакуированных из Армавира. Откуда у карачаевцев оказался яд, если на территории Карачая сроду не было никаких специальных лабораторий, никто почему-то не задумался. Эти обвинения были сняты с осужденных в ходе переследования 1988 года. В Тебердинском ущелье действительно было обнаружено 23 трупа расстрелянных, в том числе детей, но следствие пришло к выводу, что это были в действительности евреи, расстрелянные немцами. Участвовали ли в «окончательном решении еврейского вопроса» карачаевцы, установить не представляется возможным. Детский дом же из Армавира в Карачай вообще не эвакуировался, это было установлено следствием еще в 1948 году, почему большинство обвиняемых и получило всего по 5 лет ссылки.

Использование таких экзотических способов убийства как яд, равно как и круглое число погибших в 100 человек, – один из верных признаков того, что перед нами миф, а не реальные факты. А вот насчет того, что в архивах не сохранилось донесений о нападении карачаевских партизан на колонны отступающих советских войск, да еще именно в период с 1 по 8 августа 1942 года, – аргумент слабый. В сумятице отступления многие документы наверняка были утрачены, да и не до того было порой командирам, чтобы писать донесения о каждом партизанском налете. Кроме того, донесения о действиях карачаевских и других антисоветских партизан отложились в архиве ФСБ. Но пока оттуда извлечены документы только о деятельности чеченских повстанцев. Но и карачаевских партизан было отнюдь не 6 человек.

Характерно, что Э.А. Аджиева фактически признает, что попытки организовать в Карачае просоветское партизанское движение окончились полным провалом. Вот что она пишет: «План организации партизанского движения в Ставропольском крае был разработан и утвержден крайкомом 22 июля 1942 года. Однако если допустить, что в условиях всеобщей суматохи в течение двух недель можно было подготовить организацию отрядов, то подготовить материально-продовольственные базы, продумать систему снабжения партизан было нереально. Наиболее целесообразным в этих условиях представлялось действие партизан в лесах и ущельях Карачая, ибо в степи не было такой возможности. Однако в первые дни вторжения фашистов практически все партизанские базы, устроенные в горах вблизи дорог, оказались в руках врага. Движение было раздроблено, связи между отдельными частями и руководством (краевым штабом),

расположенном в городе Кизляре, отстоящем на 500 км от мест действия партизан, не было. Самое же главное – не было боеприпасов, продуктов питания, хлеба. Трагедия партизан состояла еще в том, что они действовали не в тылу врага, а практически на передовой, каковой была линия Главного Кавказского хребта: шли упорные бои за перевалы. К тому же краевой штаб партизанского движения во главе с Суловым, роль которого долгое время превозносилась в официальной пропаганде, был создан только лишь 30 ноября 1942 года – накануне решительного наступления Красной Армии по всему Северному Кавказу.

Зажатые в мешках ущелий, изолированные друг от друга и от руководства, не имеющие боеприпасов и продовольствия, отсеченные от населенных пунктов и выдавленные неприятелем к самой передовой, в условиях наступления зимы партизанские отряды оказались в бедственном положении. Партизанское движение держалось исключительно на личном мужестве партизан, их командиров и помощи местного населения. В сложившейся ситуации самое логичное было – пробиться к регулярным частям Красной Армии, что и было сделано».

Любопытно, что здесь деликатно опущены факты участия в борьбе с советскими партизанами и отходящими войсками карачаевских отрядов.

Советское партизанское движение провалилось не только в Карачае, но во всем Ставропольском крае. Согласно подписанному Суловым отчету «Материалы к итоговому отчету о боевой и разведывательной деятельности партизанских отрядов Ставрополья», датированным 28 декабря 1943 года, из 59 районов края партизанские отряды создали только 40 районов. В этих 40 отрядах числилось 2011 человек. Северная группа насчитывала 11 отрядов численностью 686 человек, южная – 13 отрядов численностью 441 человек и западная – 16 отрядов численностью 834 человек. Западная группа отрядов должна была действовать в горах и лесах Карачая. В нее входили 6 отрядов Карачаевской автономной области, 5 отрядов Черкесской и 4 отряда Ставропольского края: Изобильненский, Ново-Александровский, Егорлыкский, Труновский а также штабная группа в количестве 12 человек. Начальником штаба отрядов западной группы был назначен М.П. Храмков, секретарь крайкома ВКП (б), заместителем – И.В. Редькин.

Из 834 человек, ушедших в горы, 235 человек дезертировали еще до прихода немцев. К концу августа, лишившись продовольственных баз, перешли за перевал, погибли в боях и пропали без вести 294 человека, в горах оставались действовать лишь 205 человек. До 22 ноября 1942 года действовало только 3 отряда: Кировский, Преградненский и Ново-

Александровский. Остальные 11 отрядов распались в основном к концу августа, а отдельные – в середине сентября.

Личный состав оказался плохо подготовленным к партизанской борьбе в горных условиях, «комплектовался поспешно и без проверки каждого в отдельности, часть людей, принятых в отряды, оказались нестойкими, а отдельные – предателями. Предатели и трусы оказались даже среди командного состава партизанских отрядов». Командир Зеленчукского партизанского отряда Л. при первом же выстреле впал в панику и призвал прекратить сопротивление, после чего отряд благополучно разбежался по лесам.

А комиссар Черкесского городского партизанского отряда П. на второй же день после занятия немецкими войсками Архызского ущелья бросил отряд на произвол судьбы и ушел за перевал. Комиссар Изобильненского отряда В. также оказался изменником и перешел на службу к немцам. Отряд был полностью разгромлен, командир отряда Чвикалов погиб. Комиссар Молотовского (Красногвардейского) партизанского отряда П. «добровольно перешел к немцам и стал работать агентом гестапо по борьбе с партизанами, оставшимися в тылу у немцев коммунистами. Перешел к немцам Кочкаров, работавший в качестве заместителя сводного штаба по разведке. Он активно помогал гестапо в разгроме партизанского движения в горах».

И. Храмков в объяснительной записке на имя первого секретаря крайкома М.А. Сулова от 12 апреля 1943 года писал: «Отряды необходимой поддержки населения, по существу, не имели, в особенности со стороны карачаевского населения... Заигрывание врага с казаками, особенно с карачаевцами, создание карачаевского национального комитета самообороны и полиции, наличие нескольких сот дезертиров в горах, которые с момента оккупации пошли на службу к врагу и были использованы им в борьбе с партизанами. Помимо этого враг сумел обманым путем заставить неустойчивые элементы работать на себя. Таким образом они сколотили в каждом населенном пункте несколько десятков вооруженных бандитов по борьбе с партизанами».

После того как в апреле 43-го Красная армия вновь заняла Карачай, к ответственности за сотрудничество с немцами было привлечено 350 человек, из которых только 63 были карачаевцы. Карачаевские историки подчеркивают, что по самым завышенным данным с немцами могло сотрудничать 250–300 человек, включая бандитов, убитых позднее в горах или захваченных в плен. Это составляет не более 0,4 процента всего тогдашнего карачаевского населения. Но историки не учитывают, что

основная масса карачаевцев-коллорабационистов ушла с немцами.

Как сообщает Э.А. Аджиева, после ухода в январе 43-го немцев на территории Карачая остались три пронемецких партизанских отряда. Один из них, численностью до 60 человек, 10 февраля 1943 года разгромил советскую роту особого назначения, убив 38 бойцов. Но вскоре он был уничтожен частями Красной армии. Его предводители Ислам Дудов и Апон Магаяев были убиты своим товарищем Хусеем Коркмазовым (Сахтиян Улу). Он отрезал им головы и сдал в НКВД. Коркмазова помиловали. Еще один отряд состоял из 20 человек – кабардинцев, карачаевцев, русских и балкарцев. Им командовал бывший офицер Красной армии Попов. Отряд действовал на границе между Кабардино-Балкарией и Карачаем. Его разгромили к апрелю 1943 года. Третий отряд во главе с Хетагом Хетагуровым числом до 20 человек состоял из осетин – жителей селения Коста-Хетагурово. Он также был ликвидирован весной 1943 года. Только в апреле 43-го, через два с лишним месяца после ухода немцев, Красная армия смогла установить контроль над Карачаем.

Точно такие же события, как и в случае с карачаевцами, привели к сотрудничеству с немцами основную массу балкарцев. Для них это было лишь продолжением многолетней борьбы с советской властью за независимость. Борьбу балкарцев описал на страницах «Газавата» офицер горского легиона Я. Халаев, бывший колымский узник. Он рассказал о восстании, вспыхнувшем 17–18 февраля 1930 года в Чегемском и Эльбрусском районах: «На знамени восставших было “Долой коммунистов и колхозы!”, “Да здравствует свободная жизнь в свободной Балкарии”... На подавление восстания были вызваны отборные горные войска (за исключением мусульман-горцев) из Ростова-на-Дону, Орджоникидзе и других городов, и только 20 апреля 1930 года удалось жестоко подавить восставших. В Чегемском ущелье, под Су-Аузу, 19 балкарских орлов под командой Кулиева около двух недель сражались против двух эскадронов красных войск, и только отсутствие боеприпасов победило их. Отдельные войсковые группы жидов – Аркадина, Савицкого, Мурата и др., неся большие потери в людях, продолжали борьбу с партизанскими отрядами. Рассеять партизанские отряды удалось только путем жестокого издевательства над родными партизан (абреков). Последние, во имя спасения оставшихся в живых и влачивших жалкое существование родных, вынуждены были временно прекратить борьбу и пожертвовать собой. Парткомиссары, ссылаясь на статью Сталина “Головокружение от успехов”, гарантировали свободу добровольно являвшимся партизанам. Но обещание свое не выполнили. В 1937–38 годах они уничтожили обманутых, т. е. всех

участников восстания, их пособников и вместе с ними ни в чем не повинных балкарцев. Но смирить балкарцев не удалось, балкарцы возненавидели коммунистов, колхозы и “остро отточенный меч” Сталина – ГПУ. Не горе, а злоба угнетала балкарских орлов, и они усердно готовились к битве. Клятву, данную у могил павших сынов Балкарии, балкарские патриоты выполняли честно, а особенно активно в 1941–42 годах с помощью освободительной армии Adolf’a Hitler’a. Деятельность балкарских партизан – абреков и всего населения Балкарии хорошо известна германскому командованию».

Методы чекистов и красноармейцев в борьбе с горцами-партизанами ничем не отличались от тех, которые применяли немцы в борьбе с белорусскими и украинскими партизанами: захват в заложники и расстрел родственников повстанцев, сожжение непокорных аулов. В 44-м году и позднее также действовало НКВД и против украинцев, поддерживавших УПА.

Халаев привел пример гибели одного такого селения: «Тысячи балкарцев, кабардинцев, карачаевцев и других народов Северного Кавказа уничтожены большевиками в 1941–42 годах за то, что они желали поражения Сталина. Осенью 1942 года только в одном балкарском селе В. Балкария большевики убили 575 мирных жителей, причем убиты только старики, женщины и дети, которые не могли скрыться в горах. Их жилища дотла сожжены бандами НКВД. Поводом для этой кровавой оргии послужило то, что жители этого села восстановили мечеть и молились в ней за победу немцев.

Эти зверства бледнеют по сравнению с тем, что творят теперь с беззащитным населением особые отряды НКВД в районах Северного Кавказа».

Но главные зверства были еще впереди. Тогда, в августе 43-го, безнадежную борьбу вели еще повстанцы Чечни и некоторых других районов Северного Кавказа.

Чеченцы начали и продолжали борьбу с Советами еще задолго до прихода немецких войск – практически с момента занятия Северного Кавказа Красной армией в 1920 году. Коллективизация вызвала очередное мощное восстание, отголоски которого ощущались вплоть до начала Великой Отечественной войны. Только в 1937–1940 годах в горах Чечни НКВД ликвидировала 109 банд в составе 509 участников и еще 1026 одиночных «бандитов». С приближением немцев в сентябре 1942 года в Веденском районе вспыхнуло массовое восстание, в основном подавленное только в середине следующего года. К чеченцам присоединились и ингуши.

К повстанцам были переброшены 8 групп парашютистов, состоявших из эмигрантов – чеченцев и ингушей под руководством немецких офицеров и унтер-офицеров и снабженных рациями.

В «Газавате» приводилось свидетельство одного горца, в июле 1943 года перебежавшего из Красной армии к немцам, а ранее наблюдавшего агонию чеченского восстания: «Я в Грозном был 10 июня 1943 года. Там идет страшное побоище. Вся Чечня горит в огне. Аулы днем и ночью беспрерывно бомбардируются советской авиацией. Все чеченцы изъяты из армии и возвращены в Чечню. Все чеченцы согнаны в 3 горных района, оцеплены красными войсками и обречены на гибель. Несмотря на неравенство сил, наши доблестные сыны гор – абреки, ведут отчаянную борьбу за их освобождение».

Это была прелюдия депортации чеченцев в Казахстан в феврале 44-го. В ходе этой депортации в Чечне появилась своя «огненная деревня» – аул Хайбах, где войска НКВД сожгли заживо более 700 женщин, стариков и детей. И точно так же войска НКВД в 1944 году сожгли несколько ингушских аулов Пригородного района вместе с жителями. А в ночь с 28 на 29 ноября 1942 года были уничтожены балкарские села Сауту, Глашево, Мухол и Огары Чегет. Войска НКВД расстреляли 323 человека в Сауту, 76 человек – в Глашево. Потом Сауту сожгли. В числе погибших были в основном дети, женщины и старики.

Чеченские повстанцы продолжали борьбу и после депортации. Их глава Хасан Исраилов, руководитель Особой партии кавказских братьев, был убит только 28 декабря 1944 года одним из своих соратников, перевербованных НКВД. Одной из последних его акций стало уничтожение 2–3 августа 1944 года оперативно-войсковой группы в Галанчожском районе, когда были убиты 7 солдат, 1 офицер и проводник-чеченец. Всего на территории Чечни, по данным НКВД, с июня 41-го и до начала 45-го было уничтожено 232 «кадровых банды» с 1263 участниками, уничтожено и взято в плен 1815 «бандитов-одиночек» и 1714 «бандпособников». Надо также учесть, что значительная часть повстанцев смогла избежать встречи с «дорогими органами» и была депортирована в Казахстан вместе с основной массой чеченцев. Последний крупный партизанский отряд под руководством Сота Альтемирова был уничтожен в апреле 45-го. Кроме того, к началу июля 1945 года НКВД оценивало число не пойманных «бандитов в Чечне в 103 человека. Они могли совершать нападения только на небольшие группы красноармейцев и сотрудников НКВД численностью не более 10–15 человек. Еще в конце 1948 года войска МГБ продолжали действия против немногочисленных чеченских и ингушских «банд» по 4–6

человек. Полностью же с «политическим бандитизмом» в Чечено-Ингушской республике и в пограничных с ней районах Грузии и Дагестана было покончено только в 1953 году.

Не избежали депортации также карачаевцы и балкарцы. Если в Чечне, до которой немецкие войска так и не дошли, под выселение попали как действительные участники партизанской борьбы, так и ни в чем не повинные мирные жители, то в Карачае и Балкарии жертвами депортации стали те, кто в лучшем случае сохранял нейтралитет или даже сотрудничал с советской властью. Ведь все активные коллаборационисты покинули Балкарию и Карачай вместе с отступающей германской армией. Кстати сказать, им еще относительно повезло. После войны западные союзники выдавали мусульман Кавказа и Поволжья не столь активно, как русских и уроженцев восточной Украины и восточной Белоруссии. Те же, кто был выдан, либо расстреливались, либо отправлялись на 20 лет в ГУЛАГ. Выжили там немногие, хотя уцелевшие были освобождены по амнистии значительно раньше – в 1956 году. По утверждению английского историка Николая Толстого, «в 1946 году на Западе находилось предположительно около 80 тысяч мусульман, и непохоже, чтобы их насильно репатриировали». Позднее многие кавказские мусульмане перебрались в Египет, Турцию, Сирию и другие исламские страны и больше уже никогда не вернулись на родину. Возможно, поэтому в последующие годы, вплоть да нашего времени, сепаратистские тенденции среди карачаевцев и балкарцев оказались выражены слабее, чем среди чеченцев. Ведь в спецпоселениях, где шансов выжить было все-таки больше, чем в исправительно-трудовых лагерях, оказались многие активные участники чеченского повстанческого движения. Некоторым партизанам удалось скрыться в высокогорье и избежать депортации. В результате в Чечне сохранилась преемственность традиции Сопrotивления, а в Карачае, Балкарии и Кабарде она была в определенной мере утрачена.

По свидетельству фельдмаршала Э. Манштейна, бывшего командующего 11-й немецко-румынской армией, действовавшей в Крыму, «татары сразу же встали на нашу (немцев) сторону. Они видели в нас своих освободителей от большевистского ига, тем более, что мы уважали их религиозные обычаи...» Стремление советской власти искоренить исламскую религию и традиционные обычаи крымских татар были важнейшим фактором, толкнувших их на сторону Германии. Немаловажным было и то, что национал-социалисты считали крымских татар арийским народом. Еще в октябре 1941 года, когда немецкие войска сражались на Перекопе, крымские татары начали дезертировать из Красной

армии, уходя в свои аулы. Они агитировали русских и украинских бойцов следовать их примеру. Отдельные отряды татар нападали на отступающие советские части. Татары также разграбили сами или выдали немцам большинство созданных перед войной продовольственных баз, предназначенных для партизан. Для борьбы с партизанами татары при содействии немцев создали отряды самообороны по 70–100 человек, в которых в качестве инструкторов находились немецкие унтер-офицеры. Уже к концу января 1942 года было сформировано 14 татарских рот самообороны во главе с немецкими офицерами численностью 1632 человека, а около 9 тыс. татар-добровольцев были направлены во вспомогательные части 11-й немецкой армии. Политическое руководство татарскими ротами осуществлял Симферопольский мусульманский комитет, претендовавший на роль крымско-татарского правительства. Комитет издавал газету «Азат Кирым» («Свободный Крым»), тираж которой к лету 1943 года достиг 15 тыс. экземпляров. Все бойцы добровольческих формирований получили право получить в частную собственность по 2 га земли. Начальник II партизанского района Крыма И.В. Генов 31 января 1942 года с тревогой докладывал в Москву: «Местное татарское население успешно вооружается... немцами, цель – борьба с партизанами... Надо полагать, что в ближайшие дни они начнут практиковаться в борьбе с нами. Мы готовы к этому... хотя понимаем, что вооруженные татары куда опаснее... немцев и румын». Польза татар в антипартизанской борьбе заключалась в том, что они прекрасно знали местность, часто даже лучше, чем партизаны, среди которых преобладали бойцы и командиры Красной армии, прежде жившие в Крыму. Немаловажным фактором был и высокий моральный дух крымско-татарских формирований. Ведь татары, как и кавказские горцы, сражались за родную землю, за веру и обычаи предков. В этом отношении они значительно превосходили румын. Отряд татарских добровольцев в 250 человек также сражался с советскими войсками под Керчью в феврале 1942 года. А в апреле того же года численность рот самообороны возросла до 4 тыс. человек, и у них имелся еще постоянный резерв в 5 тыс. человек. В ноябре 1942 года роты были сведены в 8 батальонов, а весной 43-го был сформирован еще один. Батальоном, как правило, командовал татарский офицер, в нем также находился один немецкий офицер для связи с германским командованием и 8 немецких унтер-офицеров – инструкторов. По свидетельству уцелевших крымских партизан, порой татары были беспощаднее и профессиональнее немцев.

Еще в декабре 1941 года на совещании с генералами Гитлер

утверждал: «Надежными я считаю только мусульман... и не вижу опасности в создании чисто мусульманских частей...» А выступая в рейхстаге 24 мая 1942 года, фюрер заявил: «В частях германской армии, наряду с литовскими, латышскими, эстонскими и украинскими легионами, принимают участие в борьбе с большевиками также татарские вспомогательные войска... Крымские татары всегда отличались своей военной доблестью и готовностью сражаться. Однако при большевистском господстве им нельзя было проявить этих качеств... Вполне понятно, что они плечом к плечу стоят с солдатами германской армии в борьбе против большевизма».

Лидеры Симферопольского мусульманского комитета не раз обращались к Гитлеру с просьбой разрешить создание Крымскотатарского государства и Татарской национальной армии, а также возвращение в Крым татар из Турции и Болгарии, а в дальнейшем депортировать из Крыма представителей других народов. Однако Гитлер предполагал использовать Крым для германской колонизации и не спешил удовлетворить крымско-татарские национальные чаяния, не удовлетворив ни одно из политических требований мусульманского комитета.

После сталинградского поражения и ухода немцев с Кавказа в татарских батальонах началось разложение. Один из них перешел в полном составе на сторону партизан, в других возросло дезертирство. Треть батальонов была разоружена немцами как «неблагонадежные», а их солдаты отправлены в концлагеря. Остальные две трети батальонов были признаны заслуживающими доверия, поскольку в них служили люди, искренне ненавидевшие советскую власть. Они приняли участие в боях с Красной армией в апреле – мае 1944 года, а затем эвакуировались из Крыма вместе с немецкими войсками. После эвакуации из Крыма они были сведены в трехбатальонный горно-егерский полк СС. В июле 44-го полк был развернут в 1-ю горно-егерскую бригаду СС численностью в 3,5 тыс. человек, из которых примерно четверть составляли немцы. Позднее часть крымских татар была перебросана во Францию и сражалась против партизан «маки» в составе Волжско-татарского легиона. Большая часть татарской бригады была включена в тюркскую дивизию СС, а примерно один батальон – в 35-ю полицейскую дивизию СС. Всего в германской армии служило 15–20 тыс. крымско-татарских добровольцев. Значительная часть из них избежала выдачи Советскому Союзу после войны и осела в Турции и других странах Ближнего Востока. В Красную армию было призвано 10 тыс. крымских татар, из которых большинство дезертировало. В советских партизанских отрядах сражалось 1130 татар, что составляло

примерно одну десятую от общего числа крымских партизан. Среди партизан погибло 96 татар, пропало без вести 103 и дезертировало 177.

Среди «арийских народов» СССР также активно поддерживали немцев калмыки. Представитель Центрального штаба партизанского движения по Калмыкии Рыжиков и его заместитель Шестинов докладывали 22 декабря 1942 года: «Располагая большим количеством скота, шерсти и хлеба, оставленным на оккупированной территории... немец пока не трогает у населения скот и шерсть, заигрывает с калмыками и этим создает у части населения иллюзию “освободителя”. Отсутствие же немецких гарнизонов в южных районах создает впечатление “полной автономии”. Этому способствует абсолютное отсутствие агитационной работы среди населения, партийно-политических органов Калмыцкой АССР, ни в форме листовок, ни в форме живой агитационно-пропагандистской работы». Калмыцкие добровольческие отряды вместе с немцами боролись против партизан, благодаря чему партизанское движение в Калмыкии быстро сошло на нет.

Также на сторону немцев перешло значительное число донских и кубанских казаков. Еще в Гражданскую большинство казаков сражались против большевиков. Вторая мировая война была для них продолжением Гражданской, тем более что давний вождь донских казаков царский генерал Петр Николаевич Краснов в 1918 году был союзником кайзера Вильгельма. В советское время казачье сословие было упразднено, многие казаки подверглись репрессиям. Неудивительно, что казаки часто гордились, что ни дня не служили в Красной армии. Так, донской казак Семен Ларин, служивший в вермахте, в конце ноября 1942 года писал своему отцу Василию в станицу Егорлыкскую: «...Имею право гордиться, что нахожусь в германской армии солдатом, числюсь как донской казак. По мобилизации не воевал, сразу пошел на сторону германской армии. Вообще у красных не воевал ни одной минуты, а пошел в германскую армию». Однако партизанской войны против Красной армии они не вели. Этому способствовала как степная местность Юга России, так и быстрое продвижение немецких войск летом 42-го. Потом, когда немцы отступили из казачьих районов, казаки, выступавшие на их стороне, предпочли отступить вместе с вермахтом, а не вести партизанскую борьбу на родине. Очевидно, казаки уже не верили в победу Германии и считали продолжение войны партизанскими методами бессмысленным, так как не ожидали, что германская армия когда-нибудь сможет вновь занять казачьи области. Они рассчитывали найти убежище где-нибудь в Европе, но, как известно, подавляющее большинство казаков, ушедших с немцами, было выдано

англичанами Советам в 1945 году и в лучшем случае оказалось в ГУЛАГе.

У кавказских горцев, калмыков, крымских татар, в отличие, скажем, от украинских националистов, даже мысли не могло возникнуть, чтобы ориентироваться на помощь не Германии, а Англии и США. Ведь в колониях Британской империи тоже вели борьбу за независимость десятки и сотни миллионов их единоверцев-мусульман. Египетскому президенту Гамалю Абдель Насеру и его соратникам из движения «Свободные офицеры» никто впоследствии не ставил в вину контакты в годы войны со странами Оси. Если бы кавказские народы добились независимости, их бы тоже вряд ли кто попрекнул тем, что они принимали помощь от людоеда Гитлера. Здесь мы подходим к принципиально неразрешимому вопросу морального выбора отдельных народов и граждан СССР между Сталиным и Гитлером. Думается, что никто из них не может быть по большому счету зачислен ни в преступники, ни в праведники. И оценка роли большинства из них, тех, кто не запятнал себя преступлениями против человечности, сводится к банальному: «Нет в мире виноватых!»

Необходимо отметить, что среди тех, кто сражался против партизан, было немало людей подневольных, насильно мобилизованных немцами. «Идейные борцы» преобладали только в Прибалтике и среди народов Северного Кавказа. В большинстве остальных регионов значительная часть коллаборационистов шла на службу оккупантам лишь затем, чтобы получить кусок хлеба, или даже по принуждению, под угрозой репрессий против родных и односельчан. В «Справке о провокационных методах борьбы с партизанами», составленной в Москве в 1942 году, утверждалось: «Не имея достаточных резервов для борьбы с партизанами, в июле 1942 года немецкое командование приступило к насильственной мобилизации мужчин в возрасте от 20 до 35 лет в карательные отряды в районах Борисов, Бобруйск, Могилев. У каждого мобилизованного отбирается подписка, что если он не выполнит требований немецкого командования в борьбе против партизан, то его семья будет расстреляна. Из-за боязни уничтожения семей многие из мобилизованных с оружием в руках борются против партизан».

Некоторым группам местных жителей удавалось добиться признания собственной автономии со стороны немецких властей при условии уплаты фиксированного натурального налога и не допущения на свою территорию советских партизан. Так, в частности, обстояло дело со знаменитой Локотской республикой на Брянщине, возглавлявшейся инженером Брониславом Каминским, а также с несколькими деревнями русских староверов под Полоцком. Предводительствуемые неким Зуевым, они

заставили отступить посланный немцами карательный отряд, после чего оккупационная власть признала своеобразную «республику староверов» с центром в деревне Саскорки. Здесь была восстановлена частная собственность и открыты староверческие церкви. При отступлении немецкой армии Зуев с частью своих людей ушел на Запад. Другие староверы остались и начали партизанскую борьбу против Красной армии. Для этой цели немцы снабдили их оружием и продовольствием. Партизанские группы держались в лесах под Полоцком вплоть до 1947 года. Примерно до этого времени действовали и немногочисленные отряды армии Каминского, которые предпочли остаться в Локотском районе после его эвакуации осенью 43-го. И тех и других вдохновляла только идея борьбы против колхозов, большевиков, а староверов – еще и за сохранение своей веры. Подчеркну, что эти отряды никакой связи с германским командованием не поддерживали, равно как после отступления немецкой армии с Северного Кавказа прекратилась такая связь с северокавказским антисоветским партизанским движением. Не было у немцев и никакого взаимодействия с отрядами Украинской повстанческой армии, продолжавшей сражаться в 1944–1945 годах против вновь занявшей Правобережную Украину Красной армии. Дело не пошло дальше разговоров представителей УПА с представителями германских разведорганов о возможности получения повстанцами немецкого оружия в обмен на передачу разведывательных данных о Красной армии. На практике УПА разжилось только тем оружием, которое немцы бросили при отступлении. У УПА все равно почти не было радиостанций, так что при всем желании она не могла снабжать немцев оперативной информацией. Главное же, такого желания просто не было у украинских повстанцев, которые еще с конца 1942 года политически стремились переориентироваться на США и Англию. Немцы же в этот период времени почти не имели транспортной авиации и в условиях господства советской авиации в воздухе и катастрофической нехватки горючего при всем желании не могли снабжать ни таких сомнительных союзников, как УПА, ни гораздо более надежных северокавказских партизан. Даже восставших чеченцев немецкая авиация снабжала рациями и оружием лишь во второй половине 42-го и в начале 43-го года, пока немецкие войска находились на Северном Кавказе и была надежда на взаимодействие с повстанцами. В последующем, даже пока вплоть до середины 1943 года сохранялось относительное господство люфтваффе в воздухе, немецкое командование не предпринимало попыток установить регулярную связь с чеченцами и другими антисоветскими партизанами, ограничиваясь посылкой отдельных

инструкторов из числа местных уроженцев, главной задачей которых было формирование повстанческих групп. За год, с августа 1942 года до августа 1943 года на территорию Чечено-Ингушетии было заброшено по воздуху 8 десантных групп общей численностью 77 человек, в основном чеченцев и ингушей, а также несколько немецких офицеров и унтер-офицеров, в том числе радистов. Однако подавляющее большинство их было десантировано не позднее ноября 1942 года, в период германского наступления на Кавказе. Предполагалось, что эти группы и сформированные ими повстанческие (партизанские) отряды смогут непосредственно взаимодействовать с вермахтом, когда тот достигнет Чечено-Ингушетии. Люфтваффе, особенно после ухода немцев с Северного Кавказа, не занимались переброской в сколько-нибудь значительном количестве мин, взрывчатки, боеприпасов и радиостанций. Очевидно, в Берлине решили, что овчинка выделки не стоит. Никаким важным советским коммуникациям северкавказские повстанцы не угрожали, и затраты на их снабжение, с учетом потерянных самолетов, неизбежно превышали бы размер того ущерба, который они могли нанести Советам. Свои довольно скудные возможности по части транспортной авиации немцы предпочитали использовать для эвакуации из советского тыла особо ценных агентов и снабжения окруженных группировок немецких войск. Одна из таких попыток по снабжению якобы окруженного в Белоруссии полка полковника Шерхорна в действительности была одной из радиоигр советских чекистов, продолжавшейся с августа 44-го по май 45-го. Тогда благодаря немецким поставкам удалось более восьми месяцев снабжать всем необходимым бригаду особого назначения НКВД. Что же касается остатков каминцев в брянских лесах, то снабжать их никто и не думал, поскольку численность их не превышала несколько сот человек, да и специалистов по минно-взрывному делу среди них не было. Они, конечно, приносили определенное беспокойство войскам НКВД, но никакого влияния на ход борьбы на фронте не оказывали. Более или менее значительную роль играло антисоветское партизанское движение на Северном Кавказе, и то главным образом в короткий период германского наступления в этом регионе. Партизаны из числа горцев помогли захватить перевалы. Они также отвлекли на себя значительные советские силы – несколько дивизий НКВД. Но нельзя говорить об их существенном влиянии на обстановку на фронте.

Партизаны в Европе

В оккупированных Германией и ее союзниками странах Европы, как и на оккупированной территории СССР, развернулось массовое партизанское движение. Особенно сильным оно было на Балканском полуострове: в Югославии, Греции и Албании, а также в Италии и Польше. Здесь партизанское движение было вызвано к жизни как жестокой оккупационной политикой, так и сильными патриотическими чувствами основной части населения. Сыграли свои роль и давние партизанские традиции на Балканах и в Польше. По некоторым оценкам, к весне 1944 года численность партизанских сил и созданных на их базе национально-освободительных армий в Европе превышала 1 300 тыс. человек. Наиболее многочисленная и боеспособная партизанская армия существовала в Югославии. Ее возглавлял лидер югославских коммунистов Иосип Броз Тито. Главной целью партизан он считал содействие Красной армии и западным союзникам в достижении победы над Германией и старался наносить удары по стратегически важным коммуникациям и объектам немцев и итальянцев. И.Г. Старинов положительно оценивал опыт партизанской борьбы югославских партизан в сравнении с советским опытом: «В Югославии в более сложных условиях, чем у нас на оккупированной территории, благодаря централизованному компетентному руководству героические партизанские отряды в ходе войны превратились в легендарную Народно-освободительную армию, которая еще до подхода Советской Армии освободила больше половины страны и все время Великой Отечественной войны отвлекала на себя крупные силы вермахта, парализовала железнодорожное и автомобильное движение на оккупированной территории и тем спасла народ от истребления фашистскими варварами».

Тут надо сделать одну существенную оговорку. В Югославии были вообще плохо развиты коммуникации, в особенности железнодорожные. Немцы практически не совершали крупных перевозок войск и предметов снабжения через территорию Югославии, за исключением вывоза из страны бокситов и некоторых других полезных ископаемых, вроде меди и хрома. Поэтому контроль над коммуникациями и над значительной частью территории здесь не играл для Германии столь критической роли, как в России. И по этой причине – из-за плохо развитых коммуникаций и удаленности от жизненных центров рейха – западные союзники отказались

от высадки на Балканах, поскольку там немцам было бы сравнительно легко задержать их продвижение на труднодоступной горной местности, что грозило еще более серьезным стратегическим тупиком, чем в Италии в 1943–1945 годах. Хорошо развитое партизанское движение в Югославии, Греции и Италии отвлекало значительные силы германских и итальянских войск, однако велось, особенно в Югославии, в значительной степени против местных коллаборационистских формирований. Германские же и итальянские дивизии все равно пришлось бы дислоцировать на Балканах, даже если бы там не было партизан, – для противодействия возможной высадки союзников, хотя, вероятно, и в меньшем количестве. Кроме того, Германия получала из района Балкан, включая Румынию, 50 % нефти, весь хром, 60 % бокситов, 24 % сурьмы и 21 % меди. Поэтому немцы вплоть до осени 1944 года удерживали весь Балканский полуостров, чтобы не дать возможность союзной авиации действовать с баз в Югославии и Греции против нефтепромыслов в Плоешти и районов добычи других полезных ископаемых. Только после того как советские войска вышли к румынским границам и Румыния перешла на сторону Антигитлеровской коалиции, немцы ушли из Греции, Албании и восточной половины Югославии, удерживать которые теперь не было никакого стратегического смысла. Партизанская борьба там прекратилась. Партизаны Тито тогда стали действовать как регулярная армия, а греческие партизаны погрязли в междоусобице.

Таким образом, получается, что югославские партизаны отнюдь не ставили на первое место свершение диверсий против вражеских коммуникаций, как это предлагал Старинов (он, кстати сказать, был советником Тито по минно-взрывному делу в последний год войны). Гораздо более важным для них была борьба с коллаборационистами и нападения на германские и итальянские гарнизоны.

Во многом природа Балканского полуострова была идеальна для развертывания партизанских действий. Л. Рендулич так писал об этом: «Сама природа и местность Балканского полуострова предоставляют для ведения партизанской борьбы совершенно идеальные условия. Высокие и труднодоступные горы составляют значительную часть территории. Эти горы покрыты бесконечными почти девственными лесами. Глубокие долины и ущелья прорезают горы, оставляя место только для водопада или узкой горной тропинки. Здесь почти нет дорог. Таким образом, на этой местности могут найти себе укрытие и убежище даже значительные силы партизан. Разыскивать их и бороться с ними здесь необыкновенно трудно. В районах, где местность имеет равнинный характер, очень удобными

укрытиями для партизан служат большие кукурузные поля, на которых, прячась в растениях, превышающих рост человека, они исчезают, не оставляя никакого следа».

Также и в исследовании «Немецкие операции против партизан на Балканах» (1941–1944), подготовленном после войны по заказу американского министерства обороны немцами – генералом горнострелковых войск Хубертом Ланцем и полковником полиции Карлом Гайссером, – особо подчеркивалось, что «скалистая местность Балкан была серьезным препятствием для развития адекватной транспортной и коммуникационной сети, а частые войны и изменения политических границ в этом районе сделали ее развитие и улучшение еще более сложным. Железные дороги, которые можно было бы в 1941 г. сравнивать с дорогами Западной Европы, сводились к международным линиям, соединявшим столицы, и нескольким линиям в низинах на севере.

Хотя автомобильные дороги более полно охватывали местность, нежели железные дороги, лишь несколько шоссейных дорог с твердым покрытием не шли параллельно с основными железными дорогами. Местность требовала строительства многочисленных серпантинов и мостов, а объезды часто были сложными или просто невозможными». К моменту оккупации немцами Балкан железнодорожная сеть Югославии составляла 6000 миль, а Греции – 1700 миль. Самыми важными для немцев линиями были те, что сходились в Загребе из Австрии, Италии и Венгрии; линия Загреб – Белград – Ниш; и линии Ниш – София и Ниш – Салоники – Афины».

При столь незначительной протяженности тех стратегических дорог, которые имели значение для немцев и итальянцев на Балканах, их вполне можно было прикрыть имеющимися в распоряжении стран Оси силами, тем более что на Балканах все равно приходилось держать до 12 дивизий, не считая полицейских формирований.

Костяком движения Соппротивления на Балканах послужили бывшие солдаты и офицеры югославской и греческой армий. Как подчеркивают Ланц и Гайссер, «у немецких боевых частей, которым было предписано практически сразу передислоцироваться для переформирования перед операцией “Барбаросса”... было мало времени на то, чтобы брать пленных во время быстрого захвата Югославии, а взятые в плен греки были распущены по домам в знак уважения их героических действий при защите родины. Поэтому, вскоре после окончания боевых действий, югославские и греческие войска были демобилизованы, а их персонал оказался не у дел, скорее ошеломленный, нежели раздавленный своим внезапным

поражением». В столь мягком отношении немцев к капитулировавшим югославской и греческой армиям сыграло не последнюю роль то, что как греки, так и южные славяне считались, по классификации национал-социалистов, «арийскими народами» и, следовательно, им должно было найтись место в Новой Европе Адольфа Гитлера. Кроме того, немецкие союзники итальянцы не хотели обременять себя большим количеством пленных. Но немцы недооценили влияние коммунистов как в Югославии, так и в Греции. Именно коммунисты возглавили здесь наиболее многочисленные отряды Сопротивления. Размах партизанского движения на Балканах оказался неожиданным для немецкого командования. Как признают Ланц и Гейссер, «немецкая подготовка к сдерживанию и уничтожению крупномасштабных восстаний была недостаточной. Запоздалые меры, принятые немцами, когда время было уже упущено, приводили только к временной приостановке роста сопротивления в тех районах, где оккупанты смогли добиться сосредоточения превосходящих сил. Подавление движения сопротивления более чем в течение двух лет сводилось к импровизированным мерам, когда партизаны уходили от преследования из одного района в другой, неся тяжелые потери, но никогда не подвергаясь окончательному уничтожению. В течение этого двухлетнего периода служба на Юго-Востоке считалась достаточно безопасной для рядового немецкого солдата; возможно, не такой приятной, как прикрепление к оккупационным войскам во Франции, Бельгии или Голландии, но однозначно более предпочтительной службе в Советском Союзе или в Северной Африке. Со своей стороны, ОКВ рассматривало Балканский театр как прикрытие от атаки с юга и считало его необходимым для защиты сил, действовавших в южной части Советского Союза. После достижения вышеуказанных целей основным интересом Рейха в регионе было использование его как источника стратегического сырья. Его важность возросла после того, как поставка хрома из Турции прекратилась, а турки стали склоняться к лагерю союзников».

Рендулич, характеризуя первые месяцы партизанской войны в Югославии, отмечал, что мелкие отряды партизан нападали «на автомашины, на места расквартирования немецких штабов и подразделений и даже на отдельных солдат. Кроме того, они минировали дороги, взрывали железнодорожные и шоссейные мосты, резали телефонный кабель. От коварных действий партизан несли большие потери даже крупные немецкие подразделения. Нападения партизан отличались традиционной жестокостью». Еще раз повторю, что не меньшую жестокость проявляли партизаны и на других театрах боевых действий.

Подготовку к широкомасштабной партизанской войне в Югославии коммунисты начали еще до германского нападения на СССР. Еще 13 мая 1941 года, всего через 26 дней после югославской капитуляции, Иосип Броз Тито радировал в Москву главе Коминтерна Георгию Димитрову: «Мы организуем боевые отряды, воспитываем свои военные кадры, готовим вооруженное восстание в случае нападения на СССР».

4 июля 1941 года в Белграде на вилле Владислава Рибникара, издателя газеты «Политика» и одного из самых богатых попутчиков коммунистов, состоялось совещание членов ЦК Коммунистической партии Югославии, на котором Тито предсказал, что борьба между Германией и СССР будет долгой и окончится советской победой. Было решено готовить всеобщее восстание против оккупантов. Члены ЦК разъехались по регионам. Вскоре выяснилось, что итальянский оккупационный режим в Далмации весьма мягкий, и итальянцы имеют репутацию защитников сербов и евреев от усташского террора.

В Черногории, где были сильны националистические настроения, восстание началось на следующий день после того, как 12 июля было объявлено о присоединении Черногории к Италии в качестве королевства под властью одного из итальянских принцев. Повстанцы уничтожили и взяли в плен 2 тыс. итальянских солдат и захватили почти все города, кроме столицы страны Цетинье. Восстание было подавлено переброшенной 5 августа итальянской дивизией «Венеция», причем на стороне итальянцев выступили местные албанцы и боснийцы-мусульмане, а во главе черногорских повстанцев, ушедших в горы, стоял будущий диссидент коммунист Милован Джилас. Коммунисты в Югославии опирались на студенчество, шахтеров и часть ремесленников, так как в начале войны их влияние среди крестьянства было незначительным.

Сербия в тот момент имела в смысле восстания гораздо лучшие перспективы, чем Далмация и Хорватия, поскольку германская оккупация была тяжелее итальянской, а марионеточное правительство генерала Милана Недича, в отличие от правительства главы усташей Анте Павелича у хорватов, не пользовалось популярностью в сербском народе. В середине августа 1941 года в Сербии коммунисты подняли восстание и овладели территорией с центром в городе Ужице в Западной Сербии. Были разоружены или уничтожены отряды четников Драже Михайловича и гвардейцы квислинговского правительства Недича. Тито стал президентом Ужицкой «Красной республики», Эдуард Кардель – министром иностранных дел, Александр Ранкович, отвечавший за партизанское движение в Сербии, стал также начальником Службы безопасности, а

Джилас – министром печати и редактором единственной газеты «Борба». Начальником штаба народно-освободительной армии стал бывший капитан королевской армии черногорец Арсо Йованович, только что вступивший в ряды партии. В 1948 году в конфликте Тито со Сталиным, будучи начальником Генштаба, он неосторожно принял сторону Сталина и был убит во время раскрытия антититовского заговора. Площадь Ужицкой республики составляла 19 тыс. кв. км, а население превышало миллион человек. Партизанская армия к концу 1941 года состояла из 90 отрядов и ряда отдельных батальонов и чет (рот). В ходе контрнаступления на освобожденную территорию в период с 24 сентября по 15 ноября немецкие войска, ударную силу которых составляла 342-я пехотная дивизия, смогли оттеснить партизан из Мачвы, Посавины и средней части Шумадии на рубеж Кралево, Рудник, Лиг, Валево, Крупань и приготовиться к штурму Ужицы. За этот период только солдаты 342-й пехотной дивизии убили в бою 905 партизан, а 2865 партизан, захваченных в плен, немцы расстреляли. Кроме того, было арестовано 22 775 мирных жителей – сербов, подозреваемых в связях с партизанами или в качестве заложников. Из числа арестованных был отпущен только 1171 человек, остальных расстреляли или заключили в концлагерь. 20 октября 1941 года за убийство 10 и ранение 26 немецких солдат было расстреляно около 7 тыс. мужчин – жителей Крагуеваца, в окрестностях которого и произошло нападение. Еще полторы тысячи человек были расстреляны в Валево. Было также сожжено несколько сел, угнаны тысячи голов скота. Этот террор заставил четников Михайловича отказаться от активных действий против немцев (столкновения с хорватскими усташами продолжались). Тут сыграло свою роль и то, что основная масса четников была местными крестьянами, опасавшимися за свои семьи и хозяйства, разоряемые немцами, тогда как большинство коммунистов были горожанами – выходцами из других районов Югославии. Будущий биограф Тито Владимир Дедиер, осенью 1941 года состоявший политическим комиссаром в Крагуеваце, вспоминал: «Отряды четников обычно состояли из более пожилых, женатых мужчин, зажиточных крестьян. Они ночевали дома в деревнях, и время от времени для прохождения боевой подготовки их вызывали в штаб. Мне стоило больших трудов убедить их командиров вокруг Крагуеваца сражаться вместе с нами против немцев. Они говорили, что у них нет таких приказов. С другой стороны, они критиковали наше командование за то, что мы “безжалостно” проливали кровь сербского народа, сражаясь против немцев в неравной борьбе». Всего же в немецком наступлении участвовали силы, примерно эквивалентные трем с половиной дивизиям. 29 ноября отряды

Тито вынуждены были оставить Ужице и в тяжелых боях как с немцами, так и четниками начали переход в Боснию по труднодоступным горным тропам. По окончании перехода в Санджак 21 декабря 1941 года в селе Рудо была создана 1-я Пролетарская народно-освободительная ударная бригада. После взятия Ужице немцы расстреляли или отправили в концлагеря около 500 партизан и им сочувствующих. Из 124 бывших бойцов Ужицкого отряда и 8 сочувствующих, направленных в лагерь в Норвегию, погибли 75 человек. Всего же после захвата территории Ужицкой республики немцы расстреляли или уничтожили в концлагерях еще более 400 человек. Общее же число партизан, погибших в ходе немецкого контрнаступления на Ужицкую республику, так никогда и не было установлено.

В итоговом донесении командовавший немецкими войсками генерал Беме отмечал: «Совместными действиями 342, 113, 704-й и частей 717-й дивизий партизаны были разгромлены и отброшены в Санджак и Боснию. Часть из них отошла в районы Иваницы и западнее Нови Пазара. На этой территории они вновь начали собираться с силами, создавать новые формирования». А тогдашний командующий немецкими войсками на Юго-Востоке генерал-лейтенант Вальтер Кунце, отметив, что действия скрытно сосредоточенных немецких войск оказались неожиданными для партизан, выразил сожаление, что основные силы партизан «сумели избежать уничтожения и отойти к югу и юго-западу, в области, оккупируемые итальянцами». И тот же Кунце на Нюрнбергском процессе показал, выступая в качестве свидетеля: «В ходе наступления немцев партизаны нападали на них из засад внезапно и быстро, подвергая атакам главным образом их тылы. Часто случалось, что некоторые партизаны, которые вначале прятались от артиллерийского огня, открывали внезапный огонь по немецким войскам в тот момент, когда они подходили к ним на близкое расстояние, и таким образом добивались успешных результатов в бою, нанося немцам чувствительные потери, особенно своими действиями из засад. После такой вылазки партизаны, пользуясь создавшейся суматохой, быстро скрывались, используя лесистую, пересеченную местность. Следует еще подчеркнуть, что при этом очень трудно было отличить партизана от обычного мирного крестьянина – местного жителя». И немецкие солдаты на всякий случай рассматривали и тех безоружных мирных жителей, в ком подозревали партизан. Как отмечал один из руководителей Ужицкого партизанского отряда генерал армии Никола Любичич, «мы в некоторых случаях обороняли отдельные рубежи более упорно, чем того требовала необходимость, например, на Кадиняче. Это

случалось чаще всего потому, что ни командиры, ни бойцы не могли примириться с мыслью, что они вновь вынуждены отдать захватчикам свободную территорию. Возможно, объяснением служит и то, что в ходе прошедших ранее трудных боев против четников нам удалось отстоять эту территорию, и совершенно естественно, что нас не покидала надежда отстоять ее и от немецких дивизий».

Сам Тито признавал в мемуарах: «Ужице невозможно удержать – в этом отношении у меня не было никаких иллюзий. Но я все-таки считал, что немцам не удастся легко осуществить прорыв, так как полагал, что мой приказ о разрушении и минировании шоссе, мостов и горных троп будет выполнен, а это помешает продвижению немецких частей... Около 11.00 29 ноября я получил сообщение, что наша оборона на горе Црнокоса, над Косьеричем, прорвана и что немецкие войска, выйдя в долину реки Лужница, продолжают наступать частью сил к Пожеге, а основными силами к Ужице. Я должен признать, что мы не ожидали такого быстрого прорыва врага на этом направлении. К сожалению, оказалось, что защитники горы Црнокоса, которых насчитывалось 200–250 человек, не сумели удержать свои позиции. Они, правда, успешно отражали атаки вражеских сил вдоль шоссе, но прорыв другой немецкой колонны, наступавшей западнее, через склон, выходящий на оборонительные позиции с фланга, создал для наших сил угрозу на главном оборонительном рубеже и вынудил их во избежание окружения отступить. В ходе двухчасового упорного боя боевая группа «Север» вскоре пополудни сумела прорвать последние оборонительные позиции перед Ужице, которые на горе Трешница и в районе села Пониковица удерживали подразделения Ужицкого и Посавского отрядов, и около 14.00 вступила в Ужице. Не зная, что Ужице пал, Рабочий батальон и две четы Посавского отряда продолжали вести упорные оборонительные на Кадиняче, жертвуя собой, чтобы у остальных наших подразделений было как можно больше времени для отхода на новые позиции, создания завалов, выведении из строя дорог и организации обороны».

Фактически Тито здесь признал, что немцы победили партизан не только благодаря численному и техническому воеводству, но и благодаря лучшему умению воевать. Партизанские саперы, как выяснилось, не успели подорвать и заминировать все, что было необходимо, а достаточно многочисленные отряды не смогли удержать труднодоступные позиции, где численное превосходство противника и его перевес в авиации, артиллерии и танках не могли играть существенной роли. Хотя танков, упоминающихся в книге Любичича, если они и были, могло быть всего несколько штук, и

тех трофейных. А, скорее всего, танков и вовсе не было, поскольку в наступлении участвовали, как мы убедились, только пехотные дивизии, которым танков по штату не полагалось. Оборону же Кадиняча Тито пытался представить как необходимую для обеспечения отхода основных сил от Ужице, но тут же проговаривается, что защитники Кадиняча просто не знали, что Ужице уже оставлена. Любичич же прямо пишет, что столь упорная оборона этой позиции в тот момент, когда она уже утратила свое значение, была ошибкой, стоившей лишних потерь. И темпы продвижения немецких дивизий, учитывая пересеченную местность и сопротивление партизан, были совсем не плохими – от 14 до 25 км в сутки.

Кстати, одним из факторов, повлиявших на сроки обороны Ужице, стал взрыв пороховых складов и ружейной фабрики, вероятно, осуществленный немецкими диверсантами.

А Верховный штаб народно освободительных партизанских отрядов и ЦК Компартии Югославии так прокомментировали исход боев под Ужицей: «Исход восьмидневных боев был решен танками и самолетами. Врагу удалось оттеснить нас из Ужице, Любовии, Бании-Башты, Пожеги, Чачака, Ариле и т. д. Но враг не смог разбить нас. Под ударами врага отступала лишь небольшая часть партизанских сил, которые пядь за пядью защищали освобожденную территорию, а затем под руководством Верховного штаба отошли в Санджак, чтобы оттуда продолжать борьбу в Сербии. Большая часть партизанских сил осталась на своей территории. Они лишь отошли вглубь от основных коммуникаций, по которым продвигался враг, и заняли свои прежние позиции, с которых продолжают упорную борьбу против захватчиков и предателей родины».

После разгрома Ужицкой республики немцы, широко применяя практику расстрела заложников, добились того, что собственно в Сербии партизанское движение постепенно сошло на нет. Четники не хотели подставлять под удар своих родных и близких. К тому же они были враждебно настроены по отношению к коммунистическим партизанам и не хотели таскать для Тито каштаны из огня.

Зато в Боснии, а потом в сербских районах Хорватии, а также в Черногории и Македонии армия Тито получила массовую поддержку со стороны сербов, пострадавших от террора усташей Павелича. Позднее к Тито присоединились черногорцы и македонцы, сумевшие организовать себя в условиях более мягкой итальянской и болгарской оккупации.

Репрессии со стороны хорватов против сербского и мусульманского меньшинств в Хорватии и Боснии только умножали ряды титовских партизан. В одном только концлагере Ясеновац хорваты убили около

70 тыс. сербов, евреев и цыган. А после депортации сотен мужчин-сербов из района Корацы в Боснии францисканский монах Иво Бркан писал местному хорватскому префекту 31 июля 1942 года: «В пяти окрестных деревнях имеется 500–600 вдов, готовых к замужеству, молодых и аппетитных созданий, которые быстро забыли своих увезенных мужей... Природа берет свое, и теперь эти вдовы хотели бы снова выйти замуж, естественно, за католиков, потому что теперь по соседству нигде нет сербов».

Большую роль играло то, что партизанская армия Тито постоянно перемещалась по стране, и большинство ее бойцов, как правило, не было никак связано с тем районом, где в данный момент находилась партизанская армия. Это делало их относительно менее чувствительными к тому, что за акции партизан немцы расстреливали заложников из числа местного населения.

Первоначально наиболее мощным казалось немцам движение четников, возглавлявшееся полковником (впоследствии генералом) югославской армии Драже Михайловичем, назначенным военным министром королевского правительства в изгнании. Он был очень осторожен в развертывании активных действий против оккупантов. Как пишут Ланц и Гейссер, «сам Михайлович был поражен казнью примерно 35 000 сербских заложников за деятельность четников в ходе Первой мировой войны и был намерен избежать повторения любых подобных наказаний за слишком поспешное восстание сил под его командованием. Таким образом, деятельность четников в основном сводилась к небольшим операциям и саботажу... Антироялистская политика партизан и антикоммунизм четников вскоре привели к братоубийственному конфликту между ними, которым в своих интересах незамедлительно воспользовались немцы. Если четники в основном состояли из местных подразделений, которые можно было созывать в случае необходимости, то партизаны поддерживали большое число крупных и активных мобильных групп, способных передвигаться по стране и не привязанных к какой-либо отдельной местности. Как следствие, партизаны не колебались, как четники, надо ли проводить операции, из-за которых оккупанты могли начать суровое преследование населения, факт, который еще больше усиливал враждебность четников к партизанам. Вскоре среди повстанцев начался конфликт, при котором одни югославские силы нападали на другие югославские силы, уже сражавшихся против оккупантов». Были также отдельные югославские повстанческие отряды, не подчинявшиеся ни Тито, ни Михайловичу.

Как отмечал Рендулич, на Балканах «войскам приходилось вести тяжелую борьбу за свое существование. Чтобы подавить партизанское восстание, нужно было действовать активно и энергично. Методы борьбы партизан заставляли немецкое командование пользоваться аналогичными методами, дабы быстро расправиться с восставшими и спасти жизнь собственных солдат. Через несколько месяцев оккупационным войскам удалось сломить партизанское движение и восстановить спокойствие. Михайлович, видя, какие потери несет его народ от партизанской войны, прекратил борьбу. Таким образом, осенью 1941 года в Сербии опять было восстановлено нормальное положение, не считая отдельных рецидивов со стороны мелких отрядов, переставших подчиняться Михайловичу».

Население Югославии, страдавшее от кровавых межэтнических распрей, этнических чисток, потянулось к коммунистам, с их интернациональной программой и провозглашением равенства всех народов. Противник Тито, Михайлович, 20 декабря 1941 года обнародовал программные тезисы, которые требовали от четников «создать Великую Югославию и внутри ее Великую Сербию, этнически чистую в границах Сербии, Черногории, Боснии и Герцеговины, Срема, Баната и Бачки», а также «бороться за включение в нашу национальную жизнь всех славянских территорий, находящихся во власти итальянцев и немцев (Триест, Гориция, Истрия и Корушка) и территорий в Болгарии и Северной Албании, включая Шкодер». Он прямо требовал «провести чистку государственной территории от всех национальных меньшинств и чуждых элементов», в том числе «Санджак – от мусульманского, а Боснию – от хорватского и мусульманского населения».

Но деятельность четников в большей мере сводилась к декларациям, а не к активной борьбе с немцами или итальянцами. Зато люди Михайловича осуществляли этнические чистки среди боснийского, хорватского и албанского населения.

Уже к концу 1941 года немцы и итальянцы поняли, что их главный противник – Тито. Немцам удалось подавить к началу 1942 года восстание в Сербии и во многом нейтрализовать четников Михайловича, но Тито перенес основные усилия партизанской армии в Хорватию и Боснию – в районы проживания сербского меньшинства, которое подвергалось преследованиям со стороны хорватов и мусульман и охотно пополняло партизанские ряды. Немецкие подсчеты потерь, понесенных югославскими партизанами с начала оккупации до июля 1942 года, дают цифру примерно в 45 тыс. человек убитыми (наверняка преувеличенную), и еще тысячи были отправлены на принудительную работу в Германию и

оккупированные территории или помещены в лагеря для интернированных. Вместе с арестованными немцы в качестве превентивной меры вывезли из страны большое число бывших югославских чиновников вне зависимости от того, можно ли было доказать их связь с партизанами.

23 сентября 1942 года в Виннице произошла встреча А. Гитлера с главой «Независимого государства Хорватия» А. Павеличем; Гитлер заявил Павеличу, что из-за повстанческого движения Германия не получила с югославской территории нужного числа рабочих и необходимого сырья. Было решено две хорватские легионерские дивизии, завершающие обучение в Австрии, направить не на Восточный фронт, а в Югославию.

В свою очередь, в ноябре 1942 года Тито основал в Бихаче альтернативное правительство – Антифашистское вече народов Югославии.

Вопреки распространенному мнению, болгарские оккупационные войска в Македонии и части Сербии действовали против партизан даже более жестоко, чем немцы. Так, в марте 1943 года 32 болгарина были убиты и 26 ранены в ходе нападения к югу от Скопье. В ярости болгарские войска расстреляли 288 местных жителей, по 9 за каждого погибшего солдата, сожгли 550 домов и арестовали 715 человек. То, что болгары расстреливали подозреваемых без какого-либо следствия, вынудила немецкого командующего в Сербии потребовать от них проведения тщательного расследования каждого дела до приведения в исполнение смертного приговора. К концу 1943 года болгарские войска в Югославии разложились. Одна из семи болгарских дивизий вообще отказалась сражаться против партизан под влиянием коммунистических агитаторов. Тысячи болгарских дезертиров организовали партизанские отряды, которые при поддержке югославских партизан стали действовать как против немцев, так и против болгарского правительства с баз в Югославии.

В «умиротворенной» огнем и мечом Сербии партизанская борьба тем не менее продолжалась, хотя и в меньшем, чем прежде, масштабе. За первые три месяца 1943 года было зафиксировано 985 нападений и диверсий со стороны партизан. Было убито, в частности, 58 чиновников прогерманской сербской администрации и было разрушено 197 административных зданий.

То, что деятельность мелких групп партизан часто была значительно эффективнее, чем борьба крупных партизанских отрядов, свидетельствует Рендулич. Он признает, что более опасными для немецких войск были не значительные по численности партизанские соединения, а те, кого он называет «домашними партизанами». Они жили «преимущественно среди

деревенского населения и, казалось, занимались мирным трудом, как всякие крестьяне и ремесленники. Днем они покидали свою деревню якобы для работы в поле, используя эту возможность, а также и все ночное время для осуществления своих диверсионных актов. Они собирали сведения о дислокации немецких войск, о местах стоянок и маршрутах транспортов, давали приют связным партизанских соединений, находили знающих дорогу проводников и снабжали продовольствием партизанские отряды, проходившие через их деревни. Поскольку «домашние партизаны» жили в непосредственной близости от немецких войск, то многим из них удавалось даже получать работу в немецких комендатурах... Именно они являлись исполнителями тех враждебных актов, от которых немецкие войска могли защититься лишь с большим трудом и в результате которых они несли большие потери...

Боевые действия рассеянных по всей стране «домашних партизан» отличались особым коварством. Они убивали отдельных солдат, нападая из засады, снимали посты в населенных пунктах, бросали ночью гранаты в солдатские казармы, обстреливали связных, уничтожали автомашины, поджигали гаражи, взрывали мосты, закладывали мины у входов в помещения и в переулках населенных пунктов, занятых немецкими войсками, а также на шоссе и на полотне железных дорог. Самая важная для снабжения немецкой армии железная дорога Аграм – Белград за одну только ночь была взорвана в 80 местах».

Неудивительно, что партизанские дивизии и корпуса, и даже бригады, не сохранялись в течение длительного времени, после столкновений с немецкими соединениями они рассеивались, и их бойцы переходили на положение «домашних партизан», что делало их почти неуловимыми. Как подчеркивает Рендулич, «крупные партизанские соединения подолгу под ружьем не находились. Просуществовав некоторое время, они расформировывались, бойцы увольнялись в отпуск. Они растворялись в гуще населения и принимались за мирный труд. Путем радиоперехвата можно было постоянно наблюдать такой круговорот роспуска и создания частей партизанской армии».

Положение в Югославии становилось все серьезнее. Поражения вермахта под Сталинградом и на всем южном крыле советско-германского фронта, а также поражение германо-итальянских войск под Эль-Аламейном и высадка американских войск в Алжире изменили ход войны и стратегическую обстановку в бассейне Средиземного моря и вдохновили югославских партизан на еще более решительные удары по оккупантам. Германское командование вынуждено было принимать меры и укреплять

свою балканскую группировку как из-за действий партизан, так и для противодействия возможной высадки союзников. 28 декабря 1942 года была издана директива ОКВ за подписью Гитлера, поднимавшая статус командующего вооруженными силами на Юго-Востоке до главнокомандующего. Войска на Балканах были преобразованы в группу армий. Как и маршалу Листу более чем за год до этого, генералу Леру было поручено установить адекватную защиту от высадки союзников и уничтожить все группы повстанцев в тылу. К тому времени итальянские и хорватские войска оставили обширные районы в сельской местности, что позволило партизанам создать там свои органы власти и разместить свои вооруженные силы в населенных пунктах.

В январе – феврале 1943 года немцы при поддержке хорватов и итальянцев провели операцию «Вайс I». Ее целью было уничтожить партизан в гористых районах к западу и северо-западу от Сараево, отбросив их к реке Неретва под удары итальянцев и четников. Немецкие войска, использовавшиеся в операции «Вайсс», включали 7-ю горную дивизию СС и 717-ю пехотную дивизию, недавно прибывшую 369-ю пехотную дивизию, и один полк 187-й пехотной дивизии. Итальянские войска состояли из V корпуса итальянской 2-й армии. Им помогали еще две хорватские дивизии. В ходе тяжелых боев на первом этапе операции немцы и их союзники нанесли партизанам потери в размере более 8500 человек, взяв 2010 в плен. Немецкие потери насчитывали 335 человек убитыми и 101 пропавшими без вести, хорватские потери были в той же пропорции. У державшихся пассивно итальянцев потери были значительно ниже. В то же время во время прорыва через итальянские линии партизаны 17 февраля 1943 года в Прозоре, у реки Рамы, пленили батальон итальянцев. Затем все пленные были расстреляны, кроме шоферов, которые должны были везти боеприпасы и раненых. Тела убитых были сброшены в Раму.

В конце февраля – первой половине марта 1943 года прошла операция «Вайс II». Она не принесла большого успеха из-за неудачных действий итальянцев, на которых на этом этапе пришлось основная тяжесть боев. Основной массе партизан, в том числе и Тито со своим штабом, удалось прорваться через позиции итальянцев и четников и скрыться на юге и юго-востоке в труднодоступных горных районах Герцеговины, Черногории и восточной Боснии. Единственным стратегически важным результатом операции стало обеспечение безопасности бокситовых рудников в Далмации. Кроме того, немцев в тот момент устраивало, что Тито нанес значительные потери четникам, которых опекали итальянцы и которых особо опасались немцы в случае союзной высадки на Балканах. Делегаты

Тито в Горни-Вакуфе 11 марта 1943 года подписали соглашение с германскими представителями насчет совместной борьбы против западных союзников, в случае их высадки на Балканы, и четников. Для немцев это соглашение было лишь дипломатическим прикрытием следующей операции под кодовым названием «Шварц». Для Тито это тоже было дипломатической игрой с целью выиграть время и ослабить давление со стороны немецких войск. Воевать он собирался только с четниками, но отнюдь не с англо-американскими войсками.

В мае – июне 1943 года немецкие войска в Хорватии и Боснии провели операцию «Шварц», одной из целей которой было разоружение многочисленных отрядов четников, которым ранее итальянское командование поставляло оружие, рассматривая как противовес не только партизанам Тито, но и хорватам. Немецкое командование опасалось, что в случае высадки союзников на Балканах четники будут действовать заодно с американскими и британскими войсками. Под немецким давлением Муссолини незадолго до того, как был свергнут, распорядился прекратить помощь четникам. В качестве подкрепления немецкие войска получили 1-ю горную дивизию, прибывшую с Восточного фронта, а также боевую группу 104-й легкой дивизии из Сербии. Немецкое нападение оказалось для четников полной неожиданностью. Они понесли большие потери. Немцы взяли в плен командира четников в Черногории майора Джурисича вместе с 4 тыс. его бойцов, вынудив Михайловича бежать назад в Сербию с остатками своих войск. Вслед за этим 120-тысячная группировка немецких, итальянских, хорватских и болгарских войск нанесла поражение 20-тысячной армии Тито в сражении на берегах реки Сутьеска, в котором сам Тито был ранен в руку осколком бомбы. В этом сражении пленных не брали, а партизанам так и не удалось спасти своих раненых. Отступить титоистам пришлось под непрерывными бомбежками и артобстрелами. Партизаны потеряли убитыми более 7 тыс. человек.

20 июня 1943 года командующий немецкими войсками в Хорватии ген. Р. Лютерс доложил в ОКВ, что партизаны Тито «отлично организованы, имеют искусное руководство, чрезвычайно подвижны, активны в обороне и обладают высоким боевым духом, вызывающим изумление». А главнокомандующий Юго-Востока генерал-полковник люфтваффе Александр Лер так охарактеризовал бои на Сутьеске: «Сражение оказалось чрезвычайно тяжелым... Яростное наступление партизан на участке 2-го батальона 369-й дивизии (хорватской) привело к прорыву линии фронта у Йеласки и Мильевины. Силам противника удалось отступить через этот прорыв и скрыться в горах в северном направлении. Немецкие войска были

слишком измотаны, чтобы помешать им, кроме того, у нас не было резервов». Тем не менее у Тито под непосредственным командованием осталось не более 10 тыс. человек, с учетом присоединившегося к партизанам отряда усташей под командованием Сулеймана Филипповича.

23 июня 1943 года Тито начал свой «долгий марш» из Черногории обратно в Боснию и Герцеговину. В начале августа партизаны оказались в Западной Боснии, откуда итальянцы только что отвели свои войска к побережью, поскольку после свержения Муссолини началась их эвакуация с Балкан. Армия Тито легко справилась со слабыми хорватскими отрядами. Далее путь лежал в Бихач. По пути титоисты сожгли несколько сербских сел, поддерживавших Михайловича, и казнили три сотни четников. В 1972 году Тито признавался: «Освободительная борьба была настоящей гражданской войной, но мы в то время не признавали ее таковой, потому что это могло нанести вред нашему делу».

После свержения Муссолини немцы начали готовиться к возможной капитуляции Италии и стали постепенно заменять итальянские гарнизоны на Балканах немецкими. Зачастую итальянцы оставляли территорию еще до прихода немцев, и немецким войскам приходилось очищать ее от партизан. Немцы рассчитывали, что часть оккупационных зон Италии в Югославии и Греции возьмет на себя Болгария, но царь Борис отказался перебросить войска с турецкой границы. Как отмечают Ланц и Гейссер, «сильно волнуясь из-за возможности вступления Турции в войну на стороне Союзников, болгары не использовали свои основные боевые силы, посылая для службы в гарнизонах в болгарской зоне в Греции и Югославии второразрядные дивизии и более старых резервистов». Наблюдалось также значительное падение боеспособности хорватской армии и полиции, из которой росло дезертирство. Более или менее боеспособными оставались только две дивизии хорватских легионеров, подготовленных немцами. Их первоначально собирались отправить на Восточный фронт, но затем бросили против югославских партизан.

К концу июня 1943 года из Франции, где она была на переформировании после использования на северном и центральном участке Русского фронта, прибыла 1-я танковая дивизия. Под начало вновь сформированного штаба LXVIII корпуса, который был резервом группы армий и получил задачу по защите Пелопоннеса, попали 1-я танковая и 117-я легкая дивизии. Две другие дивизии находились на стадии формирования – 100-я легкая дивизия в Хорватии и 297-я пехотная дивизия в Сербии. Болгары увеличили численность своих оккупационных войск до семи дивизий. К концу июня в распоряжении немцев были 3 болгарские,

одна итальянская и 12 своих дивизий, разбросанных по тем районам Балкан, которые находились под номинальным немецким контролем. В их распоряжении также было несколько отдельных полков и охранных батальонов, Русский охранный корпус и некоторое количество батальонов береговой обороны и вспомогательных частей. Сербские и хорватские коллаборационистские формирования предполагалось использовать только для решения вспомогательных задач. После поражения в Северной Африке, высадки союзников в Сицилии и свержения Муссолини их надежность внушала законные сомнения.

Ланц и Гейссер так оценивают ситуацию на Балканах накануне капитуляции Италии: «В Греции оккупантам противостояли ЭЛАС и ЭДЕС, насчитывавшие по немецким оценкам от 18 000 до 20 000 человек; в Югославии от 50 000 до 60 000 партизан и от 12 000 до 15 000 четников (только мобильные группы); в Албании всего насчитывалось до 20 000 повстанцев, самой сильной группой из них была группа коммунистического лидера Энвера Ходжи. Многочисленные эксцессы со стороны оккупантов, особенно хорватских усташей, привели к враждебности со стороны больших групп населения. Такое изменение в настроении было быстро использовано вождями повстанцев, особенно коммунистами, которые использовали националистические лозунги и лозунги народного фронта, чтобы завоевать симпатию и поддержку населения. Многие бывшие коллаборационисты были прощены и приняты в повстанческие отряды, которые росли и от притока итальянских и болгарских дезертиров.

Неизбежность победы союзников стала очевидной для масс балканского населения к середине 1943 года (после поражений немцев России, в Тунисе и на Сицилии. – Б.С.), и мало кто хотел, чтобы его ассоциировали с проигрывающей стороной и репрессиями. Щедрое использование золота связными командами союзников привело ряд независимых горских вождей в лагерь повстанцев, а обещание предоставить оружие обеспечило лояльность многих кланов в более удаленных регионах».

Командующий немецкими войсками на Балканах фельдмаршал барон фон Вейхс, назначенный на эту должность 26 июля 1943 года, докладывал в ставку, что его противник – сильная, приспособленная к боям в гористой местности, хорошо вооруженная и централизованно управляемая армия. Он справедливо считал, что главный враг рейха на Балканах – Иосип Броз Тито. По реальной боевой мощи его армия превосходила не только все остальные вооруженные формирования в Югославии, но и партизанские

армии в Греции и Албании, вместе взятые. Еще более определенно высказывался рейхсфюрер Гиммлер: «Он наш враг, но мне хотелось бы, чтобы у нас в Германии был десяток таких Тито – лидеров, обладающих огромной решимостью и крепкими нервами...»

Итальянская армия на Балканах в момент капитуляции насчитывала 380 тыс. человек и состояла из 31 дивизии. После итальянской капитуляции началась настоящая гонка между партизанами и немцами – кто первый разоружит итальянские войска.

Некоторые итальянские части, опасаясь мести партизан, предпочитали дожидаться немцев, другие, не участвовавшие в карательных операциях, более охотно сдавались партизанам. Более 4 тыс. итальянских солдат и офицеров в Далмации, Словении и Хорватии дезертировали и присоединились к партизанам. Партизаны Тито заняли Сплит и овладели значительными запасами снаряжения и вооружения. Четники Михайловича также смогли занять ряд прибрежных городов Далмации и поживиться итальянскими запасами. Многие четники присоединились к партизанам Тито. Часть Далмации заняли хорватские войска.

К концу сентября 1943 года на Балканах было сосредоточено 14 немецких дивизий, численность которых вместе со вспомогательными частями составляла 600 тыс. человек. А к концу 43-го немцев на Балканах было уже 700 тыс. человек, объединенных в 20 дивизий. Армию партизан в Югославии немцы в тот момент оценивали в 145 тыс. человек, из которых не менее 90 тыс. человек находились под командованием Тито.

4 октября 1943 года немецкие войска 2-го танкового корпуса СС (44-я и 71-я пехотные дивизии, 1-й танковый полк 1-й танковой дивизии СС «Адольф Гитлер», 21-й танковый и 901-й моторизованный полки) группы армий «Б» в Северной Италии в ходе боев 2–4 октября полностью овладели коммуникациями между гг. Триест, Риека и Пула, блокировав в центре п-ова Истрия две бригады и четыре партизанских отряда. А уже 11 октября немецкие войска завершили их ликвидацию. Части немецкого 901-го моторизованного полка, прорвавшись через Горски-Котар, деблокировали гарнизон СС в Огулине, осажденном частями 8-й Пролетарской дивизии НОАЮ.

17 октября 1943 года на освобожденный частями НОАЮ о. Вис морским путем начала поступать военная помощь западных союзников из Италии. Она, а также главным образом трофеи, захваченные у итальянцев, позволили Тито удвоить численность своей армии.

Осенью 1943 года немецкому командованию удалось разгадать код, с помощью которого партизаны шифровали свои радиogramмы, так что

приказы и донесения армии Тито, отправлявшиеся по радио, довольно быстро становились известны в немецких штабах. Как отмечал тогдашний командующий 2-й танковой армией Л. Рендулич, службе радиоперехвата его армии «удалось расшифровать кодовую таблицу партизан Тито. Радиосредства Тито поставляли в большом количестве англичане. Использовались эти средства широко и беззаботно. Радиостанции были в корпусе, дивизиях и бригадах. Приказы Тито и донесения из соединений передавались в большинстве случаев по радио. Код время от времени менялся, однако достаточно было перехватить 30 радиосообщений, чтобы расшифровать новый. Место расположения раций, если этому не препятствовали сильные помехи, могли определить пеленгаторные станции. Все это позволяло получать таким путем важнейшие данные, которые всегда учитывались при проведении крупных операций».

Благодаря английской помощи югославские партизаны имели возможность гораздо шире использовать радиосвязь, чем, например, советские партизаны. Это помогало оперативнее управлять партизанскими отрядами и быстрее реагировать на изменение обстановки. Но то же радио таило в себе и серьезную опасность, ибо противник читал партизанские донесения и посредством пеленгаторов определял местоположение партизанских группировок. Трудно сказать, что здесь перевешивало.

Конечно, англичане, поставляя рации югославским партизанам, заботились прежде всего о том, чтобы оперативно получать информацию об изменении германских войск на Балканах. Но непосредственного взаимодействия у партизан Тито с англо-американскими войсками все же не было, поскольку союзники отказались от высадки на Балканском полуострове. Поэтому то число раций, которое было у югославских партизан, возможно, даже превышало их реальные нужды.

Гораздо большую проблему, чем радиосвязь, представляло для партизан Тито снабжение продовольствием. Как отмечал Рендулич, «продовольствие большей частью реквизировалось у местного населения, которое в условиях войны само имело лишь очень скудные запасы. Поэтому партизаны постоянно испытывали большой недостаток в продуктах питания. Только чрезвычайной неприхотливостью балканских народов и можно объяснить ту выносливость партизан, которая помогала им преодолевать невероятные лишения. Небольшое количество продовольствия они получали от союзников, доставлявших его по воздуху. Таким же образом, но, правда, в ограниченных размерах им забрасывалось оружие и боеприпасы. Единственное, в чем союзники им не отказывали, была взрывчатка. Позднее союзники стремились осуществлять снабжение

по морю. Предметы снабжения доставлялись на острова Далмации, затем на побережье Хорватии, а оттуда – в глубь страны. Но этот путь был закрыт, когда немецкие войска оккупировали острова и стали зорче охранять берега Югославии». В ходе зимнего наступления 1943/44 года вермахт вытеснил партизан Тито из Словении, Адриатического побережья и северо-восточной Боснии.

Вот как охарактеризовал действия немецких войск в Югославии в последние месяцы 1943-го и первые месяцы 1944 года Л. Рендулич: «В последующие месяцы начались затяжные операции против партизан, во время проведения которых немецкому командованию однажды пришлось ввести в бой сразу пять дивизий. В этом бою было уничтожено восемь партизанских дивизий, которые потеряли до 5 тыс. убитыми и 10 тыс. пленными.

Когда удалось обнаружить новую ставку Тито в южнохорватской деревне Дрвар, во второй половине мая 1944 года, по этому населенному пункту был нанесен концентрический удар, начавшийся с выброски батальона стрелков-парашютистов на его восточной окраине. Тито с большим трудом спасся от плена бегством в горы, граничащие с деревней Дрвар и покрытые большими лесными массивами. Затем он покинул Хорватию и до начала эвакуации немецких войск с Балкан находился на оккупированном англичанами острове Вис».

В ходе карательных операций в Югославии в последние месяцы 1943 года немцы взяли в плен 12 тыс. партизан. В конце года они расстреляли 220 пленных партизан, захваченных на острове Корчула в Далмации, в отместку за казнь бойцами Тито 27 пленных немецких солдат и офицеров в районе города Мостар, причем один из офицеров был кавалером Рыцарского креста.

С конца 1943 года снабжение четников со стороны англичан почти полностью прекратилось, а британские офицеры связи от них были отозваны. Поток грузов, прежде направлявшийся четникам, был переадресован партизанам Тито. Как отмечали Ланц и Гейссер, «не было сомнений в лояльности самого Михайловича королевскому правительству Югославии в изгнании. Однако было много ясных свидетельств того, что ряд его подчиненных заключал соглашения о перемирии с оккупантами и даже иногда помогал им. Будучи уверенным, что немцы и их союзники рано или поздно покинут Балканы, Михайлович считал партизан, находившихся под опекой Москвы, более серьезным препятствием для реставрации прежнего правительства».

Британский военный представитель при Тито генерал Фитцрой

Маклин 6 ноября 1943 года сообщил в Лондон, что партизанская армия Тито насчитывает 220 тыс. человек, из которых 50 тыс. находится в Боснии, 15 тыс. – в Санджаке, 50 тыс. – в Хорватии, 10 тыс. – в Славонии, 50 тыс. – в Словении и Истрии, 25 тыс. – в Далмации, 10 тыс. – в Воеводине и 30 тыс. – в Сербии и Македонии. Они сковывали 14 дивизий вермахта, как полагал британский офицер. На самом деле, конечно же, все эти дивизии не действовали в одно и то же время против партизан, также находясь в готовности отразить ожидавшуюся высадку союзников. Однако бывали периоды, когда партизан было одновременно брошено до пяти немецких дивизий.

Маклин полагал, что предпочтительнее делать ставку на людей Тито, а не на четников, поскольку пока партизаны воюют с немцами, четники либо выступают на стороне немцев, либо вообще ничего не делают. Как раз в это время с помощью дешифровальной системы «Ультра» («Энигма») англичане перехватили немецкое донесение о том, что за последние недели потери армии Тито составили 6 тыс. убитыми, а четников – всего лишь 15 человек. Маклин также утверждал, что титоисты поддерживают образцовый порядок в контролируемых ими областях, обеспечивают свободу вероисповедания и неприкосновенность частной собственности, а сам Тито вынашивает планы по созданию Югославской федерации, чтобы решить столь болезненный для страны национальный вопрос. И союзники совсем перестали оказывать помощь Михайловичу, целиком переориентировавшись на Тито.

29 ноября 1943 года в занятом партизанами боснийском городе Яйце Антифашистское вече народов освобожденной Югославии провозгласили создание Югославской Федерации. Но это событие на первых порах не отразилось на деятельности партизанской армии. Даже наоборот, партизаны в последующие месяцы подверглись наиболее сильным ударам.

В конце мая 1944 года вермахтом была проведена операция «Ход конем», главной целью которой было уничтожение или захват штаба Тито. Вот как эта операция описана в труде Ланца и Гейссера: «В ходе нее планировалось использовать части 1-й горной дивизии, части дивизии “Бранденбург”, 202-й танковый батальон, 92-й моторизованный пехотный полк (отдельный), парашютно-десантный батальон СС и ряд хорватских частей.

25 мая парашютный десант и части на планерах были высажены у штаба Тито в Дваре, в то же время танковые и пехотные части вышли из Бихача, Банья Луки и Ливно. Хотя самому Тито удалось спастись, был захвачен штаб партизан и обширная система связи. 1-я и 6-я партизанские

дивизии были сильно потрепаны в боях, потеряв всего около 6000 человек, также были захвачены огромные трофеи. Хотя это был и не смертельный удар, операция достигла своей цели, поскольку цепочка командования партизанами была временно разгромлена до тех пор, пока Тито не обосновался на острове Вис под британской защитой, а тяжелые людские и материальные потери заставили повстанцев прекратить операции в этом районе для реорганизации и перегруппировки. Но удовлетворение немцев от результатов операции было несколько испорчено потерями, которые понесли нападавшие, когда они были неожиданно атакованы американской и британской авиацией при зачистке района Дрвара».

В ходе операции на боснийский город Дрвар и пещеру близ города, где размещался штаб партизан, были сброшены авиабомбы, а следом приземлилась тысяча парашютистов, высаженных как на парашютах, так и на планерах. Одновременно к Дрвару подошли части трех немецких дивизий и хорватский полк. Немцы захватили то, что осталось от Дрвара после бомбежек, но сам Тито, члены советской и англо-американской военных миссий, офицеры Верховного штаба Народно-освободительной армии Югославии (НОАЮ) и члены Политбюро ЦК компартии ушли – по пещерным ходам, канатным спускам и горным тропам. Через несколько дней всех их самолетом вывезли в Бари, а затем английские корабли доставили их на остров Вис, откуда Тито продолжил руководить партизанами. Но лишь осенью 1944 года с уходом немцев из Сербии и Греции он смог вернуться на полуостров и вновь установить контроль над партизанскими отрядами по всей стране.

В августе ряд операций немецких войск в Югославии был направлен на то, чтобы освободить пути отхода из Греции. Показательно, что с середины 1944 года немецкие командиры в приказах начали называть части партизан бригадами, дивизиями и корпусами. На совещании 21 сентября фельдмаршал фон Вайхс выразил свое мнение о том, что размеры, вооружение, организация и операции частей партизан оправдывают тот факт, что немцы рассматривают их не менее серьезно, чем регулярные вооруженные силы противников Германии. Тогда же вместо прежнего термина «бандиты» стало употребляться нейтральное «партизаны».

В сентябре 1944 года после обращения со стороны премьер-министра Недича Сербская государственная гвардия и охранные части получили дополнительные боеприпасы. Однако, как пишут Ланц и Гейссер, «было очевидно, что уже слишком поздно укреплять как сербских коллаборантов, так и деморализованных хорватских усташей. Четники, которым грозило полное уничтожение в руках партизан, оказывали кое-какие услуги в

качестве охранных частей, но не было никакой уверенности в том, что они не будут нападать на небольшие немецкие части при такой возможности». В тот момент немецкие части в Сербии, Македонии и Черногории были сконцентрированы в крупных населенных пунктах и заняли там круговую оборону, эвакуировав предварительно весь женский персонал. Все боеспособные части из тыловых гарнизонов были переброшены в район Скопье. Тысячи четников, усташей и бойцов гвардии Недича присоединились к отступающим немцам. Фактически после падения Белграда 20 октября 1944 года, который вместе с войсками 3-го Украинского фронта брал и I партизанский корпус Тито, партизанская война завершилась. После войны англичане выдали Тито 26 тыс. югославских эмигрантов – четников, усташей и бойцов других антикоммунистических формирований. Большинство их было казнено. Были уничтожены также десятки тысяч четников и солдат хорватской армии, захваченных в плен в самой Югославии.

В Греции также существовало сильное партизанское движение. Партизан-монархистов из организации ЭДЕС (Греческая демократическая национальная лига) возглавлял отставной полковник Зервас, а основную левую повстанческую организацию ЭЛАС (Греческая народная освободительная армия) – полковник Сарафис, уволенный из армии еще в январе 1935 года за политическую деятельность. Коммунисты 27 сентября 1941 года образовали Народно-освободительный фронт (ЭАМ), а 16 января 1942 года создали Народно-освободительную армию (ЭЛАС). Организация Зерваса базировалась в горах Эпира на северо-западе Греции; ЭЛАС же действовала на остальной территории страны. Если ЭДЕС поддерживала контакты с греческим королевским правительством в изгнании, то ЭЛАС функционировала при ЭАМ (Национальный освободительный фронт) – коалиции левых партий, основой которой были коммунисты. Другой повстанческой группой, по своей природе являвшейся социалистической и отчасти сотрудничавшей с ЭЛАС, была ЭККА (Национальное и социальное освобождение), возглавляемая полковником Псарросом и действовавшая в центральной Греции. Греческие партизаны, в отличие от югославских, развернули активные боевые действия только в 1942 году. Первоначально здесь не было крупных соединений. Греки в основном нападали из засад на итальянские и немецкие колонны и на коммуникации. Однако со временем в Греции появились партизанские полки и дивизии. Так, в ЭЛАС насчитывалось 10 дивизий в среднем по 3 тыс. партизан в каждой.

Организация ЭДЕС, благодаря британской помощи вооружением и снаряжением, выросла с 98 человек в начале 1942 года до 600 человек два

месяца спустя, в связи с чем был сформирован ее первый батальон. Пополнению рядов партизан помогали и передачи Би-би-си на Грецию.

Штаб ЭДЕС подчинялся командованию британских сил на Среднем Востоке и греческому правительству в изгнании, но к концу 1942 года реально он контролировал лишь один батальон и ряд более мелких подразделений. Все попытки англичан объединить монархистов и коммунистов в Греции, как и в Югославии, окончились провалом.

К марту 1943 года в ЭДЕС входило уже до 4000 человек, было сформировано несколько батальонов и полков, некоторыми из которых командовали бывшие офицеры греческой армии. К июлю 1943 года в ЭДЕС входило до 10 батальонов общей численностью в 7000 человек. Штаб и основная часть этих сил находились в Эпире, а меньшие группы действовали в Фессалии и Пелопоннесе.

Греческие партизаны использовали как трофейное вооружение, так и поступавшее от англо-американских союзников морем и воздухом. Югославские партизаны снабжались союзниками в значительно меньшей степени. Регулярные поставки начались только в 1943 году и предназначались армии Тито, которая одна к тому времени заявила себя в качестве реальной силы, противостоявшей немцам и итальянцам.

Вот как описывают одно из крупнейших сражений партизан ЭЛАС с немцами уже знакомые нам Ланц и Гейссер: «До тех пор, пока Сарафис не принял командование над ЭЛАС в мае 1943 г., эта организация ограничивалась проведением ряда нескоординированных нападений. Однако с приходом нового командующего ЭЛАС вскоре стала организованной силой. К середине 1943 г. в нее входило примерно 7 дивизий, включавших 12 000 человек, и части ЭЛАС действовали по всей Греции за исключением района гор Пиндов, удерживавшегося ЭДЕС.

Первоначальные успехи повстанцев против оккупантов в 1943 году быстро закончились после перевода на помощь итальянцам из Сербии в Грецию и Албанию немецкой 1-й горнопехотной дивизии. Заранее получив предупреждение от своей великолепной разведки, партизаны планировали нанести сильный удар новому врагу до того, как он утвердится в качестве оккупанта.

Повстанческая операция должна была начаться, как только горные войска прошли бы на юг через деревню Лесковичи, находившуюся высоко в горах на албанской стороне греко-албанской границы. Поскольку в то время местные жители свободно переходили эту границу, операцию в основном проводили греки. Как обычно, повстанцы очистили деревню от всех местных жителей и заняли позиции в зданиях вдоль главной улицы.

По плану они должны были позволить авангарду пройти, а потом открыть огонь по основной части войск, проходящей по улице и дороге. После этого большие силы партизан должны были выйти из укрытий в ближайших холмах и довершить разгром деморализованных немцев.

Однако, вместо того чтобы вслепую маршировать в деревню, немцы сначала охватили ее с обоих флангов, и некоторые повстанцы преждевременно открыли огонь. Быстро развернувшись, основная часть немецких войск окружила Лесковичи и перед началом штурма сначала тщательно обстреляла ее из орудий. Силы повстанцев, прятаясь на холмах вне деревни, были скошены артиллерийским огнем, когда они попытались прийти на помощь тем, кто сидел в засаде в деревне, а операция в Лесковичах вылилась в борьбу за каждый дом. Каменные дома были хорошей защитой для осажденных партизан, которые нанесли большие потери немецким горным стрелкам до того, как те смогли ввести в бой значительное количество пехоты и противотанковой артиллерии, чтобы разрушить укрепления.

Часть повстанцев спаслась, выдавая себя за гражданских лиц, бегущих из деревни, когда сражение было в самом разгаре. Но когда немцы вблизи узнали своих противников, они стали останавливать всех, кто пытался покинуть деревню, и вскоре задержали странную коллекцию мужчин и подростков в обносках. Изучение этих пленных и тел, найденных на руинах Лесковичей, показало, что большая часть повстанцев была одета в гражданскую одежду или части немецкой и итальянской формы. Их единственными знаками различия были маленькие серпы и молоты».

Бой под Лесковичами еще раз доказал, что крупные армейские соединения, да еще хорошо подготовленные для сражений в горной местности, партизанам не по зубам. Последние вернулись к атакам на неприятельские обозы и небольшие подразделения.

После капитуляции Италии, с заменой в Греции итальянских оккупационных войск германскими, активность партизан резко снизилась – вермахт был на порядок боеспособнее итальянской армии. Немецкие дивизии обладали значительным количеством тяжелого вооружения и необходимого для горной войны снаряжения и имели большой боевой опыт. ЭДЕС вообще на некоторое время прекратила все активные боевые операции против немцев. Однако, чтобы не потерять британскую поддержку, Зервас не мог в открытую принять немецкое предложение о перемирии. ЭЛАС же продолжала нападения на отдельных представителей оккупационных властей и коллаборационистов, а также на небольшие группы войск и полиции.

В Греции, в отличие от Югославии, почти все итальянские части предпочли сдаться немцам. Они были сведены в трудовые батальоны. На сторону партизан перешли только одна дивизия «Пиндоло» и кавалерийский полк «Аоста». Отдельные небольшие группы итальянцев ушли в горы, где присоединились к греческим партизанам или были взяты в плен. На острове Кефалония немцы расстреляли 4 тыс. итальянских солдат и офицеров за отказ сдаться. На Родосе итальянцы сдались лишь после упорного боя. А гарнизон острова Лерос, где 5-тысячный итальянский гарнизон был усилен 3-тысячным английским отрядом, сопротивление продолжал до 17 ноября 1943 года.

Греция и до войны импортировала продовольствие, так что здесь партизанам приходилось особенно тяжело. В Югославии, которая давно уже была экспортером зерна и некоторых других видов продовольствия, проблемы с питанием были критическими только в некоторых неплодородных горных районах или в местностях, где оккупационные войска изымали и вывозили большие запасы продуктов. Как указывают Ланц и Гейссер, в отношении снабжения продовольствием «необходимо различать статические и мобильные подразделения повстанцев. Статические подразделения жили как крестьяне или торговцы, когда не принимали участия в операциях, и могли сами себя содержать, тогда как мобильные подразделения постоянно скрывались и редко когда могли сами себя пропитать. Поэтому мобильные части стали практиковать реквизиции продуктов в сельской местности, поскольку достаточные запасы продовольствия не удавалось захватывать на складах, а союзники по большей части привозили по воздуху оружие, боеприпасы, взрывчатку и другое военное снаряжение. На начальном этапе деревням в районе действия одной группы поручалась поставка определенного количества конкретных продуктов, которые обычно забирались по ночам. Периодически отряды повстанцев воевали между собою, если один отряд проникал на территорию другого отряда, чтобы добыть еду; иногда крестьяне сами сопротивлялись реквизициям». Следует подчеркнуть, что такая же картина наблюдалась и среди советских партизан.

Балканские партизаны первоначально были одеты в гражданскую одежду и отдельные предметы итальянского и немецкого обмундирования, а также в старую югославскую и греческую форму. Позднее союзники доставляли балканским партизанам английскую форму цвета хаки. На ней партизаны либо не носили никаких эмблем, либо, в зависимости от политических симпатий, прикрепляли царские гербы, красную звезду или серп и молот.

Как свидетельствуют Ланц и Гейссер, «нехватка одежды и необходимость добывать форму для маскировки вскоре привели к тому, что раздевание трупов стало обычной практикой, а экстремисты среди повстанцев калечили и живых и трупы, чтобы осуществить личную месть. Эти террористические акты вызвали жестокую месть со стороны немцев и их союзников, что еще больше увеличило ярость борьбы».

Объясняя меньшее развитие партизанского движения в Греции по сравнению с Югославией, те же авторы пишут: «Обладая более гомогенным населением и центральным правительством, каким бы слабым и коллаборационистским оно ни было, оккупированная Греция представляла собою меньше проблем в это время, чем Югославия. Обычный немец уважал культуру древней Эллады и относился к греческому населению лучше, чем к различным югославским народам, которых он считал родственниками русским и славянскими варварами. Также и экономическая ситуация в Греции, которая не могла производить достаточно еды, чтобы кормить собственное население, и которая впала в крайнюю нищету из-за потери мировой торговли довоенных лет, внесла заметный вклад в то, чтобы держать греков под контролем оккупационных сил и марионеточного режима».

В конце 1943 года в ходе операций германских и болгарских войск в районе перевала Мецован городов Яннина и Арта и горы Олимп греческие партизаны потеряли, по немецким оценкам, 1400 человек и 3 артиллерийских орудия, прежде захваченных у итальянцев. Партизаны же утверждали, что только в сентябре 1943 года уничтожили не менее 1000 немецких солдат. В ходе последующих карательных операций в Греции немцы и болгары убили и взяли в плен, по их оценке, около 1200 партизан, потеряв при этом лишь 27 убитых, раненых и пропавших без вести. Партизаны же ЭЛАС утверждали, будто только в январе и феврале 1944 года они уничтожили более 2700 неприятельских солдат и до 30 танков. В борьбе с ЭЛАС немцы фактически начали взаимодействовать с ЭДЕС, поставками оружия покупая ее нейтралитет. Как утверждали Ланц и Гейссер, «для того, чтобы дорога Яннина – Арта и большая часть Пиндов были очищены от сил ЭЛАС, местные немецкие командиры, с одобрения командующего группой армий, снабдили ЭДЕС легким оружием и амуницией. В соответствии с немецкими оценками силы Зерваса в это время состояли только из 2500–3000 человек, но они были хорошо дисциплинированы, адекватно вооружены и организованы в хорошо сбалансированные подразделения, обладавшие достаточным количеством тяжелого оружия, чтобы оказывать огневую поддержку для партизанских

действий. В противоположность ЭДЕС, ЭЛАС выросла до 20 000 человек, у нее были одинаково вооружены только подразделения до уровня батальона, у нее не хватало тяжелого оружия в достаточном количестве, и у нее была более слабая организация и дисциплина, нежели у националистов Зерваса».

В марте 1944 года в результате нападения на немецкую колонну грузовиков на дороге Спарта – Триполис в Пелопоннесе было убито 18 немцев, а 44 – ранено. В качестве возмездия было расстреляно 200 подозреваемых коммунистов, сожжено 10 деревень, а Пелопоннес объявлен на военном положении.

26 апреля 1944 года одна из групп британских командос, периодически высаживавшихся на греческих островах с разведывательно-диверсионными целями, захватила в плен немецкого генерала Карла Крейпе, командира 22-й воздушно-десантной дивизии на Крите, беспрепятственно пройдя через систему береговой обороны и мимо ряда охранных постов на острове, и благополучно доставила генерала на территорию Италии, уже занятую союзниками Италии. В начале мая греческие партизаны убили генерал-лейтенанта Креха, командира 41-й крепостной дивизии на Пелопоннесе, и трех человек из его штаба. В отместку были расстреляны 325 заложников, подозреваемых в сочувствии к ЭЛАС. Участились также нападения на немецкие коммуникации в Греции.

Наиболее крупная в 1944 году операция немецких войск в Греции под кодовым наименованием «Гемсбок» проводилась с 6 по 14 июня 1-й горной и 297-й пехотной дивизиями, а также дивизионной группой (временной дивизией) «Штейрер», состоявшей из ряда охранных батальонов, в Северной Греции и в Южной Албании. Ее целью было уничтожение примерно 9000 членов ЭЛАС и других коммунистических повстанцев на территории, находившейся примерно в квадрате Корча – Валона – Саранде – Василикон. Немцы считали эту операцию успешной, но большей части партизан удалось ускользнуть. Вот что пишут об операции «Гемсбок» Ланц и Гейссер: «Находя дырки в немецком фронте, ряд небольших партизанских отрядов прорвался через линию 297-й пехотной дивизии и ушел на север; остатки повстанческих сил двинулись на юг в свой оплот к западу от дороги Василикон – Пермет – Тепелене. Достигнув дороги на четвертый день операции, горная дивизия отдохнула и перегруппировалась, чтобы начать подъем по практически вертикальным склонам к западу от Пермета на следующее утро. Теперь, когда пути спасения на север и юг были заблокированы, оставшиеся повстанцы были зажаты в горном районе около Куча и уничтожены в ходе тяжелых боев, шедших еще три дня. Местность была покрыта пещерами, которые приходилось тщательно

осматривать, а повстанцев убивали или брали в плен после рукопашных схваток. В ходе операции «Гемсбок» повстанцы потеряли более 2500 человек убитыми и взятыми в плен, а также большие запасы оружия; немецкие потери в ходе операции насчитывали 120 убитыми и 300 ранеными». Партизаны убили 80 раненых из состава 1-й горнострелковой дивизии, попавших в их руки после того, как они захватили санитарный обоз.

Через три недели после завершения операции «Гемсбок» XXII горный корпус, усиленный 1-й горнострелковой дивизией, провел в Северной Греции операцию «Штайнадлер». В ходе ее предполагалось уничтожить отряды партизан, угрожавшие дорогам Корча – Яннина и Яннина – Триккала. Пользуясь пересеченной местностью, большинство из более чем 6 тыс. партизан ушли на северо-запад. Лишь около 1,5 тысячи из них были окружены в районе города Пендалофона и уничтожены в ходе двухдневной зачистки. Греки потеряли 567 человек убитыми и 976 взятыми в плен. Кроме того, в плен были взяты 341 итальянец и 7 британцев. Захваченные трофеи включали в себя 10 тонн взрывчатых веществ, более трех четвертей миллиона ружейных и пулеметных патронов и около 10 000 голов скота, по большей части овец и коз. Потери немцев тоже были весьма значительны.

3 июля 1944 года, очевидно, вдохновленный успешной высадкой союзников в Нормандии, Зервас внезапно возобновил боевые действия против немцев, захватив 10 км побережья возле Парги, а затем атаковав неприятеля и в районе Арты. На побережье был высажен 5-тысячный отряд греческих регулярных войск, базировавшийся в Египте, который присоединился к ЭДЕС. 5 августа немцы предприняли карательную операцию против отрядов Зерваса, в ходе которой партизаны потеряли 298 человек убитыми и 260 взятыми в плен, тогда как немецкие потери составили 20 человек убитыми, 112 ранеными и 1 пропавший без вести.

Всего за июль и август 1944 года немецкие войска потеряли в борьбе с партизанами в Греции и Албании 936 убитыми, 1235 ранеными и 275 пропавшими без вести. Партизаны потеряли 5394 убитыми и 768 взятыми в плен. В этот период немцы также несли максимальные потери от налетов союзной авиации. Только за одну неделю, закончившуюся 4 августа, они составили 32 убитыми и 26 ранеными. Уже в конце августа немецкое командование начало эвакуацию войск из Греции на линию Корфу – Яннина – Калабака – Олимп, за исключением гарнизонов Родоса и Крита. Теперь, после перехода Румынии на сторону противника, защита Южной Греции полностью теряла смысл. Но после того как 8 сентября Болгария объявила войну Германии, а на следующий день там произошел

коммунистический переворот, бессмысленным стало и удержание Северной Греции, Албании, Македонии и Сербии. Немецким войскам удалось выбить болгар из Скопье, но в тот же день, 9 сентября, по всей Греции началось всеобщее восстание. Партизаны ЭЛАС, численность которых достигла 50 тыс. человек, и ЭДЕС, чья армия была впятеро меньшей, сначала совместно нападали на отступающие немецкие войска, но очень скоро погрязли в гражданской войне друг с другом. В начале ноября немцы эвакуировались из Греции. Большая часть гарнизонов Родоса и Крита попала в плен, как и некоторые тыловые части в материковой Греции. Потери греческих партизан за всю войну оцениваются в 30 тыс. погибших, подавляющее большинство которых было из состава ЭЛАС.

В Албании мощный центр партизанского движения возник уже весной 1941 года, после начала войны стран Оси с Югославией, в горных районах вблизи Тираны. В мае 1941 года здесь было совершено неудачное покушение на итальянского короля. В ноябре 1941 года в столице Албании состоялся объединительный съезд Компартии Албании, генеральным секретарем которой был избран 33-летний Энвер Ходжа, несколько лет живший во Франции и ставший членом Французской компартии. Ходжа был твердым сталинистом. Он же возглавил и наиболее многочисленные отряды партизан. К началу 1942 года всех албанских партизан насчитывалось уже около 10 тыс. бойцов. Они действовали и в Сербском крае Косово, и в Западной Македонии. Обе эти территории были присоединены итальянцами к Албании, которая формально числилась под протекторатом Рима. В феврале 1942 года Ходжа призвал албанцев организовывать народно-освободительные советы, а 16 сентября 1942 года по инициативе коммунистов был создан Народно-освободительный фронт Албании. Однако два месяца спустя национал-радикалы и роялисты, увидев, что коммунисты доминируют в НОФА, вышли из него и создали свой собственный Национальный фронт Албании. Между националистическими и коммунистическими отрядами начались стычки, переросшие в гражданскую войну. В апреле 1943 года 35 партизанских отрядов (чет) объединились в Народно-освободительную армию Албании. 10 июля 1943 года был образован Высший штаб народно-освободительной армии, которую возглавил полковник Спиро Моиси, а политкомиссаром был назначен лидер коммунистов Энвер Ходжа. Высший штаб призвал албанский народ ко всеобщему восстанию. В начале сентября, после капитуляции Италии, в районе озера Малич албанские партизаны разоружили несколько тысяч итальянских солдат и офицеров, но уже 10 сентября в Албании высадилась 70-тысячная группировка германских

войск, пришедшая на смену итальянцам. Немцы провозгласили независимость Албании с присоединением прежних югославских территорий, образовали новое албанское правительство во главе с крупным землевладельцем Реджэпом Митровицей и установили с новым марионеточным государством дипломатические отношения. После этого силы Национального фронта перешли на сторону оккупантов и вместе с немецкими войсками стали бороться против партизан Ходжи.

К концу 1943 года под контролем коммунистических партизан оставался ряд горных районов Центральной и Южной Албании. В начале 1944 года германские войска провели мощное наступление против НОАА, но полностью уничтожить ее не смогли. К концу ноября немецкие войска ушли из Албании, и партизанская война там закончилась. Потери албанских партизан составили 28 тыс. человек убитыми и 12 тыс. ранеными. К власти в Тиране в конце ноября 1944 года пришли коммунисты. В сентябре 1946 года силы Национального фронта подняли антикоммунистическое восстание на севере Албании, но оно было жестоко подавлено.

Первые партизанские отряды в Италии возникли вскоре после падения Муссолини, арестованного по приказу короля Виктора Эммануила 25 июля 1943 года. Итальянские антифашисты помогали бежать из лагерей военнопленным – британским и советским. 8 сентября 1943 года, в день капитуляции Италии, глава правительства маршал Бадольо призвал народ к партизанской войне. К осени организовались первые отряды, костяк которых составляли бывшие пленные. Эти отряды пытались перейти линию фронта.

В дальнейшем в Италии все партизаны были объединены в Корпус добровольцев свободы (итал. Corpo Volontari della Liberta). Однако это произошло не сразу. Первоначально партизанскими отрядами непосредственно руководили создавшие их антифашистские партии. Однако, по утверждению бывшего начальника штаба немецких войск в Италии генерала Зигфрида Вестфала, «в то время среди итальянцев еще было мало таких людей, которые готовы были начать борьбу со своими недавними союзниками, как с врагами, поэтому масштабы деятельности партизан зимой 1943/44 года были незначительны». Также и Кессельринг отмечал, что «партизанские отряды начали причинять нам беспокойство в Апеннинах и по обе стороны от них с апреля 1944 года. Они проявляли наибольшую активность в районе Флоренции, где, в связи с тем, что их деятельность мешала снабжению наших войск, потребовались военные контрмеры».

Наиболее боеспособными партизанскими отрядами располагала компартия Италии. Она сформировала ударные бригады имени Гарибальди, а также подпольные Группы патриотического действия в городах и сквадры (эскадроны) патриотического действия в сельских общинах. Большинство бойцов в партизанских отрядах составляли бывшие солдаты и офицеры итальянской армии.

После высадки союзников в Нормандии и захвата союзными войсками Рима 4 июня 1944 года партизанское движение в Италии, как во Франции, значительно усилилось. По оценке Кессельринга, в тот момент в партизанских отрядах состояло от 50 до 100 тыс. человек.

По предложению коммунистов 9 июня 1944 года в Милане было создано подпольное Главное командование Корпуса добровольцев свободы, объединившее партизанские отряды в единую армию. Антифашистские партии входили в командование корпуса на паритетных началах, однако преобладающим влиянием в нем пользовались компартия и левая антифашистская Партия действия, контролировавшие наибольшее число отрядов. Главному командованию подчинялись командования областей, военных зон, провинций и отдельных участков. Главное командование выполняло политические директивы Комитетов национального освобождения Северной Италии и осуществляло общее стратегическое руководство партизанской войной. Летом 44-го численность итальянских партизан превысила 100 тыс. человек. Особенно много их было в Тоскане. На действия против них были отвлечены почти все силы 210-тысячной армии Итальянской Социальной Республики Муссолини (4 дивизии и 1 бригада) и периодически – 1–2 немецкие дивизии. Зимой 1944/45 года в результате немецких карательных мер, неблагоприятных погодных условий и ряда частных соглашений немцев с отдельными партизанскими отрядами о прекращении огня численность партизан значительно упала. Но в марте – апреле 45-го, после улучшения погоды, а, главное, в связи с уже очевидной в тот момент близостью окончательного поражения Германии, партизан стало в несколько раз больше. Их численность увеличилась до 200–300 тыс. человек. Наиболее опасными и наиболее жестокими Кессельринг считал партизан в Истрии и на северо-востоке Ломбардии. Они стремились нарушить немецкие коммуникации, хотя и не смогли все же существенно повлиять на ход боевых действий на Итальянском фронте вплоть до последних недель войны.

Кессельринг так охарактеризовал особенности итальянского партизанского движения: «Поводы говорить о наличии в зонах действия партизан более или менее дисциплинированных отрядов, имевших свое

руководство, появились после осени 1944 года – например, в районе Александрии. Те отряды, костяк которых составляли бывшие военнослужащие, были организованы на военный манер. Однако их численность и эффективность действий были невелики. Поначалу они обеспечивали себя всем необходимым за счет местного населения, причем отнюдь не добровольно, а личный состав пополнялся за счет парашютистов, а также десантников с подводных лодок.

Партизанское движение было организовано следующим образом:

Группа 1 – “разведывательные подразделения” – профессионально хорошо подготовленные, они действовали очень небольшими группами (их, наверное, можно было во многом приравнять к британским и американским коммандос. – Б.С.). Их члены были связаны друг с другом клятвой и являлись храбрецами, которые рисковали жизнью. К ним не могло быть никаких претензий, кроме той, что они нарушили международное право. К этой же группе относились и диверсанты, однако они серьезно нарушали законы гуманности, и к тому же среди них было много преступных элементов.

Группа 2 – подонки, которые убивали и грабили всех подряд. Эти люди были национальным бедствием.

Группа 3 – собственно партизанские отряды. Со временем они стали все больше походить на военные подразделения. Эти отряды считали врагами всех немцев и фашистов и в большей или меньшей степени пользовались поддержкой местного населения, нередко пополняя за его счет свои ряды. В районах, где они действовали, существовали целые партизанские деревни и даже районы, в которых каждый мужчина, каждая женщина или ребенок были связаны с партизанами и являлись либо бойцами отряда, либо их помощниками и сочувствующими. Что двигало этими людьми – искренние убеждения или мягкое принуждение, – для нас не имело значения. Когда от партизанской пули погибал немецкий солдат, у нас не было возможности разбираться в этих тонкостях. В то же время на территории Италии имелись районы, где налицо была лишь “угроза появления партизан”, и даже совершенно “свободные от партизан” зоны.

В целом партизанские отряды представляли собой разномастное сборище итальянских и балканских солдат, немецких дезертиров (обычно из инонациональных частей вермахта и вспомогательных служб, укомплектованных лицами ненемецкой национальности. – Б.С.) и местного гражданского населения – как мужчин, так и женщин, людей разного возраста, разных занятий, убеждений и моральных принципов... Знаменем патриотизма зачастую прикрывалось удовлетворение самых низменных

инстинктов».

Как правило, точно на такие же группы делилось партизанское движение и в других странах. Были среди них хорошо подготовленные разведывательно-диверсионные группы, работавшие в тесном контакте со спецслужбами своих стран или главных держав Антигитлеровской коалиции. К их числу, например, относился знаменитый отряд Дмитрия Медведева «Победители» или отряд имени Берии во главе с Кириллом Орловским, подчинявшиеся НКВД. Как правило, эти отряды вели себя наиболее цивилизованно, значительную часть не только оружия и взрывчатки получали из центра, а если что и брали у местных жителей, то расплачивались за продовольствие. Исключение здесь составляли, пожалуй, только советские отряды, которым, из-за отсутствия средств, порой приходилось реквизировать продовольствие. Но открытого грабежа они старались не допускать. Были и просто уголовные элементы, от которых в равной мере страдали и оккупанты, и мирное население. К этого рода группам были близки и «дикие» партизаны, боровшиеся с оккупантами на свой страх и риск и не имевшие постоянной связи с командованием союзников или с местным партизанским командованием. И, наконец, основная масса партизан, объединенная в крупные отряды или целые партизанские соединения – бригады и дивизии. Они подчинялись партизанскому командованию соответствующей страны, но обладали значительной долей самостоятельности в ведении боевых действий.

Кессельринг утверждает, что в Италии «партизанская война была грубым нарушением международного права и противоречила всем принципам ведения боевых действий. Главной причиной этого было отсутствие в Италии настоящих лидеров и недостатки тех, которые имелись в наличии, – из-за этого создание какой-либо регулярной вооруженной организации и ее обучение оказались невозможными. Вместо этого южный темперамент итальянцев привел к напоминающим бунт хаотичным действиям, в которых патриотическая окраска сочеталась с всплеском самых низменных инстинктов, что зачастую не оставляло место для сожалений и угрызений совести. Партизаны небольшими группами или в одиночку действовали, не считаясь ни с кем и ни с чем. Они осуществляли свою подрывную работу везде... и при этом всегда исподтишка... Ежедневно они совершали нападения из засады, вешали, топили, сжигали, распинали свои жертвы, применяли все известные виды пыток, отравляли колодцы, нередко используя для совершения своих преступлений символику Красного Креста».

Насчет отсутствия у итальянских партизан яркого и пользующегося

всеобщим признанием лидера Кессельринг прав. Это предопределило отсутствие в Италии единой партизанской армии и более локальный характер действий отдельных отрядов. Таким безоговорочным лидером был Тито в Югославии, Ходжа – в Албании, до некоторой степени – лидер ЭЛАС полковник Сарафис в Греции. Таких лидеров не было среди партизан Франции, да и Польши. Но во Франции партизаны целиком ориентировались на взаимодействие с союзниками, а в Польше сама по себе существовала отлаженная структура Армии Крайовой, что компенсировало отсутствие харизматического вождя.

Что же касается жестокости партизан, то она отнюдь не зависела от наличия или отсутствия во главе их популярного вождя. Партизаны Тито, возможно, даже действовали более жестоко, чем итальянские гарибальдийцы. Сами условия партизанской войны предполагали особую ожесточенность борьбы и несоблюдение обычаев и законов ведения войны всеми сторонами. Даже командос и близкие к ним по положению разведывательно-диверсионные группы, как правило, убивали пленных, если те не предназначались для вывоза на Большую землю. Жестокость оккупантов вызывала жестокость партизан, жестокость партизан – жестокость оккупантов. И этот круговорот продолжался до самого конца войны и в первые послевоенные месяцы, когда партизаны Тито расправлялись с усташами и четниками, а итальянские партизаны-коммунисты – с фашистами.

Как отмечает Кессельринг, «в районах действия партизан немецкий солдат фронтовик невольно видел в любом местном жителе... как мужского, так и женского пола, убийцу-фанатика и исходил из того, что в него в любой момент могут начать стрелять из любого дома. Все местное население так или иначе помогало партизанам и предупреждало их об опасности с помощью специальной системы сигналов».

По оценке Кессельринга, потери немецких войск в Италии от действий партизан в период с июня по август 1944 года, когда партизанская война достигла пика, составили 5 тыс. убитыми и еще 7–8 тыс. погибших или похищенных из числа пропавших без вести. Примерно столько же, 12–13 тыс. солдат, было ранено.

С начала мая 1944 года высший руководитель СС и полиции в Италии Карл Вольф был подчинен Кессельрингу в отношении борьбы с партизанами и агентурой противника на Итальянском театре военных действий. За пределами театра, в районах, не относящихся к тыловой зоне группы армий «Юго-Запад», Вольф мог проводить антипартизанские операции самостоятельно, но на практике делал это только по

согласованию с Кессельрингом. По свидетельству Кессельринга, организация борьбы с партизанами была следующей: «В зонах боевых действий и в районах, непосредственно примыкающих к ним, руководство противопартизанскими операциями осуществлялось армейскими командирами. “Противопартизанскими разведывательными операциями” в основном руководило командование группы армий, армейская разведка и СС; служба безопасности СС отвечала за осуществление соответствующих директив, а армейские штабы должны были ей содействовать. Точно так же было организовано сотрудничество службы безопасности СС с тайной полевой полицией. В принципе руководство той или иной противопартизанской акцией поручалось кому-то из старших офицеров, независимо от того, где он служил – в армии, в СС или в полиции, причем это никоим образом не снимало с него ответственности, связанной с его основной деятельностью.

В тыловых районах обычным стал следующий порядок: в тылах или прибрежных секторах корпусов и дивизий за антипартизанскую деятельность отвечали командующие корпусов или дивизий; они определяли свои зоны ответственности в соответствии с местами дислокации подчиненных им войск. В армейских тылах руководство операциями, направленными против партизан, осуществлялось через узлы связи командования, использовавшиеся как стационарные командные пункты...

Для осуществления крупномасштабных акций против партизан, предпринимавшихся по просьбе группы армий, держались наготове особые части единого или смешанного состава, имевшие свое независимое командование. В таких случаях главным фактором успеха была не столько численность и ударная мощь войск, привлекавшаяся к борьбе с партизанскими отрядами, сколько возможность выделить для этого особые части без ущерба для положения дел на передовой.

Поначалу с противопартизанскими операциями успешно справлялись пехотные части, со временем с расширением и обострением конфликта с незаконными вооруженными формированиями стало все чаще требоваться применение артиллерии, минометов, танков, огнеметов и другой техники. Хорошо обученные и оснащенные военнослужащие, занимавшиеся борьбой с партизанами, были организованы в “карательные части и подразделения” и всегда готовы к немедленным контрмерам в нашем тылу; в то же время их можно было в случае необходимости использовать для защиты от воздушного десанта противника... В случае, если бы противнику удалось прорвать наши боевые порядки на фронте,

карательные части могли бы дополнительно усилить оборону в нашем тылу, защищая ущелья, места возможного проникновения в населенные пункты и системы укреплений...

Уверенность в том, что масштабы этой необычной войны будут расти, заставили меня отдать приказ о принятии всех доступных мер для того, чтобы остановить ее или хотя бы ограничить ее расширение. Этими мерами были: выявление ячеек сопротивления, а впоследствии и самих незаконных организаций, посредством полицейского наблюдения: политическое умиротворение при содействии Ватикана и видных итальянских политических и религиозных деятелей, глав местных администраций и других влиятельных лиц; шаги, направленные на улучшение положения населения, помилование и освобождение от военной и трудовой повинности и от вывоза в Германию; и, наконец, радиопропаганда... Были предприняты попытки прекращения боевых действий, по крайней мере, в отдельных районах и пусть лишь на какой-то период времени, причем в ряде случаев эти попытки оказались успешными...

К июню 1944 года мне стало ясно, что партизаны могут создать серьезные помехи отходу моих войск... Я надеялся, что за счет энергичных мер и использования регулярных войск нам удастся остановить развитие партизанской войны, которая превращалась в месть со стороны нерегулярных вооруженных формирований и... могла привести лишь к хаосу. Такая война имеет свои особенности, к которой приходится приспосабливать законы обычной тактики. Рекогносцировке местности перед боем должно предшествовать постоянное и глубокое изучение противника. Войска не годились для этого. Этим занимались специально обученные служба безопасности и тайная полевая полиция. Успех любой операции определялся секретностью и внезапностью... Постепенно стало правилом окружать районы действия партизан колоннами и либо полностью блокировать их, либо атаковать с помощью войск... Вместо того, чтобы дожидаться, пока в них начнут стрелять из какого-нибудь дома, наши солдаты стали нейтрализовывать возможных снайперов, заблаговременно открывая огонь по подозрительным строениям и продолжая его до тех пор, пока противник не был выведен из строя. Это был единственный способ защититься от пули в спину. Особую важность приобрела для нас защита тыловых обозов и коммуникаций, а также безопасная перевозка раненых – нам необходимо было решить, чтобы избежать серьезных потерь.

Учитывая жестокость и антигуманный характер действий партизанских отрядов, в критический период я был вынужден отдать

приказ о неограниченном применении против них любого оружия. Это было сделано для того, чтобы сократить те невероятно большие потери, которые мы несли из-за беспечности и совершенно неуместной мягкости, проявляемой нашими солдатами. Война против партизан неизбежно приводила к атрофии человеческих чувств, которая таила в себе большую опасность. Однако пытаться избежать ее было равносильно самоубийству.

Из принципа я воздержался от применения против партизан бомбардировочной авиации, которая, естественно, была бы наиболее эффективным средством борьбы с ними, – я не мог взять на себя ответственность за ущерб, который бомбардировки могли бы причинить мирным жителям в случае нанесения ударов по густонаселенным районам».

В мемуарах Кессельринг стремился продемонстрировать собственный гуманизм. Разумеется, в условиях густонаселенной территории Северной Италии бомбардировки с воздуха привели бы к большим жертвам среди гражданского населения. Однако вряд ли это было основной причиной, по которой Кессельринг отказался от воздушных налетов на партизан. Дело в том, что бомбардировочной авиации у немцев на Итальянском театре кот наплакал, к тому же англо-американская авиация господствовала в воздухе. В этих условиях бросать остродефицитные бомбардировщики против партизан было не только рискованно, но и, по большому счету, бессмысленно. Ведь итальянские партизаны укрывались в лесисто-гористой пересеченной местности, бомбардировки которой не могли дать сколько-нибудь существенного эффекта. Кессельринг, как опытный авиационный военачальник, это хорошо понимал.

Он отмечал, что принятые меры ограничили если не развитие партизанского движения, то, по крайней мере, его воздействие на ситуацию на фронте: «С ростом численности партизан увеличивалось и количество районов партизанской опасности или контролируемых партизанами районов. Однако реальная угроза исходила из них в тех случаях, когда деятельность иррегулярных вооруженных формирований напрямую влияла на события, происходящие на передовой».

В Италии соглашение о слиянии всех партизанских отрядов в единую армию без разделения по партийной принадлежности было достигнуто только 29 марта 1945 года, за месяц до капитуляции немецких войск в Италии. К тому времени численность партизан достигла четверти миллиона человек. Командующим корпусом добровольцев свободы был назначен генерал Р. Кадорна, представлявший либеральную партию. Его заместителями стали Луиджи Лонго, один из лидеров коммунистов, и

Ферруччо Парри, один из создателей Партии действия, продолжавшие руководить большей частью партизанских отрядов. К концу войны в Корпусе состояло 150 тыс. человек, объединенных в 104 дивизии и 52 горные бригады. С июня 1944 по март 1945 года провели 6,5 тыс. боевых операций и более 5,5 тыс. диверсионных актов. По их собственным данным, партизаны уничтожили более 16 тыс. неприятельских солдат и захватили в качестве трофеев 109 орудий, 1,4 тыс. пулеметов и более 6,5 тыс. винтовок. По данным властей Итальянской Социальной Республики, только в феврале – марте 1944 года ее войска в борьбе с партизанами потеряли 344 убитых и 339 раненых. Наиболее тяжелые потери партизаны понесли зимой 1944/45 года, когда немцы предприняли против них широкомасштабные карательные операции. Основные партизанские силы были оттеснены в труднодоступные горные районы и лишились возможности воздействовать на немецкие коммуникации.

Партизаны подняли всеобщее восстание в апреле 1945-го и своими силами освободили большинство городов Северной Италии. Оно началось в ночь с 19-го на 20-е апреля с восстания в Болонье, откуда партизаны выбили отступающие немецкие войска. К тому времени немецкий фронт в Италии был прорван англо-американскими войсками, а сколько-нибудь боеспособные дивизии вермахта были переброшены на более важные фронты. Немцы и войска фашистской Италии беспорядочно отступали к австрийской и швейцарской границе. В ночь с 25-го на 26-е апреля восстание охватило крупнейшие города Северной Италии – Геную, Милан, Турин, Венецию и др. К концу апреля весь север Италии был освобожден партизанами. 2 мая союзные войска приняли капитуляцию германской группы армий «Юго-Запад» в Италии.

Партизаны в Италии не испытывали недостатка продовольствия. В отличие от Балкан, в Италии его было с избытком, и население охотно поставляло его партизанам. Они также значительно пополнили свои арсеналы из складов вооружения и снаряжения итальянской армии. Кроме того, снаряжение и боеприпасы доставлялось английскими и американскими самолетами и подводными лодками. Борьбу с партизанами в непосредственной близости от фронта, а также на последних участках обороны побережья должны были вести полевые армии, а в остальных случаях эта задача возлагалась на командующего войсками СС и полицией. Немцы считали итальянских партизан вне закона, часто расстреливали пленных и широко практиковали заложничество. Всего в итальянском движении Сопротивления участвовало более 462 тыс. партизан, объединенных более чем в 1000 бригад. 76 тыс. из них погибли.

В Польше уже в конце сентября 1939 года, когда еще не была даже завершена оккупация страны вермахтом и Красной армией, была создана подпольная Служба победы Польши, подчинявшаяся правительству Сикорского в Париже. В нее вошли те солдаты и офицеры, которым посчастливилось избежать немецкого или советского плена. Служба победы начала организацию сил для борьбы с германскими оккупантами. В начале 1940 года ее преемником стал Союз вооруженной борьбы, также подчинявшийся польскому правительству в изгнании. Оно после падения Франции перебралось в Лондон.

14 февраля 1942 года была создана Армия Крайова (Государственная армия), подчинявшаяся правительству в изгнании в Лондоне. Ее деятельность распространялась на всю территорию Польши в границах 1939 года, в том числе на Западную Украину, Западную Белоруссию и Южную Литву с Вильно. В Западной Белоруссии и Литве партизаны АК пользовались поддержкой белорусов-католиков и противостояли Литовской освободительной армии и польским партизанам, а позднее – и советским партизанам. На Украине вынуждены были сражаться не только с немцами, но и с Украинской повстанческой армией и немногочисленными советскими партизанскими отрядами. Главное командование АК подчинялось польскому Верховному главнокомандующему в Лондоне. Армия Крайова снабжалась вооружением и продовольствием, доставлявшимся британской авиацией, но возможности королевских ВВС из-за удаленности Польши от мест ее базирования были очень ограниченными. В основном бойцы АК воевали польским оружием, не попавшим в 39-м году в руки немцев, а также пользовались трофеями. Продовольствие «аковцы» получали у местного населения, охотно его предоставлявшего, и неизменно платили за него, не допуская грабежа или незаконных реквизиций.

Летом 1943 года гестапо арестовало создателя АК генерала Станислава Грота-Ровецкого, и Армию Крайову возглавил генерал граф Тадеуш Комаровский (Бур). АК занималась разведкой, диверсионными акциями, устраивала налеты партизанских отрядов на неприятельские коммуникации и гарнизоны. Поскольку коллаборационистов в Польше было очень мало, в том числе из-за нежелания немцев допускать поляков, считавшихся расово неполноценными, на сколько-нибудь значимые административные должности, борьба с польскими предателями занимала сугубо подчиненное положение в деятельности АК. Германская оккупационная администрация в Польше («Генерал-губернаторстве») в большей мере опиралась на фольксдойче, против которых АК вела ожесточенную борьбу.

Особенно активизировалось партизанское движение в Польше после начала советско-германской войны. Помимо Армии Крайовой, подчинявшейся правительству в изгнании в Лондоне и, пусть скупое, но снабжавшейся англичанами вооружением, боеприпасами и денежными средствами, при содействии СССР была создана менее многочисленная прокоммунистическая Гвардия людова, в 1943 году реорганизованная в Армию Людову (Народная армия). Действия польских партизан, по признанию самих немцев, создавали значительные помехи бесперебойному снабжению Восточного фронта, но по размаху уступали деятельности советских партизан.

Своей главной задачей командование Армии Крайовой видело подготовку всеобщего вооруженного восстания в момент, когда определится поражение Германии и фронт вплотную придвинется к польским землям. В Лондоне польское Верховное главнокомандование должно было организовать снабжение восставших с английских и американских баз в Италии и Англии. Осенью 1943 года командование АК разработало план «Буря», предусматривающий нападение польских партизанских отрядов на отступающие германские войска и освобождение ими основных польских городов. Отряды АК атаковали в июле 44-го Вильно и Львов и помогли Красной армии освободить эти города. В благодарность они были разоружены и интернированы. Части их бойцов удалось бежать на этнически польские земли. Советский Союз в апреле 43-го разорвал дипломатические отношения с польским правительством в Лондоне после того, как было раскрыто советское преступление в Катыни, на расследовании которого настаивало польское правительство в изгнании. И в Англии, и в США руководители не сомневались, что Катынь – дело рук русских, но предпочли молчать, поскольку Сталин оставался ценнейшим союзником в войне. Как писал в своем дневнике британский статс-секретарь сэра Александр Кадоган после получения первых докладов о Катыни в апреле 1943 года, «если представить себе на мгновение, что в 1940 году в руках русских оказались не поляки, а мы, то вряд ли такая Катынь прибавила бы учтивости в нашем к ним отношении... Все это в высшей степени отвратительно. Как только могут поляки хотя бы даже просто полюбовно соседствовать бок о бок с русскими, и как можем мы сами, глядя на все это сквозь пальцы, как ни в чем не бывало обсуждать с русскими вопрос о наказании немецких “военных преступников”?» Тогда же во время авиакатастрофы в Гибралтаре погиб генерал Сикорский, и его место во главе правительства занял гораздо менее популярный и влиятельный Миколайчик. В организации катастрофы подозревали

британские секретные службы, поскольку Англия старалась не акцентировать внимание на Катыни, чтобы не портить отношения с СССР, а Сикорский настаивал на расследовании этого преступления. СССР создал марионеточное польское просоветское правительство Польский комитет национального освобождения, в июле 44-го обосновавшийся в освобожденном Красной армией Люблине.

Крупнейшей акцией Армии Крайовой стало восстание в Варшаве, продолжавшееся с 1 августа по 2 октября 1944 года. В нем приняло участие около 40 тыс. бойцов АК и отдельные отряды Армии народной. Лишь четверть повстанцев первоначально была вооружена. Позднее вооружение было улучшено за счет трофеев и оружия и боеприпасов, сбрасывавшихся с английских самолетов. Повстанцы сковали три немецкие дивизии. Красная армия не оказала помощь варшавским повстанцам, так как Москва рассчитывала установить в Польше марионеточное коммунистическое правительство и не признавала польское правительство в Лондоне. Всего в Армии Крайовой состояло свыше 350 тыс. человек, принявших присягу, в том числе более 10 тыс. бывших офицеров. Из них в борьбе против немцев погибло около 60 тыс. человек. В коммунистической Армии народной партизан было на порядок меньше.

Во Франции борьба против германской оккупации началась еще до капитуляции. За несколько дней до Компьенского перемирия, 18 июня 1940 года, генерал де Голль обратился к народу с воззванием, призывая продолжать борьбу с немцами, и основал движение «Свободная Франция». Но партизанское движение во Франции началось лишь вскоре после нападения Германии на СССР. Его организовали коммунисты, прежде из-за пакта Молотов – Риббентроп не выступавшие с прямыми призывами к борьбе против немцев. В народе партизан называли «маки» – от maquis. Это слово означает заросли вечнозеленых колючих кустарников, где партизанам было удобно укрываться от преследователей.

И.Г. Стаинов свидетельствует: «Большую роль в развитии французского партизанского движения, как и во многих других странах, сыграли воины 14-го Испанского партизанского корпуса, часть которого после падения республики была интернирована во Францию. После оккупации Франции бойцы корпуса вырвались из лагерей и занялись привычным делом под командованием Антонио Буйтраго, прежде заместителя командира корпуса. К 1943 году корпус имел уже 27 диверсионных бригад, сведенных в девять дивизий. Их действия распространились на $\frac{2}{3}$ территории Франции, они участвовали в

освобождении ряда городов, в том числе Марселя и Парижа. Во Франции, как, например, и в Чехословакии, Болгарии, Югославии и других странах, примерно 80 % командиров партизанских соединений и специалистов-диверсантов были подготовлены либо прямыми участниками партизанской войны в Испании, либо прошедшими через их руки инструкторами. Бывший начальник штаба 14-го партизанского корпуса Л. Илич был начальником оперативного отдела главного штаба французских партизан».

Позднее свои партизанские отряды организовали и сторонники генерала де Голля. Кроме того, во Франции действовали британские командос, взаимодействовавшие с партизанами. Командос были одеты в форму, однако часто поверх нее надевали гражданскую одежду. Партизаны же форму не носили. Отличительным знаком «маки» служил разве что черный берет. Основу «маки» составили французы, уклонившиеся от отправки на принудительные работы в Германию.

Как пишет Рендулич, «жертвами партизан пали тысячи немецких солдат, немецких и французских полицейских и французов, дружелюбно настроенных по отношению к Германии. Они совершили тысячи нападений на железные дороги и мосты, уничтожили большое количество военных материалов, предназначенных для германских вооруженных сил, а также произвели много налетов на французские военные заводы. Действия иностранных агентов сводились главным образом к актам саботажа. Оружие и взрывчатые вещества партизаны брали из скрытых от немцев запасов бывшей французской армии. В большом количестве получали они его от союзников по воздуху. Благодаря тому, что немецким органам безопасности удалось захватить несколько партизанских радиостанций, в большом количестве разбросанных по стране и служивших для связи с иностранными руководящими органами, и включиться в партизанскую радиосеть, большая часть сбрасываемого с воздуха оружия перехватывалась немецкими войсками, а многочисленные группы агентов уничтожались».

Коммунистические партизаны во Франции образовали Объединенное движение Сопротивления. Голлисты же создали Организацию армии Сопротивления. В момент высадки союзников в Нормандии обе организации были объединены во Французские внутренние силы (ФВС). Их возглавил генерал Кениг. 15 июля 1944 года союзное командование объявило, что на членов ФВС распространяются права комбатантов. Они должны были отныне носить форму и нарукавные повязки. Главнокомандующий немецкими войсками Запада фельдмаршал фон Клюге 24 июля 1944 года отказался признать это заявление, ссылаясь на

заключенное в 1940 году перемирие с Францией, запрещавшее любому французу вести вооруженную борьбу против Германии и ставившее этих борцов на положение находящихся вне закона «вольных стрелков». Однако поражения, понесенные немцами во Франции, заставили немцев изменить отношение к партизанам. Немецкое командование вынуждено было признать их комбатантами, но потребовало, чтобы они были сведены в подразделения и части, действовали совместно с войсками союзников на фронте и носили повязки и прочие ясно различимые знаки различия. Крупнейшую карательную операцию немецкие войска и милиция правительства Виши против отрядов французских партизан, сосредоточенных на плато Веркор, провели вскоре после высадки союзников в Нормандии. По немецким данным, 1031 партизан был убит и 288 человек захвачены в плен. Вообще же массового партизанского движения, в отличие от Италии и Балкан, Франция не знала. Как острили современники, массовая запись в Сопротивление началась после высадки в Нормандии. Кстати сказать, подобная «массовая запись» в тот период была характерна и для Бельгии, Голландии, Дании и Норвегии. Тогда же массы рядовых французов приняли участие в восстаниях в Париже и городах Южной Франции, фактически освобожденных партизанами еще до подхода союзных войск. Хотя, разумеется, без действий союзников, разбивших основные немецкие силы во Франции, эти восстания не могли быть успешными. Всего же во Франции погибло около 20 тыс. партизан и в ответ на их действия было расстреляно около 30 тыс. заложников.

Вообще же главный упор во Франции был сделан не на действия партизанских отрядов, а на акты саботажа и диверсий, направленные прежде всего против системы коммуникаций и военного производства. Для движения Сопротивления во Франции характерна особо тесная координация деятельности с союзным командованием, что обуславливалось близостью Англии и важностью Французского театра боевых действий как будущего Второго фронта. В то же время в разрушении коммуникаций роль бойцов Сопротивления была все же второстепенной по сравнению с действиями англо-американской авиации. Во Франции во многом были осуществлены идеи Старинова об ориентации партизан преимущественно на минно-диверсионную войну. Но и в этом случае оказалось, что заменить собой стратегическую авиацию они не могут. Хотя, если принять во внимание, что у СССР практически не было стратегической авиации, относительный эффект от минно-диверсионной войны на советско-германском фронте мог бы быть относительно большим, чем на Западе, разумеется, если бы такая война была бы поставлена на

первый план.

В целом в Западной Европе оккупационный режим был мягче, чем в Восточной Европе, что привело к тому, что партизанское движение там было значительно меньшим по своему размаху. Как отмечает французский историк Камил Ружерон, если в Западной Европе в 1942 году один солдат оккупационных войск приходился на 100–200 жителей, то на Балканах – на 25–30 жителей. Тут сказалась также значительно большая плотность населения в западноевропейских странах. Ведь оккупационные войска призваны были контролировать не столько население, сколько территорию, в том числе и в ожидании возможного вторжения союзников. И основная масса оккупационных войск как раз и была предназначена для отражения возможного вторжения, а отнюдь не для действий против партизан.

Уровень развития партизанского движения в Европе, как и на оккупированной территории СССР, напрямую зависел от уровня жестокости германской оккупационной политики. Вплоть до конца войны не было массового партизанского движения в Бельгии, Люксембурге, Голландии и Дании, народы которых, по расовой классификации национал-социалистов, считались «германскими». Кроме того, в низинной и безлесной Северо-Западной Европе природные условия не благоприятствовали партизанскому движению. Поэтому здесь большее значение имели городские подпольные группы, совершавшие акты саботажа и диверсии в тесной координации с Лондоном. В двух других германских протекторатах с «германским» населением, Чехии (протекторат Богемия и Моравия) и Норвегии, равно как и в союзной Словакии, массовое партизанское движение возникло лишь в последние месяцы войны, когда скорый крах Германии стал очевиден. В Словакии в конце 1944 года произошло антигерманское восстание, в ходе которого к повстанцам присоединилась основная часть словацкой армии. После подавления восстания уцелевшие отряды повстанцев продолжали партизанские действия вплоть до конца войны. В Праге же в последнюю неделю войны произошло всеобщее восстание против немецких оккупантов. В Норвегии, где существовало королевское правительство в изгнании и чья армия вместе с армией союзников оказала серьезное сопротивление германскому вторжению в 1940 году, в 1940–1945 году действовали небольшие партизанские отряды и городские подпольные организации, взаимодействовавшие с британскими командос. Наиболее на шумевшей акцией британских командос и бойцов норвежского Сопротивления стало уничтожение завода по производству тяжелой воды в 1943 году, что в значительной мере затруднило реализацию германского ядерного проекта. Потери норвежских партизан и

подпольщиков за годы войны составили, по некоторым оценкам, около 5 тыс. человек. В Чехии было убито 450 партизан, в Словакии – 1,7 тысячи. Кроме того, в Чехии в ходе всеобщего восстания в 1945 году погибло несколько тысяч человек. Стоит напомнить, что самой громкой акцией чешского Сопротивления стало убийство в 1942 году засланной из Лондона группой чехов-террористов имперского протектора Богемии и Моравии и главы РСХА Райхардта Гейдриха.

Отсутствие массового движения Сопротивления в странах Северо-Западной Европы не помешало массовым немецким репрессиям немцев против тех, кого подозревали в участии в Движении Сопротивления. В Бельгии было казнено более 4 тыс. антифашистов и заложников, в Норвегии – 5 тыс., в Дании – 1,5 тыс., в Голландии – более 25 тыс. (здесь сказалось как то, что в стране активно действовали английские спецслужбы, так и то, что Голландия вплоть до самого конца войны оставалась под германской оккупацией).

В Германии попытка создать партизанское движение, направленное против армий стран Антигитлеровской коалиции, предпринятая в последние недели войны, в апреле 45-го, полностью провалилась. Немаловажным здесь было то обстоятельство, что в Германии ни до войны, ни в годы войны планы партизанской войны не разрабатывались и к взаимодействию с возможными прогерманскими партизанами в рейхе не готовились. Ведь расчет делался на блицкриг, в ходе которого никакое дружественное Германии партизанское движение просто не успело бы возникнуть. Организация «Вервольф» сумела совершить лишь несколько акций, самой громкой из которых стало убийство бургомистра Аахена, сотрудничавшего с союзными войсками. Основная причина провала «партизан фюрера» состояла в том, что крах Германии весной 1945 года был уже слишком очевиден для подавляющего большинства немцев. Кроме того, немецкая национальная психология не располагала к партизанским методам борьбы, и в мирное время вермахт не готовился ни к партизанской, ни к контрпартизанской борьбе. И, наконец, концентрация советских и союзных войск, оккупировавших Германию, была столь велика, что никакой эффективной партизанской организации создать было невозможно. Тем более что германские военачальники в своем подавляющем большинстве строго соблюдали условия капитуляции и прямо запрещали своим подчиненным переходить к партизанской войне. Так, Кессельринг, главнокомандующий Юга, приказал высшему эсэсовскому начальнику обергруппенфюреру Паулю Хауссеру сразу после капитуляции «проследить, чтобы сдача войск СС проходила в точном соответствии с

моими директивами; коротко говоря... все должно пройти без глупостей вроде попыток в последний момент скрыться в горах». Как вспоминал Кессельринг, «Хауссер, самый популярный и один из наиболее способных генералов СС, успешно выполнил все мои рекомендации, что, впрочем, не спасло проверенных в боях и дисциплинированных военнослужащих СС от особого, и не всегда гуманного, обращения».

Главное же, Гитлер был мертв, государство, которое он создал, капитулировало, и будущие партизаны не могли рассчитывать на помощь извне. Почти никто из немецкой молодежи в партизаны-вервольфовцы не пошел, предпочтя плен. Те же, кто по молодости в плен не попал, пытался как-то устроить свою жизнь в оккупированной Германии, не собираясь больше бороться и умирать за идеалы национал-социализма.

Как немцы, так и партизаны в Европе совершили немало жестокостей. Методы борьбы, применявшиеся обеими сторонами, не отличались от тех, что практиковались на оккупированной советской территории. Так, Кессельринг в мемуарах признавал, что «германской стороной также совершались чудовищные вещи», но считал, что ответственность за эксцессы должна быть в равной мере разделена между регулярными немецкими частями, самими партизанами и немецкими дезертирами и отставшими от частей солдатами, творившими насилия в отношении мирных жителей.

Необходимо напомнить, что Кессельринг издал ряд приказов о борьбе с партизанами, за которые британский военный трибунал судил его после войны и приговорил к расстрелу. Смертная казнь по личному ходатайству Черчилля была заменена пожизненным заключением, во время которого 65-летний фельдмаршал сначала клеил бумажные пакеты, а потом писал мемуары. Семь лет спустя после ареста, в 1952 году, Кессельринга выпустили из тюрьмы и амнистировали. Позднее комиссия по денацификации в Баварии не нашла в действиях фельдмаршала состава преступления и полностью оправдала его.

В приказе Кессельринга от 17 июня 1944 года, в частности, говорилось: «Борьба против партизанских отрядов должна осуществляться всеми доступными средствами и с максимальной суровостью. Я поддерживаю любого командира, который в выборе этих средств выйдет за границы нашей общей сдержанности». В приказе же от 1 июля 1944 года фельдмаршал приказывал: «В моем обращении к итальянцам я объявил тотальную войну партизанам. Это заявление не должно остаться пустой угрозой. Я обязываю всех солдат и офицеров и чинов военной полиции в случае необходимости применять суровые меры. За любым актом насилия

со стороны партизанских отрядов должно немедленно следовать возмездие.

В районах, где появляется значительное число партизан, определенный процент местных жителей мужского пола, который должен определяться особо, следует арестовывать и в случае совершения партизанами актов насилия расстреливать.

Населенные пункты, в которых происходят нападения на наших солдат и т. п., должны сжигаться. Непосредственные участники и зачинщики этих нападений должны подвергаться публичной казни через повешение».

Позднее на суде Кессельринг оправдывал свой приказ статьей 358d «Правил наземной войны» армии США, которая гласила: «Заложники, арестованные и удерживаемые с целью использования их в качестве средства для предотвращения незаконных действий со стороны вооруженных сил противника или населения, могут подвергаться наказанию или смертной казни, если упомянутые незаконные действия все-таки совершаются». Эти правила также разрешали расстреливать без суда и следствия партизан, захваченных на месте с оружием в руках.

Другой приказ Кессельринга, от 21 августа 1944 года, регламентировал возможные действия против партизан. Там, в частности, говорилось: «За последние недели в ходе крупных операций против партизан произошли инциденты, которые наносят серьезный вред доброму имени немецкого солдата и дисциплине германских вооруженных сил и которые не имеют никакого отношения к осуществлению ответных мер против незаконных вооруженных формирований.

Поскольку борьба против партизанских отрядов должна проводиться с использованием самых суровых мер, в отдельных случаях при этом могут пострадать невинные люди.

Если, однако, крупная противопартизанская операция в том или ином районе вместо восстановления порядка приведет лишь к еще более серьезным волнениям среди населения, а также создаст серьезные проблемы со снабжением продовольствием, в решении которых в конечном итоге приходится принимать участие германским вооруженным силам, то это будет свидетельством того, что операция была проведена неправильно и должна рассматриваться не иначе, как грабеж.

Сам дуче в своем письме, адресованном доктору Рану, нашему послу, с горечью жаловался на то, каким образом проводятся многие операции против партизанских отрядов, и на репрессивные меры, от которых в конечном итоге страдали не столько бандиты, сколько население.

Последствия подобных действий очень серьезно подорвали доверие к вермахту, тем самым увеличив число наших врагов и оказав помощь

вражеской пропаганде».

И в следующем приказе, датированном 24 сентября 1944 года, утверждалось: «Дуче снова передал мне письменные заявления о действиях военнослужащих наших частей, дислоцировавшихся в Италии, против населения; эти действия противоречат моей директиве от 21 августа 1944 года; эти действия являются возмутительными и способствуют переходу добропорядочных и энергичных представителей местного населения в лагерь нашего противника или партизан. Я больше не намерен смотреть сквозь пальцы на подобное поведение, прекрасно осознавая, что в результате подобных безобразий страдают невинные.

Жалобы дуче переданы на рассмотрение представителей высшего командования; генералу, в районе ответственности которого произошли упомянутые выше случаи, предложено расследовать наиболее вопиющие из них и доложить о результатах расследования мне, а также передать материалы расследования для принятия окончательного решения по ним командирам соответствующих частей. Эти офицеры также доложат мне о принятых мерах».

На суде Кессельринг свидетельствовал, что ни одно из расследований не подтвердило обвинений против немецких военнослужащих, упомянутых в приказе, хотя в других случаях сведения о нарушениях, совершенных военнослужащими, подтверждались, и тогда он отдавал их под суд. Часто на немцев, по словам Кессельринга, списывали деяния фашистов самого Муссолини, или переодетых в немецкую форму итальянских уголовников. Подобный результат не вызывает удивления. Опыт Второй мировой войны, равно как и практически все партизанские войны XX века, доказывают, что органы военной юстиции и командование крайне редко признают эксцессы, совершенные своими солдатами и офицерами в борьбе против партизан, и еще реже наказывают за это подчиненных.

Советские партизаны и их противники, как мы помним, совершали ничуть не меньше жестокостей, чем совершали партизаны и каратели на Балканах и в Италии.

В целом можно сделать вывод, что в Европе немцы боролись с партизанами теми же методами, что и на оккупированных советских территориях. На Балканах, как и в России, начиная с конца 1943 года основными способами активной борьбы с партизанами тогда, когда немцы не могли выделить крупные соединения полевых войск, стали охотничьи или егерские команды. Как пишут Ланц и Гейссер, «личный состав таких частей обычно состоял из молодых и опытных ветеранов немецких кампаний на других фронтах. Хорошо подготовленные физически и

обученные жить в дикой природе в течение длительного периода времени, егеря мало зависели от колонн с припасами и могли преследовать партизан, зачастую обремененных ранеными, семьями и пожилками, в самых недоступных районах. Если этого требовала ситуация, егеря надевали на себя гражданскую одежду, маскируясь под четников или партизан, чтобы ближе подобраться к осторожному противнику. Если они выходили на большие силы повстанцев, части егерей, редко превышавшие по силе отделение, начинали наблюдать за ними и информировать об этом батальон или другие вышестоящие штабы. Ожидая подкрепления, они пытались получить дополнительные сведения о силе и диспозиции повстанцев. Хотя они и проводили успешные мелкомасштабные операции, частей егерей было слишком немного, чтобы они могли решающим образом повлиять на исход кампании против повстанцев». Они же отмечают, подтверждая правоту И.Г. Старина, в 1944 году успевшему помочь Тито в организации минной войны на Балканах, что больше всего беспокойства немцам доставляли партизанские мины. Как англичане и американцы, так и русские поставили балканским партизанам значительное число противотанковых мин с неметаллической оболочкой, которые трудно было обнаружить. Они выводили из строя немецкие автомашины, а уцелевшие солдаты часто становились жертвами партизанских засад.

Бывший командующий немецкими войсками на Балканах Л. Рендулич в послевоенных мемуарах оправдывал взятие заложников: «Среди других форм преследования “домашних партизан” репрессии против населения рассматривались солдатами как нечто самое отвратительное. Но никаких других средств для прекращения или по крайней мере для ослабления поддержки партизан со стороны населения, кроме допускаемого международным правом взятия заложников, не было. Если немецкие солдаты продолжали погибать от действия партизан, заложников расстреливали. Как правило, заложников брали из тех слоев населения, которые симпатизировали партизанам, а также среди лиц, заподозренных в том, что они сами являются партизанами. Таким образом, население вполне сознавало ту опасность, которой оно само себя подвергало. Число диверсий благодаря этим мерам значительно уменьшилось, хотя, разумеется, прекратить их окончательно не удалось. Без этой меры, вызванной инстинктом самосохранения, масштабы партизанской войны стали бы поистине безграничными и привели бы немецкие войска к еще большим потерям. Бесспорно, что убийство невинных людей является противоестественным. Но ведь и немецкие солдаты, убитые партизанами столь противозаконным и коварным способом, были в равной степени

невинными жертвами. Другого выхода из конфликта между человечностью и военной необходимостью не могло и быть».

Особую ожесточенность партизанской войны в Италии, как и в Югославии, придавало то, что в стране фактически шла гражданская война между двумя итальянскими правительствами, королевским и республиканским, между коммунистами, игравшими ведущую роль в партизанском движении, и фашистами. По некоторым оценкам, после победы в Италии партизаны убили более 50 тыс. сторонников Муссолини, которого они расстреляли в последние дни войны.

В целом проблемы правовой регламентации партизанской войны остаются нерешенными и по сей день. После Нюрнбергского процесса общепризнанной стала только недопустимость захвата и репрессий против заложников в ответ на действия партизан. Однако на практике заложничество заменяется массовыми казнями и иными репрессиями против мирного населения, обвиненного в пособничестве партизанам, причем основательность этих обвинений проверить практически невозможно. В результате очень часто страдают люди, заведомо невинные. В то же время партизанам безусловно запрещены акции против мирного населения, равно как противостоящей им армии – карательные обстрелы и бомбардировки населенных пунктов, где действуют партизаны. На практике в современных партизанских войнах не соблюдается ни то, ни другое. Партизанам запрещается убивать неприятельских раненых и пленных, но не возбраняется уничтожать коллаборационистов. С этой точки зрения незаконными являются террористические акты в московском метро или взрывы гражданских самолетов, осуществленные чеченскими террористами, захват заложников в «Норд-Осте» и Беслане, но вполне законным – убийство пророссийского президента Чечни Ахмада Кадырова. Предполагается, что партизаны должны быть в форме и с ясно видимыми знаками различия. На практике же партизанам довольно трудно соблюдать требования какой-либо единообразной формы одежды. Однако расстрел на месте или после короткого военно-полевого судопроизводства партизан, попавших в плен в гражданской одежде или в форме противостоящих им войск и полиции, допускается только в условиях военного времени. Поскольку в подавляющем большинстве случаев после Второй мировой войны война партизанам и повстанцам не объявлялась, то такого рода экзекуции с формальной точки зрения являются незаконными, но военнослужащие и полицейские привлекаются за это к ответственности в редких случаях, обычно тогда, когда соответствующее происшествие получило широкую

огласку. Надо также учитывать, что любому партизанскому движению, даже самому организованному, всегда сопутствует элемент стихийности, и оно, в свою очередь, порождает стихийные акты мести со стороны войск и полиции, а стихию, как известно, очень трудно ввести в правовые рамки.

И во Второй мировой войне, и до, и после нее, месть как правило осуществляется по схеме, блестяще спародированной еще в 1920 году Евгением Замятиным в рассказе «Арапы», написанном под впечатлением событий Гражданской войны в России: «Нынче утром арапа ихнего в речке поймали. Ну так хорош, так хорош: весь – филейный. Супу наварили, отбивных нажарили – да с лучком, с горчицей, с малосольным нежинским... Напитались: послал Господь!» Когда же арапы, в свою очередь, жарят шашлык из краснокожего, это вызывает совсем другую реакцию:

«— Да на вас что – креста, что ли, нету? Нашего, краснокожего, лопаете. И не совестно?»

– А вы из нашего отбивных не наделали? Энто чьи кости-то лежат?

– Ну что за безмозглые! Дак ведь мы вашего арапа ели, а вы – нашего, краснокожего. Нешто это возможно? Вот дайте-ка, вас черти-то на том свете поджарят!»

В общем, если кратко суммировать этот принцип применительно к Второй мировой войне, то получится приблизительно так. Когда немцы партизанскую разведчицу распинают или командира партизанского отряда на кол сажают, в Белоруссии, на Балканах или в Италии – это бесчеловечное преступление, попрание всех мыслимых законов, божеских и человеческих. А вот если партизаны коллаборациониста живьем на костре поджаривают или немецким раненым животы вспарывают – это жестокости войны, которые сами же немцы и их прислужники спровоцировали. Да и вообще, раз немцы войну начали, то в борьбе против них все средства хороши. Можно хоть колодцы, хоть пищу в немецких армейских столовых травить.

Не последнее значение имеет вопрос о цене партизанской войны, выраженный в человеческих жизнях. По утверждению Ланца и Гейссера, «на основе неполных данных о потерях, с определенной аккуратностью можно сказать, что к концу военных действий в число потерь попал каждый седьмой солдат в немецкой форме вне зависимости от того, был ли он немцем. К моменту капитуляции еще тысячи тех, кто не смог убраться с Балкан, чтобы сдаться Союзникам в Италии или Австрии, попали в руки югославам». Из этого перечня исключены четники, хорватские военнослужащие, итальянцы, болгары, но зато включены бойцы Русского

охранного корпуса, казачьего корпуса генерала Паннвица и «восточных батальонов» из бывших советских граждан, входивших в состав вермахта. Тито же после войны утверждал, что всего его армия уничтожила 450 тыс. неприятельских солдат. Это число колоссально преувеличено. Даже если учесть, что основную массу потерь в боях против партизан Тито понесли итальянцы, хорваты, гвардейцы Недича, болгары и четники, тогда как основные потери самим партизанам, наоборот, нанесли немецкие формирования. Ведь немецкая сухопутная армия с начала Балканской кампании в апреле 1941 года и до конца ноября 1944 года, когда партизанская стадия борьбы уже завершилась, немецкие сухопутные силы потеряли 24 267 убитыми и умершими от ран и 12 060 пропавшими без вести. Если вычесть отсюда потери в ходе Балканской кампании апреля – мая 1941 года – 3600 погибших, то собственно на потери в ходе борьбы против балканских партизан, причем не только югославских, но и албанских и греческих, придется не более 20 667 убитых и 12 060 пропавших без вести. Даже если добавить сюда на порядок меньшие потери люфтваффе и потери во время регулярных боевых действий в последние полгода войны, цифра все равно не будет особенно впечатляющей. И совершенно невероятно, чтобы итальянцы и бойцы коллаборационистских формирований за это же время ухитрились понести безвозвратные потери, в 15–20 раз превышающие немецкие! Потери же югославских партизан оцениваются в пределах от 220 тыс. до 305 тыс. человек. По некоторым оценкам, погибло до 770 тыс. мирных граждан Югославии, ставшими жертвами террора немцев, итальянцев, четников, усташей и партизан Тито. После победы партизанами Тито было уничтожено, по разным оценкам, от 335 до 770 тыс. человек. Хорватская армия всего потеряла погибшими на Восточном фронте и в борьбе с партизанами 16 тыс. человек. Итальянская армия в борьбе против партизан Албании, Греции и Югославии потеряла погибшими 42 тыс. человек, в том числе 2 тыс. – в Албании. Таким образом, общие потери немцев, хорватов и итальянцев в борьбе с партизанами на Балканах не превышали 91 тыс. человек в период до декабря 1944 года. Если добавить сюда потери немецкой армии на Балканах в последний год войны потери четников и гвардейцев Недича, равно как и Русского охранного корпуса, определить даже приблизительно не представляется возможным, однако вряд ли они превышали суммарные потери войск стран Оси, т. е. 100 тыс. человек, а скорее всего были значительно меньше. Так что в целом баланс боевых действий на Балканах был в пользу Германии и ее союзников. Ведь одни только потери партизанской армии Тито даже по минимальной оценке

оказываются ниже, чем общие потери немцев и их союзников на всем Балканском полуострове. Если же учесть потери албанских и греческих партизан, то общие потери балканских партизан составят от 278 до 363 тыс. человек погибшими против примерно 200 тыс. у немцев и их союзников. Похожее соотношение потерь было и в ходе партизанской войны в Италии. Здесь партизаны потеряли убитыми 76 тыс. человек. Армия Итальянской социальной Республики в 1943–1945 годах понесла потери в 19 тыс. убитых и умерших от ран. Из них, по всей вероятности, не менее трех четвертей потерь – около 15 тыс. – пришлось на борьбу с партизанами. По оценке Кессельринга, во время пика активности партизан летом 1944 года немцы потеряли погибшими и пропавшими без вести около 13 тыс. человек. Можно предположить, что в остальные месяцы, когда активность партизан была значительно ниже или совсем отсутствовала, потери вряд ли превысили эту величину. Тогда общие потери немецких войск в борьбе с итальянскими партизанами можно оценить в 41 тыс. погибших, что примерно в 1,85 меньше безвозвратных потерь партизан. Тут сказывалось превосходство немецких войск в вооружении, особенно тяжелом, и в боевой подготовке. Перевес немцы получали в основном за счет крупномасштабных операций, когда им удавалось действовать против крупных скоплений партизан. Этот перевес в потерях частично компенсировался за счет соотношения потерь в мелких стычках, где иной раз перевес был на стороне партизан. Ведь в этих стычках абсолютный размер немецких потерь был сравнительно невелик.

Можно предположить, что примерно таким же – в 1,5–2 раза в пользу немцев было соотношение и на других театрах партизанской войны, и прежде всего на оккупированной советской территории, по которой нет сколько-нибудь надежных данных ни о потерях партизан, ни о потерях немцев и союзных им формирований. Если соотношение было действительно таким, то оно оказывается гораздо более благоприятным для советской стороны, чем общее соотношение безвозвратных потерь Красной армии и ее противников на советско-германском фронте – между Красной армией и вермахтом оно составило примерно 10:1, а с учетом потерь германских союзников и коллаборационистов, вероятно, близко к соотношению 8:1. Советским вооруженным силам гораздо выгоднее было вести малую партизанскую войну, чем полномасштабную, где сталкивались между собой многомиллионные армии с десятками тысяч танков и самолетов. Еще раз подтверждается верность слов Наполеона о том, что двое мамлюков могут одолеть трех французов, тогда как эскадрон французов справится с двумя эскадронами мамлюков. Более слабым

армиям гораздо выгоднее сражаться с более сильными в условиях малой, партизанской войны или при сугубо оборонительном ведении войны, нацеленной на истощение противника.

В принципе можно согласиться с выводом, который сделали немецкие генералы и полковники, авторы книги «Мировая война 1939–1945»: «Даже самые организованные и боеспособные партизанские отряды не в состоянии сковать силы регулярной армии, они могут лишь затруднить ее действия».

Однако значение партизанского движения не исчерпывается тем, что партизаны нанесли значительные потери немецким войскам и полиции, их союзникам, а также собственным коллаборационистским формированиям. Немцы постоянно вынуждены были держать против партизан значительные вспомогательные силы, большая часть которых в противном случае могла бы пополнить фронтовые части. А в ряде случаев против партизан приходилось задействовать одновременно до 5 дивизий немецких регулярных войск, не считая сил союзников Германии. Хотя, разумеется, ни на одном театре войны партизанское движение не могло сыграть решающей роли в разгроме Германии. И, кроме того, партизанское движение затрудняло формирование коллаборационистских вооруженных сил, делало их заведомо ненадежными и практически не позволяло немцам использовать их на основных фронтах войны.

В целом же немцы, хотя и не были готовы к тому, чтобы противостоять широкомасштабной партизанской войне, а в дальнейшем вынужденные отвлекать на борьбу с партизанами значительные силы, не смогли полностью покончить с ними ни на одном театре военных действий, но тем не менее сумели выработать некий *modus vivendi*. Немецкие войска удержали под своим контролем основные коммуникации, добившись, что практически ни одна оперативная перевозка войск не была сорвана, умели наносить поражения крупным отрядам партизан, сохранять приемлемый уровень немецких потерь, стараясь переложить основную тяжесть борьбы с партизанами на местные коллаборационистские формирования. На борьбу с партизанами немцам и их союзникам пришлось отвлекать десятки дивизий. Тем не менее на Балканах, во Франции и в Италии большинство этих дивизий и без партизан все равно пришлось бы оставить, чтобы противодействовать возможной высадке союзников.

Подавляющее большинство партизан, боровшихся с немецкими оккупантами, были воодушевлены высокими патриотическими мотивами, высокой романтикой, с которой традиционно связывалась деятельность партизан. Реальность партизанских будней оказалась куда менее

возвышенной. Здесь с обеих сторон было место и подвигу, и предательству, и грязи, и садистской жестокости.

То, что в Европе, да, как мы убедимся ниже, и в Азии, ведущую роль в партизанском движении играли коммунисты, объясняется прежде всего тем, что это была одна из немногих партий, которая накануне войны имела достаточно разветвленную сеть подпольных ячеек и опыт нелегальной деятельности. Такой опыт имели и некоторые праворадикальные партии и организации, вроде хорватских усташей, но они в своем подавляющем большинстве оказались на стороне германских национал-социалистов и никак не могли участвовать в антифашистском партизанском движении. Следует также иметь в виду, что коммунистические лозунги социального и национального равенства были особенно привлекательны для масс в такой раздираемой межэтническими конфликтами стране, как Югославия.

Но что было еще важнее, коммунистическая идеология в большинстве случаев оказалась гораздо более притягательной для масс, чем национальные идеологии, и тем более, чем идеология германского национал-социализма. Последняя, проповедовавшая исключительность немецкого народа, вообще не могла найти отклика у других народов. Значительные же национальные партизанские формирования, основанные на национальных идеях, были созданы только в Польше, на Украине, на Северном Кавказе (там, правда, они скорее воевали под исламскими лозунгами), а также в Сербии, имея в виду четников Драже Михайловича. Последние, однако, довольно быстро в силу ряда причин прекратили борьбу против стран Оси. Но в большинстве стран коммунистические партизаны оказались гораздо многочисленнее партизан-националистов. Конечно, коммунистическая идеология, выдававшая себя за единственно верное научное мировоззрение и самую передовую в мире науку, таковой не являлась. Это доказал еще Карл Раймунд Поппер, подметивший способность марксизма одинаково убедительно объяснить любой ход и исход событий в общественной жизни. Зато коммунизм был родом религии, обещавшей своим адептам земной рай и всеобщее равенство. Она не могла не понравиться особенно представителям трудящихся классов и радикально настроенным интеллигентам. И приверженцы коммунизма беззаветно жертвовали жизнью, в том числе и в партизанской борьбе.

Что же касается воздействия партизанского движения на ход боевых действий на основных фронтах в Европе, то наибольшее влияние, несомненно, оказывали советские партизаны. Вслед за ними шли югославские, а затем – итальянские. Остальные партизанские армии, несмотря на свою порой значительную численность, создавали

несомненные трудности германским и итальянским оккупационным властям и тыловым и охранным войсковым частям, но непосредственно на ход событий на фронте не влияли.

Партизаны в Азии

Следует в заключение сказать два слова об антияпонском партизанском движении в Азии, которое, однако, по своему реальному размаху и влиянию на ход войны не идет ни в какое сравнение с антигерманским и антиитальянским партизанским движением в Европе. Прежде всего надо упомянуть о существовавшем во время Второй мировой войны партизанском движении, созданном в Юго-Восточной Азии верховным главнокомандующим союзными силами адмиралом Маунтбэттенем. Костяком движения были английские и американские войска, находившиеся в этой части света. Однако в Малайе партизанские силы состояли в основном из местных жителей во главе с британскими и американскими офицерами и солдатами. Партизаны создавали для японцев серьезные трудности и своими действиями внесли значительный вклад в дело их разгрома. Также часть британских войск в Бирме, действовавших в японском тылу, применяла партизанские методы борьбы и пользовалась поддержкой со стороны местного населения.

Майор Робинсон в статье «Воспоминания командира роты о боевых действиях в Малайе» поделился опытом партизанской войны: «Установлено, что наиболее успешными были действия, проводившиеся силами одной роты. Основываясь на личном опыте, я склонен думать, что шансов на успех тем меньше, чем крупнее мероприятие и выше штаб, который его проводит. В джунглях, где на значительные районы не имеется хороших карт, не только невозможно управлять крупными силами, но и сосредоточение таких сил является столь трудным делом, оно требует такой большой подготовки и происходит в условиях, в которых так трудно обеспечить надежное охранение, что если бандиты, паче чаяния, не догадаются покинуть данный район после часа “Ч”, то они, несомненно, покинут его до того, как мы достигнем исходного рубежа и успеем расставить свои засады, и, конечно, до того, как наши главные силы начнут наступление». Действительно, природные условия ряда азиатских стран, в частности, непроходимые джунгли, служили непреодолимым препятствием как для операций крупных партизанских соединений, так и для координации действий отдельных групп партизан, если у них не было радиостанций. К тому же в условиях влажного и жаркого тропического климата средства быстро выходили из строя.

В Малайе в 1943 году была создана Антияпонская армия народов

Малайи, гражданским ответвлением которой был Антияпонский союз. Как и на Филиппинах, в партизанском движении здесь было сильно влияние коммунистов. Партизаны стремились сохранять силы для будущей борьбы за независимость. После Второй мировой войны здесь, равно как и на Филиппинах, в Индокитае и Индонезии, колониальным державам пришлось вести войну против прежних антияпонских партизан.

Особенно активно велась партизанская война против японцев в Китае, где этому также благоприятствовали природные условия – гористая местность и отсутствие непроходимых джунглей. Союзники оценивали число китайских партизан, подчинившихся генералиссимусу Чан Кайши, в 200 тыс. человек. В основном это были солдаты регулярной китайской армии, после захвата японцами основных городов не способные больше поддерживать сплошную линию фронта и вынужденные перейти к партизанским методам борьбы. Под ружьем у Чан Кайши числилось гораздо больше солдат, но большинство из них предпочитало не вступать в схватки с японцами. Число активно действовавших китайских коммунистических партизан было, вероятно, еще меньше, чем у Чан Кайши. Китайские, равно как и все остальные азиатские партизаны, за исключением, быть может, малайских и бирманских, были очень плохо вооружены и почти не имели боеприпасов. Поэтому при всем желании они не могли нанести больших потерь японцам или отвлечь на себя значительных японских сил.

Коммунистические китайские партизаны не стяжали особых лавров в борьбе против японцев. Лидер китайских коммунистов Мао Цзэдун предпочитал сохранять силы для последующей борьбы с правительством Чан Кайши. Коммунистические партизаны стали активно действовать всеми силами, причем скорее уже как регулярные войска, лишь в августе 45-го, после объявления Советским Союзом войны Японии. Тогда они смогли занять значительные территории в Северо-Восточном Китае, которые стали базой для возобновления гражданской войны против Чан Кайши, для возобновления которой они получили от Красной армии почти все трофейное японское вооружение и боевую технику. Японцы в тот момент уже практически не оказывали сопротивления.

Тем не менее Мао известен как теоретик партизанской войны, и его взгляды на партизанскую войну в Азии представляют существенный интерес, хотя коммунистический вождь в значительной степени опирался на свой опыт до и после Второй мировой войны. Он выделил три стадии в войне против Японии. Первая стадия характеризуется наступлением японцев и отступлением китайцев, отходящих с оборонительными боями.

Особенностью такого отступления с оборонительными боями является нанесение «коротких ударов и отходы, быстрое сосредоточение и рассредоточение (китайских) сил. Это будет маневренная война большого масштаба, а не просто позиционная война». В такой маневренной войне, указывал он, большие надежды следует возлагать на партизанские действия и на партизанскую тактику... Наша стратегия и тактика, говорил он, должны исходить из стремления избегать больших решающих сражений в первой фазе войны и ставить себе задачей постепенно подрывать моральное состояние, боевой дух и боеспособность противника. Тем более важно сохранять на высоком уровне моральное состояние китайских войск. «В войне, которую мы ведем, вооруженный народ и малая партизанская война, с одной стороны, и Красная Армия... – с другой, напоминают две руки человека. Практически моральное состояние народа представляет собою моральное состояние вооружившегося народа. Именно этого и боится противник».

Как пояснил Мао, главная задача партизанской войны состоит в подрыве боевой мощи противника, а не в захвате и удержании городов и территории. В этом с ним можно вполне согласиться. Партизанские действия имеют большое значение при ведении войны на истощение, но их роль невелика, когда идет война на сокрушение, особенно по сценарию блицкрига. В этом, в частности, заключалась одна из причин, по которой ни Германия, ни Япония не готовились всерьез ни к развертыванию партизанской войны на территории своих противников, ни к антипартизанским действиям.

Во второй фазе войны противника следует изматывать, а в завершающей фазе необходимо контратаковать измотанного противника, отрезать ему пути к отступлению и преследовать отступающего противника. Партизан Мао Цзэдун сравнивает с несметным количеством комаров, которые нападают на великана и своими бесчисленными укусами изнуряют его. Партизаны должны избегать встреч с превосходящим противником и сосредоточивать все усилия против его наиболее слабого места.

Осенью 1940 года Народно-освободительная армия Китая (НОАК) впервые провела успешное наступление против японцев – «поход ста полков». Потери японских войск достигли 26 тыс. убитых и раненых. Однако вскоре в результате нападения гоминьдановцев на коммунистическую 4-ю армию в Аньхое сторонники Мао потеряли 9 тыс. человек. В дальнейшем под давлением СССР, а потом и США Чан Кайши и Мао Цзэдун продолжили совместную борьбу с Японией. К тому времени

Мао располагал армией в полмиллиона человек. У Чан Кайши под ружьем было более миллиона бойцов. Однако лишь малая часть и коммунистов, и гоминьдановцев сражалась против японских войск, преимущественно партизанскими методами. Основные силы оба соперника сохраняли для последующей борьбы за власть, и стычки между подразделениями их армий были по-прежнему нередким явлением, поскольку обе стороны хотели занять как можно большую территорию в сельской местности, где не было японцев. А легче сделать это было за счет друг друга, а не японцев. К концу 1944 года у Мао была 700-тысячная армия, контролировавшая провинции с населением 90 миллионов человек, а у Чан Кайши – армия в полтора миллиона человек, удерживавшая провинции с населением 200 миллионов человек. В обоих случаях это были те провинции, в оккупации которых японцы не были особенно заинтересованы. Между тем в китайской Красной армии в период с осени 1942 года по лето 1943 года прошли широкомасштабные чистки. Под видом «гоминьдановских и японских агентов» устранялись все те, кто мог составить оппозицию Мао Цзэдуну. Всего было выявлено более тысячи таких агентов, и более половины из них признали свою вину. Из компартии Китая было исключено 40 тыс. из 200 тыс. членов.

В целом, однако, исход войны на Тихоокеанском театре боевых действий решался в морских сражениях американского и японского флотов, так что партизаны, действовавшие на суше, никакого влияния на него в принципе оказать не могли, а морских партизан, в отличие от голландских гезов XVI века, в Азии в годы Второй мировой войны не было. Существовали только морские пираты, но с японцами они не воевали, довольствуясь в качестве добычи местными джонками в малайских и филиппинских водах. Наибольшее значение имели действия партизан в Южном Китае, взаимодействовавших с остатками регулярных войск Чан Кайши. Однако сам этот театр был сугубо второстепенным.

Помимо Китая, отряды антияпонских партизан действовали в Корее, Индокитае, Бирме, Малайе, Индонезии и на Филиппинах. В Индонезии, Индокитае и на Филиппинах среди партизан было сильно влияние коммунистов, но нигде, кроме Вьетнама, они не преобладали. Кроме Китая, наибольшего размаха партизанское движение достигло на Филиппинах, где партизаны взаимодействовали в 1944–1945 годах с высадившимися на островах американскими войсками. По некоторым оценкам, погибло около 20 тыс. филиппинских партизан. Скорее всего, в это число входят также заложники, расстрелянные японцами в ответ на действия повстанцев.

Японцам, в отличие от немцев, после вступления во Вторую мировую

войну не приходилось проводить крупных антипартизанских операций с привлечением нескольких дивизий регулярной армии. С китайскими партизанами, в частности, вели борьбу солдаты армии созданного Японией марионеточного государства Маньчжоу-Го и прояпонского марионеточного правительства Китая в Нанкине во главе с Ван Цзин-веем.

В Азии делались попытки создать прояпонское и антибританское партизанское движение, но они потерпели провал. В 1943 году японцы формально признали независимость Бирмы и создали там прояпонское правительство. Последнему, однако, не удалось сформировать армию, способную сражаться против британских войск. Еще в середине 30-х годов при поддержке Германии и Японии была создана организация «Свободная Индия», которой руководил видный деятель индийского национально-освободительного движения Субхас Чандра Бос. В отличие от Махатмы Ганди и Джавахарлала Неру, он стоял за насильственную, вооруженную борьбу с британскими колониальными властями. В январе 1941 года Бос прибыл в Берлин, где его «Свободная Индия» получила нечто вроде статуса правительства в изгнании. Он также вел радиопропаганду на языках народов Индии. Бос даже «объявил войну» Англии и попытался сформировать Индийский легион из числа военнопленных индийцев, захваченных германо-итальянскими войсками во время боев в Северной Африке. Однако добровольцев среди них почти не нашлось, да и самих пленных было слишком мало – около 10 тыс. человек. Это тебе не почти 6 млн советских пленных, из которых можно было вербовать десятки и сотни тысяч коллаборационистов, тем более что советских пленных почти не кормили. Тогда Бос решил попытать счастья в Японии. В феврале 1943 года у берегов Мадагаскара он пересел с борта немецкой подводной лодки на борт японской и добрался до Токио. Там Босу удалось-таки создать Индийский легион, который бок о бок с японцами сражался против британских войск в Бирме. Босу помогло то, что, в отличие от Германии, которая по отношению к британским военнослужащим, в том числе и индийцам, соблюдала Женевскую конвенцию, положение индийских пленных в японских лагерях было исключительно тяжелым, и индийцы записывались в легион, чтобы облегчить свою участь. Да и самих индийских пленных в Японии было значительно больше, чем в Германии, – почти 70 тысяч. В легион также пришли жившие в ряде стран Азии радикально настроенные индийские эмигранты. Однако никакого антибританского и прогерманского и прояпонского партизанского движения в Индии не возникло, поскольку подавляющее большинство индийцев придерживались ненасильственных методов борьбы, да и особых

симпатий к Японии не испытывали. Точно так же немцам не удалось создать никакого повстанческого антибританского движения в Египте. Дальше переговоров с рядом будущих членов организации «Свободные офицеры» дело не пошло. Только в Ираке пришедшее к власти в результате переворота в апреле 41-го националистическое правительство Гайлани придерживалось прогерманской ориентации, но оно в считанные недели было свергнуто британскими войсками, и немцы не успели оказать ему сколько-нибудь существенную помощь. О прогерманском партизанском движении на территории СССР мы уже говорили.

Как мы уже отмечали, одной из основных причин, почему прогерманское и прояпонское партизанское движение так и не возникло, заключалось в том, что идеология и Германии, и Японии зиждилась на основе идей, соответственно, германской и японской исключительности и превосходства над другими народами, что не вызывало симпатий к Германии среди подавляющего большинства европейских народов. В Азии же японцы большинством народов воспринимались как такие же колонизаторы, как британцы, французы, голландцы или американцы. При этом японское колониальное господство было отнюдь не легче для населения, чем, например, британское. Этим и объясняется развитие массового антияпонского партизанского движения в оккупированных Японией странах Азии.

Приложения

Германские документы о борьбе с крымскими партизанами в 1941–1942 гг

№ 1

Приказ штаба 11-й Армии командованию румынского горнострелкового 1 корпуса

5.11.1941 г.

Руководитель всем партизанским движением, по данным одного татарина, находится на возвышенности в 20 км южнее Карасубазара.

Найти и уничтожить.

Штаб 11-й Армии. Оперативный отдел WF-03/10430, л. 761

№ 2

Приказ начальника штаба 11-й Армии о самообороне населения против партизан

ноябрь 1941 г.

Оперативный и разведывательный отделы.

Относительно: Приказов по Армии и распоряжений

Касается: Самооборона населения против партизан

1. Борьба против партизан должна предусматривать уничтожение продовольственных складов и складов боеприпасов.

В этих случаях партизаны будут вынуждены получать помощь в населенных пунктах, зачастую применяя силу. Население вынуждено будет обороняться, в том числе и с помощью немецких войск, находящихся в этих районах. В населенных пунктах, далеко расположенных от немецких войск, нужно организовывать самооборону.

2. В борьбе с партизанами хорошо зарекомендовали себя татары и мусульмане, особенно в горах, сообщая о партизанах и помогая их выследить. Из этих слоев населения необходимо привлекать людей для дальнейшего сотрудничества и особенно активного сопротивления партизанам в получении ими продовольствия.

3. Командование корпусов и дивизий может проводить соответствующие мероприятия в своих районах.

4. По этому вопросу необходимо исходить из следующего:

a) Создание такой организации самообороны должно учитывать, какой это населенный пункт, количество его населения, расовый состав.

b) Общую организацию для всего района создавать не нужно. Самооборону организовывать только в населенных пунктах, подчиняя их единому руководству.

c) При этом различать:

1. Населенные пункты, где постоянно находятся немецкие части;

2. Населенные пункты, где нет войск или где иногда расквартировываются немецкие части.

d) В населенных пунктах, указанных в С-1, создавать эти вспомогательные силы без оружия и для охранных целей (с оружием). Эти отряды вспомогательных сил должны управляться одним немецким командиром. Их количество в населенном пункте должно находиться в правильном соотношении с немецкими войсками, находящимися в населенном пункте. Вооружение и патроны (желательно трофейные, но не пулеметы и автоматы) выдавать только на время охраны объектов и сдавать после несения службы.

В населенных пунктах, указанных в С-2, можно выдавать оружие и боеприпасы в небольшом количестве. Это решает их командир, кому он доверяет. Членам вспомогательной организации под страхом смертной казни запретить появляться с оружием вне населенного пункта. Для этой цели необходимо проводить внезапные проверки немецкими патрулями. Временно можно использовать для руководства этими отрядами жандармских служащих и агентов, что определяется штабом Армии и штабом по борьбе с партизанами.

e) Обо всех случаях стычек с партизанами и об использовании патронов докладывать соответствующим военным инстанциям.

f) Служба в этих формированиях считается почетной службой и не оплачивается. Все же можно выплачивать денежное вознаграждение.

g) Служащие этой службы во время несения наряда носят белые повязки с надписью «На службе у немецкого Вермахта». Эти повязки изготовить в воинских частях на месте.

h) Каждому служащему этой службы выдавать на месяц удостоверение, где указывать номер удостоверения и персональные данные. Списки таких лиц вести аккуратно и постоянно проверять. Продлевать срок действия пропуска, отмечать в списках и скреплять печатью.

5. Создавая такие отряды самообороны, кроме всего прочего, нужно

налаживать тесный контакт между Вермахтом и населением. Особенно нужно оказывать внимание татарам и мусульманам за их антибольшевистское поведение.

6. Самооборона должна не всегда действовать. В случае замирения в районе ее распускать. Показавших себя хорошо использовать в дальнейшем на административной службе.

7. Об опыте этого дела, а также об особенно отличившихся из числа этих вспомогательных сил докладывать в штаб 11-й Армии для дальнейшего распространения опыта.

8. Понятие «Самооборона» среди населения не высказывать, а пользоваться термином «Вспомогательная служба».

Начальник штаба: Велер WF -03/10432, л. 187, 188. (В тексте дата отсутствует. – Б.С.)

№ 3

Приказ командующего 11-й Армии о борьбе с партизанами штаб, 29.11.1941 г.

Относительно: Борьба с партизанами

Всем войскам, задействованным против партизан. Еще раз довести до сведения каждого, что в этом деле важна помощь гражданского населения, особенно татар и мусульман, ненавидящих русских. На эту помощь нужно рассчитывать и опираться во всех случаях. Дисциплина и порядок в задействованных войсках являются лучшим средством пропаганды в этих мероприятиях.

Для этого необходимо не допускать каких-либо неоправданных действий против мирного населения. Особенно требуется корректное обращение по отношению к женщине. Необходимо постоянно уважать семейные традиции татар и мусульман и их религию. Также требую неукоснительного уважения к личному имуществу, сохранности скота, продовольственных запасов сельских жителей.

Я возлагаю личную ответственность за нарушение этих требований на всех офицеров и унтер-офицеров. Их долгом является докладывать обо всех таких нарушениях. Всех виновных в этом я буду привлекать к ответственности. Я особенно подчеркиваю, что реквизиция продовольствия возможна только с разрешения офицеров в ранге не ниже командира батальона и только тогда, когда нет другой возможности обеспечить снабжение войск. Эти реквизиции (только необходимых продуктов) можно

проводить только в больших и богатых населенных пунктах. В горных селениях это делать запрещают.

При реквизициях платить наличными до 1000 немецких марок, а в случае необходимости выплаты больших сумм выдавать специальные расписки, руководствуясь порядком, указанным в документе от 18.7. 1941 года, пункт 4-с.

Подпись: Манштейн WF-03/10432, л. 330, 331

№ 4

Приказ по 11-й Армии об организации операций по борьбе с партизанами

Разведывательный и оперативный отделы
Штаб, 29.11.1941 г.

Относительно: Приказ по Армии об охране пространства, занятого Армией, от 17.11.1941 г. Оперативный отдел № 4307/41, секретно.

1. Уничтожение установленных многочисленных групп партизан. Недопущение дальнейшего распространения организации банд с целью охраны тыла, что является исключительно важным для окончательного очищения Крыма от противника. В выполнении этой задачи должны принимать участие все воинские части 11-й Армии, особенно резервные и тыловые.

2. Ответственность командования корпусов и командующих тылом этих корпусов при проведении данных боевых задач определяется приказом в установленных районах.

3. Для упорядочения получения сведений относительно действий партизан на всей территории, занимаемой Армией, а также для проведения операций штабом Армии создан Штаб для борьбы с партизанами под руководством майора Штефануса в Симферополе. Он подчиняется непосредственно Армии.

Задачи:

а) Получение данных о действии партизан на территории, занятой Армией, в тесном взаимодействии с разведотделом Армии (майор Ризен). Донесения о действиях партизан немедленно докладывать прямо в штаб. В этих сведениях должны быть следующие данные: время, силы, меры противодействия и их действенность, службы, поставленные в известность.

б) Принятие мер против партизан в своих районах корпусами и тылами корпусов. В случае недостатка сил вводить в действие батальон

подполковника Эверта. Борьба с партизанами – задача оперативного отдела Армии.

с) Создание соответствующей организации из лиц местного населения, внушающих доверие, и агентов.

д) Должно быть достигнуто полное взаимодействие командования корпусов и дивизий в своих районах и при необходимости – вне своих районов.

е) Использование пропагандистских мероприятий в борьбе с партизанами на территории, занимаемой всей Армией.

4. Майор Штефанус имеет право в случае необходимости действовать оперативно и, если речь идет о небольших операциях, отдавать приказы от моего имени. В вопросах борьбы с партизанами он действует совместно с оперативными отделами Армии, корпусов и дивизий.

5. Все службы должны оказывать всяческую поддержку Штабу по борьбе с партизанами и задействованными по его приказу зондеркомандами и воинскими частями, а именно живой силой и снабжением. Оперативный отдел 11-й Армии на этот счет имеет соответствующий приказ.

6. Остается в силе ранее отданный приказ о том, что каждая воинская часть обязана сама защищать себя от действий партизан. С этой целью необходимо атаковать и уничтожать небольшие группы партизан в своих районах. В горах подразделения, колонны (ни в коем случае не отдельные автомашины!) обязаны находиться в боевой готовности к открытию огня (например, пулеметы на крышах кабин автомашин и т. д.). Особенно опасные дороги ограждать, выставлять заставы, не допускать проезда одиночных машин. При заставах скрытно иметь моторизованные команды, под прикрытием которых можно было бы пропускать колонны. Доложить о закрытых дорогах и о дорогах, где возможен проезд в сопровождении.

При разрушениях партизанских гнезд, вывозе партизанских складов продовольствия и боеприпасов были неоправданные потери личного состава, т. к. рано снималось оцепление или рано прекращался огонь при отъезде с места действия.

7. Были случаи появления партизан в немецкой униформе и в женском платье.

8. Штабам корпусов доложить и направить в распоряжение Штаба по борьбе с партизанами по два солдата из каждой дивизии, знающих русский язык. Этих солдат использовать как переводчиков для зондеркоманд.

Приказ последует.

Подписи: фон Манштейн,

Обобщенные данные разведотдела 11-й Армии о трофеях и потерях в боях против партизан

1. Разгромлено 16 баз партизан.
2. Трофеи:
 - 75 гранатометов,
 - 3 станковых пулемета,
 - 1 ручной пулемет,
 - 5 автоматов,
 - 736 винтовок,
 - 7 складов с родовольствием,
 - 1 склад боеприпасов,
 - 56 ящиков боеприпасов для гранатометов,
 - 18 пулеметных лент,
 - 2500 патронов и 23 ящика патронов,
 - 124 ручные гранаты,
 - 5 немецких и несколько румынских касок,
 - 2 мешка мин,
 - 3 грузовые машины,
 - 4 лошади,
 - 1 разбитая радиостанция,
 - 540 ручных гранат,
 - теплая одежда,
 - 1 санитарный ящик,
 - 5 немецких шинелей,
 - немецкие карты и консервы, овощи, бараны, свиньи.Кроме того, еще оружие, боеприпасы и другое военное снаряжение.
3. Уничтожено:
 - 6 грузовых автомашин,
 - 2 легковые автомашины,
 - 4 повозки,
 - 4 склада с продуктами,
 - 1 радиостанция,
 - 3 емкости с маслом,

2 емкости с бензином,
16 пулеметов,
Большое количество оружия, боеприпасов, ручных гранат и другого оборудования.

4. Захвачено в плен партизан и несколько подозреваемых гражданских лиц – 490 чел.

5. Убито партизан – 470 чел.

6. Немецкие потери:

убитых – 45 чел.

раненых – 72 чел.

пропало без вести – 1 чел.

Письменное донесение будет представлено 1. 12. [19] 41 г.

Передал: [подпись]

30.11.[19] 41 г.

Принял: [подпись]

WF-03/10432, л. 295

№ 6

Дневное донесение майора генерального штаба Штефануса о мероприятиях против партизан

Оперативный отдел

4.12.1941 г.

Район Бююк-Янкой – Токмак-кая – Пайляры. Руководство: доктор комиссар Германн.

Войска: Один батальон румынского горнострелкового полка и секретная фельдполиция – группа 647.

Успехи: Уничтожено 3 партизанские казармы, захвачен один руководитель и 4 женщины, убито 17 партизан и многие ранены. Трофеи: 270 винтовок, 200 литров бензина, 400 литров материалов для дымовых завес, 25 коров, 15 лошадей, 6 повозок, телефонный кабель.

Собственные потери: Один румынский майор был ранен. Операция была затруднена из-за снежных заносов и тумана.

Принял: капитан Аннус.

WF-08/10432, л. 9198

№ 7

Дневное донесение 8-й группы связи германского командования с румынскими частями

4.12.1941 г.

1). Борьба против партизан 4-й горной бригады в районе Биюк-Янкой – Суат (4 км южнее Шумхай) увенчалась успехом: взято 9 пленных, захвачено 100 винтовок, взорваны 2 укрытия для партизан.

2). Укрытие партизан севернее Ай-Серес (10 км западнее Судака) при помощи показаний местных жителей снова установлено.

3). В других районах расположения горного корпуса нет особых происшествий.

4). Дорога Карасубазар – Феодосия ввиду снежных заносов стала непроезжей. Дорога возле берега моря Феодосия – Алушта от Судака проезжая для всех средств передвижения.

План на завтра: Операция против партизан силами одной румынской саперной роты и двух моторизованных рот. Проводиться операция будет под руководством подполковника Эверта в районе Бешуй (18 км южнее Симферополя). Затем по дороге на Ялту до поворота ручья в 1 км сев. пункта «е» от Кучку-Тепе, а оттуда 8 км на запад через пункт 806 до Бодрак (5 км юго-зап. Бешуй). Дальнейшее проведение работ по очищению от снега – силами горного корпуса.

Передал: л-т Райслер

Принял: ефрейтор Клус в 20.55

WF-08/10432, л. 9198

№ 8

Донесение командующего 11-й Армии в штаб группы войск «Юг»

5.12.1941 г.

1. В Крыму находится около 6 тыс. партизан, в основном в горах и под Керчью. Это в основном коммунисты, бывшие красноармейцы и работники НКВД. Главное в борьбе с ними: хорошо созданная организация и обеспечение батальонов уничтожения. Партизаны имеют автоматическое оружие, гранатометы, взрывчатку и мины. Много хорошо оборудованных укрытий. Продовольственные склады и склады боеприпасов дают им возможность получать снабжение всем необходимым и быстро скрываться. Отдельные группы имеют четкое руководство, располагают телефонной связью и осуществляют связь с помощью курьеров. Партизаны представляют серьезную опасность для тыловых служб, безопасности

войск, возбуждают население и поддерживают вражескую разведку.

2. В связи с этим приходится проводить немедленные мероприятия, а это вынуждает снимать войска.

В настоящее время действует:

а) Штаб для борьбы с партизанами (майор Штефанус). Задача: получение разведанных и предложений о дальнейших действиях.

б) румынский горнострелковый корпус с 6-й кавбригадой (без мотокавполка) и 4-я горнострелковая бригада.

с) противотанковые дивизионы 24, 52, 240.

д) в полосе XXX армейского корпуса: румынский кавполк и части 1-й горнострелковой бригады.

е) в районе Керчи: саперный батальон и части пехотных полков 46-й дивизии.

ф) заставы и команды прикрытия на дорогах и в горах. Достигнутые успехи в настоящее время:

Уничтожено 19 партизанских гнезд, 640 партизан расстреляно, 552 взято в плен. Большое количество оружия, снаряжения, боеприпасов захвачено или уничтожено. В том числе: 75 гранатометов, 22 пулемета, 20 грузовых автомашин, много повозок и 12 складов боеприпасов и продовольствия. Кроме того, скот, масло, бензин и 2 радиостанции и т. д.

Подпись: Манштейн

WF-03/10432, л. 9005, 90006

№ 9

Дневное донесение штаба по борьбе с партизанами при 11-й Армии

Оперативный отдел

Штаб Армии

6.12.1941 г.

1). 5.12.1941 г. борьба с партизанами в районе Бешуй и южнее. Руководил подполковник Эверт – командир 24-го танкового батальона. Были задействованы войска: 2 румынские горные роты, полторы роты 24-го танкового батальона, 2 взвода 10-й роты 32-го пехотного полка, мотоциклетный эскадрон 24, части зенитного дивизиона 501, взвод саперов.

Были направлены: 1-я группа – из Саблы на Бешуй, на юг; 2-я группа – в Бодрак, на юго-восток; 3-я группа – через Шуры в Марматал (так в тексте перевода. – Ред.), на северо-восток и на Арсал. Партизан не было

обнаружено. Район Бешуй – Кучуктепе – Бодрак в настоящее время от партизан очищен.

2). 6.12.1941 г. отара овец, принадлежавшая партизанам (около 1200 голов), при помощи татарских пастухов по согласованию с Бюк-Джанкюем была передана нашим войскам. 400 овец, которые принесут приплод, переданы хозяйственному управлению, а остаток передали румынским войскам. Распределение по частям – через 4-ю румынскую горную бригаду, о чем доложено штабу оберквартирмейстера.

3). Операция (4-й горной бригады) около Демерджи Яйла (12 км севернее Алушты) еще продолжается и будет продолжена завтра.

Предполагается, что партизаны ушли на Улу-Узен.

4). Операция (румыны с 5-м танковым батальоном) (Ай Иора) 5 км зап. Алушты. К настоящему времени успехи: уничтожен лагерь партизан, убито 9 партизан. Был найден один немецкий убитый солдат. Его личность устанавливается.

Принял: капитан Аннус, в 19.00

WF-03/10432, л. 9160

№ 10

Дневное донесение штаба по борьбе с партизанами при 11-й Армии
10.12.1941 года.

Оперативный отдел

1). Операция 1-й роты 22-го противотанкового дивизиона

9.12.1941 г. в районе шахты Бешуйские Копи (17 км зап. Алушты):

Успехи: пять палаток, годных для жилья, были уничтожены, 3 винтовки с патронами – уничтожены. Было захвачено 60 овец. Одежда, пальто и небольшое количество продуктов были уничтожены или забраны. На обратном пути были атакованы партизанами.

Собственные потери: 2 тяжело раненных и двое легко. Среди партизан были раненные и убитые, но их партизаны унесли с собой. По сообщениям жителей Коуш и Бешуйские копи, в 3 км, с обеих сторон от населенных пунктов, находятся укрытия для партизан и склады продовольствия. Партизаны обижают население, которое не имеет защиты. Прорваться туда ввиду сильных снежных заносов нет возможности. Предложения о проведении мероприятий последуют.

2). Успехи операции, проведенной 10.12.41 г. в районе Суат – Ангар Бурун – Чатыр-Даг (12 км сев-зап. Алушты): 50 партизан, в основном в

ближнем бою, убиты. Среди них один комиссар в военной форме, уничтожено 15 винтовок, 2 ящика боеприпасов для гранатометов, 2 грузовые машины, 3 мотоцикла, 4 упряжки с повозками, 3 бочки бензина, телефонный узел. Из узла связи партизаны имели проводную связь по обе стороны дороги на Алушту.

Донесение принимавшей участие в операции Южной группы пока еще не поступало.

Передал: майор Генерального штаба Штефанус

Принял: ефрейтор Ключ в 19.15WF-03/10432, л. 9085

№ 11

Дневное донесение 8-й группы связи германского командования с румынскими частями

14.12.1941 г.

Оперативный отдел

1. Результаты борьбы с партизанами 4-й горнострелковой бригады в районе г. Черная (14 км западней Алушты) характеризуются следующим образом: 151 партизан убит, 16 пленных.

Захвачено: 3 автоматические винтовки, 2 пулемета, 5 винтовок, два гранатомета.

Уничтожено: 21 шалаш и убежище и главный лагерь (склады), несколько телефонных аппаратов, оружие, боеприпасы.

Собственные потери: 9 убитых и 7 раненых.

2. 53-й артполк без 2-х батарей достиг района Саки (20 км юговосточнее Евпатории).

3. Дорога по побережью Судак – Алушта плохая для движения.

4. На других участках горнострелкового корпуса без особых изменений.

5. Планы на завтра: Будет доложено по радио. Передал: л-т Райслер

Принял: ефр. Ключ в 21 ч 10 мин

WF-03/10432, л. 9010

№ 12

Приказ по 11-й Армии

14.12.1941 г. в 23.10

42-му армейскому корпусу

Штабу по борьбе с партизанами – майору Штефанусу

СД – отдел «Д»

1). 52-й противотанковый дивизион находится в готовности до особого распоряжения о начале марша 42-го армейского корпуса. Для передачи Штабу борьбы с партизанами.

2). На основании такого положения 11-я Армия согласна, чтобы 42-й армейский корпус до 26.12 имел в своем распоряжении как подвижный резерв 173-й противотанковый дивизион, а затем направить его в распоряжение 73-й дивизии.

11-я Армия, оперативный отдел.

Подписано: Манштейн, Велер

WF-03/10432, л. 9017

№ 13

Дневное донесение командования 11-й Армии в штаб группы войск «Юг»

15.12.1941 г.

срочно 21.50

Командованию группой войск «Юг»

Сообщить: 17-й Армии и 1-й танковой Армии,

Командованию войсками тыла группы войск «Юг»,

Генерал-квартирмейстеру,

Организации «Тодта»,

Разведке сухопутных войск.

1). В бухтах Севастополя в последнее время отмечается усиленное передвижение кораблей. Отмечается также движение от Севастополя на фронт с подачей пополнения и отправка обратно лишних, из чего мы можем предполагать, что противник готовит контрудар, особенно после атак вражеской авиации на позиции 73-й дивизии, и что противник осознал, что его войска должны оставить Крым.

При помощи агентуры нам известны высказывания, что противник готовится к высадке своего десанта в районе Керчи 25.12.1941 г.

На Севастопольском фронте отмечается, что в ответ на наш артобстрел противник немедленно отвечает усиленным огнем батарей. Атаки против 22-й и 50-й дивизий противник предпринимает силами до рот, но отходит на свои позиции, неся большие потери.

После усиленного наступления наших войск против партизан отмечаются следующие успехи: захвачено в плен 600 партизан, около 1000 партизан расстреляно, 73 партизанских дома, гнезд, лагерей или укрытий и 3 партизанские казармы нашими войсками разрушены.

Захвачены или уничтожены: 78 гранатометов, 28 пулеметов, 22 автомашины, 28 складов с продовольствием, 2 склада с вином. Затем лошади, скот (при этом захвачена отара овец – свыше 1000 голов).

2). 170-я дивизия в пути: передовые отряды находятся у Байдар, а окончание колонны – в районе Алушты. 73-я дивизия: начало в Дюрмен, конец – в Тотанай.

5. Руководство 30-го армейского корпуса – в Форосе.

7. Без изменений.

Оперотдел 11-й Армии

Подписи: Манштейн Велер

WF-03/10432, л.9007–9008

№ 14

Дневное донесение штаба по борьбе с партизанами

Оперативный отдел

Штаб Армии

16.12.1941 г.

Майор генерального штаба Штефанус.

1). Проводимые операции 15 и 16.12. в районе Суата и Чатыр-Дага в настоящее время еще не закончены. До сего времени убито до 200 партизан. Штабное помещение с телефонной станцией найдено и разрушено. Большие собственные потери. Тяжелые бои в тумане. Подробное донесение последует.

2). Продолжается наступление и разведка. Операция еще не закончена. Вскрыт новый склад продовольствия. Наши потери на установленных партизанами минах.

3). СД группа из Феодосии проводит операцию в районе Эльбузлы (4 км южнее Салы). Нет противника. Найден 1 склад с продуктами, уничтожено несколько пулеметов, 2 грузовые автомашины уничтожены, 12 грузовых машин захвачены исправными. Операция проводится 4-й румынской горной бригадой.

Принял: капитан Аннус

WF-03/0432, л. 980–981

Дневное донесение командования 11-й Армии в штаб группы войск «Юг»

Оперативный отдел
11-я Армия
24.02.1942 г.

До сего времени проводимые мероприятия по борьбе с партизанами в горах Яйлы при помощи румынских горнострелков не приносят ожидаемых успехов ввиду их малочисленности и низких боевых данных. Только при помощи немецких горнострелковых войск можно быстро избавиться от партизанской опасности.

11-я Армия просит как можно скорее направить в наше распоряжение один батальон из 1-й или 4-й горнострелковых дивизий.

11-я Армия, оперативный отдел
Подпись: Манштейн
Начальник штаба: Велер
Пометка: срочно
WF-03/10432, л. 852

Документы из военного архива ГДР (г. Потсдам) выявлены, отобраны и переведены Георгием Афанасьевичем Литвиным (Moscow-crimea. Ru).

Документ выявлен Г. Нойманом (Германия) в Военном Архиве ФРГ (г. Фрайбург), перевод выполнен Я.И. Зверевым.

Положение штаба по борьбе с партизанами об организации операций против партизан в Крыму

Главное командование Вермахта
Гл. Квартира,
31.01.1942
Штаб по борьбе с партизанами

Партизаны в горах!

Членение согласно «Основным направлениям борьбы с партизанами». ОКХ Генерального штаба Сухопутных войск Отд. (1а) № 1900/41. Гл.

Квартира, ОКХ 25.10.41. Содержание предназначено специально для Крыма.

I. Организация и действия партизан в Крыму.

1) Организация.

Партизанская организация в Крыму была планомерно создана задолго до вступления на полуостров германских частей. Начальники, отдельные руководители групп, комиссары и руководители разведки были намечены. Поставки оружия, снаряжения, транспортных средств и лошадей были произведены Красной Армией. Запасы продовольствия для отдельных групп должны были быть пропорционально распределены между колхозами. Основные районы партизанских действий в Крыму были определены согласно направленных свыше документов начиная с 28 августа 1941 г. Собственные подразделения снабжения делали это в горах, где запасы были спрятаны в казармах, и прежде всего пещерах. Руководители колхозов должны были с помощью колхозных рабочих и других местных жителей доставить припасы в определенные места, откуда партизаны перепрятали их в тайники. Тем самым группы были гарантированы от того, что нестойкие коммунисты и сторонники партизан узнают и смогут предать эти лагеря. Численность и состав партизанских групп устанавливались в соответствии с местностью и боевой задачей.

а) Состав.

Сначала ядром этих групп были отдельные истребительные батальоны Крыма. Из истребительных батальонов были удалены недостаточно преданные партизанам элементы, пока они не пришли к сегодняшнему составу.

б) Сегодняшний состав.

Все руководители партизан 1918 и 1920 гг., члены коммунистической партии, председатели колхозов, высокопоставленные служащие государственных учреждений (заповедник), руководители санаториев, врачи обоего пола и медицинские сестры, горные проводники, офицеры и надежные члены партии из истребительных батальонов, разрозненные красноармейцы и в незначительной степени принужденные к борьбе гражданские лица, которые оказались для них необходимы в силу своей специальности (механики, водители, чабаны, конюхи, повара и т. д.).

Группы действовали численностью от 200 до 300 человек, на небольших участках – 75–100 человек. Каждое подразделение делится на:

- руководство
- разведчиков
- политруков

и части обеспечения.

2) Оснащение и вооружение.

а) Винтовки (автоматические, снабженные глушителями), охотничьи ружья, тяжелые и легкие пулеметы, частично – счетверенные пулеметы, тяжелые и легкие минометы, ручные гранаты, пистолеты-пулеметы, взрывчатые, зажигательные вещества и «коктейли Молотова», в незначительном количестве артиллерийские и зенитные орудия.

Особое внимание следует уделить так называемым партизанским пистолетам. Речь идет об искусно укороченных военных винтовках, обрезанных спереди до прицельной планки, а сзади – до середины приклада. Фото прилагается. Эти партизанские пистолеты носят преимущественно выдвинутые вперед посты.

Кроме того, они оснащены радиостанциями, телефонными аппаратами, ракетницами, транспортными средствами всех типов (моторизованными и гужевыми). Одежда, в особенности если речь идет не о красноармейцах, – местная, небольшое количество униформы противника; среди красноармейцев преобладают морские пехотинцы.

3) Снабжение.

Осуществляется из накопленных запасов в трудно обнаруживаемых тайниках и лагерях в горах. Оружие и снаряжение, как уже упоминалось выше, уже перед вступлением германских войск в Крым были складированы в их опорных пунктах. При выемке тайников или серьезном недостатке снаряжения осуществляется поставка с воздуха на парашютах.

4. Боевая задача и образ действий.

Передача приказов по радио, иногда курьерами от вышестоящего руководства к руководителям групп, которые осуществляют их исполнение.

Задачи:

а) Повреждение путей сообщения подрывом дорог, минированием, нападением на грузовые машины и отдельных водителей.

б) Сбор и передача информации о положении врага русской Армии (например, партизанской рацией – радиостанцией высаженных в Судак морских частей).

с) Распространение слухов среди населения.

д) Занятие не занятых врагом местностей.

е) Пленение или расстрел всех назначенных врагом органов управления и милиции дружественного немцам населения.

Способ действий.

После предварительной разведки интересующих их сведений о противнике (численность вражеского гарнизона в районе их боевой задачи

и близость к путям снабжения, телефонная связь, сообщения и время подхода, планирование действий врага и т. д.) они действуют следующим образом:

а) Нападения на пути снабжения производятся малыми группами, которые скрываются в возвышенной и непроезжей местности (дорожные повороты, заграждения, устроенные на дорогах). Когда транспортные средства по условиям местности снижают скорость, они нападают, используя ручные гранаты, легкие пулеметы и винтовки, на первую и последнюю машины колонны, чтобы тем самым внести сумятицу.

По выполнении задачи они сразу возвращаются обратно и никогда не вступают в длительную перестрелку. Немедленно применяемые поисковые действия никогда не имели успеха потому, что эти небольшие партизанские группы нападения доставлялись на позиции и возвращались в глухие горы с помощью транспортных средств.

б) Телефонные линии уничтожаются главным образом ночью в униформе противника.

с) От нападений на опорные пункты они защищаются далеко выдвинутыми цепями постов. В основных опорных пунктах постовая охрана организована следующим образом:

На расстоянии 3–4 км от главного опорного пункта находится палатка с телефоном, часто легкий пулемет и рядом вкопанные ящики с «коктейлем Молотова» и дымовыми шашками. Отдельные посты патрулируют со скрытым оружием.

Разведывательное подразделение противника рискует подойти вплотную к этому передовому посту, так как считает их небооруженными, с целью бесшумно его уничтожить. Однако этот передовой пост вооружен описанными во 2-м абзаце раздела 2 партизанскими пистолетами, которые они держат в сапоге под пальто, достают после приближения разведподразделения на 30–50 м и стреляют.

Партизаны сражались сначала без плана, и это позволяло до сих пор подавить много пулеметных гнезд и захватить у них много оружия. С притоком рассеянных и высадившихся красноармейцев, среди которых было много офицеров, произошло заметное изменение тактики по военным образцам. Вот пример действий боевой группы с легким пулеметом:

Пулеметчик располагается в полукруге радиусом 15–20 м из 12–15 стрелков с винтовками (все до единого, конечно, спрятаны в густом подлеске). При ранении расчета двое-трое стрелков с винтовками бросаются к пулемету, в то время как остальные открывают заградительный огонь. Легкораненый может убежать под их прикрытием,

тогда как тяжелораненого, как правило, убивают выстрелом в сердце, одежда и, по крайней мере, все документы забираются. При такой тактике захватить пулеметы удастся только изредка.

II. Борьба с партизанами

Партизанская борьба ведется коварно и вероломно. Ей можно успешно противостоять только таким же образом.

Прочесывание гор бесцельно и безуспешно.

В Крыму также завершаются с высокими потерями наших войск действия малых групп и разведывательных подразделений. Только крупные операции с целенаправленным наступлением на заранее разведанные органами абвера, СД (V.-Leute) и татарами основные опорные пункты (казармы, пещеры, склады припасов и палатки) здесь имеют успех.

Крупная операция в горах должна начинаться следующим образом:

а) Выдвинуться к цели таким образом, чтобы суметь внезапно атаковать основные опорные пункты в ранние утренние часы, по возможности, еще в туман, чтобы воспрепятствовать преждевременному раскрытию акции и последующему рассредоточению врага.

Здесь также преимуществом является внезапность.

б) Мероприятия продолжительностью в 2 суток и более на небольшом пространстве неприменимы из-за возможного предательства. С наступлением темноты мероприятие необходимо прерывать. Особо опасные партизанские районы нужно атаковать два и более раз.

в) Войска должны сопровождаться саперами с взрывчаткой, чтобы взрывать все укрытия и нетранспортируемое тяжелое оружие. Для действенной атаки обнаруженных скальных укрытий желательны горноартиллерийские и минометные подразделения. Оставлять в отдалении от подлежащего атаке опорного пункта сторожевые посты нецелесообразно, так как их могут захватить и соответственно уничтожить скрытые партизанские передовые посты. При крупных мероприятиях достаточной боевой силой, чтобы в случае необходимости пробить себе обратный путь, обладает батальон.

Лыжники в изрезанных расщелинами крымских горах будут только обузой.

Предложения:

1) Местности вокруг партизанских районов занять войсками.

2) Направляемые войска информировать, что их солдаты должны передвигаться по путям сообщения только вооруженными, по меньшей мере, по двое или в колонне. Оружие солдат должен держать в руках готовым к стрельбе, за нерадивость (винтовка и ручные гранаты в кабине

или багажнике) – строгое наказание.

3) При нападении сразу же отвести транспортное средство в укрытие, оставить его и открыть огонь в направлении нападающих, даже если цель невозможно распознать и поразить, – это по большей части вызывает отход партизан.

4) При использовании татарских стрелковых рот, которые хотя и показали себя неустрашимыми и умелыми борцами против партизан, их все же следует применять там, где партизаны угрожают их собственной местности. Только татар-военнопленных можно смело применять в Крыму, так как они имеют военную подготовку, привыкли к повсеместному использованию и, будучи включенными в германский Вермахт, приобрели лучшее положение.

5) Применение собак-ищеек.

6) Командиры подразделений при передаче сообщений о партизанах должны их точно перепроверить и обязательно разведать положение разведподразделениями. Только так можно избежать ненужного применения крупных подразделений, часто предназначенных для более важных задач. Практика показывает, что почти все сообщения о численности вражеских банд от подверженных страху жителей, умелой вражеской разведывательной службы, а также из слухов значительно завышены.

7) О взятых под охрану, но не вывезенных боевыми частями захваченных орудиях, зенитках, складах оружия и снаряжения следует немедленно сообщать:

а) о войсковом оружии и снаряжении – полковому интендантскому штабу в Симферополе,

б) о вооружении и снаряжении ВВС (самолеты, зенитные орудия, бомбы и т. д.) – 10-му воздушному интендантскому штабу в Симферополе, улица Ленина, 10.

Указатель переименований населенных пунктов

Ай-Серез – с. Междуречье (Междуреченский с\с, Судакский гор\с)

Бешуй – искл. из учетных данных (п. Дровянка, Симферопольский р-

н)

Биюк-Янкой – с. Мраморное (Добровский с\с, Симферопольский р-н)

Дюрмень – с. Придорожное (Ермаковский с\с, Джанкойский р-н)

Карасубазар – г. Белогорск (Белогорский р-н)

Коуш – искл. из учетных данных (с. Шелковичное, Бахчисарайский р-

н)

Пайляры – искл. из учетных данных (п. Заповедное, Симферопольский р-н)

Саблы – с. Партизанское (Перовский с\с, Симферопольский р-н)
Салы – с. Грушевка (Грушевский с\с, Судакский гор\с)
Сейтлер – пгт. Нижнегорский (Нижнегорский п\с, Нижне-горский р-н)
Тотанай – с. Уютное (Михайловский с\с, Нижнегорский р-н)
Шумхай – с. Заречное (Добровский с\с, Симферопольский р-н)
Шуры – с. Кудрино (Верхореченский с\с, Бахчисарайский р-н)
Эльбузлы – с. Переваловка (Грушевский с\с, Судакский гор\с)

Документ выявлен Г. Нойманом (Германия) в Военном Архиве ФРГ (г. Фрайбург), перевод выполнен Я.И. Зверевым. (Moscow-crimea. Ru)

«Окончательное решение еврейского вопроса» в советских партизанских отрядах

Известно, что многие коллаборационисты из Прибалтики и Белоруссии, Украины и России активно помогали немцам в «окончательном решении еврейского вопроса». Но участь евреев порой была столь же трагичной и тогда, когда они оказывались в рядах советских партизан.

Партизаны понимали, что немцы постоянно засылают к ним лазутчиков. Поэтому вопросам обеспечения безопасности своих лагерей и секретности планируемых операций придавали особое значение. Больше того, постоянный поиск шпионов в собственных рядах стал постоянным пунктиком не только командиров, комиссаров и начальников особых отделов, но и рядовых партизан. В специальной инструкции, разработанной Центральным штабом партизанского движения, говорилось: «Конспирация расположения отряда и партизанских действий достигается:

а) знанием каждым только того, что ему необходимо для выполнения повседневных партизанских обязанностей и ничего лишнего;

б) строгим соблюдением в тайне связей партизанского отряда с местным населением и теми людьми, которые постоянно оказывают помощь партизанскому отряду. На связь ходят специально выделенные лица; они встречаются со связниками вне расположения партизанского отряда;

в) установлением секретных слов и пароля;

г) строгой проверкой лиц, вступающих в партизанские отряды; преданность Родине этих лиц проверяется выполнением ими боевых заданий;

д) строгим учетом всего личного состава; без личного разрешения командира и комиссара ни один партизан не имеет права выйти за пределы расположения отряда;

е) объявлением исполнителям боевых заданий или поручений только тогда, когда это требуется обстановкой (перед началом действий с учетом необходимого времени на подготовку;

ж) установлением кличек для тех партизан, которые по роду своей деятельности вынуждены встречаться с лицами, не состоящими в отряде; запрещением доставлять пленных в район отряда; при необходимости доставить пленного в район отряда, последний приводится с завязанными

глазами».

Только бдительность порой оборачивалась лишь предлогом для репрессий против «этнически нежелательных элементов», и прежде всего евреев.

Начальники Особых отделов в партизанских отрядах изобрели целую теорию, согласно которой гестапо специально засылало агентов евреев в расчете, что никто не подумает, что они являются немецкими агентами. Несчастных регулярно заставляли признаться в этом, а потом отстреливали. 10 августа 1943 года командир Осиповичского партизанского соединения Королев докладывал в Москву: «В последнее время гестапо использует евреев в целях шпионажа. Так, при Минском и Борисовском гестапо были открыты 9-месячные курсы для евреев. Шпионы рассылались по квартирам в городе и засылались в партизанские отряды, последние снабжались отравляющими веществами для отравления партизан и командиров. В Минской зоне был разоблачен целый ряд таких шпионов» (ф. 625, оп. 1, д. 20, л. 578об).

У особых отделов была какая-то мания в каждом еврее-перебежчике видеть немецкого шпиона. А если это был польский еврей, да еще служивший у немцев, его положение становилось почти безнадежным.

18 марта 1943 года к партизанам бригады Донукалова, действовавшей в районе Минска, перешел Генрих Максимилианович Чаплинский, 1890 года рождения. Польский еврей, он был профессором Краковской и Львовской консерваторий. Чаплинский много гастролировал по миру, жил в Лондоне, Париже, Антверпене, посещал Бразилию, Канаду и США. В 1940 году НКВД арестовало его «за нелегальный переход границы в районе Малкина». Чаплинский 7 месяцев провел в тюрьме города Белостока. С началом советско-германской войны во время бомбардировки бежал из колонны эвакуируемых заключенных. Сам он на допросе в партизанском отряде утверждал, что в районе Червень был отпущен конвоем. В дальнейшем Чаплинский служил переводчиком в немецких авиационных частях и штабах в Минске, Витебске, Могилеве и других белорусских городах. Выручило знание языков – Чаплинский владел польским, русским, немецким, английским, французским, испанским и чешским. Но с точки зрения советских органов безопасности «безродный космополит» Чаплинский, объездивший чуть ли не весь мир, выглядел матерым шпионом. Пономаренко и нарком госбезопасности Белоруссии Лаврентий Фомич Цанава 15 мая 1943 года сообщили Сталину основные этапы биографии профессора консерватории и сделали неутешительный для него вывод: «Предварительный опрос Чаплинского дает полное основание

полагать, что он является агентом немецкой разведки, специально подосланным в партизанский отряд Донукалова для проникновения в советский тыл. Причем есть основания полагать, что он является старым агентом немецкой разведки, работавшим в ряде стран по ее заданию. Чаплинский передан в Главное Управление «Смерш» т. Абакумову». До этого Пономаренко утверждал также, без каких-либо доказательств, что Чаплинский «немцами использовался в качестве переводчика по серьезным делам» (РГАСПИ, ф. 69, оп. 1, д. 21, л. 58–59). Что это были за серьезные дела, Пантелеймон Кондратьевич не уточнил. Может быть, намекал на какие-то допросы советских агентов? Но люфтваффе ведь никакими полицейскими функциями не обладали, и вряд ли Генрих Максимилианович использовался чем-либо иным, чем переговорами с местными властями насчет расквартирования и снабжения авиационных частей всем необходимым.

А вот еще одно, по всей видимости, сфабрикованное дело – о немецких агентах, будто бы засланных в партизанскую бригаду «дяди Васи» в Белоруссии для проведения диверсионной и террористической деятельности. Начальник состоявшей при бригаде спецгруппы НКВД Бэр и начальник Особого отдела бригады Иванов в докладной записке в Центральный штаб партизанского движения утверждали: «14 марта 1943 года партизан отряда им. Суворова Лисогор Иван Максимович (прибыл в партизанский отряд 6.3.43 из 46-го украинского батальона), будучи в деревне Янушковичи Логойского района Минской области в доме крестьянина Богушевича, в присутствии партизанки Левиной и семьи Богушевича в пьяном виде проболтался о своей враждебности к Советской власти, высказывая контрреволюционную клевету по адресу вождей партии и избил партизанку из соединения «Дяди Димы» за то, что она пыталась прекратить его контрреволюционные выпады.

29 марта 1943 года Особым отделом Лисогор был арестован, признался в своих контрреволюционных выпадах и клевете по адресу вождей партии и Советской власти в силу своей враждебности к ним. Следствие было направлено на то, чтобы выяснить, не является ли Лисогор агентом гестапо, засланным со специальным заданием германской разведкой в партизанский отряд. Следствием это было установлено».

Интересно, а каким образом следователи установили, что Иван Лисогор был германским шпионом? Только на основе его собственных признательных показаний. Несомненно, беднягу сильно били, и ему пришлось не только на себя возвести напраслину, но и оговорить своих товарищей по 46-му украинскому батальону – Брейтмана-Петренко,

Климова, Токмана и некоторых других, вместе с ним бежавших к партизанам. Вся пикантность ситуации заключалась в том, что Михаил Иосифович Брейтман, в батальоне служивший под фамилией Петренко, был самым настоящим евреем. Чекистам пришлось придумать, что, будучи разоблачен во время медосмотра как еврей, Брейтман под угрозой расстрела был завербован в качестве агента командиром батальона. Затем он будто бы был направлен в концлагерь для евреев в местечке Малый Тростенец под видом рабочего, но фактически являлся курсантом специальной «школы гестапо» для агентов-евреев. Михаил Иосифович подробно рассказал (или подписал то, что ему продиктовали следователи) о многочисленных ядах, которые ему демонстрировали инструкторы-немцы, упомянул, в частности, какую-то розовую ядовитую жидкость, но вот беда: при аресте у Брейтмана никаких ядов, взрывчатки или иных орудий «диверсионно-террористической деятельности» не обнаружено. Также и товарищи, которых он оговорил, в качестве вербовщика указали на командира батальона, но больше никого из сотрудников немецкой разведки назвать не смогли. Когда же речь зашла об их сослуживце Балакине, будто бысланном со шпионским заданием в другой партизанский отряд, то арестованные стали говорить о вещах и вовсе фантастических. Будто бы начальник штаба батальона офицер-эстонец Мельдерс неоднократно собирал их вместе и, вопреки всем правилам конспирации, ставил в пример Балакина, якобы добывающего ценную информацию.

В докладной записке Бэр и Иванов вынуждены были констатировать, что «практической деятельности все эти агенты гестапо в широких размерах осуществить не смогли, за исключением доносов гестаповцам за время пребывания в украинском батальоне на солдат» (РГАСПИ, ф. 625, оп. 1, д. 28, л. 445–458). Не придумывать же, в самом деле, несостоявшиеся диверсии и убийства. О том, что немцы никогда не рискнут выпустить за линию фронта или к партизанам агента, которому они абсолютно не верят, чекисты предпочитали не задумываться. А еврею Брейтману они никогда бы не поверили из-за одной только принадлежности к «расово вредным элементам», делавшей для агента не только бессмысленным, но и заведомо опасным, практически равносильным самоубийством возвращение на германскую сторону.

Несчастному Брейтману вместе с другими бойцами украинского батальона довелось охранять лагерь смерти Тростянец под Минском, где уничтожали евреев. Написав 13 апреля 1943 года под диктовку особиста Иванова вымышленные признания о своей вербовке и обучении в школе гестапо, он оставил нам также собственноручное показание о тех ужасах,

которые ему довелось видеть в Тростянце. В искренности этого свидетельства Брейтмана-Петренко трудно усомниться: «Я хочу в этих строках рассказать “всю правду” о “немецкой справедливости”, о тех, кто во всеуслышанье кричит о цивилизации и культуре на словах, а на деле совсем противоположно. Я хочу рассказать всю правду, как очевидец, о так называемых “строителях Новой Европы”. Если меня кто-либо спрашивает, что такое цивилизация, я всегда переспрашиваю, какую цивилизацию думаете – немецкую или человеческую, ибо разница между ними очень большая...

Это было при первом массовом расстреле евреев в ноябре 1941 года, 7-го числа, когда выводили евреев за город, где было вырыто 14 ям. Загоняли людей в ямы и стреляли их, а на трупы этих людей заставляли других становиться и которым последовала участь первых. При таком массовом расстреле, когда раздаются предсмертные крики, когда кровь льется рекой, эти кровожадные убийцы преспокойно объявляют перерыв и около ямы кушают и пьют, мучения недобитых представляют им удовольствие.

Одна женщина подошла со своим ребенком к одному украинцу, который стоял на посту, и обратилась со следующими словами: «Слушайте, я вас прошу, спасите моего ребенка, он у меня русский». Ребенок же уцепился за шею матери и говорит сквозь слезы: «Нет, мама, никуда я не пойду, я хочу быть с тобой вместе». Ребенку этому не больше 4–5 лет. Стоявший поблизости немец из СС спросил – о чем она говорит. Ему перевели, что говорил ребенок и что говорила она.

Тогда он велел этой женщине рыть яму, потом положил туда ребенка и велел матери засыпать его. Мать не могла этого делать, тогда он облил ребенка бензином и живым запалил его. Мать там же сошла с ума, голой она бегала по всему полю, и немцы смеялись и стреляли из винтовок и автоматов – кто первый попадет. Надо отметить, что эти кровожадные звери перед расстрелом раздевали всех и увозили себе. Это отдавали им в подарок от вождя, от обер-убийцы Адольфа Гитлера...

Каждый четверг строили всех евреев и отбирали людей, которые уже пристали в работе. Из них уже выжали все, что можно, это освобождает место для тех, кто должен был прибыть завтра. После такого отбора в бараке, где жили евреи, можно было слышать стоны, прощальные стоны и возгласы, песни, полные слез. Открытые проклятия на голову поработителей тех, кто с ума сошел, а таких случаев было очень много. Эти отобранные люди служили для такой цели, о которой никто не подумает.

Часто приезжали из г. Минск гестаповцы для тренировки в стрельбе и вот брали этих людей, выводили в тир их, и по ним, по живым мишеням,

тренировались в стрельбе. Привозили своих жен, и они принимали равную участь в этом кровавом деле. При каждом таком кровавом развлечении в промежутке между стонами раненых, выстрелами убийц можно было слышать смех данных зверей в образе женщин...

Недалеко от лагеря в лесу находится кладбище для немцев. Однажды привезли несколько убитых немцев хоронить, гробы стояли. Проходя мимо их, один из заключенных, который рыл ямы, не снял шапку. Об этом от стражи узнал комендант и после похорон на первом дереве около дороги он был повешен крюком за ребра. Целую ночь по всему лагерю раздавались душераздирающие крики. Жизнь не хотела так быстро покинуть молодое здоровое тело. К утру эта страшная жертва скончалась. А подлые псы-рыцари, вы гитлеровские собаки, будете прокляты всем миром. Ваши гнусные кровожадные поступки не пройдут даром. Отомстим. Красная Армия громила, громит и будет громить. Запомните, что русский народ никогда не был под игом иноземцев и никогда не будет. Запомните еще вот что:

За глаз мы оба выбьем,
А за зуб всю челюсть свернем».

В отличие от этого эмоционального и очень конкретного рассказа о страданиях евреев, показания Брейтмана «о пребывании в школе гестапо № 12» очень общие и лишены деталей. Единственный запоминающийся эпизод здесь – это случай, когда гестаповцы загнали несколько евреев в мусорную яму, затем бросили туда гранату и наблюдали за мучениями раненых, чтобы определить, сколько проживут люди после таких ранений. Это требовалось якобы еще и для того, чтобы курсанты «школы гестапо» «научились при любых условиях быть спокойными и хладнокровными, чтобы наши сердца были не чувствительны к мукам других».

Но тот же самый эпизод есть и в показаниях Брейтмана о страданиях евреев, и там он никак не связан с разведшколой. Она, по уверению подследственного, «находилась за городом, в том месте, где находились концлагеря (по Могилевскому шоссе на 12 км)». По его утверждению, «школа состояла исключительно из людей, которые зависели от немецкого гестапо, и уголовных преступников. К примеру, я обвинялся в том, что еврей, политрук. Я дал свое согласие попасть в эту школу под угрозой смерти, при предварительной обработке». Воля ваша, но создается впечатление, что минское СД состояло из сплошных идиотов. Ведь как раз уголовники и те агенты, которые согласились сотрудничать под страхом смерти, представляют собой самые ненадежные кадры. Это прекрасно известно всем разведкам и контрразведкам мира.

Курсанты будто бы ничем не отличались по внешнему виду от заключенных. Бросается в глаза, что в показаниях Михаила Иосифовича фигурируют только те места в Минске, где дислоцировались бойцы украинского полицейского батальона. Других он просто не знал, а допрашивавший Брейтмана тоже не смог придумать какого-то оригинального места для школы гестапо, которую все же вряд ли бы стали совмещать с концлагерем. Всех курсантов, по уверению Брейтмана, предназначали исключительно для борьбы с партизанским движением. Однако учили их вещам довольно странным. Например, «из видов диверсий нам показали следующие: как отравлять пищу, как выводить из строя машины, как уничтожать мосты, палить лес... сжигать деревни... Допустим, пищу отравлять не тогда, когда она варится в котле, а стараться отравить продукты еще раньше, ибо за ними не так смотрят. Выводить машины из строя путем бросания в бензобак сахара, соли. Мосты уничтожать не путем собственноручного поджигания, а путем слуха, что приближаются немцы, и заставить жителей близлежащей деревни лично уничтожить мосты, а в тот момент, когда население уходит в лес, воспользоваться этим и подпалить деревни».

Ядов, замечу, у Брейтмана и его товарищей по несчастью так и не нашли. Непонятно также, почему мосты надо было уничтожать непременно руками местного населения. Вероятно, ни Брейтман, ни Иванов просто не знали, как именно поджигают мосты, и поэтому пошли по такому сложному пути. И совсем уж непонятно, зачем агенту, засылаемому к партизанам, надо знать, как выводить из строя автомобили. Можно подумать, что народные мстители разъезжали сплошь на «мерседесах» и «оппель-адмиралах».

Брейтман писал, что гестаповцы рекомендовали ему пробраться в партизанскую разведку, а там «никакой работы не проводить в пользу немцев до тех пор, пока не создашь себе славу бесстрашного разведчика и чекиста». Эта версия позволяла объяснить, почему Брейтман ничего предосудительного в партизанском отряде так и не сделал. Правда, непонятно, зачем было партизанам посылать в разведку евреев, которых оккупанты в любой момент могли арестовать за одну только «расовую принадлежность». В докладной записке Бэр и Иванов вынуждены были констатировать, что «практической деятельности все эти агенты гестапо в широких размерах осуществить не смогли, за исключением доносов гестаповцам за время пребывания в украинском батальоне на солдат». Не придумывать же, в самом деле, несостоявшиеся диверсии и убийства.

О том, что немцы никогда не рискнут выпустить за линию фронта или

к партизанам агента, которому они абсолютно не верят, чекисты предпочитали не задумываться. А еврею Брейтману они никогда бы не поверили из-за одной только расовой принадлежности, делавшей для агента не только бессмысленным, но и заведомо опасным возвращение на германскую сторону. Заложников в виде семьи у Брейтмана не было, да и в случае с евреями этот метод не был слишком действенным. Несчастные знали, что их близкие все равно предназначены нацистами для истребления. Не говоря уж о том, что Михаил Иосифович был непосредственным свидетелем расстрелов евреев, и уже одно это делало рискованной посылку его к партизанам. Сам Брейтман оставил яркое описание того, какая страшная смерть ждала тех, кто пытался разгласить тайну «окончательного решения еврейского вопроса»:

«Один из евреев, который сам из Германии, отец его немец, мать еврейка, когда вывозили его маму из Гамбурга, он не хотел там остаться и вместе с ней поехал. По приезде в Тростинецкие концлагери, он увидел истинное лицо немцев. Пользуясь некоторыми привилегиями, он часто ездил на мотоцикле в Минск. Через своих знакомых ему удалось передать письмо для отправки своему отцу в Германию с описанием всех «прелестей» их жизни. Это письмо, проходя цензуру, было направлено в гестапо. На второй же день, 17 ноября 1942 года, в дневное время было объявлено общее построение евреев и заключенных русских, которые там имелись, после чего, ничем не объявляя причину, выводили из строя каждого десятого и на месте расстреливали, после чего на дверях барака была заброшена петля, после вызвали того самого, который писал письмо, и велели ему стать на подставку. Взглядом он простился со всеми окружающими, но, видимо, подлые головорезы не хотели так быстро кончить свое удовольствие. Он постоял на этой подставке минут 15, после чего он сам одел на себя петлю, подошла одна из немок, которые приехали с «героями» в борьбе с безоружной толпой, и толкнула столик, тело повисло, только петля нехорошо затянулась, и дыхательные органы не полностью были пережаты, он дергался, жизнь в нем еще не погасла. Многие стоявшие не могли выдержать вида этой ужасной картины, попадали в обморок, слезы, истерические крики раздавались кругом, сердце разрывалось.

Один из немцев-гестаповцев приказал двум из охраны подержать его, чтобы он перестал мучиться, чтобы скорей умертвить его. Те подошли к висельнику, чтобы выполнить его приказание, но одна из немок с глазами, полными налитой кровью, лицом, перекошенным звериной улыбкой, с тросточкой подбежала к ним и отогнала их, говоря, что она хочет своими

глазами видеть, как от него жизнь уходит, она от этого имеет удовольствие. Ее желание было исполнено. Этот труп висел 24 часа у входа в барак» (РГАСПИ, ф. 625, оп. 1, д. 44, л. 103–114).

Лисогор, Брейтман-Петренко, Климов и Токман были расстреляны. Вот чем закончилась пьяная ссора бойца-украинца с партизанкой Левиной. Вероятно, из ревности или просто спьяну Иван Михайлович действительно ударил Левину. Может, заодно прошелся и по кому-то из партийных вождей. Но не исключено, что его «контрреволюционные разговоры» целиком и полностью выдумала Левина, чтобы придать доносу большую весомость. А дальше – арест, побои, продиктованные следователями признания и скорый расстрел. Невозможно допустить, что в ситуации, когда против них не было никаких улик, несчастные вдруг в одночасье одумались и признались, что являются германскими агентами, подписав тем самым себе смертный приговор.

Общим местом в донесениях партизанских особистов проходит мысль о том, что засланные в партизанские отряды немецкие агенты снабжены ядами, чтобы в подходящий момент отравить командиров и комиссаров отрядов. И пойманым агентам неизменно ставили в вину умысел на такое отравление. Но ни в одном донесении мне не довелось встречать, чтобы хоть раз кто-нибудь из партизан был отравлен неприятельскими лазутчиками. Также и в немецких документах нет никаких упоминаний о подобном методе борьбы с партизанами.

Вот партизаны, вернее, подпольщики, действительно практиковали яды в качестве орудия борьбы. Об этом сохранились многочисленные свидетельства как в немецких, так и в советских документах, да и приказы Сталина недвусмысленно рекомендовали партизанам именно этот способ уничтожения неприятеля. В частности, в уже цитировавшемся отчете К.Ю. Мэттэ о деятельности могилевского подполья отмечалось, что «в нескольких случаях довольно удачно были использованы отравляющие яды (на продовольственном немецком складе, в немецких лазаретах, кухнях и т. д.). В самом городе было отмечено несколько десятков случаев отравления немецких солдат и офицеров. Большая часть отравленных продуктов была вывезена на фронт или в части, размещенные вне города». Городским подпольщикам не составляло особого труда раздобыть яды через своих товарищей, работавших в аптеках и больницах, а потом хранить их в собственных квартирах в ожидании момента, когда удастся самому или через сообщников подсыпать отраву в пищу, предназначенную для немцев. Но совсем иное дело – в партизанском отряде. Тут немецкий агент постоянно жил в землянке с несколькими партизанами, от которых

почти невозможно было надежно спрятать яд. Да и сохранить его в полевых условиях так, чтобы он не потерял своих свойств, было очень трудно. Кроме того, в небольшом замкнутом коллективе, какой представлял из себя партизанский отряд, где чуть ли не в каждом подозревали лазутчика, весьма непросто было подобраться к котлам, чтобы всыпать туда отраву. Все это немцы хорошо понимали, и поэтому, если и засылали агента-террориста с заданием уничтожить партизанских командиров, то предполагали, что для этой цели те используют табельное огнестрельное или холодное оружие, которое будут иметь наряду с другими бойцами отряда. Чаще же для уничтожения партизанских командиров устраивали засады небольших групп карателей из числа коллаборационистов. В одну из таких засад, как мы помним, угодила комбриг А.К. Флегонтов.

Вот как, согласно отчету разведотдела 17-й немецкой армии, действовавшей на юге Украины, немцы подбирали агентуру для заброски в партизанские отряды: «Как агенты могут быть использованы следующие люди: вовлеченных в истребительные батальоны, часто по указанию комиссара превращали в партизан и направляли в леса. После того, как они ознакомились с порочной жизнью командиров партизанских отрядов: видели их пьянство, разврат, эти люди убегают от партизан и возвращаются домой и заявляются к старостам, местным начальникам полиции или представителям германской армии».

Немцам, по крайней мере, в городах, было значительно легче выявить партизанских агентов и подпольщиков. Здесь всегда хватало провокаторов. Недостаток опыта конспиративной деятельности приводил к частым провалам советских подпольных групп. Так, в начале октября 1943 года в Витебске 703-я группа тайной полевой полиции захватила более 60 подпольщиков с помощью провокации. Сотрудник полиции унтер-офицер Печенкин выдавал себя за руководителя группы агентов, занимающейся диверсиями. Большинство подпольщиков было расстреляно. Те же из них, кто согласился пойти к партизанам в результате провокации Печенкина и его товарищей, были отправлены в концлагерь. Туда попали и те, кто согласился присоединиться к партизанам только под угрозой репрессий с их стороны. 3 человека вообще были освобождены из-за недоказанности вины. Одна же из 63 арестованных была перевербована в качестве агента ГФП и также освобождена. 38 человек расстреляли, а 21 отправили в концлагерь.

Партизанам же практически невозможно было обнаружить засланных к ним вражеских агентов. Ведь такой лазутчик внешне ничем не отличался от обычных новобранцев из числа местных жителей, окруженцев или

беглых пленных. В реальных условиях партизанского отряда практически не было никакой возможности проверить его биографию. Не будешь же по каждому новому партизану запрашивать Москву! В отличие от агентов, отправляемых за линию фронта, в тыл Красной Армии, тех, кого засылали к партизанам, никогда не снабжали рацией. Ведь ее не было никакой возможности пронести в партизанский лагерь, а тем более использовать. Нельзя было и обусловить какие-то явки и места встреч. Ведь партизанские отряды постоянно перемещались, меняли места дислокации, и ни агент, ни его хозяева просто не могли знать, где он окажется завтра. Поэтому все немецкие агенты действовали примерно по такой схеме. Внедрившись в отряд, они находились там от нескольких недель до двух-трех месяцев, затем дезертировали и сообщали в ближайшую немецкую комендатуру или полицейский гарнизон все, что им удавалось узнать о численности, вооружении и руководстве отряда и о расположении партизанских лагерей и продовольственных баз. В реальности партизаны могли задержать лазутчиков лишь в тот момент, когда они пытались покинуть партизанский лагерь. Но и в этом случае не было возможности отличить немецкого агента от обыкновенного дезертира. Впрочем, и тех и других партизаны все равно расстреливали.

В партизанских отрядах прекрасно знали, что немцы и коллаборационисты засылают туда свою агентуру. В результате среди партизан царил атмосфера недоверия друг к другу. Люди, вызвавшие по какой-либо причине подозрение, могли быть арестованы и побоями и угрозами вынуждены к признанию в шпионаже, а затем расстреляны. Подобные дела становились средством для сведения счетов или для наказания командирами строптивых партизан или тех, в ком они видели угрозу своему авторитету. В большинстве случаев, к несчастью, жертвами обвинений в работе на немецкую разведку становились невинные. Многие же настоящие агенты благополучно уходили к своим командованиям. В результате немецкое командование, опираясь также на показания пленных и перебежчиков, имело достаточно точное представление о численности, вооружении и командном составе партизанских отрядов и бригад, также об основных местах их дислокации. Другое дело, что донесения от агентов поступали не слишком оперативно, с большими перерывами, и немцы далеко не всегда могли знать, где именно в данный момент времени находится тот или иной отряд, или какой гарнизон партизаны собираются атаковать в ближайшие дни.

В составленной в 1942 году начальником Разведывательного управления Центрального штаба партизанского движения Аргуновым

«Справке о провокационных методах борьбы с партизанами», в частности, говорилось: «Гестапо для засылки агентуры в партизанский отряд посылает под видом закупки продовольствия. В марте месяце командиром партизанского отряда тов. Копенкиным (настоящим ударником на ниве борьбы с вражескими шпионами! – Б.С.) были задержаны шпионы, которые прибытие свое объяснили целью покупки продуктов для семей, проживающих в г. Харькове. Следствием было установлено, что они являются агентами гестапо г. Харькова и прибыли в распоряжение отряда с целью вступления в таковой по заданию в гестапо».

Следователей-чекистов почему-то не смутила явная несообразность: почему люди, прибывшие для закупки продуктов, оказывается, прибыли с целью вступить в отряд. Зачем гестапо нужна была такая маскировка? Скорее всего, несчастные заготовители случайно оказались в расположении партизан, а уже потом с помощью побоев из них выбили признание, что они намеревались вступить в партизанский отряд по заданию гестапо. А в рапорте герой Копенкин решил совместить оба мотива.

В той же «Справке» утверждалось: «В отряд тов. Русакова пробралась в качестве санитарки немецкая шпионка, имевшая несколько фамилий – Иткина, Дынкина, Озер. Она вошла в доверие к комиссару отряда Филиповскому и с его помощью устроила в качестве заместителя командира отряда другого немецкого шпиона Шишко. Ими в одном из боев убит командир отряда Русаков, оперативный работник Емельянов и лучший разведчик отряда – Боец. Шпионы были разоблачены и расстреляны...

Очень много разведчиков партизанских отрядов, попавших в гестапо и разоблаченных, немцы перевербовывают и заставляют работать на них. Для достижения этой цели немецкая разведка применяет метод ареста и содержания таких людей в тюрьмах, аресты их семей, а затем предлагает перейти на работу в гестапо. При согласии работать в гестапо и выполнять задания немецкого командования таких людей и членов их семей освобождают, отобрав у арестованных подписку. Члены семьи завербованного остаются под наблюдением, и если он не выполняет задание, то его семью расстреливают. Большое внимание немцы уделяют вербовке среди военнопленных красноармейцев и командиров. В первую очередь для этой цели используются лица неустойчивые.

Для лиц, которых немецкое командование намечает для использования на разведывательной работе, в лагерях создаются особо благоприятные условия. Особо старательно немцы влияют на тех военнопленных, семьи которых проживают на территории действия партизанских отрядов, отпускают их домой, поставив задачу вступить в партизанский отряд и

проводить там подрывную, террористическую и разведывательную работу.

Для забрасывания в партизанские отряды в качестве разведчиков немцы используют евреев, надеясь на то, что партизаны, зная, что немцы евреев жестоко преследуют, будут оказывать им больше доверия...

Немецкая разведка... особо красивых женщин и девушек снабжает ядовитыми веществами с задачей влиться в отряд, войти в доверие командного состава и потом производить отравление» (РГАСПИ, ф. 625, оп. 1, д. 37, л. 10–11, 13).

Подобные представления были широко распространены почти во всех партизанских отрядах. В результате плохо приходилось евреям и красивым девушкам. При первом же подозрении их легко могли расстрелять как «германских шпионов».

Бросается в глаза, что все подлинные или мнимые фамилии «немецкой шпионки» – еврейские, а вся история с гибелью командира и «лучших людей» отряда больше смахивает на какие-то внутриотрядные разборки. Да и как сегодня точно установишь, убили ли Русакова и его товарищей немцы и полицейские или Шишко с Иткиной. Скорее всего, в данном случае мы имеем дело еще с одним случаем юдофобии среди партизан.

Справедливости ради отмечу, что Аргунов писал и о немецких агентах вполне славянской национальности, будто бы засланных к партизанам, но и здесь сообщаемые им факты вызывают больше вопросов, чем дают ответов: «Немецкое командование в июле 1942 года в партизанские отряды, действующие в районах Демидов – Пречистое – Велиж Калининской области заслало двух провокаторов, которые проникли в партизанский отряд бригады т. Апретова с целью организации провокационной работы. Эти два агента гестапо организовали грабеж мирного населения, забирали одежду, продукты, скот и склоняли на это других партизан.

В результате этого в некоторых селах перестали идти в партизанские отряды и оказывать материальную помощь. Немцы умело использовали это и начали активно вовлекать население в полицию с целью “охраны” своего имущества от “партизан”, что частично им удалось.

Агенты эти были выявлены и в присутствии населения 5 сентября расстреляны.

В июле месяце с.г. была окружена наша 39-я армия: часть бойцов и командиров пыталась самостоятельно выйти из окружения и разошлась по лесам. В это время немцы сформировали несколько групп из предателей; часть из них одели в красноармейскую форму, другую в гражданское платье. Эти группы под видом красноармейцев грабили мирное население. В результате этого часть населения стала отказывать в помощи

красноармейцам, находящимся в окружении, и партизанам, а отдельные лица начали доносить немцам о появлении групп красноармейцев и партизан.

Гестапо принимает и такие методы борьбы, как использование наших агентов-разведчиков в борьбе с партизанами. Был такой факт: во второй бригаде т. Васильева была агентка «Маша», которая по заданию командования ходила в местечко Дедовичи к своей матери и оттуда приносила разведывательные сведения. Зимой немцами была поймана и завербована. От гестапо получила задачу отравить командование бригады, для чего получила порошки с ядом. Шпионка была разоблачена и расстреляна».

Вряд ли мы когда-нибудь точно узнаем, была ли «Маша» агентом гестапо или пала жертвой излишней подозрительности «особистов». Упоминание яда позволяет предположить, что дело ее все же было липовым и расстреляли разведчицу зря.

Иногда немцы забрасывали к партизанам агентов под видом парашютистов, снабженных рациями и фальшивыми немецкими документами. Но эта комбинация могла пройти только с относительно небольшими и изолированными отрядами, не имевшими непосредственной или через штабы партизанских бригад связи с Большой землей. В противном случае неизбежный запрос в Москву очень скоро привел бы к разоблачению мнимых парашютистов.

Не вызывают доверия и данные о немецких агентах, пойманных в 161-й бригаде имени Котовского, действовавших в Осиповичском и сопредельных районах Могилевской и Минской областей. Вот что говорится об этом в итоговом отчете командования бригады: «В деревню Каменка Стародорожского района из Дорогановского немецко-полицейского гарнизона по заданию гестапо был направлен на постоянное местожительство немецкий агент – лесник Пузик, у которого были обширные родственные связи в этой же деревне. Из числа его родственников немцами были завербованы жители Зайко, который являлся резидентом, Кривицкий и Мирончик Елизавета. Целью этой группы шпионов было – путем спаивания партизан, особенно командного состава, “выуживать” от них всевозможные данные о партизанских отрядах. Партизанские агенты, проживавшие в этой же деревне, своевременно разоблачили шпионов, которые были преданы партизанскому суду».

Поскольку в отчете ничего не говорится о каких-либо уликах против Пузика и его родственников, кроме доносов со стороны «партизанских агентов», резонно предположить, что несчастные могли стать жертвами

оговора и банального сведения счетов, что не редкость между не расположенными друг к другу соседями едва ли не в каждой деревне. А то, что кто-то из родственников Пузика гнал самогон, сразу же превратили в коварный заговор – умышленное спаивание партизанских командиров с целью получения от них секретных сведений.

В отчете 161-й бригады далее утверждалось: «Для изучения личного состава бригады в каждом отряде имелись осведомители, которым поручалось следить за чистотой партизанских рядов, разоблачать засланных гестапо агентов и шпионов, террористов и диверсантов. В 1942 году, например, в партизанский отряд имени Челюскинцев были посланы по заданию гестапо отец и дочь Долгие – жители деревни Тарасовичи (сын Долгого работал следователем в полиции в городе Осиповичи и руководил работой по шпионажу). За Долгим и его дочерью было установлено наблюдение. Вскоре агентура перехватила переписку дочери Долгого с Осиповичской полицией. При допросе отец и дочь Долгие признались в своей принадлежности в шпионской организации и были расстреляны».

Несомненно, сексоты Особых отделов существовали не только в 161-й, но и практически во всех партизанских бригадах и отрядах, подчинявшихся Центральному штабу партизанского движения. Очевидно, им приходилось постоянно доказывать, что они не даром едят чекистский хлеб, и разоблачать ежемесячно определенное число вражеских агентов и антисоветски настроенных партизан. Поводом к доносу могла послужить и личная ссора, и сведения о том, что кто-то из родственников партизана работает в полиции. Случай же с Долгими вообще выглядит загадкой. Если сын-следователь искренне любил отца и сестру, и они отвечали ему взаимностью, зачем бы, спрашивается, он отправил их со смертельно опасной миссией к партизанам? Если же между ними, напротив, существовали натянутые или вовсе неприязненные отношения, то делать отца и сестру своими агентами следователь никогда бы не рискнул. Интересно также, каким образом дочь Долгого могла отправлять из партизанского отряда письма в полицию Осиповичей? По всей вероятности, отец и дочь стали жертвами оговора, а поводом для репрессий послужила информация о том, что их сын и брат служит полицейским следователем.

15 января 1943 года начальник отделения пропаганды политотдела Объединенных бригад юго-западных районов Орловской области, где существовала своя партизанская республика, Иван Гуторов писал в штаб партизанского движения: «Работники НКВД очень усердно разбирают биографии Покровских, Левок и других командиров и бойцов партизанских

отрядов, но мало (судя по результатам) занимаются агентурной разведкой среди населения и особенно войск противника. Совершенно не умеют по молодости и опыту работать с двойными шпионами и обычно очень скороспешно их расстреливают, как, например, еврейских девушек Иру и Еву Черняк, последняя будто бы даже окончила школу гестапо в Брянске. Плохо также и то, что работающие в нашем крае особотдельцы и резиденты не знают немецкого языка и не могут поэтому должно использовать немецкие документы» (РГАСПИ, ф. 625, оп. 1, д. 10, л. 30).

Насчет того, что в случае с несчастными сестрами Черняк проявилось неумение чекистов работать с двойными агентами, Гуторов добросовестно заблуждался. Никакими немецкими агентами бедные еврейки не были и быть не могли. Тут одно из двух. Либо сестрам удалось скрыть свое еврейство, и они согласились стать немецкими агентами только затем, чтобы попасть в партизанский отряд. В этом случае они наверняка бы рассказали о своих контактах с противником командованию отряда. Невероятно, чтобы немцы стали вербовать к себе в качестве агентов сестер Черняк, если бы точно знали, что они – еврейки. Ведь агент должен пользоваться доверием своих хозяев, а к евреям у немцев никакого доверия не было. Наоборот, была почти полная уверенность, что люди, чудом избежавшие «окончательного решения», немедленно раскроются перед партизанами и не подумают работать на своих палачей. Но, скорее всего, сестры ничьими агентами не были, а просто стали жертвой провокации особистов, решивших поймать парочку немецких шпионов. И историю о несуществующей «школе гестапо» придумали работники НКВД. Ведь в действительности агентов у немцев готовили школы абвера. Разумеется, чекисты не собирались использовать в качестве «двойных агентов» придуманных ими же «шпионок-евреек». Сестер Черняк просто побыстрее расстреляли, чтобы они не успели отречься от выбитых из них признаний.

Отчет человека, который мог бы стать Николаем Кузнецовым

Совершенно Секретно

Краткий отчет о работе Могилевского «Комитета содействия Красной Армии» за период от сентября 1941 г. по 10 марта 1943 г. (составлен 19 апреля 1943 года. – Б.С.)

В июле месяце 41 г. работник Могилевского управления НКВД БССР т. Каганович предложил мне не уходить с отступающей Красной Армией, а остаться в гор. Могилеве для нелегальной работы. Подробные указания я должен был получить позже.

После захвата города немцами я начал знакомиться с создавшейся обстановкой и настроением населения.

Дело представлялось в следующем виде.

Количество населения в городе уменьшилось до 47 тысяч (до войны было более 100 тысяч). Значительная часть советски настроенного населения ушла с Красной Армией или же вынуждена была молчать и маскироваться. Основной тон в настроении населения давали контрреволюционные элементы (имеющие судимость, всякие «бывшие люди» и т. д.) и широкие обывательские слои, которые очень приветливо встретили немцев, спешили занять лучшие места по службе и оказать им всевозможную помощь. В этом числе оказалась и значительная часть интеллигенции, в частности, много учителей, врачей, бухгалтеров, инженеров и др.

Очень многие молодые женщины и девушки начали усиленно знакомиться с немецкими офицерами и солдатами, приглашать их на свои квартиры, гулять с ними и т. д. Казалось как-то странным и удивительным, почему немцы имеют так много своих сторонников среди нашего населения.

Немцы сразу после прихода в город, кроме усиленной антисоветской агитации, провели широкую вербовку в тайную агентуру, особенно молодых девушек и женщин, в том числе бывших комсомолок.

Начались массовые аресты и расстрелы коммунистов, некоторых из них немцы обрабатывали и делали провокаторами, началось изъятие и расстрелы людей, пытающихся организовать нелегальные группы, полное

уничтожение евреев и т. д.

Говоря о молодежи, нужно отметить, что очень резко бросалось в глаза отсутствие у значительной ее части патриотизма, коммунистического мировоззрения. Это замечание относится и к комсомольцам, особенно комсомолкам. Как педагог, я многих из них знал лично и внимательно наблюдал за ними. Такое поведение, по-моему, явилось результатом слабого воспитания в советском духе, в семье, школе и комсомоле. Большинство молодежи не осознавало в первые месяцы оккупации того, что немецкие фашисты являются ее смертельными врагами, смертельными врагами ее родины.

Однако, несмотря на очень трудные условия для нелегальной работы, в отдельных местах города делались попытки создания небольших групп, объединяющих и молодежь, и людей старшего возраста. Но почти все эти стихийно образующиеся группы и группки просуществовали только несколько дней или недель и были уничтожены немцами в результате сплошной провокации и отсутствия у организаторов знания самых элементарных правил нелегальной работы. Не только не было знающих это дело организаторов, наоборот, была недооценка трудностей такой борьбы и отсутствие желания учиться в процессе работы. Оказались почти одинаково неподготовленными и беспартийные, и комсомольцы, и коммунисты, и командиры Красной Армии, и работники НКВД. Чувствовалось, что никакой организованности, никакого руководства этой работой нет. Отдельные уцелевшие люди, оставленные по заданию НКВД и партийных организаций, разрознены и не имеют более конкретных указаний, не знают, что и как делать.

В таком же положении оказался и я. Поэтому мне пришлось действовать очень осторожно. Уже в августе 41 г. я постарался встретиться со многими моими знакомыми и изучать их настроение. Это были учителя и учащиеся старших классов. Среди них я нашел несколько человек, которые оказались, безусловно, советскими людьми, пригодными для создания организации.

Учитывая создавшуюся обстановку и причины провалов нелегальных групп, были установлены следующие принципы создания нелегальной организации.

В основном судить о людях не по их довоенной характеристике, а по их поведению и настроению в военное время.

Подбирать людей не просто только советских, а умных, способных, смекалистых, неболтливых, осторожных, имеющих хорошие связи, большое знакомство и т. д.

Ориентироваться больше на старшее поколение, имеющее большой жизненный опыт; привлекать лучшую часть молодежи, при условии оказания ей всемерной помощи.

Подобрать часть людей, имеющих некоторые данные, которые могут быть использованы для маскировки (род работы, происхождение, судимость и др.) при условии, если они, безусловно, советски настроены.

Установить основной вид связи между членами организации по принципу цепочек.

Член цепочки не должен знать более 2 человек, не должен знать руководителей.

Руководители цепочек не должны знать друг друга, они должны быть связаны только со мной, получать от меня указания и материалы, сообщать мне о своей работе.

Не устраивать никаких собраний. По различным трудным вопросам работы советоваться с отдельными более крепкими товарищами, учитывать дельные предложения всех членов организации, больше не допускать никакой демократии. Всякие разговоры по работе вести только один на один, говорить только о деле, касающемся данного работника.

Предупредить всех членов, что провал из-за болтливости, халатности, нежелания соблюдать строжайшую конспирацию и т. д. будет расцениваться как провокация.

Во всей работе не гнаться только за количеством, если это может перейти во вред качеству.

Там, где нужно, создать группы по принципу связи каждого члена группы с руководителем группы непосредственно, но без связи между членами группы.

Не составлять никаких списков членов организации.

Эти принципы хотя и видоизменялись, но в основном остались и до настоящего времени.

К декабрю месяца 41 г. организация достигла примерно 50 человек. В это время я познакомился и привлек к работе товарища, который оказался очень дельным работником и помощником в деле создания организации и дальнейшего руководства ею в целом.

Сначала (с августа – сентября месяца 41 г. и по февраль 42 г.) мы занялись работой следующего порядка.

Агитация (устная) и распространение советских листовок, сбрасываемых с самолетов.

Вербовка новых членов.

Проникновение в различные учреждения врага. Разведка, выявление

тайной агентуры врага и т. д.

За период с сентября 41 г. по май 42 г. в настроении населения города произошли значительные изменения. На это повлияли, кроме других, следующие факты:

1. В первые месяцы оккупации немцы физически уничтожили всех евреев. Этот факт вызвал много различных рассуждений. Самая реакционная часть населения, сравнительно небольшая, полностью оправдывала это зверство и содействовала им в этом. Основная обывательская часть не соглашалась с такой жестокой расправой, но утверждала, что евреи сами виноваты в том, что их все ненавидят, однако было бы достаточно их ограничить экономически и политически, а расстрелять только некоторых, занимавших ответственные должности. Остальная часть населения – советски настроенная – сочувствовала и помогала евреям во многом, но очень возмущалась пассивностью евреев, так как они отдавали себя на убой, не сделав ни одной, хотя бы стихийной попытки выступления против немцев в городе или массового ухода в партизаны. Кроме того, и просоветски настроенные люди отмечали, что очень многие евреи до войны старались устроиться на более доходные и хорошие служебные места (будто русские или белорусы не стремились к тому же самому! – Б.С.), установили круговую поруку между собой, часто позволяли нетактичное отношение к русским, запугивая привлечением к ответственности за малейшее выступление против еврея, и т. д. «И вот теперь евреи тоже ожидают помощи от русских Иванов, а сами ничего не делают», – говорили они.

Общий же вывод у населения получился таков: как бы немец не рассчитался со всеми так, как с евреями. Это заставило многих призадуматься, внесло недоверие к немцам.

2. Вскоре зверское обращение с русскими военнопленными и массовая их гибель в лагерях подтвердили такое предположение и вызвали большое озлобление против немцев и среди значительной обывательской части.

3. Грубое обращение, избиение резиновыми палками, расстрелы и виселицы возбуждали среди населения ненависть, толкали многих на активные выступления против немцев.

Характерен такой момент:

В ноябре 41 г., когда были повешены 4 человека, немцы согнали значительную часть населения на площадь, а весной же, когда были повешены 3 человека, на площадь собралось незначительное количество зрителей, главным образом дети. Из 3-х человек два перед повешением сумели обратиться с призывом к населению усилить борьбу с немецкими

захватчиками. На население это произвело очень сильное впечатление, в результате чего немцы не решились в дальнейшем строить в Могилеве виселицу. Голод, невероятная дороговизна на базаре, спекуляция немцев, грабежи и т. д. – все это восстанавливало население против них. Победы Красной Армии и неудачи немцев на фронте показали, что война Советским Союзом не проиграна, и это подняло дух советских людей, а для всякой сволочи явилось крепким предупреждением и напоминанием о будущем возмездии.

В этот период наша организация продолжала расти и крепнуть. К маю месяцу 42 г. она достигла 120–150 человек. В марте месяце 42 г. удалось достать печатную машинку. С апреля 42 г. мы начали систематически издавать листовку под названием «За Родину». По моему предложению наша организация была названа «Комитетом содействия Красной Армии». За все время существования организации большая часть статей была составлена мною, несколько (4–5) одним товарищем и 2 другим товарищем. Были установлены два основных радиоприемника, и систематически два раза в неделю почти стенографически записывались сводки Совинформбюро и некоторые военно-политические обзоры. Эти сводки и обзоры также помещались в нашей листовке. В апреле и мае 42 г. мы напечатали 300 экземпляров, а с июня дополнительно начал действовать гектограф, и количество экземпляров увеличилось до 800 штук в месяц (было 2–3 выпуска ежемесячно).

Основной инструктивный материал, который мы использовали для руководства агитационной работой, это были доклады и приказы тов. Сталина 41–43 гг., листовка «Вести с Советской Родины» и материалы Советского радио.

Способ распространения наших листовок – это передача по рукам, разброска и расклейка. Значительная часть листовок отправлялась в деревни, в партизанские отряды.

Шкловская организация многие из наших листовок перепечатывала целиком, размножила и распространила их.

Основные вопросы листовок: разъяснение сущности фашизма, характера войны, хозяйствование фашистов в нашей стране, местные события, положение на фронтах, призыв к борьбе, к организации партизанских отрядов, создание немцами карательных отрядов.

Весной и летом 42 г. в Могилевской области усиленно ширилось и росло партизанское движение. Немцы со своей стороны создали украинские батальоны, казачьи части, полицейские карательные отряды и т. д.

В связи с изменившейся обстановкой, организация, кроме проводимой до сих пор работы, занялась следующим:

Установление связи с партизанскими и десантными частями. По этой линии «Комитет» установил нерегулярную связь с партизанскими группами в районе Чаус и в направлении Быхова. Связь эта с нашей стороны выразилась в пересылке своих листовок, пересылке предупреждений о выбытии из Могилева карательные отрядов в этом направлении, в передаче оружия и боеприпасов. Более тесной связи с партизанами в этих районах не было установлено.

Летом и осенью 42 г. установлена связь с партизанским отрядом «Волга», которая носила такой же, но более тесный характер. С наступлением зимы эта связь была прервана по причине перехода отряда в другой район действия (до этого отряд «Волга» находился в направлении Шклова).

Летом 42 г. была установлена связь с опергруппами на запад от Могилева, за р. Друтью, десантно-партизанскими частями: с десантной группой майора Наумовича, с партизанскими отрядами, а потом и со штабом 6 партизанской бригады Белоусова, и другой десантной группой майора Гниденко. Эта связь стала постоянной и превратилась в тесное сотрудничество, которое существует до настоящего времени.

Со стороны этих десантно-партизанских частей мы получали помощь по ряду политических вопросов, агитационную литературу, взрывчатые вещества, денежную помощь и т. д.

Со стороны «Комитета» этим десантно-партизанским частям систематически высылались листовки комитета, оружие, боеприпасы, медикаменты, материалы разведки, топографические карты, планы города и важнейших объектов в городе, схемы укреплений, списки тайной агентуры гестапо, списки полиции, списки лиц особого учета (по линии гестапо), предупреждение о высылке карательных отрядов, проверка и отправка в отряды лучших людей, которые по тем или другим причинам не могли быть использованы для нелегальной работы в городе, содействие проведению диверсионных актов, предоставление квартир для людей, связанных с партизанскими частями, организация совместно с десантной группой (майор Гинденко) передаточной радиоточки по линии Разведуправления Оперцентра штаба Западного фронта Красной Армии и т. д.

За все время своего существования «Комитет содействия Красной Армии» совместно с присоединившимися к нему группами отправил в различные партизанские и десантные части, оперирующие в различных

районах Могилевской области, следующие материалы (ввиду невозможности представления в настоящее время точных цифр, даю приблизительные, минимальные данные):

Различных винтовок – более 200 штук.

Ручных пулеметов – более 40 штук.

Патронов – более 15 тысяч.

Гранат – более 150 штук.

Капсюлей – более 300 штук.

Пистолетов и револьверов около 30 штук.

Медикаментов и медицинских инструментов – более чем на 300 тысяч рублей.

Различных карт, планов и схем около 50 штук и различных других материалов, например, соли, мыла, бумаги, копировальных лент, биноклей, фотоаппаратов, различных взрывчатых веществ – более 5 пудов и т. п.

Кроме того, при содействии членов Комитета отправлено в отряды более 200 человек (большинство с оружием) и специально рекомендовано около 50 человек. Из специально рекомендованных около 80 процентов товарищей занимают в отрядах командные или политические посты или же выполняют специальные, важные боевые задания.

Из присланных в отряды Комитетом людей не было ни одного случая измены.

Следующим новым видом работы Комитета в это время была агитационная работа среди солдат украинских батальонов, казачьих частей, полицейских и немецких солдат с целью разложения этих частей.

Среди немецких солдат гарнизона эта работа проводилась путем распространения советских листовок на немецком языке (сбрасываемых советскими самолетами) и путем личного знакомства и бесед. Этой работе мы не уделяли достаточно внимания и она не была проведена надлежащим образом, хотя и имела некоторое положительное значение.

Больше было уделено внимания агитационной работе среди полицейских. Сюда систематически проникали наши листовки, проводилась систематическая индивидуальная обработка многих из них путем личного знакомства. Был ряд случаев перехода полицейских на нашу сторону, но более значительного эффекта не получилось. Объясняется это прежде всего тем, что в полицию поступили большинство, имеющие судимость за политические и другие преступления, бывшие кулаки и другая сволочь, жадная к наживе, не имеющая никаких патриотических чувств и совести. Кроме того, немцы очень заботливо оберегают полицию от внесения в ее ряды «большевистской заразы».

Систематически велась агитация среди солдат казачьего полка. Было выявлено несколько младших командиров и рядовых, установлена с ними связь и через них велась эта работа. Во многих случаях мы узнавали от них своевременно об отправке эскадронов в тот или другой район против партизан, во время карательных экспедиций. Значительная часть казаков старалась не принимать активного участия, – ввести немцев в заблуждение, дать возможность партизанам уйти из угрожаемого района и т. д. Об этом мы получали подтверждение. Неоднократные обыски в казармах казачьего полка ничего не дали для немцев.

Но самая усиленная работа по разложению велась в украинских батальонах (51, 52 и др.). Почти все наши цепочки и группы были связаны с солдатами и командирами этих батальонов, многие наши люди установили дружеские взаимоотношения, и это все впоследствии дало хорошие результаты.

Кроме общих наших листовок, которыми мы специально снабжали все эти воинские части, мы составили специальное обращение к ним. Это обращение было размножено вместе со сводками Совинформбюро в количестве 600–700 экземпляров и распространено.

Вторая половина 42 г. явилась благоприятной для роста организации. Большинство населения уже разгадало планы фашистов, даже более здравомыслящая часть прежних сторонников немцев в значительной степени потеряла свои иллюзии или становилась враждебной немцам.

К концу 42 г. организация разрослась до 300 человек и проникла почти во все объекты и учреждения города. К ней присоединилось несколько отдельных нелегальных групп, уцелевших от разгрома, например: большая группа, работавшая в основном в районе шелковой фабрики, небольшая группа железнодорожников, небольшая группа командиров Красной Армии. Эти группы были построены так, что почти все члены знали лично друг друга, знали, что делает группа в целом; конспирация была слабая, особенно в группе шелковой фабрики.

В структуре Комитета произошли некоторые изменения: были выделены руководители объединений цепочек и групп, кроме существовавших руководителей цепочек и групп. Организация стала более уязвимой.

В связи с таким ростом организации и усилением ее влияния на население и воинские части, немцы усилили борьбу с ней. До осени 42 года, несмотря на всевозможные старания гестапо и полиции, им не удалось выявить организацию и арестовать хотя бы одного ее члена.

Еще весной и летом 42 г. немцы создали провокационные группы,

выделили премии за поимку активных комитетчиков в сумме 40 тысяч рублей за голову, предложили полиции вести длительную подготовку и выслеживание, а не гнаться за мелочами; в отдельных случаях не только не препятствовать, а даже самим достать и дать листовку сомнительному человеку, если это нужно для выявления членов организации; собрать характеристику на ряд более влиятельных лиц, ослабить видимый и мелочный надзор за некоторыми из этих людей и создать им обстановку мнимой безопасности, чтобы они могли показать свое настоящее лицо.

Гестапо и полиция опять провели массовую вербовку в тайную агентуру. Начальникам производств и учреждений предложено было в обязательном порядке иметь осведомителей среди своих рабочих и служащих. Содержателям закусовых, буфетов и т. д. предложено было следить за посетителями.

В отношении вербовки в агентуру были даны указания провести ее прежде всего среди людей, имеющих большие связи, влияние и пользующихся авторитетом среди населения. Считалось очень желательным завербовать коммунистов. Были сделаны предложения учителям, инженерам и другим интеллигентам.

Сильный нажим гестапо, с одной стороны, и ослабление конспирации в организации, с другой стороны, дали себя почувствовать осенью 42 года прежде всего по линии групп. Был произведен одновременный арест более 20 человек из группы шелковой фабрики. Оказалось, что в этой группе давно уже были провокаторы, и немцы приурочили арест именно к этому времени, потому что группа уже присоединилась к Комитету, и целью их было выявить таким образом всю организацию. Но члены Комитета, связанные с этой группой, своевременно скрылись. После проведения следствия в гестапо было заявлено, что основная цель, т. е. выявление Комитета, не достигнута. Часть арестованных немцы расстреляли, а 6 человек бежало из тюрьмы, убив тюремную охрану. И только в конце 42 г. гестапо удалось арестовать отдельных 3–4 человек, из Комитета, которые никого не выдали.

В связи с успешным зимним наступлением Красной Армии (зима 42–43 гг.), деятельность организации еще более усилилась, особенно по линии агитации среди населения и солдат украинских батальонов и по линии разведки (к этому времени была установлена передаточная радиоточка, и сведения передавались Разведуправлению Оперцентра штаба Западного фронта Красной Армии).

Немцы готовились к мобилизации в так называемую «русскую добровольческую народную армию» и к новой «вербовке» рабочих в

Германию. Они развернули большую агитационную работу по этим вопросам. Комитет очень успешно противопоставил и провел в небывалом до сих пор размере свою агитационную кампанию по этим вопросам.

Организация выпустила специальную листовку и специальное обращение к населению, в которых разъяснялась сущность этой армии, ее «народность» и «добровольность» и призывалось всеми силами добывать и брать оружие и переходить на сторону партизан.

Немцы пришли в бешенство от этого.

К этому времени партизаны 6-й партизанской бригады Белоусова разгромили Пашковский гарнизон и увели украинский батальон. Немцы хватились за украинские батальоны, размещенные в городе, и обнаружили, что в большинстве своем солдаты и часть командного состава настроены против немцев, многие из них связаны с Комитетом и партизанами. Тогда гитлеровцы произвели полный разгром этих батальонов, более половины личного состава была уничтожена, часть раздета и переведена в концлагеря и лагеря для военнопленных; украинцы были сняты с постов и т. д. Менее пострадал казачий полк, но и тот потрепали. Почти все формировочные пункты, только что установленные для создания частей «русской народной армии», были ликвидированы, мобилизация была сорвана, и «вербовка» рабочих в Германию также; немцы стали бояться вооружать русских.

В первые месяцы 43 года количество членов организации достигло более 350–400 человек. К этому времени мы имели своих людей во всех точках города, а именно: в полиции, гестапо, тюрьме, комендатурах, городском управлении, на радиостанции «Голос народа», в воинских частях, военных лазаретах, в больнице, лагерях военнопленных, на железной дороге, авторемзаводе, мясокомбинате, сушзаводе, электростанции, кожзаводе, костеобрабатывающем заводе, шелковой фабрике, металлокомбинате, бывшем заводе Дмитрова, в мастерских, школах, окрестностях города, лесничестве, МТС и даже на расстоянии 15–20 км от города. Но первые месяцы 43 года были месяцами и больших наших неудач. Ввиду неосторожности отдельных наших товарищей, преступной болтливости и неосторожности некоторых связистов и людей, присылаемых отдельными десантно-партизанскими частями для работы и связи в городе, а возможно и провокации и других причин (укажу про них ниже), часть наших товарищей (человек 18–20) была взята во время массовых арестов в феврале – марте, а часть, в том числе и я, была вынуждена скрыться с города в партизанские отряды ввиду безусловной угрозы ареста. Этот удар в настоящее время сильно ослабил организацию, так как вышли из строя ряд ответственных товарищей: руководители

цепочек и групп, руководители объединений цепочек, я и мой лучший товарищ и помощник по работе, оставшийся вместо меня. Связь с рядом цепочек и групп порвана, и в некоторых случаях ее пока нельзя восстановить. Выбыла из строя пищащая машинка, ликвидирована важная квартира.

Некоторые замечания и выводы общего характера

Лучше всего «Комитет» провел агитационно-массовую работу. По этой линии сделано много и часто удачно. За все время работы выпущено более 7000 листовок «За Родину!» Летом 42 г. немцы выпустили газету тоже под этим же названием. «Комитет» в связи с этим изменил название своей листовки на «За Советскую Родину!» Были продолжительные периоды времени (до осени 42 г.), когда город обслуживался почти исключительно нашими листовками, так как ни с советских самолетов, ни из партизанских частей он почти ничего не получал. Комитет также размножал и распространял приказы и доклады товарища Сталина 41–43 гг., обращения партизан к населению, солдатам украинских батальонов и другие материалы. Наши листовки имели широкое распространение среди населения города и области и пользовались большим авторитетом.

Выход листовок имел значение еще и в том смысле, что несмотря на жестокие репрессии, организация все-таки существует и действует, а следовательно, и остальным патриотам нужно объединяться и действовать.

Нужно также иметь в виду, что и устная агитация, проводимая систематически и организовано, безусловно, имела большое значение.

2. Учитывая настроение населения, сразу же при составлении листовок основным принципом был взят патриотизм народов Советского Союза без подразделения его на советский или просто русский патриотизм и т. д. Листовки составлялись так, чтобы они привлекали к борьбе и советских патриотов и просто русских честных людей, любящих свою Родину, хотя и несогласных с коммунистами по тем или другим вопросам. Этот расчет оказался правильным. Многие из последних выступили самым решительным образом против немцев.

3. Учитывая настроение населения, невозможно было в агитационной работе открыто и прямо защищать евреев (см. о евреях выше), так как это, безусловно, могло вызвать отрицательное отношение к нашим листовкам даже со стороны наших, советски настроенных людей, или людей, близких нам. Приходилось затрагивать этот вопрос косвенно, указывая на зверскую ненависть фашизма к другим нациям и стремление к уничтожению этих наций, на натравливание фашистами одной нации на другую, на то, что под лозунгом борьбы с евреями и коммунистами хотят уничтожить нашу Родину и т. д.

4. Фашистская агитация делала очень большой упор на то, что в СССР

нет почти ни одной семьи, в которой бы кто-либо из родных или родственников не был осужден или не преследовался бы органами НКВД. Это оказался один из самых выигрышных козырей в руках фашистов, так как почти все население соглашалось с этим, хотя впоследствии и говорило, что хотя это в значительной степени и правда, но немцы своими зверскими расправами, небывалыми в истории человечества, оставили большевиков далеко позади. С другой стороны, значительная часть советских людей заявляла, что советская власть недостаточно еще расстреляла различной сволочи, слишком много ее уцелело.

Ввиду этого в нашей агитации не приходилось защищать НКВД, а выпячивать репрессии, проводимые немцами, зверства их и т. д.

5. Следующим вопросом, оказавшимся очень трудным при его освещении, был крестьянский вопрос, вопрос колхозного строительства. Сразу после прихода немцев основная масса крестьян говорила, что ей колхозы надоели, особенно надоели своей плохой организованностью, плохим руководством, которое очень часто бывало бестолковым, занималось пьянками и разбазаривало колхозное имущество, своевольничало и т. д. Поэтому открыто выступать на защиту колхозного строя было нецелесообразно, а разъяснялось, что и по вопросам земли фашизм преследует только свои цели, цели помещиков и кулаков. Через несколько месяцев хозяйничанья немцев основная масса крестьян убедилась в этом и повернула против них.

ПРИМЕЧАНИЕ: Изучением настроения крестьян занимался менее, чем изучением настроения населения города, поэтому более подробной характеристики по этому вопросу не стоит давать.

Эти три вопроса – еврейский, колхозный и судимости – оказались очень трудными с точки зрения противопоставления нашей агитации фашистской агитации, особенно в первые месяцы оккупации.

По линии разведки организация провела большую работу, и временами наша разведка хорошо работала. Однако были продолжительные периоды времени, когда мы не имели возможности передавать кому-либо эти материалы, работа становилась бесцельной и ослаблялась.

По линии разведки оказалось, что многие командиры Красной Армии недооценивают мелкой, но систематической, ежедневной разведки в нелегальных условиях и часто не знают, как этим делом заняться.

Слабым местом в работе Комитета была диверсионная работа. В этом направлении сделано очень мало. Железнодорожная группа вызвала несколько крушений поездов и произвела другие более мелкого значения диверсии, группа шелковой фабрики вывела из строя некоторые установки

фабрики, отдельные группы и товарищи содействовали производству взрывов на нескольких не особенно значительных объектах, в нескольких случаях довольно удачно были использованы отравляющие яды (на продовольственном складе, в немецких лазаретах и кухнях и т. д.). В самом городе было отмечено несколько десятков случаев отравления немецких солдат и офицеров. Большая часть отравленных продуктов была вывезена на фронт или в части, размещенные вне города.

О причинах слабой постановки диверсионной работы следует говорить особо.

При создании организации, ее росте и работе обнаружилось, что самым слабым местом является неумение работать в нелегальных условиях, отсутствие даже теоретической подготовки по линии нелегальной работы как у беспартийных, так и у коммунистов, комсомольцев, работников НКВД, командиров Красной Армии и др. Но что оказалось еще более печальным, так это отсутствие у большинства товарищей серьезного желания учиться в процессе работы на каждом шагу и каждой мелочи, недооценка трудностей «нелегальной» работы, недооценка значения самой жесткой конспирации, несерьезность, болтливость, хвастовство и т. д. Несмотря на непрерывную работу в этом направлении (обучение товарищей конспиративности, борьба с болтливостью и т. д.), несмотря на предупреждение всех членов, что их провал и провал других в результате их преступной неосторожности объективно будет считаться провокацией и может довести до расстрела со стороны своих же товарищей, все-таки подавляющее большинство арестов вызвано именно доверчивостью, неосторожностью, нежеланием учиться, необдуманном риском и т. д. Это относится очень часто и к самым толковым людям и является основной причиной провалов.

Таким образом получались лишние жертвы, лишние накладные расходы, и это становилось убийственным для работы и существования организации. Характерно, что многие товарищи не умели быть стойкими в тюрьме, погибнуть героями. И они особенно гордились тем, что немцам от них ничего не удалось узнать. С другой стороны, многие товарищи проявили в процессе работы большую выдержку, изворотливость, примеры храбрости, стойкости и ума. Лозунг – перехитрить врага – был ими практически усвоен.

По линии личного состава членов организации можно дать только ориентировочные цифры, так как статистического учета не велось:

А) по партийности – 30–40 процентов коммунистов, около 10 процентов комсомольцев, 50–60 процентов беспартийных;

Б) по социальному положению – 40–45 процентов рабочих, 45–50 процентов служащих (учителей, инженеров, врачей, командиров Красной Армии и др.), 5 процентов ремесленников и проч.;

В) по полу – 60 процентов мужчин, 30–40 процентов женщин;

Г) по образованию – 30–40 процентов с высшим, 30–35 процентов со средним.

Одним из серьезных недостатков построения организации явилось то, что в большинстве случаев одни и те же люди вели и агитационную работу, и разведку, и занимались пересылкой оружия и др. Отсутствие разделения членов организации по отдельным видам работы подвергло большой уязвимости этих членов.

Построение организации по системе цепочек имеет и свою отрицательную сторону. После провала руководителя или даже обыкновенного члена все продолжение цепочки, все звенья отрываются и часто теряются совсем или на продолжительное время.

Очень отражалось на работе организации отсутствие каких-либо инструкций и непосредственного руководства центра (партийного или военного, правительственного).

Не было достаточного количества крепких руководителей объединений цепочек или групп.

В некоторых случаях чувствовалось, что те, кто обязан был своевременно заинтересоваться нашей работой и помочь нам, долго недооценивали нас или же занимались изучением в то время, как гестапо давно уже изучило, колотило нас и готовило сильный удар.

В начале 42 года на своем совещании в гестапо немцы заявили, что нелегальная организация «Комитет содействия Красной Армии» является коммунистической организацией, что хотя она в настоящее время еще не особенно опасна, но в дальнейшем может стать таковой.

Летом 42 г. на таком же совещании было заявлено, что основной целью по линии борьбы с нелегальными организациями является выявление «Комитета».

Осенью 42 г. было сказано, что самым опасным врагом в городе является «Комитет содействия Красной Армии».

В начале 43 года один из работников гестапо заявил, что «Комитет» будет уничтожен, хотя бы для этого пришлось арестовать половину населения города.

Возможно, что в некотором отношении немцы преувеличивали силу «Комитета» в результате неточной информации своих агентов.

Самым опасным врагом организации и вообще советских патриотов за

весь период оккупации являлась русская полиция, руководимая немцами, и ее помощники среди населения. Если бы не эти русские сволочи, борьба только с немецкими захватчиками была бы в несколько раз легче. Русская полиция хорошо знает местные условия, людей и имеет глубокие корни среди населения.

Нужно отметить, что наряду с бывшими политическими осужденными очень рьяными помощниками немцев и зверями проявляют себя многие, имеющие судимости за грабеж, кражи, хулиганство, растрату и другие преступления. Немцы сразу призывали их в полицию, карательные отряды, тайную агентуру и т. д., и они до сих пор являются их верными псами.

Одной из серьезнейших причин, вызвавших аресты среди членов организации, явилась полная неразбериха, царящая в некоторых партизанских отрядах по вопросу посылки людей в город и отсутствие надлежащей конспирации в этих же отрядах относительно подпольной работы в городе.

Каждый отряд в отдельности шлет в город своих людей, которые имеют там каких-либо знакомых, часто не учитывая, подходят ли эти посыльные и их знакомые для такой работы или нет.

В отрядах открыто говорят о работе в городе, о том, кто, куда и когда пойдет, называют фамилии подпольщиков в городе и т. д. Благодаря такой постановке дела много секретных вещей и фамилий становятся известны полиции через партизанские отряды и их людей.

Некоторые данные о существовании в г. Могилеве антисоветских организаций

Зимой 41/42 г. в городе была создана нелегальная так называемая Боговская организация (руководитель Богов). Она распространяла свои рукописные листовки и призывала население выступить и против Гитлера и против Сталина – за Россию. Сталин, говорилось в этих листовках, не может спасти Россию, а поэтому русский народ должен сам объединиться и бороться против немцев. Вскоре немцы арестовали более 50 человек из этой организации. Сразу в полиции поднялся большой шум, но вскоре сама же полиция постаралась замять это дело, часть арестованных была освобождена, а часть будто бы расстреляна.

Летом 42 г. было проведено секретное совещание, на котором немцы предложили создать русскую организацию, сотрудничающую с ними, из людей, пользующихся авторитетом среди местного населения. На этом совещании присутствовали: доктор Степанов (зав. Отделом здравоохранения могилевского городского управления), учитель Наркевич (зав. Отделом народного образования городского управления), учитель Сташевский (бывший заместитель городского головы), городского головы Фелицына на этом совещании не было. Один из немцев заявил о нем присутствующим, что Фелицын очень неповоротлив, что он, «как русские говорят – бирюк».

Доктор Степанов является одним из самых заядлых сторонников немцев, в настоящее время он особенно усиленно занимается вербовкой в тайную агентуру гестапо и выявлением нелегальной организации.

3. Зимой 41/42 г. и летом 42 г. бывший преподаватель Могилевского пединститута (теперь работник юридического бюро и судья при городском управлении) Орлов хвастался, что он является членом организации «третьего узла». По его истолкованию, «первый и второй узел – это Гитлер и Сталин, третий узел – это мы, за Россию».

Зимой 42/43 г. Орлов распространял среди своих знакомых брошюру размером в 90 страниц, напечатанную на гектографе. В брошюре говорится, что все русские люди должны бороться за Россию (но ничего не говорится о борьбе с немцами). Выдвигаются требования: долой евреев, долой Сталина, коммунистическая партия не должна быть господствующей партией, колхозы должны быть распущены, сельское хозяйство должно быть построено на столыпинской системе. Русская армия строится по типу

царской армии. Церковь не отделяется от государства, устанавливается трудовая школа, признается примат сознания над бытием и т. д. Орлов пояснял, что эти брошюры были сброшены русским самолетом и что это является программой одной из коммунистических фракций. Эта фракция выдвинула ее как свою платформу к предстоящему XIX партсъезду. На вопрос, – а что будет, если Сталин не согласится с этими требованиями, Орлов ответил: «Тогда борьба за эти требования будет продолжаться».

Ответственный руководитель Могилевского
«Комитета содействия Красной Армии»
МЭТТЭ Казимир Юльянович
(РГАСПИ, ф. 625, оп. 1, д. 25, л. 401–418).

АВТОБИОГРАФИЯ

Мэттэ Казимир Юльянович.

Родился в 1905 году в Минском районе, Острошицко-Торопецком сельском совете, в деревне Боровляны в семье крестьянина-середняка. Отец мой имел 14 десятин земли, 1 лошадь, 3–4 коровы. В 1929 году родители мои вступили в колхоз, членами которого они состояли до прихода немцев. Отец мой умер там же еще в 1936 году.

До 1926 года зимою я учился, а летом работал в хозяйстве отца. В 1926–27 гг. после окончания I курса Учительских курсов в Минске я работал заведующим и учителем школы рабочей молодежи при стеклозаводе «Коминтерн» в Бобруйском районе. С 1928 г. по 1931 г. я учился на литературном секторе польского отделения при пединституте им. Герцена в Ленинграде. Одновременно в 1930–31 гг. работал преподавателем польского языка в Военно-политической Академии ордена Ленина в Ленинграде. После окончания Института в 1931 г. был направлен в Минский польский педагогический техникум преподавателем польского и русского языка и литературы. В 1932 г. был призван в РККА на 6-месячные курсы по подготовке среднего комсостава. После окончания их продолжал работать в техникуме и поступил учиться в институт аспирантуры при Белорусской Академии Наук. На втором курсе института аспирантуры я был арестован (6 ноября 1933 г.) и осужден Особым совещанием при Коллегии ОГПУ (в Москве) в феврале месяце 1934 г. по ст. 58 (10, 11) УК

РСФСР на три года исправительно-трудовых лагерей. Через 2,5 года я был освобожден. Во время следствия я не дал никаких показаний о своей виновности, так как ни антисоветской агитации я никогда не вел и не принадлежал ни к какой контрреволюционной организации.

И не могло этого быть по моим убеждениям и работе.

В 1936 г. я приехал в г. Могилев и с этого времени до 10 марта 1943 года работал в различных средних школах города (№№ 17, 24, 1 и др.) преподавателем русского языка и литературы.

С 1928 г. по 1933 г. был членом Союза пролетарских и Союза советских писателей.

По поручению органов НКВД работаю по секретной линии с начала 1934 г. и до настоящего времени. В 1941 г. по поручению работника Могилевского управления НКВД БССР Кагановича остаюсь для нелегальной работы в г. Могилеве после прихода немцев. Являюсь инициатором создания и руководителем подпольной организации в г. Могилеве – «Комитета содействия Красной Армии».

Ввиду безусловной угрозы ареста я и моя жена с двухлетним сынишкой убежали из города 10.III.43 г. в 6-ю партизанскую бригаду Белоусова, где и нахожусь в настоящее время.

Я беспартийный, по национальности белорус. Мать моя из местных католиков, поэтому я учился в польских школах и хорошо знаю польский язык.

К. Мэттэ.

19. IV – 1943 г.

(РГАСПИ, ф. 625, оп. 1, д. 25, л. 433–434).

Вероятно, прекрасное знание польского языка и вызвало повышенный интерес к Мэттэ со стороны органов государственной безопасности. Точно так же легендарный разведчик Герой Советского Союза Николай Кузнецов, великолепно знавший немецкий язык, в 1932 году был арестован, завербован в качестве сексота ОГПУ, осужден на год исправительных работ, а затем долго готовился к нелегальной работе в Германии. Не исключено, что Казимира Мэттэ планировали забросить с нелегальной миссией в Польшу. Однако судьба распорядилась так, что Кузнецов в качестве обер-лейтенанта вермахта Пауля Зиберта появился в оккупированном Ровно, а Мэттэ возглавил подпольную организацию в занятом немцами Могилеве. К сожалению, о дальнейшей судьбе Казимира Юльяновича после апреля 1943 года никакими сведениями мы не располагаем. Знаю только, что он скончался в Минске в конце 2003 года (об этом мне любезно сообщил белорусский историк В.В. Скалабан).

Советское партизанское движение и «окончательное решение» польского вопроса в Белоруссии

После евреев и цыган хуже всего немцы относились к полякам. По трагическому совпадению, столь же плохо относилась к ним Советская власть. Хотя до апреля 1943 года сохранялись дипломатические отношения Москвы с польским правительством в изгнании в Лондоне, а советские партизаны в Белоруссии и на Украине еще не нападали на отряды Армии Крайовой и даже иногда сотрудничали с ними в борьбе против немцев. Бывший помощник начальника штаба по оперативной части 804-го стрелкового полка 229-й стрелковой дивизии С.И. Козлов, бежавший из лагеря военнопленных на территории Польши, свидетельствовал о настроении польского населения Полесья: «После того как германские власти применили к полякам более жестокие меры, чем даже к русским, украинцам, белорусам и литовцам, настроение польского населения резко изменилось в пользу Советской власти. Особенно горячо был встречен приезд Сикорского в Москву. В связи с этим среди польского населения оживленно комментировалось: Сикорский в Москве заключил договор с Советами, получил деньги и оружие, и теперь Польша будет восстановлена.

В феврале месяце 1942 года на Гайновском лесокомбинате (Брестская область) вспыхнула всеобщая забастовка, продолжавшаяся целую неделю. Основные требования рабочих были: «Хлеба, продуктов». Во всем рабочем поселке, на каждом доме, на каждом столбе были расклеены лозунги: «Долой Гитлера!» и «Помогать Сикорскому и Красной Армии громить Гитлера!», «Да здравствует Сикорский!», «Да здравствует Польша!» и целый ряд других лозунгов, призывающих польское население к борьбе с оккупантами».

Здесь советский офицер заблуждался только в одном: поляки стали терпимее относиться не к Советской власти, а к Советскому Союзу, как к государству, раз правительство Сикорского заключило с ним договор. Жить же под советским господством поляки западных областей Белоруссии и Украины и южной Литвы по-прежнему не испытывали ни малейшего желания. Из донесения Козлова хорошо видно, что поляки Полесья выступали за независимую Польшу.

В декабре 1942 года заместитель командира одного из партизанских

отрядов, действовавшего в Вилейской области, Тимчук, сообщил в Москву: «Считаю, что в данный период немалую роль сыграли бы специальные польские группы, заброшенные в Западные области. Здесь надо учесть одно: наличие большого национального польского движения, недовольство против немцев и отсутствие среди местного населения боевых вожаков (во многом благодаря тому, что 22 тысячи польских офицеров и представителей имущих классов были в 1940 году расстреляны по приказу Сталина. – Б.С.). Польские националисты ведут агитацию, но только агитацию. Это не наши друзья, они не прочь от того, чтобы мы их избавили от немецкого ига, но они за помещичью Польшу.

Надо дать для Западных областей наряду с белорусским движением и большевистское по содержанию, польское по форме движение. Мне приходилось немало встречать этих польских патриотов, но когда с ними заговоришь по-польски, да еще скажешь, что идешь из Варшавы, да передашь им сведения о Сикорском, тут они тебя расцелуют, покормят, приютят, – словом, лучший гость. Ждать не надо».

То, что до 1943 года со стороны поляков не было никаких враждебных действий по отношению к советским партизанам, подтверждает и донесение командира партизанского отряда, действовавшего в Браславском районе Вилейской области, Н.И. Петрова: «В районе августовских лесов расположено большое количество отрядов польской обороны, численностью до 3000 человек и действующих в ряде районов Западных областей. Этими отрядами был организован налет на г. Постава Вилейской области, где ими было уничтожено до 400 немцев и полицейских, а также ряд складов.

В июле 1942 года немцы силой до 3000 человек предприняли наступательные действия против отрядов польской обороны. Немцы, потеряв около 1500 человек, отступили.

Польское население Вилейской области в абсолютной массе хорошо относится к партизанам и ждет прихода Красной Армии. Но одновременно интересуется Сикорским и о политическом строе после прихода Красной Армии. Население деревень, населенных поляками, активно поддерживает партизан, дает сведения отрядам о предателях, сообщает о прибытии отрядов полицейских и т. д. Связники, прибывшие в отряд Петрова из отрядов польской обороны, заявили: Отряды польской обороны ведут борьбу против немцев и полиции за независимую Польшу. В свои отряды они принимают поляков и русских (главным образом военнопленных). Отношение участников польской обороны к партизанам самое дружественное. У каждого состоящего в отрядах польской обороны на

левом рукаве имеется повязка “ПО”».

Эти донесения свидетельствуют, что отряды Армии Крайовой в западных областях Украины и Белоруссии, вопреки утверждениям советской пропаганды, отнюдь не отсиживались в лесах, а вели активную и успешную борьбу с немцами и полицейскими.

Заместитель командира партизанской группы из отряда Петрова Карпов также сообщал, что поляки симпатизируют и помогают советским партизанским отрядам: «В западных областях Белоруссии, особенно среди поляков, за последнее время (речь идет о последних месяцах 1942 года. – Б.С.) происходит процесс объединения сил национальных и социальных прослоек населения, включая даже бывших военнослужащих, осадников, попов, купцов и помещиков. Объединение сил происходит на почве борьбы с гитлеризмом. В г. Вильно существует националистический центр, состоящий из пилсудчиков и народовцев (сторонников Пилсудского и Народной партии. – Б.С.), который связан с Лондоном...

Некоторые помещики, имеющие связь с этими организациями, даже передали хлеб и скот партизанским отрядам “Мститель” и “Борьба”. Однако сами они занимаются только агитацией, намерены выжидать, организовываться и вооружаться, заявляя, что время для выступления еще не пришло, фронт далек и что они не желают бесполезно проливать кровь польского населения. Такую свою позицию высказал представитель Виленского центра – один из руководителей Вилейских националистов помещик Юзеф Козельклевский при переговорах с командиром партизанского отряда Марковым Ф.Г. Такие же мысли высказывают рядовые члены организации (объездчик Мацкевич)».

В конце 1942 года Пономаренко докладывал Сталину: «24 декабря этого года командир партизанских отрядов Сабуров сообщил о том, что среди польского населения проявляются тенденции к борьбе с немецко-фашистскими захватчиками, что, судя по наличию скрытого у поляков оружия и боеприпасов, они готовятся к восстанию против немцев, что оперирующие за Западным Бугом мелкие партизанские группы, сколоченные из числа бежавших военнопленных, встречают среди польского населения сочувствие».

Радиограмма А.Н. Сабурова гласила: «Антигерманское движение Польши возглавляется центрами, находящимися в Варшаве, Кракове и Остроге, 130 км западнее Славуты, территория Ровенской области, УССР. В Остроге существует организация польского офицерства численностью 40 человек. Эта группа держит связь с Краковом и Варшавой через поляка-бухгалтера, работающего в г. Остроге. Последний почти еженедельно ездит

под видом служебных командировок в Варшаву и Краков. Этот же бухгалтер связан с двумя агентами – бывшими офицерами польского генштаба и адвокатом. Фамилии их не установлены. В городе их агентуры очень большое количество, и все нити идут в Краков и Варшаву. С ними связан член подпольной организации Славуты Попов. Он также ездит в Варшаву для оперативного руководства. Я выслал в Славуту оперативную группу. В местечке Милятин (29 км севернее Острог) есть группа польских националистов. Руководит ею местный помещик Лошкевич.

В селах население разбито на сотни, имеет много оружия и ожидает сигнала к восстанию против немцев. Невзирая на указания Сикорского, удерживающего польский народ от активного участия в массовом вооруженном восстании против немцев, польские патриоты все же создают партизанские группы и с оружием в руках борются против немцев. В Брестских лесах польские партизанские отряды часто устраивают крушения поездов, обстреливают их и нападают на склады. Польские организации имеют склады с вооружением, боеприпасами и артиллерией. Вооружения и боеприпасов много хранится у населения. Есть специальные люди, которые совершают поездки по районам и закупают оружие, боеприпасы и взрывчатые вещества, обменивая все это за хлеб. Вооруженные отряды и подпольные организации связи с нашими партизанскими отрядами избегают.

Польское население относится к нашим партизанам хорошо. Лесничий Ракитянского района Сазонский обратился к нашим партизанам: “Дайте нам руководителей, у нас есть оружие и подготовленный народ, и мы создадим партизанские отряды”.

Зажиточное население склонно больше бороться за самостоятельную Польшу. Население оказывает большое сопротивление немецким властям. В некоторых районах налог на хлеб выполнен на 25–50 процентов. Скот... прячут, гонят в леса и другие села. Население СССР знает о существовании в СССР польской армии. Между поляками и украинскими националистами существуют большие противоречия по вопросу Западной Украины.

Данные получены 5–9 декабря от наших оперативных работников и подпольных организаций Славутского и Ракитянского районов. Считаю эти сведения в основном вероятными. Движение антинемецкого большинства населения произвольное. Существующие подпольные организации и вооружение партизанских отрядов безусловно возглавляется центром не без участия какого-то государства (тонкий намек на Англию, где находилось польское правительство в изгнании. – Б.С.).

Считал бы необходимым выбросить людей, преданных, пользующихся

авторитетом у польского населения, которые должны связаться и с населением, и с существующими организациями, могли бы освещать и направлять движение, увязывая с общими нашими задачами».

Проще говоря, Александр Николаевич предлагал забросить в польские организации своих агентов. «Засланные казачки» должны были разложить польские отряды и подчинить их советскому влиянию.

Отношение к полякам со стороны советских партизан стало открыто враждебным с весны 1943 года, после катынского скандала и разрыва Москвой дипломатических отношений с польским правительством в изгнании генерала Сикорского. Но поворот к политике постепенного уничтожения польского подполья и партизан Армии Крайовой произошел еще раньше, сразу же после Сталинградской победы. Теперь больше не надо было продолжать игру в союзники с польским правительством в изгнании, находившимся в Лондоне. Сталин больше не сомневался, что Красной Армии удастся захватить Польшу и установить там угодный ему режим. Поэтому еще в феврале 1943 года, за два с лишним месяца до обнаружения могил в Катыни, ЦК компартии Белоруссии направил командирам партизанских соединений и руководителям подпольных парторганизаций следующее закрытое письмо:

О ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ЗАДАЧАХ РАБОТЫ В ЗАПАДНЫХ ОБЛАСТЯХ БЕЛОРУССИИ

...В последнее время имеют место факты прихода представителей польских националистических организаций и групп в партизанские отряды и подпольные партийные организации для переговоров. Эти представители предъявляют известные условия, открыто формулируют от имени существующих польских центров требования относительно того, что сформированные ими отряды из поляков должны быть независимы, что районы, где они намереваются начать действовать, должны рассматриваться как польская территория, и что при совместном действии таких отрядов с советскими партизанскими отрядами последние должны подчиняться польскому партизанскому штабу «Восток». Они разведывают наши силы, пытаются выявлять сеть подпольных партизанских центров и организаций, партизанских отрядов, руководящие кадры партизанского движения, чтобы нанести по ним удар.

Они стремятся избежать пока открытых столкновений с нами, имея в виду сложившуюся известную общность интересов у народа в борьбе

против немцев. Но ведут всю работу в том направлении, чтобы накопить силы и быть готовыми выступить открыто против нас.

Уже сейчас имеют место случаи убийства польскими националистами наших людей из числа командного состава и партизан и засылка ими своей агентуры в партизанские отряды для подрывной работы.

Надо также иметь в виду, что немцы сами будут создавать польские формирования и, прикрываясь флагом польских националистических организаций, натравливать поляков на белорусов...

При проведении политической работы среди населения, особенно поляков, учитывать, что польские националисты внедряют в сознание поляков страх перед репрессиями, которые как будто советская власть собирается осуществить по отношению к полякам за их якобы неверное поведение.

Наша задача состоит в том, чтобы выбить это оружие из рук польских националистов, убедить поляков, что ни о каких репрессиях речи быть не может и что ни один волос с головы честных поляков не упадет...

В районах, где имеются уже созданные польскими реакционными кругами польские националистические отряды, их надо, во-первых, настойчиво вытеснять созданием наших партизанских отрядов и групп, и, во-вторых, принимать меры по внедрению в них своей агентуры, изучению связей, задач, организации, способов работы, выявлять действительных представителей польских националистов или немецкой разведки.

Засылкой надежных поляков, со своей стороны, такие отряды и группы разлагать, а трудящихся поляков перетягивать на свою сторону.

В этой работе важнейшее значение будет иметь то, насколько нашим товарищам удастся привлечь для работы в нашу пользу более или менее известных поляков из числа интеллигенции, пользующихся влиянием на польское население.

Надо всеми мерами добиваться втягивания в активную вооруженную борьбу с немцами всех трудящихся поляков, проживающих в западных областях Белоруссии. Их долг, как советских граждан, быть в одних рядах со всеми народами нашей страны в борьбе против гитлеровских фашистских полчищ.

Организаторы и руководители движения должны вовлекать трудящихся поляков как в существующие партизанские отряды, так и во вновь организуемые.

В известных случаях, когда это необходимо по конкретной обстановке и при полном обеспечении нашим влиянием, можно организовать партизанские отряды, которые в большинстве будут состоять из поляков.

Такие отряды, как и все советские партизанские отряды в тылу противника, должны вести борьбу в интересах Советского Союза.

В районах, где имеется уже влияние наших партизанских отрядов и подпольных центров, действия групп националистических польских реакционных кругов не допускать. Руководителей незаметным образом устранять. Отряды или распускать и базы оружия забирать, или, если представляется возможным, отряд брать под свое надежное влияние, использовать, направляя на активную борьбу с немцами, соответствующим образом передислоцируя и разукрупняя, лишая их значения, как самостоятельных боевых единиц, придавать другим крупным отрядам и производить соответствующую и негласную чистку от враждебных элементов.

Иметь в виду, что польские националисты – хорошие конспираторы, мастера вероломства и провокации. Необходимо иметь особую осторожность и изоциряться в методах работы с ними, чтобы не пасть жертвой провокации.

Польские националисты будут засылать и засылают уже в наши отряды своих представителей, маскирующихся под лояльно настроенных людей, для выведывания обстановки, замыслов, выявления актива и разложения наших отрядов. Таких надо выявлять, уничтожать (РГАСПИ, ф. 625, оп. 1, д. 8, л. 63–66).

Пантелеймон Кондратьевич Пономаренко сам был мастером вероломства и провокации. В данном случае он бездоказательно приписывал полякам все те грехи, в которых были повинны советские партизанские отряды в Белоруссии. Не стали бы представители Армии Крайовой убивать советских партизан и одновременно пытаться взаимодействовать с ними в борьбе против немцев. Ведь силы лондонских поляков были несопоставимы с силами Красной армии, и им не было никакой нужды множить число своих врагов. Если убийства партизан и имели место, то осуществляли их польские коллаборационисты из числа тех, кто помогал немцам «окончательно решить еврейский вопрос» на восточных польских землях. Пономаренко же вымыслы о будто бы совершаемых поляками из Армии Крайовой убийствах советских партизан понадобились для того, чтобы оправдать засылку в польские отряды «надежных поляков» и тайные убийства польских руководителей и польских партизан, которых прямо требовало письмо ЦК.

18 апреля 1943 года советское правительство прервало дипломатические отношения с польским правительством, настаивавшим на

международном расследовании катынской трагедии. В официальном сообщении об этом, перепечатанном во всех партизанских газетах, утверждалось: «Гитлеровцы начали клеветническую кампанию по поводу ими же убитых польских офицеров в районе Смоленска. Польское правительство не только не дало отпора подлой фальшивке на СССР, но подхватило ее и раздуло. Польское правительство стало на вероломный путь сговора с Гитлером – врагом польского и русского народов, врагом всех свободолюбивых народов и стало на позиции враждебных отношений с СССР. На основании этого Советское правительство решило прервать отношения с Польским правительством».

Рядом была помещена заметка об оккупированной Польше, где отмечалось: «Гитлеровцы истребляют польский народ... Близь Лодзи расстреляно более 3000 человек, в Млаве – 300, под Варшавой – 170 человек... В столовых и ресторанах польских городов висят надписи “Собакам и полякам вход воспрещен”». Поляков утешали очень своеобразно: мол, немцы к вам еще хуже относятся, за одну неделю настреляли в Польше столько же, сколько мы – в Катыни.

Весной 1943 года, уже после страшных находок в Катыни, Центральный штаб партизанского движения выпустил обращение к полякам, служащим в немецкой армии: «К Вам обращаемся мы, белорусские партизаны, со словом правды и призыва... В оборонительных и наступательных боях Красная Армия за время войны вывела из строя до 9 миллионов немецко-фашистских солдат и офицеров. Только за период зимнего наступления Красной Армии (с 10 ноября 1942 года по 31 марта 1943 года) противник потерял убитыми более 850 000 и пленными 343 525 солдат и офицеров. За тот же период противник потерял самолетов 5090, танков 9190, орудий 20 360. Красная Армия продвинулась на Запад на некоторых участках на 600–700 км... Только белорусские партизаны с начала войны уничтожили 121 675 солдат, 3039 офицеров, в том числе 13 генералов, пустили под откос 1079 военных эшелонов, взорвали 980 железнодорожных и шоссейных мостов, уничтожили 259 танков и бронемашин и сбили 205 самолетов...

Немцы уничтожают поляков. Четыреста тысяч убитых и замученных в концлагерях, 1,5 миллиона невольников увезено в Германию; триста тысяч воинов, более трех лет изнывающих в немецкой неволе, свыше двух с половиной миллионов мужчин, женщин и детей умерли от голода и эпидемий. Пять миллионов. Это страшная цифра потерь польского народа за годы немецкой оккупации... Бросайте службу в немецкой армии. Переходите с оружием к партизанам».

По всей вероятности, в Москве думали, что поляки порадуются: как быстро Красная армия движется на Запад, скоро дойдет до Польши. А впечатляющие цифры польских потерь, понесенных в результате немецкой оккупации, наверное, по замыслу Щербакова и Пономаренко, должны были подсластить полякам горькую пилюлю Катыни: немцы-то ваших истребили в десятки раз больше, чем советские.

21 мая 1943 года командир Пинского партизанского соединения и секретарь Пинского подпольного обкома партии А.Е. Клецев сообщал, что в Ленинском районе Пинской области партизаны захватили группу польских националистов из 6 человек во главе с помещиком Венецким, бывшим офицером польской армии. Помимо оружия, у них были будто бы отобраны «отравляющее вещество, списки местного партизанского отряда, значок польского пограничника, полученный за террористические акты против советских работников». Навсегда останется загадкой, почему уполномоченный ЦК по Пинской области решил, что значком польского пограничника награждают за убийство советских работников. Очевидно, захват группы Венецкого надо было как-то оправдать, вот Алексей Ефимович и придумал насчет ядов, которыми будто бы собирались известить советских партизан, и о терактах, будто бы уже совершенных Венецким против советских активистов.

10 июня 1943 года Пономаренко докладывал Сталину: «Секретарь Барановичского подпольного областного комитета КП(б) Б т. Чернышев радиogramмой сообщает: «В последнее время оживилась деятельность польских организаций. В ряде мест продолжается мобилизация поляков. В Столбцовском районе появился отряд поручика Милашевского, численностью свыше 300 человек, базируется в Кульском лесу. Цель – борьба за Польшу. Милашевский заявил: против партизан сейчас воевать не будем. Пополнение польских организаций идет быстро. Нами захвачено: установление партии гренадеров, где присутствовал представитель Люблинского центра. Их позиция – не активная борьба с партизанами, а только путем провокаций.

Прошу дать указание, какое должно быть наше отношение к этим формированиям».

Указания были даны: польские формирования разлагать изнутри с помощью своей агентуры из «надежных» поляков, а командный состав уничтожать.

Но в то же время Пономаренко вынужден был признать, что бойцы АК по-настоящему воюют с немцами. В конце июня 1943 г. он писал Сталину: «В своем сообщении от 10 июня 1943 г. я информировал Вас о появлении в

Столбцовском районе польского отряда поручика Милашевского.

26 июня с. г. Пом. Уполномоченного ЦК ВКП(б) по Барановичской области тов. Сидорок сообщил, что: «этот последний отряд 12.6. 43 г., ворвавшись в районный центр Иванец Барановичской области, перебил 40 немцев, 106 полицейских, и вся молодежь перешла на сторону этого отряда.

Отрядом сожжены 3 здания жандармерии, склад с боеприпасами, уничтожены – 1 пушка, 10 автомашин, 5 тыс. гранат и другое вооружение. Захвачены трофеи 806 винтовок, 3 автомата, 18 лошадей, много гранат и боеприпасов.

Командир партизанской бригады, действовавшей в Вилейской области, тов. Марков, сообщил, что в области появился польский партизанский отряд в составе 230 человек, во главе которого стоят ярые враги Советской власти.

Этот отряд ставит своей целью расти, вооружиться и, дождавшись нужного момента, по сигналу из центра бить партизан и уничтожать советский актив. Против немцев не воюют, ведут антисоветскую пропаганду. Партизанской бригадой этот отряд обезоружен, арестовано руководство отрядом, в том числе руководитель так называемых польских вооруженных сил на Востоке Антоний Урма.

Вместо этого отряда организован польско-советский отряд, командиром которого назначен Мрачковский».

Но Мрачковский недолго задержался у советских партизан. В справке на Мрачковского, подготовленной позднее для Пономаренко его сотрудниками, говорилось: «Командир 5-го плютона Мрачковский (“Загора”), капитан, с его слов, родился в 1903 г. в Киеве. До революции его мать являлась владелицей 80 га земли, а отец-инженер имел дом в Киеве. С 1920 г. в польской армии, имел заслуги. Где-то в Советском Союзе имеются сестры и братья. В 1925 г. женился на жительнице г. Вильно, обладавшей 20 га земли вблизи города. Во время немецкой оккупации организовал польский партизанский отряд, входивший в состав бригады белорусских партизан им. Ворошилова, из которой бежал после событий у оз. Нарочь (о них – ниже. – Б.С.). Присоединившись к “бригаде” Лопашко, принял псевдоним “Батя”. Как отмечалось в другом документе, Мрачковский бежал из бригады Маркова после того, как там «было запрещено употребление термина польские партизаны» и постановлено снять польские гербы с головных уборов, но еще два месяца не присоединялся ни к польским, ни к советским партизанам. И только расправа с легионом Кмитица у озера Нарочь заставила его сделать выбор.

А «надежные поляки» во главе с Зигмундом Берлингом 17 июня 1943 года направили униженное приветственное обращение к Сталину от лица дивизии имени Тадеуша Костюшко: «Мы твердо уверены в том, что только при помощи Советского Союза наши надежды на восстановление сильной и независимой Польши воплотятся в жизнь.

Обязуемся честно и верно выполнить наши обязанности по разгрому общего врага.

Горячее желание советско-польской дружбы глубоко проникло в наши сердца. Заверяем Вас, Гражданин Маршал, что отдадим все наши силы на то, чтобы укрепить эту дружбу, и всегда будем с благодарностью вспоминать о той помощи, которую оказывает нам Советский Союз в восстановлении сильной независимой Польши». О катынских могилах приказано было забыть. А слова о сильной и независимой Польше совсем не случайно появились в этом трагикомическом документе, написанном вовсе не Берлингом, а референтами из НКВД, плотно опекавшими «послушных поляков». Сталин мыслил себе будущую Польшу только в качестве послушной советской марионетки. Советская пропаганда и твердила всюду о сильном и самостоятельном Польском государстве именно потому, что в реальности в Москве мыслили создавать совсем другое польское государство, полностью покорное советской воле.

22 ноября 1943 года Пономаренко в очередной раз пугал Сталина польской угрозой в Западной Белоруссии, направив ему соответствующую записку:

О ПОПЫТКАХ ПОЛЯКОВ СОЗДАТЬ КРАЕВУЮ АРМИЮ В ЗАПАДНОЙ БЕЛОРУССИИ

По сообщению секретарей областных подпольных комитетов партии Барановичского т. Чернышева, Брестского т. Сикорского и прибывшего 16 ноября из района Вилейки первого секретаря Вилейского обкома партии т. Климова, а также по захваченным польским документам и донесениям партизанских отрядов, Западной Белоруссии устанавливается наличие польской подпольной националистической организации, занимающейся сколачиванием так называемой польской краевой армии.

Судя по всему, это является частью мероприятий, проводимых под руководством лондонских центров на всей территории Польши и Западной Украины.

Создан военный аппарат и военная организация, являющиеся по замыслу командным костяком создаваемой армии.

Территория поделена на военные округа, во главе которых поставлены военные коменданты с правами командиров отдельных батальонов будущей краевой армии.

Командные кадры военной организации составляют бывшие офицеры, унтер-офицеры и полицейские. Создаваемая военная организация работает в организационном и конспиративном отношении независимо от подпольной политической организации. Основная работа военной организации и эмиссаров заключается в создании скрытых резервов краевой армии из населения, создании штабов, подготовке вооружения, мобилизационных пунктов и пунктов снабжения.

Захваченные партизанами документы и схемы организации показывают единый план организации и типовую армейскую организацию частей и подразделений.

В настоящее время силы организации исчисляются:

В г. Вильно до 3 тысяч человек, в Вилейской области – до 6 тысяч человек, в Барановичской области две действующие группы до 2 тысяч человек, резервы – до 3 тысяч человек.

В Брестской области такое же примерно количество, как и в Барановичской.

В Белостокской области численность организации и резерва свыше 7000 человек.

Во многих округах организован аппарат подпольной администрации от гмины до округа для захвата в соответствующий момент власти в свои руки.

Подпольные националистические и военные организации имеют ярко выраженный вражеский антисоветский характер. В издаваемых ими газетах, как, например, «Независимость», «Декада Жолнера» и др., вся пропаганда ведется под лозунгами: «Нерушимость польских границ», «Мсть за Катынь», «Страшитесь мести большевиков за нелояльное поведение поляков во время отступления Красной Армии», «Гитлеризм и большевизм – два обличья одного и того же зла». Последний лозунг в персонифицированном виде (как «сталинизм»? Возможно, Пономаренко боялся произнести это слово. – Б.С.) является постоянным эпиграфом-лозунгом печатной газеты «Независимость», издающейся Виленским центром.

О Советском Союзе, партии НКВД и руководителях распространяются различного рода провокационные измышления.

Все захваченные директивы эмиссаров и центров сдерживают сколоченные военные организации от преждевременных выступлений и выявления себя до момента, который будет указан свыше, запрещает какой-либо контакт с «советской партизанкой», как они называют, не выступать также пока открыто против партизан ввиду неблагоприятного для них соотношения сил. Против немцев они запрещают выступать категорически.

Однако, ввиду успешного наступления Красной Армии и в силу местной обстановки, многие военные организации вышли из подполья, образовали легионы и приступили к борьбе не с немцами, а с советскими партизанами. Уже имеются несколько крупных вооруженных польских легионов, расположенных в лесах, как, например, легион подпоручника Милашевского – 800 человек (Барановичская область), легион Кmiteца – 300 человек, легион Мрачковского (численность не выяснена), легион в 1200 человек (командир не выяснен) в Вилейской области.

Подразделения легионов нападают на одиночек и мелкие группы партизан, пытаются разоружать и уничтожать их, совершают террористические акты в деревнях, уничтожая преданное Советской власти население.

Легионами и польскими организациями составляются списки советских активистов для уничтожения...

Наиболее крупный легион Милашевского предъявил командиру партизанского отряда им. Кирова, действующего в Новогрудском районе Барановичской области, ультиматум, в котором говорится: «Советские партизанские отряды считаются оккупационными отрядами и должны покинуть Западную Белоруссию, иначе вас ожидает плохая судьба».

Один из наиболее злобно националистических польский легион подпоручника Кmiteца (300 человек) завязал отношения с партизанской бригадой т. Маркова (заместителя председателя Вилейского облисполкома), действующей в Вилейской области. Ведя переговоры, легион в то же время готовил уничтожение командования бригады и разоружение бригады. Тов. Марков через своих людей, ранее засланных в легион, получил об этом предупреждение и в результате предпринятых контрмер арестовал руководство, легион разоружил, 80 человек офицерского и подофицерского состава, в том числе Кmiteца и его штаб, расстрелял, остальных обезоружил и распустил по домам, часть включил небольшими группами по своим отрядам.

Тов. Марков получил от Виленского националистического центра предупреждение о том, что он за эти действия польским трибуналом приговорен к смертной казни. После этого отрядом Александра Невского

(командир Степанов) был пойман и расстрелян организатор легионов в Виленской области и видный немецкий сотрудник Чесько.

Имеются и другие факты, когда появившиеся из подполья польские легионы, учитывая соотношение сил, вступают то в одном, то в другом месте в единоборство с советскими партизанскими отрядами.

Судя по совершенно неприкрытой антисоветской деятельности польских организаций, а также по тому, что немцы, концентрируя силы против советских партизан, против польских организаций на территории Западной Белоруссии борьбы не ведут и допускают рост организаций, равно как и потому, что очень многие организаторы, члены и руководители центров стоят на службе у немцев бургомистрами, комендантами, начальниками полиции, а рядовые полицейские поляки в подавляющем большинстве входят в военную организацию как рядовой и подофицерский состав краевой армии – можно сделать вывод, что организация польских сил происходит с ведома немцев. Во всяком случае, поляки не имеют со стороны немцев препятствий.

Наши силы.

Сейчас мы обладаем на территории Западной Белоруссии крупным превосходством сил. Там имеется 185 отрядов советских партизан, имеющих в своем составе 23 855 партизан. Скрытые партизанские резервы насчитывают 13 000 человек. По областям: Брестская – 28 отрядов, 5113 партизан, скрытый резерв 9000; Барановичская – 52 отряда, 6882 партизана, скрытый резерв – 10 000; Пинская – 26 отрядов, 4591 партизан, скрытый резерв 4000; Вилейская – 65 отрядов, 7200 партизан, скрытый резерв 8000; Белостокская – 14 отрядов, 2229 партизан, скрытый резерв 12 000. Имеются всюду областные комитеты партии, издаются областные газеты. В большинстве районов созданы и действуют районные партийные центры и подпольные антифашистские организации.

Относительно настроения населения все сообщения сходятся на том, что подавляющее большинство белорусов безраздельно на стороне Советской власти и охотно идут в партизанские отряды или охотно оказывают им помощь.

Большинство польского населения города и деревни, несмотря на активность польских националистов и влияние немецкой и польской пропаганды, ожидает также Красную Армию как избавительницу от немецко-фашистского террора.

Это подтверждается также ростом партизанского движения и его резервов в западных областях, симпатиями и заботой, которыми окружены советские партизаны, а также многими случаями диверсий, саботажа и

нападений со стороны одиночек и групп поляков – крестьян и рабочих.

Такая обстановка и наличие наших сил там позволяет подсесть польское антисоветское движение, сорвать организацию польской краевой армии, как силы, безусловно предназначенной против советского государства».

Наши мероприятия.

1. Расширить и углубить партизанское движение и работу подпольных антифашистских организаций. Передислоцировать необходимое количество организаторских групп и отрядов из Восточной Белоруссии в пограничные области Западной Белоруссии, где они должны обрасти местными людьми и распространить свое влияние.

Такие мероприятия уже дали известный результат. Начиная с лета, в предвидении подобной обстановки, мы направили в Западную Белоруссию более 15 партизанских отрядов и бригад, специально укомплектованных, имеющих в своей среде преданных поляков и средства печатной пропаганды. Многие из них, как, например, соединение генерал-майора Капусты и секретаря Белостокского обкома Самутина, бригада Мотовосьяна, бригада Жукова и др. прибыли в области, обрастают местными людьми и распространяют свое влияние.

2. Вооружить проверенные партизанские резервы, для чего перебросить 8–10 тысяч автоматов и винтовок.

Усилить массово-политическую работу среди населения, выпуск газет и распространение газеты Союза польских патриотов среди польского населения.

Польские отряды и группы, действующие в Западной Белоруссии, нападающие на советских партизан, уничтожать. Все другие группы, занимающие выжидательную позицию, дискредитировать, разоружать и рассеивать. Командный состав уничтожать. Ввиду того, что изложенное выше является вопросом важным, так как означает переход от частных инцидентов к планомерной борьбе с польским враждебным националистическим подпольем, прошу указаний.

Пономаренко. 22 ноября 1943 г.

На записке Пономаренко сохранилась резолюция помощника Маленкова Суханова от 2 декабря 1943 года: «Когда будет в Москве т. Пономаренко – сказать ему, чтобы он по этому делу переговорил с т. Маленковым» (РГАСПИ, ф. 625, оп. 1, д. 67, л. 352–358).

Несомненно, все предложения Пантелеймона Кондратьевича были приняты, потому что именно так стали действовать партизаны и регулярные советские войска против отрядов Армии крайовой –

разоружать личный состав и расстреливать командиров.

Между тем в записке Пономаренко есть очевидные противоречия. Если следовать его логике, то получается, что советские партизаны должны были бы действовать в Западной Белоруссии при еще большем попустительстве немецких оккупационных властей, чем поляки, раз они значительно превосходили по численности отряды Армии Крайовой во всех западных областях, в том числе в Белостокской и Вилейской, где вообще-то в населении поляки преобладали над белорусами. Из заключительных строк записки следует, что так называемые «нападения» поляков на советских партизан начались лишь после того, как из Восточной Белоруссии прибыли советские отряды с «проверенными» поляками и пропагандистской литературой, направленной против польского правительства в Лондоне и Армии Крайовой. Можно не сомневаться, что пропагандой дело не ограничилось и люди Пономаренко приступили к ликвидации польских офицеров, продолжая дело, начатое в Катыни, чем и вызвали ответные действия со стороны поляков.

Эпизод же с уничтожением подпоручика Кмитица и его товарищей вообще шит белыми нитками. Стал бы несчастный подпоручик замышлять убийство командира более чем втрое превосходившей его легион по численности партизанской бригады, чтобы получить против себя опасного врага. Тем более что командование отдельных отрядов бригады Маркова уничтожить поляки все равно не смогли бы, и те повели бы против легиона Кмитица истребительную войну. Нет, тут явно было другое. Бедняга Кмитиц действительно собирался взаимодействовать с советскими партизанами в борьбе против немцев, а те просто заманили поляков в ловушку и уничтожили. А чтобы оправдать убийство 80 человек, Марков придумал версию о будто бы существовавшем польском заговоре.

Пономаренко противоречит сам себе, когда в начале записки утверждает, что руководство Армии Крайовой категорически запрещает нападать на немцев, что поляки в Западной Белоруссии нападают якобы только на советских партизан, а в конце записки признает, что поляки совершают многочисленные диверсии, акты саботажа и нападения против германских оккупационных войск.

Столь же бессмысленно было обвинять активистов Армии Крайовой в том, что они для маскировки служили в оккупационных учреждениях бургомистрами, старостами, полицейскими, комендантами и др. Многие подчиненные Пономаренко занимались тем же самым. Вспомним хотя бы легендарного Константина Заслонова или командира партизанского отряда Астрейко из бригады Марченко, который до того как возглавить отряд

успел в качестве начальника полиции поучаствовать в «окончательном решении еврейского вопроса».

В результате изменения советской политики по отношению к польскому Сопротивлению между польскими и советскими партизанскими отрядами в Белоруссии в 1944 году уже происходили настоящие бои. Так, командование 2-го батальона 1-го немецкого полицейского полка, располагавшегося в районе Белостока, сообщало: «6.5.44 г. польские банды неизвестной численности напали в деревне Голынка на 80–100 русских бандитов. После огневого боя, причем с обеих сторон, были потери, польские бандиты были вынуждены отступить».

С приходом Красной армии в Белоруссию и Западную Украину действовавшие там отряды Армии Крайовой были уничтожены или пленены. Часть из них смогла прорваться в Польшу, где еще несколько лет продолжала вооруженную борьбу против коммунистического правительства Болеслава Берута и советских войск.

А дальше пусть говорят документы.

Отчет о переговорах, проведенных 25 ноября 1943 г. между представителями партизанской бригады им. Гастелло, с одной стороны, и представителями командования польскими партизанами бригады полковника Лупешко – с другой

Переговоры проводили парламентарии бригады Волостных и Монахов при переводчике Бобрович с капитаном Богуном, заместителем полковника Лупешко, в связи с отсутствием последнего в районе переговоров.

Встреча парламентариев была проведена с соблюдением всех воинских почестей, причем было совершенно ясно, что это не бутафорская встреча, а является результатом высокой воинской дисциплины той части, где происходили переговоры...

На мой вопрос, что же заставило их открыть вооруженную борьбу с советскими партизанами, мне был дан ответ, что по существу не они первые начали вооруженную борьбу, а советские партизаны бригады Маркова, разоружив их под Нарочем и уничтожив командный состав, не соблюдая офицерской чести советского командира. Пригласив командный состав на совещание и обещая им неприкосновенность, все же расстреляли. Мы, говорят они, не видели причин к тому, чтобы нас разоружить. И если даже это было сделано по инициативе бригады Маркова, то все же можно было бы при наличии вины расстрелянных перед советскими партизанами устроить суд и наказать виновных. Это было бы честно, но не так поступать, как было сделано.

Об этом факте тотчас же стало известно в Лондоне, после чего мы получили разрешение центра вести вооруженную борьбу с советскими партизанами до выяснения, было ли это сделано по инициативе только одного Маркова, или это было сделано по распоряжению Москвы. Я ответил, что, по-видимому, это было сделано по инициативе только Маркова, так как приказа Москвы об открытии вооруженных действий против польских партизан мы не имеем и на сегодняшний день.

Я просил их не рассматривать события у озера Нарочь выше общих интересов борьбы с общим врагом – Гитлером, на что получил ответ: «Нам очень неприятно стрелять в советских партизан, так как они, как и

польский народ, являются славянским народом, потерпевшим народом от нашего общего врага – немцев. Печальные события у Нароча мы не ставили выше наших общих интересов в борьбе против немцев. Нет, но это затормозило массовое развитие польского партизанского движения. Если мы сумели разбить гарнизоны, когда нас было только 250 человек, то, не случись бы этого события, мы быстро могли бы вырасти и сделали бы безусловно больше и ни одного гарнизона до Вильно не было бы. Эти события заставили нас сократить наши операции против немцев, так как в вашем лице мы стали иметь также противников, к тому же действующих на одинаковых тактических основаниях с нами, а следовательно наиболее опасных. Это заставило нас расплыть свои силы на самосохранение от немцев, полиции и главное – советских партизан. Мы имеем, конечно, рост своих рядов не только в подпольных организациях, но и в рядах вооруженных партизан. На днях мы ожидаем пополнения до 200 человек из Вильно, а также из глубины Польши должны подойти две польских партизанских бригады, потому что немец крайне свирепо расправляется с польским населением, а нам трудно законспирировать всех членов наших отрядов, постольку, поскольку мы вынуждены, так как наши семьи живут на территории, оккупированной немцами и ими контролируемой, и, если мы договоримся о прекращении вооруженной борьбы между собой, которая, к слову сказать, совершенно бессмысленна и над которой смеются немцы (приведя пример: когда они расположились на дневку в треугольнике Добровляны, Михалишки, Свирь и о них узнали немцы, то последние, смеясь, говорили: «Можем сегодня спать спокойно, сюда уж не придут советские партизаны, а если придут, то поляки им жару дадут»), то мы можем объединенными усилиями разбить, например, гарнизон Старая Рудня, самый активный гарнизон, который и вам и нам мешает.

Отдавая приказ о прекращении вооруженной борьбы против групп советских партизан, я должен, говорит господин капитан, удовлетворить обиженную честь польского солдата. Я понимаю, что вопрос о возвращении оружия, забранного у нас Марковым, очень трудный и его совсем не поднимаю и не настаиваю на этом. Я только хочу, чтобы это было сделано символически. Пусть вернут не 11 пулеметов, а хотя бы 2–3, не 200 винтовок и автоматов, а несколько штук, чтобы с духовной стороны гордость польского солдата была восстановлена.

Я на это от имени комбрига Манохина имел соответствующие указания и заверил, что символически оружие будет возвращено и честь польского солдата удовлетворена.

Непременным условием прекращения вооруженной борьбы ставят

прекращение со стороны советских партизан случаев мародерства и борьбу с мародерством внутри партизанских отрядов. Я на это ответил, что борьба с мародерством внутри партизанских отрядов ведется вплоть до расстрела, доказательством чего является могила около Працуб, где были расстреляны 2 партизана за факт непартизанского поведения. Мне было заявлено, что об этом частном случае им известно.

Я поднял вопрос, что мы будем понимать под мародерством. Партизаны берут хлеб, мясо, обувь, теплую одежду и другие вещи, необходимые для партизан, будете ли вы считать также это мародерством?

Нет, ни в коем случае!

Все это необходимо партизанам, но зачем брать золото, часы, детские вещи, шелковые блузки и другое. Приведя пример, что у одного убитого было обнаружено 5 часов, у другого – 4 шерстяных свитера. В другом случае детские ботинки и другие, совершенно ненужные партизанам вещи.

Зачем страшить население оружием, требовать от него то, чего у него нет. Мы платим за все, что берем у населения, наличными деньгами, постольку, поскольку мы имеем на то кредит. Вы же не имеете возможности платить, то можете давать хотя бы расписки, которые служили бы оправдательным документом перед немцами при требовании с них поставок, так как немцы все же принимают это во внимание.

Зачем убивать людей ни в чем не повинных. Приводит пример убийства 60-летнего старика в селе Н. и там же изнасилования 17-летней девушки 20 партизанами, после чего также убили только за то, что в их районе они подверглись обстрелу со стороны польских партизан.

Мы не возражаем, если Вы расстреляете человека, виновного в работе на немца, но это должно быть установлено и сделано после суда в присутствии населения, а то часто получается, что таким образом сводятся личные счеты между отдельными лицами.

Мы также уничтожаем поляков, продавших интересы народа и работающих на немцев, приведя ряд примеров, но мы не делаем зла русским людям, хотя знаем, что они были комсомольцами, советскими работниками, но не делают ничего сейчас на немцев...

Господин Богун спросил меня, как ему сообщить в центр, от имени кого ведутся переговоры, только ли от одной партизанской бригады или от имени всех советских партизан.

Я ответил, что комбриг Манохин взял на себя инициативу ведения переговоров от имени всех советских партизан, действующих в этих районах.

О том, что сегодня начались переговоры, сказал я, знает шеф

Манохина. При этом второй член миссии товарищ Монахов, дополняя меня, допустил опрометчивость и, конкретизируя меня, сказал о том, что об этом в 10 часов поставлена в известность Москва, хотя перед выездом на переговоры мы были предупреждены об обязательном исключении из употребления слов «Москва» и «Центр».

После этого мне был задан вопрос, санкционирует ли Москва ведение переговоров от имени всех советских партизан, на что я ответил утвердительно, не находя другого выхода, тем более, что переговоры преследовали явную цель – прекращение военных действий между польскими и советскими партизанами и о взаимодействии против общего врага – Гитлера.

В таком случае мы, говорит господин Богун, должны запросить санкций нашего центра на ведение окончательных переговоров, имеющих быть по приезду полковника Лупешко.

Постольку, поскольку ни по одному поднятому вопросу не было расхождений, то было заключено джентльменское соглашение о том, что он, т. е. Богун, до вторичных переговоров, во-первых, во избежание возможных столкновений, так как не все наши отряды предупреждены о переговорах, отводит свои отделы из района, ныне им занимаемого, за реку Вилию в район Галюп, во-вторых, отдает приказ не открывать огня первому, не вступать, таким образом, в бой, если со стороны советских партизан будет это также соблюдено. В противном случае договор считается нарушенным...

Переговоры проходили в духе взаимного понимания. После официальной части он просил нас быть его гостями. Были исполнены наши партизанские песни и с их стороны то же самое. Ужин прошел в непринужденной обстановке. Ночевали в помещении штаба. Были приняты все меры, чтобы в пути не произошло ни одного недоразумения, и в силу этого очень просили меня выезжать с рассветом. В мое распоряжение был выделен взвод, который, проводив меня 8 километров, был мною отпущен. Проводы были по всей воинской форме. Во время частных разговоров, проходивших также в дружеской обстановке, мне было совершенно достоверно сообщено, что они собираются произвести операцию против гарнизона Свирь, а также операцию против оружейного склада и мастерской в районе Ошмян.

Предлагали произвести обмен людьми. Поляков, которые есть у нас, чтобы перешли к польским партизанам, а русские и украинцы перейдут к советским партизанам. Я ответил, что, по-моему, подобный обмен совершенно не нужен, если мы будем вместе бороться против нашего

общего врага – Гитлера.

Б. Волостных.

26/XI – 43 г.

(РГАСПИ, ф. 625, оп. 1, д. 67, л. 278–282).

Командиру бригады Гастелло капитану Манохину

От начальника Особого отдела Фернандеса

30.XI.43...

Население около 70 % симпатизирует легионерам. Причина: поляки платят населению марки за взятые вещи и продукты. Вооружение слабее, чем наше, а также есть у них собаки (РГАСПИ, ф. 625, оп. 1, д. 67, л. 270).

Отчет о переговорах с представителями Виленского центра, руководящими на территории БССР т. н. польскими партизанами

Переговоры состоялись 14 декабря 1943 г. в деревне Сыроватки. Со стороны советских партизан в переговорах принимали участие т.т. Манохин, Машеров, Волостных, Хосе Фернандес, Монахов, при переводчике Микуле.

Со стороны польских партизан – полковник (далее – пропуск в тексте, возможно, речь идет о полковнике Лупашко или о полковнике Бартоше, от имени руководства польских партизан Виленской области приглашавшего Манохина к продолжению переговоров. – Б.С.), майор Богун (настоящее имя Мечислав Козловский, командир 4-го плютона (отделения) Виленского центра АК, юрист по образованию, владелец 400 га земли в Ошмянском районе. – Б. С.), поручик – адъютант, командир взвода, прилетевший из Лондона...

Господин полковник сказал, что им было очень обидно читать открытое письмо (выпущенное Манохиным 17 ноября 1943 г. «Открытое письмо к командованию так называемых польских легионеров, оперирующих на территории Вилейской области БССР», где польскому руководству предлагалось начать переговоры с советскими партизанами; одновременно легионеры обвинялись в сотрудничестве с немцами. – Б.С.) в силу несправедливого обвинения в том, что они, т. е. польские партизаны, являются агентами гестапо, и заявил, что они борются с немцами с 1939 г., борются все, от мала до велика, по всей территории Польши, что можно найти на службе у немцев с оружием в руках и литовцев, и латышей, и эстонцев, и, извините, русских солдат, но Вы не найдете поляков.

Ни один поляк, за исключением некоторых, конечно, сволочей, не думает договориться с немцами. Мы не можем им простить тех слез и страданий нашего народа и крови, пролитой нами в борьбе с немцами.

Ежедневно десятки, сотни наших людей падают в борьбе с немцами. Приводя пример этому, мы просили бы опровержения в Вашей печати этого открытого письма.

Комбриг Манохин сказал, что он, безусловно, теперь не напишет подобного письма, но обстоятельства заставили так думать. Я был убежден, что истинно польские партизаны войны с советскими партизанами не

ведут, а используют свое оружие против общего врага. В данном же случае в течение короткого времени имеем 11 человек убитых и 7 раненых со стороны советских партизан от огня так называемых польских партизан, причем ни разу инициатива огня не исходила от партизан советских...

Напечатать опровержение, безусловно, не могу. Мне никто не может поверить. Самое лучшее, если Вы своими действиями покажете ложность того, и в своей печати можете сказать, что Манохин был не прав, подтвердив это фактами – своими активными действиями против немцев. Я очень рад, господа, видеть в Вашем лице истинных польских партизан и, если это так, даю честное слово, – больше подобных писем, конечно, написано не будет.

После объяснения по этому вопросу приступили к обсуждению вопроса о нарочанском разоружении.

Господин полковник сделал вопрос о том, что послужило поводом к тому событию и было ли это сделано только по инициативе товарища Маркова или же с разрешения Москвы. Товарищ Манохин отвечает, что руководство польских партизан в лице Кмитица заняло явную антисоветскую позицию, сказавшуюся в распространении среди партизан подпольных польских газет «Неподлежность», в которой было, например, написано, что Гитлер и Сталин являются в равной мере врагами Польши. Дуниловичская полиция за несколько дней до перехода к польским легионерам активизировала свою деятельность по отношению к людям, ранее выбранным в советские органы власти. Перестали информировать о литовских засадах на партизанских коммуникациях и некоторые другие факты, которые дали совершенно правильное основание товарищу Маркову принять решение об обезоруживании ими польского отряда и привлечении руководства Кмитица к ответственности.

Так бы, безусловно, сделал каждый офицер – командир партизан...

ВЫВОДЫ

...4. Учитывая значительный авторитет, которым пользуются польские партизаны среди местного населения западных районов области – необходимо нам с железной твердостью изменить свое поведение среди местного населения, решительно пресечь поголовное пьянство, мародерство среди наших партизан и нанести этим самым удар по авторитету польских партизан среди значительной части католиков; так сказать, в корректном и умелом подходе к населению.

5. Усилить работу нашей партизанской пропаганды, печати, воспитывая население в духе окончательного и бесповоротного пребывания западных областей БССР в СССР.

6. По отношению к легионерам и их командованию вести внешне дружественную политику и наряду с этим готовить по полякам такой удар, который ликвидировал бы не только их вооруженные силы, но и корни глубокого подполья, помня урок у «Нароча», где только «попугали» белополяков, а их организация сохранилась.

7. Без открытых фактов АС (антисоветской. – Б.С.) деятельности поляков, при их активных действиях против немцев – считать политически неправильным, исходя из обстановки здесь – вооруженные выступления нас против «польских партизан». Убирать террором их «головку».

Командир бригады – Манохин

Комиссар бригады – Машеров

(РГАСПИ, ф. 625, оп. 1, д. 67, л. 284–288).

Начальнику в/ч 00125 генерал-лейтенанту тов. Пономаренко

Направляя некоторые документы о белополяках, одновременно выражаю мое мнение по этому вопросу. Операция по разоружению поляков под Нарочем была преждевременна, не продумана и санкционирована Вами в результате адресованной в штаб в/ч 00125 неправильной информации.

Рекомендуя себя за знатока польского вопроса, тов. Марков переоценил свои знания. Он думал, что группа Кмитица под Нарочью это весь актив белополяков в Вилейщине. Оказалось не так. В результате была разоружена группа в 300 белополяков, но сама организация, ее подполье, тогда не так еще законспирированные, – остались невредимыми.

Вскоре белополяки оправились от полученного ими удара под Нарочью, но стали осторожнее, хитрее и поэтому сильнее.

Возможность ликвидировать банду Кмитица и «Озоновское» (аббревиатура OZN – союз вооруженной борьбы. – Б.С.) подполье в Вильно и на периферии – выскользнула из наших рук.

Почти демонстративный расстрел 80 поляков под Нарочем и возмутительное мародерство и грабеж, сопровождавшие процедуру разоружения, – насторожили часть белорусов-католиков, отпугнули от нас. Главари же виленского центра всеми мерами рекламируют «грязные подштанники» Нароча.

Не могу получить от Вас ответа по радию – как быть? Пока нас поляки не бьют, но и не уходят за пределы области. Гнать их силой оружия или

вытеснять «мирным путем»? Лучше было бы гнать их оружием, но они хитры и, очевидно, предусматривая это, активизируют свои действия против немцев. Разбили гарнизон в Солах 18 января 44 и «Жодишек», напали на немцев, убили и ранили более 25 солдат и офицеров, захватили одно орудие и автомашину. В конце декабря 43 убили заместителя начальника шефа литовской полиции в Свири.

Здесь мнения самые разноречивые. В том, что поляков надо гнать – все едины, а в вопросах как – разброд. Очень бы хотелось иметь Ваши принципиальные соображения по этому вопросу.

Командир партизанской бригады им Гастелло

Капитан Манохин

20 января 1944 г.

(РГАСПИ, ф. 625, оп. 1, д. 67, л. 260).

Доклад П.К. Пономаренко «Польские реакционные подпольные организации на оккупированной территории Белоруссии». Июль 1944 г

(...) Состоявшиеся в установленное время – 25.І. 44, они (переговоры. – Б.С.) не привели к желаемым результатам в силу чрезмерных требований и неумеренной амбиции легионеров, посчитавших себя хозяевами на территории Виленского воеводства. Вскоре после этого, поскольку враждебные действия по отношению к советским партизанам не прекращались, было принято решение о разоружении соединения Лопашко. Предпринятая в этом разрезе операция окончилась неудачно. Соединение Лопашко, к этому времени рассредоточенное по нескольким населенным пунктам, сумело уйти за реку Вилию, избежав окружения. 26.3. 44 оно вновь появилось в Свирском районе в составе 6 плутонов, общей численностью до 400 человек, имея на вооружении винтовки, 10 пулеметов, 15 автоматов и проч. 28.3. 44 в этот же район к реке Вилия со стороны Ошмяны подошло соединение «Щербца» (член Крестьянской партии, левое крыло, признал власть Лондона после уничтожения легиона «Кмитица») – около 350 легионеров. Последние преследовали цели: мобилизовать население в свои ряды, активизировать националистические местные группы. Установив, что для борьбы с ними выслано несколько партизанских отрядов, легионеры ушли, заявив местным жителям, что от лондонского польского правительства получен приказ: не воевать с советскими партизанами...

Когда части последней (Красной армии. – Б.С.) заняли Молодечно и стало очевидным скорое освобождение г. Вильно, легионеры начали, по приказу из «Центра», активные действия и против немцев, поскольку к этому времени в Вильно немецких воинских частей почти не было, комендант Виленского округа АК «Вилк» бросил на штурм города до 20 000 легионеров. Вопреки расчетам «Вилка», легионеры встретились с упорным сопротивлением, подавленным лишь с подходом передовых частей Красной армии, спасших легионеров от разгрома. Это обстоятельство, конечно, послужило для «Вилка» отличнейшим поводом для серии воззваний, специальных приказов на тему о взятии Вильно легионерами (роль которых сильно преувеличивалась) совместно с частями

Красной армии...

С 18.7. 44 по решению командования фронтом началась операция по разоружению легионеров. За первые трое суток ее добровольно сложили оружие до 15 000 легионеров, «Волк» и его штаб были арестованы. Основные силы легионеров, руководимые офицерским составом, укрылись в лесах под Вильно или переоделись в гражданское, сохранив оружие на территории Ошмянского района...

Следует отметить, что сразу же по приходе Красной армии легионеры (находившиеся до 18.7. на легальном положении) приступили к террористической деятельности. Только в Омшянах за первые десять дней убиты были из-за угла 1 майор, 1 капитан, 6 бойцов и сержантов Красной армии (РГАСПИ, ф. 625, оп. 1, д. 67, лл. 93–97).

А вот как эти события видятся с польской стороны. Рассказывает вдова майора Лупашко Лидия Эберле, урожденная Львова, русская эмигрантка, приехавшая в Польшу после 1917 года:

«Я ведь была харцеркой (польским скаутом), у меня были польские товарищи. Я пропиталась историей Польши! Пилсудского мы на Виленщине просто обожали...»

Сначала она попала в первый на Виленщине партизанский отряд Кмитица. Когда советские партизаны обманом разоружили и расстреляли несколько десятков бойцов Кмитица, а отряду навязали нового командира, Лидия Львова, как и многие другие, перешли к Лупашко – легендарному майору Зигмунту Шендзележу. И до конца была связана с 5-й Виленской «бригадой смерти» и ее командиром.

В качестве санитарки Ляля принимала участие в боях с немцами и советскими партизанами. Когда Лупашко распустил отряд и с горсткой партизан перешел линию Керзона в направлении окрестностей Белостока, Ляля была с ним. Послевоенные годы запомнились ей как борьба за выживание, налеты на кооперативы и гминные правления, чтобы раздобыть денег на легализацию людей из АК. И возрастающее ощущение безнадежности.

Ее взяли вместе с Лупашко в июне 1948 года. После процесса майор Шендзележ был убит выстрелом в затылок в тюрьме на Раковецкой (процесс «Мобилизационного центра Виленского округа АК», в 1945 году передислоцировавшегося в Белосток, а затем в Поморье, прошел в Варшаве в октябре 1950 года. Во главе центра стоял кадровый офицер генерал Кжижановский (кличка «Волк»). На процессе Шендзележ (Лупашко) и бывший комендант сектора «А», включавшего в себя Вильно, Антоний

Олехнович были приговорены к смертной казни. – Б.С.) Она вышла из нее, как и многие другие, в 1956 году...

«Но для моих товарищей из АК того, что произошло в моей жизни за последние несколько десятков лет, как будто не существует, – улыбается Лидия Эберле, – для них я остаюсь женой Лупашко... Вне всякого сомнения, я русская! Я родилась в русской семье, я православная. Этого изменить нельзя».

(Майя Нарбут. Последние «белые» русские // Новая Польша, Варшава, 2002, № 5. С. 23–24.)

Листовка бригады РОНА к партизанам (сентябрь или октябрь 1943 года)

Штабам бандитских бригад и отрядов.

Вы, сталинские опричники, никак не можете успокоиться от пребывания Русской Народной Освободительной Армии в Лепельском округе. Нам известно, почему, да и вы тоже об этом знаете. Мы народ не гордый и говорим прямо, что нам дает право делать выводы относительно ваших листовок.

Мы будем говорить фактами, против которых не попрешь. Вот вам первый факт. Когда еще Бригады РОНА здесь не было, то вы, брехуны, говорили населению, что Бригада Каминского, мол, перейдет в партизаны и т. д. Более того, вы посылали несколько предложений Командиру Бригады за подписями представителей сталинского правительства с целью переименовать славную бригаду РОНА во 2-ю антифашистскую и предлагали перейти на вашу сторону, обещая ему за это ордена и похвалы вашего кровавого правительства. Помимо того, вы не раз обращались со специальными листовками к офицерам Бригады сделать то же самое, обещая им за это сохранения звания и зарплаты.

Это могут предлагать только бандиты, не имеющие понятия об идейности борьбы и ни гроша в кармане.

И что из этого получилось. В ответ на эти предложения Бригада пошла в большой поход против вас. Вы пытались этим воспользоваться и ударами на Лепель и Чашники думали сокрушить мощь Бригады.

Но, как выяснилось, вы – хорошие бандиты, но не стратеги и вояки. Вы вместе с вашими большими силами вынуждены были бежать, как зайцы. Сколько погибло при этом невинных людей, которых вы держите под страхом приближения фронта, под строгим глазом НКВД, но которые сейчас готовы бросить вас и это скоро сделают, как только узнают правду о нас и о наших идеях. Так вот, горе-вояки, вы пытались Командира Бригады и всю Бригаду перетянуть к себе – это ведь факт. Ваши гнусные предложения находятся как документы в штабе Бригады. Против этого факта не попрешь. Тогда Каминский и мы не были сворой бандитов, тогда Каминский ведь не был «Тушинским вором». Но после того как Бригада начала вас бить и изгонять из пределов округа, то наш Комбриг и мы стали «народными палачами» и всем чем угодно.

Кто же теперь из нас в истерике, кто из нас в бессильной злобе – мы

или вы, – представляем после этого судить только вам. Нам же важно отметить здесь, что ваша оценка льстит нам, ибо она ярко выражает наши удары по вас, бандитам.

А теперь посмотрим: кто же все-таки бандиты?

Вы приводите пример с Поддуевым (командиром коллаборационистского формирования. – Б.С.). Хороший пример, только не в вашу пользу – обратимся снова к фактам. Поддуев, Гладков и Масленников повешены по приговору Военно-полевого суда Локотского округа, утвержденному Комбригом Каминским, как агенты и бывшие сотрудники НКВД.

Эти люди могут творить бесчинство, убийства со свойственной вам жестокостью. Но как только Комаричский район был включен в состав Локотского округа, песенка этих ваших братьев была спета. Кстати сказать, при отступлении большевиков Гладков взорвал Лопандинский завод. Факты! – против этих фактов никуда не поперешь.

Вот вам другой факт, характеризующий лик «народных мстителей». В деревне Осетище Бегомельского района вами была издевательски избита шомполами пожилая женщина Новицкая, которая кроме своей печки ничего не знала и не видела. Этот факт подтвержден медицинским освидетельствованием и о нем очень «мило» отзываются мирные жители не только у вас, но и здесь. Акт помещен в печати, где вы можете узнать подробности. Подтвердить его может выроdek рода человеческого, махровый бандит, находящийся у вас в большом почете, командир 6 бандитского отряда бригады Железняк, производивший экзекуцию собственноручно.

Мы можем привести много таких фактов, но считаем лишним, ибо никому из людей бывшего СССР не известны утонченные методы пыток НКВД.

Из вышеприведенных фактов можно судить, кто же является бандитами и зверями, вы, грабящие население, избивающие его, или же мы – спасающие население от ваших грабежей и насилий. Мы не вдаемся в дискуссию, а представляем судить об этом мирному населению.

А теперь несколько слов об идее.

Кстати сказать, наши идеи вы упорно замалчиваете, даже не пытаетесь их дискутировать, отделяетесь только фразой «у бандитов, выроdkов идеи нет и не может быть». А так как вышеприведенные факты ярко говорят, кто бандиты и выроdkи, то и понятно, что ваши «идеи» – грабеж, издевательство, насилие и т. д. С такими «идеями» далеко не уедешь и не победишь. И на самом деле, что вы можете противопоставить нашим

лозунгам борьбы.

1. Земля должна быть бесплатно передана в частное пользование крестьянину.

2. Рабочий из крепостного пролетария должен стать свободным тружеником, участником создаваемых им прибылей.

3. Интеллигенция в своем творчестве должна быть свободна.

Впрочем, прочтите наш Манифест и вы увидите, что день рождения Манифеста есть день начала гибели Сталина и его всех приспешников.

Смерть кровавому большевизму, обрекшему народы России на голод, нищету и ввергнувшему их в эту кровавую бойню. Да живут и здравствуют патриоты России, кующие счастливое будущее нашей Родине без большевиков и капиталистов! СМЕРТЬ БАНДИТАМ!

Бойцы и командиры Бригады РОНА (РГАСПИ, ф. 625, оп. 1, д. 47, л. 336).

Партизанское движение Белоруссии глазами кадрового чекиста

Комиссия по истории Отечественной войны при ЦК КП(б) Белоруссии.

Стенограмма беседы с подполковником государственной безопасности Героем Советского Союза тов. Орловским Кириллом Прокофьевичем.

Беседу проводил старший научный сотрудник тов. Купреев И.К. Записывала стенографистка Бережковская З.А.

24 сентября 1943 года.

Я, Орловский Кирилл Прокофьевич, родился в 1895 году, в деревне Мышковичи Кировского района Могилевской области БССР. Белорус. Общее образование – среднее, партийное – высшее (окончил Комвуз народов Запада). Организатор краснопартизанских отрядов и диверсионных групп в СССР, Испании, Китае. Член ВКП(б) с 1918 года. Подполковник государственной безопасности. В Красной Армии служил с 1918 по 1920 г. В 1920 году окончил Первые Московские пехотные курсы командного состава. Звание Героя Советского Союза присвоено за активную боевую работу в тылу немецких оккупантов, в Барановичской и Пинской областях БССР.

В 1932 году за активную боевую работу в тылу белополяков правительством БССР награжден орденом Трудового Красного Знамени БССР. В 1937 г. за боевую работу в тылу армии Франко (Испания) награжден орденом Ленина и в 1943 г. присвоено звание Героя Советского Союза.

За 8-летнюю боевую и разведывательную работу в тылу противника мне приходилось нелегально свыше 70 раз переходить линию фронта и линию государственной границы с группой вооруженных своих бойцов.

Под моим руководством было уничтожено несколько десятков тысяч офицеров, помещиков, жандармов и полицейских, в то время как я потерял убитыми только 6 человек своих товарищей и несколько человек ранеными...

Командирами отрядов были: имени Кирова – т. Ботин, имени Свердлова – т. Халецкий, имени Берия – я...

Кратко об отряде имени Кирова – организовал я отряд имени Кирова исключительно из евреев, убежавших от гитлеровского расстрела. Я знал, что передо мной стоят невероятные трудности, но я не боялся этих

трудностей, пошел на это лишь только потому, что все окружающие нас партизанские отряды и партизанские соединения Барановичской и Пинской областей отказывались от этих людей. Были случаи убийства их. Например, «партизаны»-антисемиты отряда Цыганкова убили 11 человек евреев, крестьяне деревни Раджаловичи Пинской области убили 17 человек евреев, «партизаны» отряда им. Щорса убили 7 человек евреев.

Когда я впервые прибыл к этим людям, то застал их небооруженными, босыми и голодными. Они заявили мне: «Мы хотим мстить Гитлеру, но не имеем возможности».

После этого я не жалел ни своих сил, ни времени для того, чтобы научить этих людей тактике партизанской борьбы с нашим общим заклятым врагом. И я должен сказать, что затраченная мною энергия не пропала даром. Казалось бы, совершенно неспособные к вооруженной борьбе, бывшие спекулянты, мелкие торговцы, ремесленники и др. – эти люди, желая мстить немецким извергам за пролитую народную кровь, под моим руководством за 2,5 месяца провели не менее 15 боевых операций, повседневно уничтожали телеграфно-телефонную связь противника, убивали гитлеровцев, полицейских и предателей нашей родины. Постепенно они стали не только дисциплинированными, но и смелыми, как в проведении диверсий, так и при ночных переходах из одного района в другой.

Наряду с диверсионной, организационной и разведывательной работой мною повседневно велась беспощадная борьба с бандитскими настроениями к местному населению со стороны некоторых бандитских «партизанских» групп в Барановичской и Пинской областях. Этому вопросу я не мог не уделить внимание, так как в каждой деревне были случаи пьянки, мародерства, изнасилования женщин, убийства, поджога хуторов и деревень со стороны бандитских групп, которые под видом партизан систематически терроризировали местное население и тем самым компрометировали народных мстителей – партизан, запугивали и отталкивали крестьян от помощи партизанам в их борьбе.

Могу привести несколько фактов:

По приказу командира партизанской группы бывшего военнопленного, сына кулака уроженца Калининской области Леонтьева Андрея в марте 1943 г. была сожжена деревня Новоселки Ганцевского района Пинской области (150 домов) только потому, что в деревне было 10–15 человек так называемой «самозащиты» (членов организованного по призыву немцев отряда самообороны. – Б.С.).

В результате такого бандитского поступка половина мужского

населения этой деревни перешла на службу к немцам.

Отдельные партизанские группы Семенова, Пугачева и др. систематически пьянствовали, расстреливали, грабили, насиловали женщин на территории Ляховичского, Клецкого районов Барановичской области.

Поэтому виновные в этом деле бандиты по моему требованию были расстреляны в июне месяце 1943 г.

Местное белорусское население, видя в лице партизанского отряда имени Берии своих защитников не только перед немецкими оккупантами, но и перед бандитскими элементами, скрывающимися в лесу под видом партизан, оставалось этим очень довольным.

Белорусское население оказывает всемерную помощь партизанам и больше того – в Минской и Пинской областях около половины мужского взрослого населения ушло в партизаны. Конечно, в семье не без урода – со стороны населения есть и предатели... Их насчитывается не больше 2–3 %. В это же время я видел довольно большое количество латышей, кубанцев и др., служащих в карательных экспедициях и ведущих беспощадную борьбу с белорусскими партизанами.

Приведу такой факт. На железной дороге Барановичи – Минск в конце июня 1943 г. была снята охрана австрийцев, как неблагонадежная, и заменена украинцами и кубанцами.

С белорусским населением Западной Белоруссии немцы в настоящее время заигрывают, относятся к ним лучше, чем к населению восточных областей Белоруссии. Выпускается довольно много газет на белорусском, немецком, польском языках. Газеты агитируют население о том, что немцы дали им хорошую жизнь, ликвидировали колхозы, разделили землю, но ни слова не упоминается в газетах о том, что за 2 года не завезено в Белоруссию и двух вагонов промтоваров и товаров первой необходимости.

Такой продукт, как соль, местное население и партизанские отряды вынуждены употреблять в пищу вываренный раствор из одного искусственного удобрения (РГАСПИ, ф. 625, оп. 1, д. 22, л. 1184, 1186–1188).

В начале 1944 года советские партизаны вынуждены были уйти из Западной Белоруссии, не выдержав противостояния с отрядами Армии Крайовой, которые поддерживало местное население, не только поляки, но и белорусы-католики. В июле 1944 года отряды АК участвовали в штурме Вильнюса (Вильно) вместе с Красной армией, после чего были разоружены, а их командиры – арестованы. Рядом из них, в том числе полковнику Лупешко с частью своих людей, удалось перебраться в Польшу.

Преступления партизан

Богдан Музиал,
германо-польский историк

Преступления партизан: советская легенда и действительность 3 июля 1941 г. Сталин обратился к народу по радио со своей знаменитой речью и призвал его к беспощадной партизанской войне: «На оккупированных врагом территориях необходимо создать пешие и конные партизанские отряды и диверсионные группы для борьбы с частями врага и развертывания партизанской войны. На оккупированных территориях необходимо создать для врага и всех его подручных невыносимые условия, преследовать и уничтожать их на каждом шагу, пресекать все их действия».

Начало советского партизанского движения было трудным, хотя первые сообщения звучали многообещающе. 2 июля 1941 г. Пантелеймон Пономаренко, первый секретарь Коммунистической партии Белоруссии, докладывал: «В Белоруссии развернулось партизанское движение, например, в области Полесье в каждой деревне и в каждом колхозе есть свой партизанский отряд». 10 дней спустя Пономаренко сообщал, что на оккупированной территории осталось 3 тысячи партизан. Кроме того, как утверждал он, партия почти ежедневно направляет на оккупированную территорию по 200–300 человек, чтобы организовывать партизанское движение. Сообщалось также о первых боевых успехах партизан.

Действительность выглядела иначе. Плохо подготовленные группы не доставляли немцам особых проблем. Первые партизанские школы появились только в июле 1941 г. Власти были вынуждены рекрутировать даже инвалидов. Так, в сентябре 1941 г. НКВД сформировал из инвалидов, пожилых людей и калек «запасной партизанский отряд». Партизаны из запасного отряда должны были рассказывать населению на оккупированных территориях, что в Отечественной войне 1812 г. под командованием Наполеона в Россию вторглись также и прусаки, но были разбиты, и что эта история повторится.

В первый год войны у партизан не было центрального руководства. Ключевую роль сначала играл НКВД, сделавший ставку на мелкие группы. На оккупированные территории партизан направляли также и военные. Примечательные инициативы исходили от Коммунистической партии Белоруссии во главе с Пантелеймоном Пономаренко. Он с самого начала

выступал за широкое партизанское движение и, в конечном итоге, убедил Сталина. 31 мая 1942 г. был сформирован Центральный партизанский штаб, а его начальником был назначен Пономаренко. К ноябрю 1942 г. численность партизан возросла до 94 484 человек, в январе 1943 г. она уже достигла свыше 100 тысяч человек, а еще через год – 200 тысяч. Большинство из них действовали в Белоруссии.

Вместе с численностью росла и ударная сила партизан. С весны 1942 г. число операций увеличилось, а с осени 1942 г. они стали серьезной проблемой для вермахта. Большие территории, особенно в Белоруссии, контролировались партизанами. Особенную угрозу они представляли для снабжения фронта. Немцы подавляли партизан с крайней жестокостью, делая ставку на запугивание и коллективную ответственность. Под предлогом борьбы с партизанами они убивали советских евреев. Начиная с 1942 г. немецкие карательные экспедиции стали уничтожать целые районы, считавшиеся «бандитскими гнездами». Они сжигали деревни, убивали или угоняли на работу в Рейх жителей, грабя затем их имущество. В ходе борьбы с партизанами в Белоруссии погибло, не считая убитых евреев, до 350 тысяч человек.

Эти преступления хорошо изучены. Однако почти неизвестен тот факт, что зачастую и партизаны тоже жестоко обращались со своим населением. Они тоже наводили ужас на целые районы, сжигали деревни и города, проводили карательные походы. Таким образом, население попало между молотом и наковальней. Некоторые населенные пункты попеременно «усмирялись» то немцами, то партизанами, как, например, городок Налибоки, в 120 км от Минска. 8 мая 1943 г. партизаны напали на опорный пункт организованной немцами самообороны. Они убили 127 гражданских лиц, включая детей, сожгли здания и угнали почти 100 коров и 70 лошадей. Через два месяца немецкая карательная экспедиция превратила в пепел то, что осталось. При этом немцы убили примерно 10 человек и угнали на работу в Германию около 3000, захватив оставшееся добро.

Особенную проблему создавало то обстоятельство, что партизанам нужно было кормиться. Они добывали себе продукты и одежду у местного населения. Во время этих снабженческих операций партизаны нередко вели себя, как обычные грабители, во всяком случае, так воспринимало их население. Они реквизировали женское белье, детскую одежду, хозяйственный скарб, – вещи, мало пригодные в лесу. Зато их можно было обменять на алкоголь или подарить партизанкам.

Многие отряды почти не проводили боевых операций, поскольку им не хватало оружия и боеприпасов. Некоторые полностью ограничились

«снабженческими походами». В одном советском докладе зимой 1942/43 года о поведении партизан в Западной Белоруссии говорилось: «Поскольку они не воюют, они превращаются в дополнительное бремя для крестьян и восстанавливают крестьянство против всех партизан в целом. Если нет немцев, то партизаны беспрепятственно входят в деревню, забирают коров, овец, хлеб и другие продукты. Но как только появляется карательный отряд, партизаны бегут, не оказывая сопротивления, крестьян же избивают, а их дома сжигают за то, что они содержали и кормили партизан».

Большинство военных операций партизан и без того были направлены не против немецких оккупантов, а против действительных или мнимых коллаборационистов и их семей, а также против всех, кто хорошо относился к немцам и был антисоветчиком. А кто был антисоветчиком, партизаны решали сами. На повестке дня были расстрелы, изнасилования и грабежи. 22 февраля 1943 г. отряд Михайлова убил в деревне Чигринка Могилевского района (восточнее Минска) около 70 мирных жителей. На счету этого отряда были также грабежи, изнасилования и расстрелы. По сообщению одного высокопоставленного офицера Красной Армии, сделанному в июне 1943 г., отряд Бати, действовавший примерно в 200 км от Минска, «терроризировал мирное население». В частности, 11 апреля 1943 г. они «расстреляли ни в чем не повинные семьи партизан в селе Сокочи: женщину с 12-летним сыном, второй сын-партизан которой погиб ранее, а также жену одного партизана и ее двух детей – двух и пяти лет». В другом докладе говорится, что в апреле 1943 г. партизаны отряда Фрунзе, действовавшего севернее Минска, расстреляли в ходе «карательной операции» 57 человек, включая младенцев.

Некоторые партизанские отряды сжигали сразу по несколько населенных пунктов, как например, комиссар Фролов вместе со своими партизанами, действовавший в Витебской области. В апреле 1943 г. они превратили в пепел множество деревень, расстреляли «мирных жителей и других партизан». И это было далеко не исключение. Еще более бесцеремонно обращались партизаны с польским населением на территории нынешней Западной Белоруссии, поскольку поляки вообще считались антисоветчиками. Партизаны убивали поляков целыми семьями, сжигали их дома только по подозрению в поддержке польского подполья. Многие поляки в панике покидали свои дома и бежали в города. В этих районах свои «снабженческие операции» партизаны проводили преимущественно среди польских крестьян.

Большой проблемой среди партизан было пьянство. Они часто напивались и совершали насилие, как правило, над гражданским

населением, часто пострадавшими оказывались их же товарищи по оружию. Алкоголь они добывали у крестьян. Зачастую они реквизировали лошадей, овец, крупный рогатый скот, одежду и хозяйственную утварь, затем сбывали все это в других поселениях, чтобы на вырученные деньги выменять или купить алкоголь.

Часть преступлений надо отнести на счет Москвы. Так, летом 1943 г. партизаны спровоцировали локальную войну с польской Армией Крайовой на западе Белоруссии. Ранее поляки предложили совместную борьбу против немецких оккупантов, а также против бандитов и грабителей. Начались переговоры. Однако в июне 1943 г. Пономаренко приказал прекратить переговоры и незаметно ликвидировать ведущих участников сопротивления или передать их немцам: «В выборе средств можете не стесняться. Операцию нужно провести это широко и гладко».

В августе 1943 г. начались первые крупные операции против польских партизан. Советские партизаны пригласили руководство польского отряда «Кмитец» на переговоры и арестовали его. Остальных поляков они внезапно атаковали на их базах и разоружили. В конечном итоге Советы расстреляли польского командира и его 80 бойцов. Остальных они принудительно включили в свои отряды, а некоторых, разоружив, отпустили на все четыре стороны. После этого противостояние выросло в локальную польско-советскую партизанскую войну. Некоторые польские подразделения, угроза которым со стороны Советов была особенно велика, полностью прекратили борьбу против вермахта и даже получали от немцев оружие и боеприпасы.

Советское руководство прекрасно знало об этих беспорядках и пыталось принять меры против запойного пьянства, насилия, отсутствия дисциплины и разложения. Применялись такие методы, как призывы, запреты, угрозы наказания, наказания в пример другим, вплоть до расформирования особо деморализованных отрядов. Несмотря на это, мало что изменилось. Некоторые командиры пытались скрыть непорядки от вышестоящего начальства.

Советская пропаганда превратила партизан в героев «без страха и упрека», самоотверженно боровшихся против немецких фашистов. На Западе практически не проводились критические исследования советского партизанского движения, поскольку десятилетиями доступ к нужным документам был закрыт. Да и сегодня сделать это тоже непросто. Только в последние годы некоторые исследователи получили возможность взглянуть на секретные документы, которые ставят под вопрос героизм советских партизан.

«Франкфуртер Альгемайне Цайтунг», 21 июня 2004 г. (<http://www.inosmi.ru/stories/02/07/18/3106/210507.html>)

Библиография

Российский Государственный архив Социально-политической истории (РГАСПИ). Фонд 558, опись 11 (И.В. Сталина); фонд 625, опись 11 (П.К. Пономаренко); фонд 69, опись 1 (Центрального штаба партизанского движения); фонд 83, опись 1 (Г.М. Маленкова).

Аджиева Э.А. Депортация народов Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны: Причины и следствия (на примере карачаевского и балкарского народов) <http://millet.narod.ru/emma3.html#3>

Война Германии против Советского Союза 1941–1945. Документальная экспозиция города Берлина к 50-летию со дня нападения Германии на Советский Союз // Под ред. Р. Рюрупа. Берлин: Argon, 1992.

Движение Сопротивления в Западной Европе 1939–1945 // Под ред. Н.П. Комоловой, М.: Наука, 1990.

Диксон Ч.О., Гейльбрунн О. Коммунистические партизанские действия. М.: Издательство иностранной литературы, 1957.

Дугас И.А., Черон Ф.Я. Вычеркнутые из памяти. Советские военнопленные между Гитлером и Сталиным. Париж: YMCA PRESS, 1994.

Дурачинский Э. Варшавское восстание // Другая война 1939–1945. М.: РГГУ, 1996.

Залесский К.А. Империя Сталина: Биографический энциклопедический словарь. М.: Вече, 2000.

Итоги Второй мировой войны. Пер. с нем. М.: Издательство, 1957.

Каров Д. Партизанское движение в СССР в 1941–1945 гг. Мюнхен: Институт по изучению истории и культуры СССР, 1954.

Квачков В.В. Спецназ России // http://militera.lib.ru/science/kvachkov_vv/index.html.

Кессельринг А. Люфтваффе: Триумф и поражение. Воспоминания фельдмаршала Третьего рейха. 1933–1947. М.: Центрполиграф, 2003.

Колесник А.Д. РОА – власовская армия: Судебное дело А.А. Власова. Харьков: Простор, 1990.

Миддельдорф Э. Русская кампания: тактика и вооружение. СПб.: Полигон; М.: АСТ, 2000.

Мировая война 1939–1945. М.: Издательство, 1957.

Наумов М.И. Западный рейд: Дневник партизанского командира. Киев: Политиздат Украины, 1980.

Неизвестная Черная книга. Иерусалим: Яд Ва-Шем; М.: ГАРФ, 1993.

Плетнев С., Нордман Э.Б. Фронт без флангов // <http://www.strana.ru/stories/22.06.2004>.

Рендулич Л. Управление войсками. Пер. с нем. М.: Воениздат, 1974.

Нюрнбергский процесс. Сборник материалов в 7 т... Т. 3, 4. М.: Госюриздат, 1958.

Петров Н.В., Скоркин К.В. Кто руководил НКВД, 1934–1941: Справочник. М.: Звенья, 1999.

Семиряга М.И. Движение Сопротивления. М.: Знание, 1989.

Семиряга М.И. Коллаборационизм. Природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны. М.: РОССПЭН, 2000.

Скрябина Е.А. Страницы жизни. М.: Прогресс-Академия, 1994.

Соколов Б.В. Оккупация: Правда и мифы. М.: АСТ-Пресс, 2001.

Соколов Б.В. Тайны Второй мировой. М.: Вече, 2000.

Старинов И.Г. Записки диверсанта // Вымпел. М., 1997. Вып. 3.

Старинов И.Г. Мины замедленного действия: размышления партизана-диверсанта. Кн. 2 // Вымпел. М., 1999. Вып. 1.

Уничтожение евреев СССР в годы немецкой оккупации (1941–1944) // Под ред. И. Арада. Иерусалим: Яд Ва-Шем, 1992.

Уэст Р. Иосип Броз Тито: власть силы. Пер. с англ. Смоленск: Русич, 1997.

Фашистского палача – к ответу! Документы о преступлениях Адольфа Хойзингера против мира, военных преступлениях и преступлениях против человечности. М.: Госполитиздат, 1962.

Шорт Ф. Мао Цзэдун. М.: АСТ, 2001.

Эвакуация заключенных из тюрем НКВД СССР в 1941–1942 годах // Военно-исторический архив. Вып. 2. М., 1997.

Эрлихман В.В. Потери народонаселения в XX веке. Справочник. М.: Русская панорама, 2004.

German Antiguerrilla Operations in the Balkans. Wash.: Dept. of Army, 1951

Иллюстрации

Партизаны Орловщины

Артиллеристы 3-й Псковской партизанской бригады

Сборка оружия в мастерской отряда Баранова Пинского партизанского соединения

Партизаны обучаются военному делу

Группа автоматчиков из народного ополчения Куйбышевского района Москвы уходит на боевое задание. Западный фронт, 1941 г.

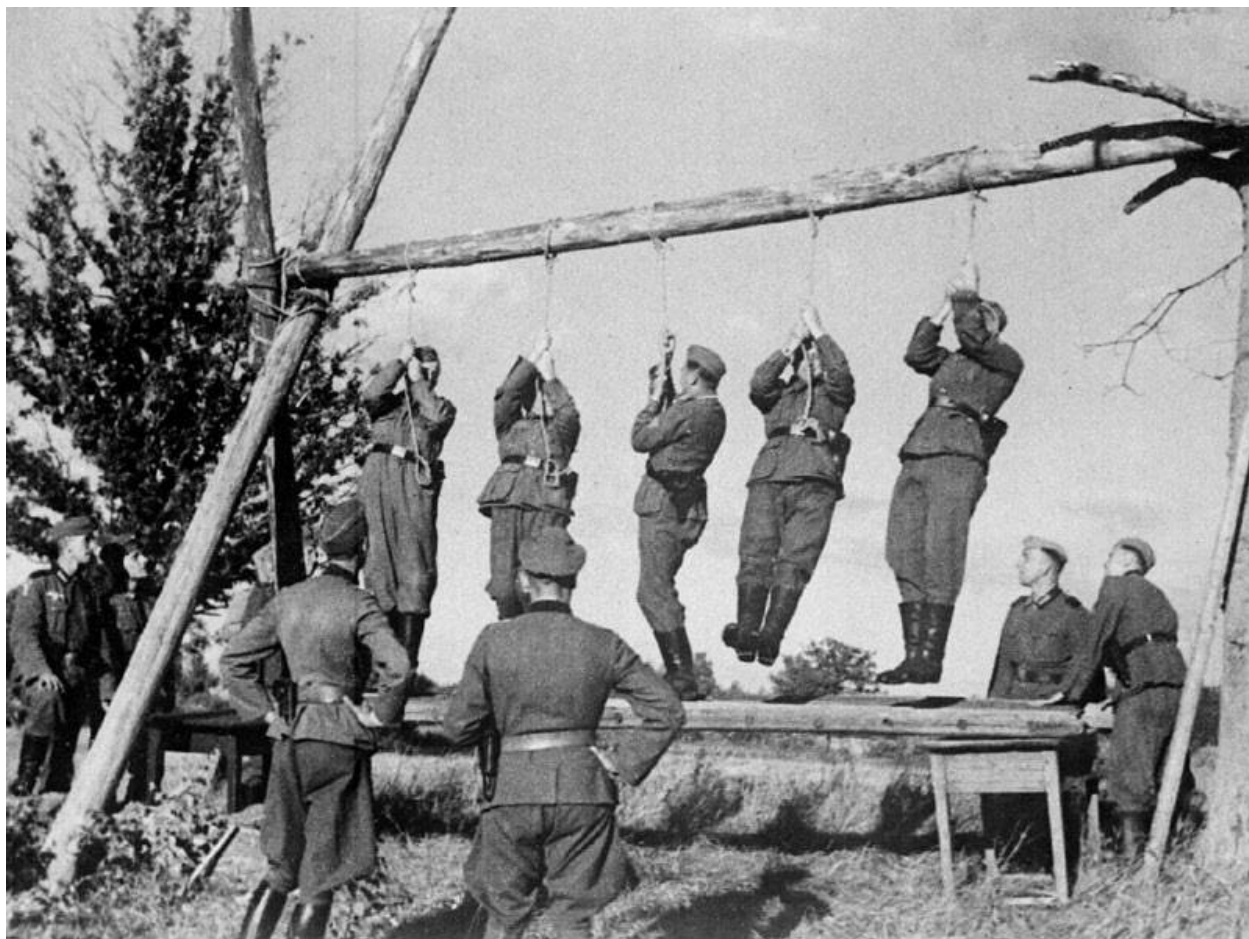
Девушки-партизанки на боевом задании. Август 1941 г.

Зоя Космодемьянская перед казнью. 29 ноября 1941 г.

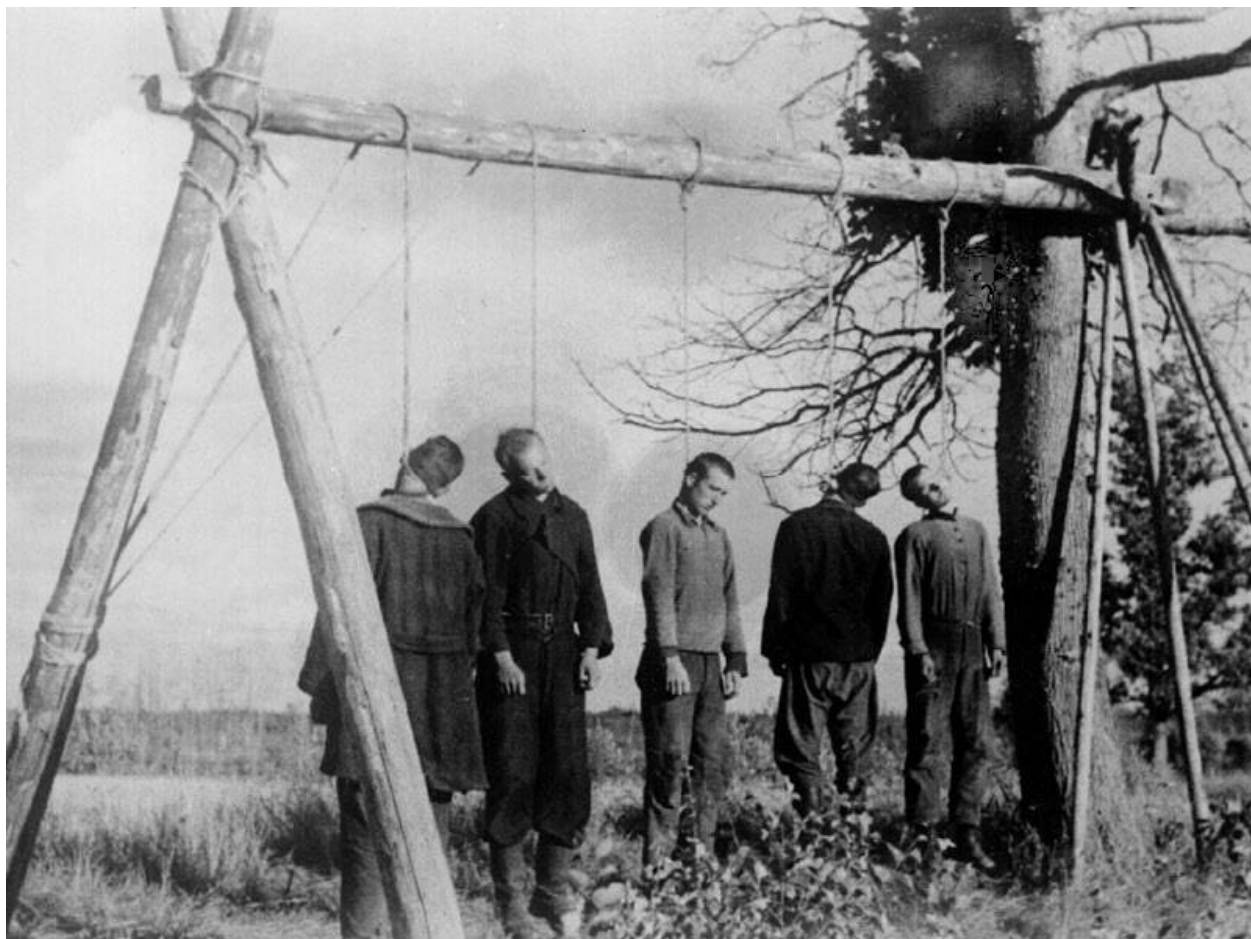
Тело Зои Космодемьянской после казни

Фашистские технологии. Каратели проверяют качество узлов. 1941 г.

Фашистские технологии. Прежде, чем выдернуть подставку – взгляд в объектив. 1941 г.

Фашистские технологии. Расправа с партизанами завершена. 1941 г.

Гитлеровские солдаты прочесывают местность в районе Севастополя. Лето 1942 г.

Карательная команда немцев направляется на борьбу с советскими партизанами

Разведчик-партизан, замученный фашистами. 1943 г.

Руководители партизанских отрядов обсуждают план боевых действий. 1943 г.

Партизанские радисты

Партизаны-подрывники минируют один из мостов

Партизанская засада

Хлеб для партизан. Новгородская область, 1942 г.

Местные жители встречают партизан, освободивших деревню

Уточнение данных партизанской разведки

Партизанская семья. Белоруссия

Партизанский быт

Еще один фашистский самолет сбит над территорией партизанского края

Партизаны минируют железнодорожные пути. 1942 г.

Партизаны – участники освобождения города Новогрудок от фашистских захватчиков. Июль 1944 г.

Партизанский отряд торжественно вступает в Севастополь. Май 1944 г.

Партизан-подрывник

Партизан Миронов по кличке «Борода» в лесах Смоленщины

Плакат В. Корецкого и В. Гицевича. 1941 г.

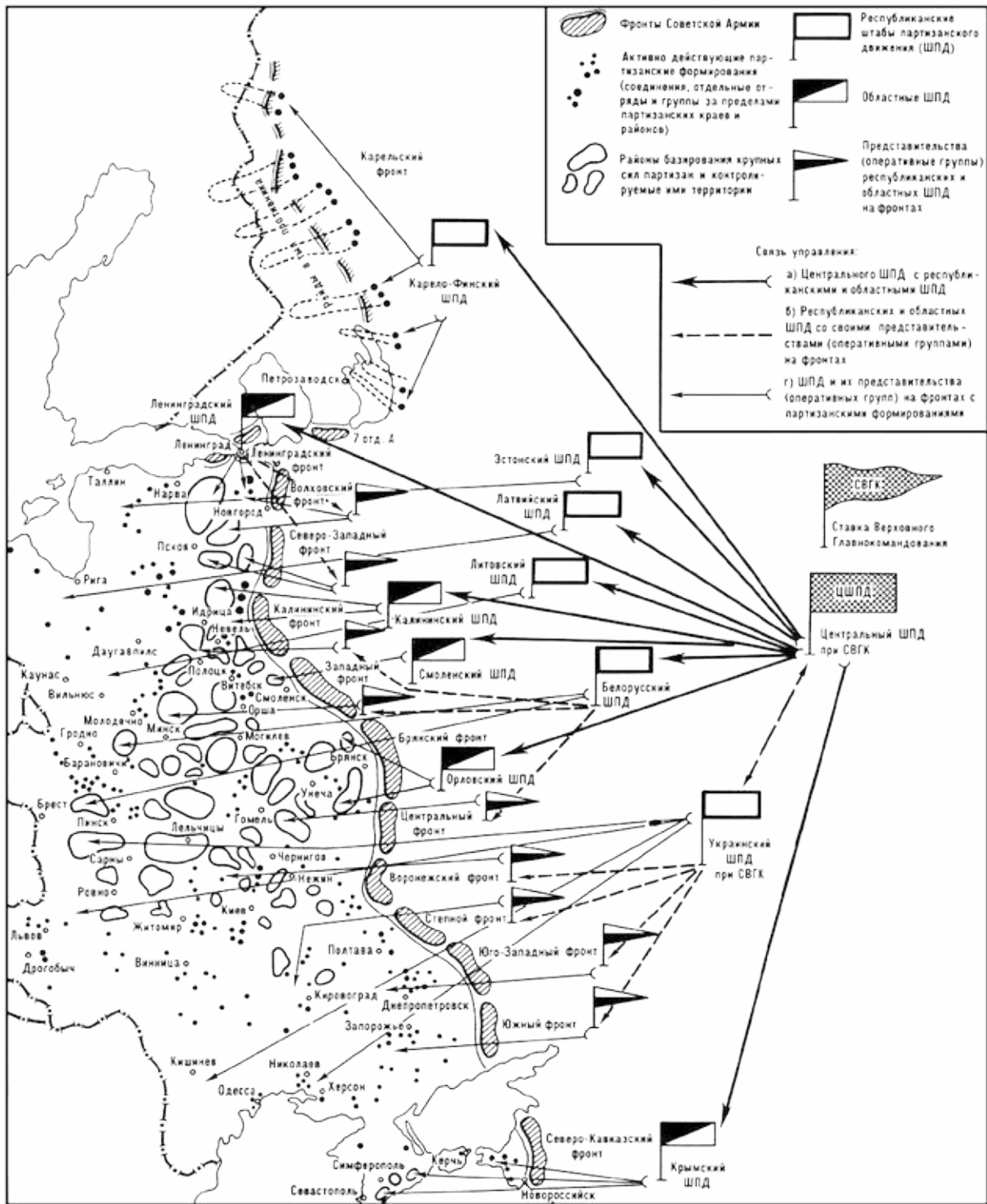
Москва, 27 июня 1942.

Дорогой братик Витя!

Получил от тебя письмо о переезде в Казань. Я все еще в Москве, но в ближайшее время отправлюсь на фронт. Мечтаю на Сахалине. Ручь, ты мой любимый брат и брат товарищ, поздравляю я тебя с готово охранением перед отступлением на восточные берега заданных. Война за освобождение нашей Родины от фашистской неволи пройдет через. Неизбежно придется сдаться своим врагам, крови, зной наша земля отступит целая и разбивалась, и зной наш народ нем славится, дит победы над врагами на нем, и мы должны бороться до конца - сдаться не можем. Не забудь написать. И в войну отработано складываю тебе, что очень мало писем за год, зной я вернулся живым. Когда это произойдет за год, что придется пойти на самую изнурительную. И я очень сильно споконно и сочувственно иду на это, т.к. я глубоко считаю, что вода не имеет за своей прелестью дит за неслепоты и чудотворе буду-щие нашей Родины. Мы умираем и умираем мы споконно от голода. Нам очень будет памятно Россия, старавшие зной будут зной о нас писем и медури с благодарностью и благоговением буду рассказывать зной о том как 1942 г. мы, отдали жизни за

счастье нашей Родины, любимой отчизны. Как будем зной и освобожденные народы вброим. Разве можем отбросить нашу русскую землю, Волжину и Сталинград, зной перед смертью? Нет, никогда наша земля не будет под рабской кабалой фашистской. Не перебежим на Русь патриоты, на смерть идем, но умираем зной! Урамы зной письмо на память, сам я по-прежнему и пишу, что медури зной наш медури, за правды медури крови медури зной и Сталинград, медури фашистской, зной медури. Свободная медури. Зной в веках, на пороги закрывали свои вехами не саваги свои подлой медури в Россию. Зной зной далеко смерть. Будь всегда верен Сталину и его партии. Медури он освободит медури зной и процветание нашей Родины. Медури он и наш фронтальный партизан и много бойцов. Зной медури абсолютно доказана. Перед самим отходом я еще раз зной. Будь зной братик. Целую твою, твой брат Михаил.

Письмо легендарного разведчика Н.И. Кузнецова своему брату Виктору. Москва, 27 июня 1942 г.

Карта распространения партизанского движения в годы Великой Отечественной войны